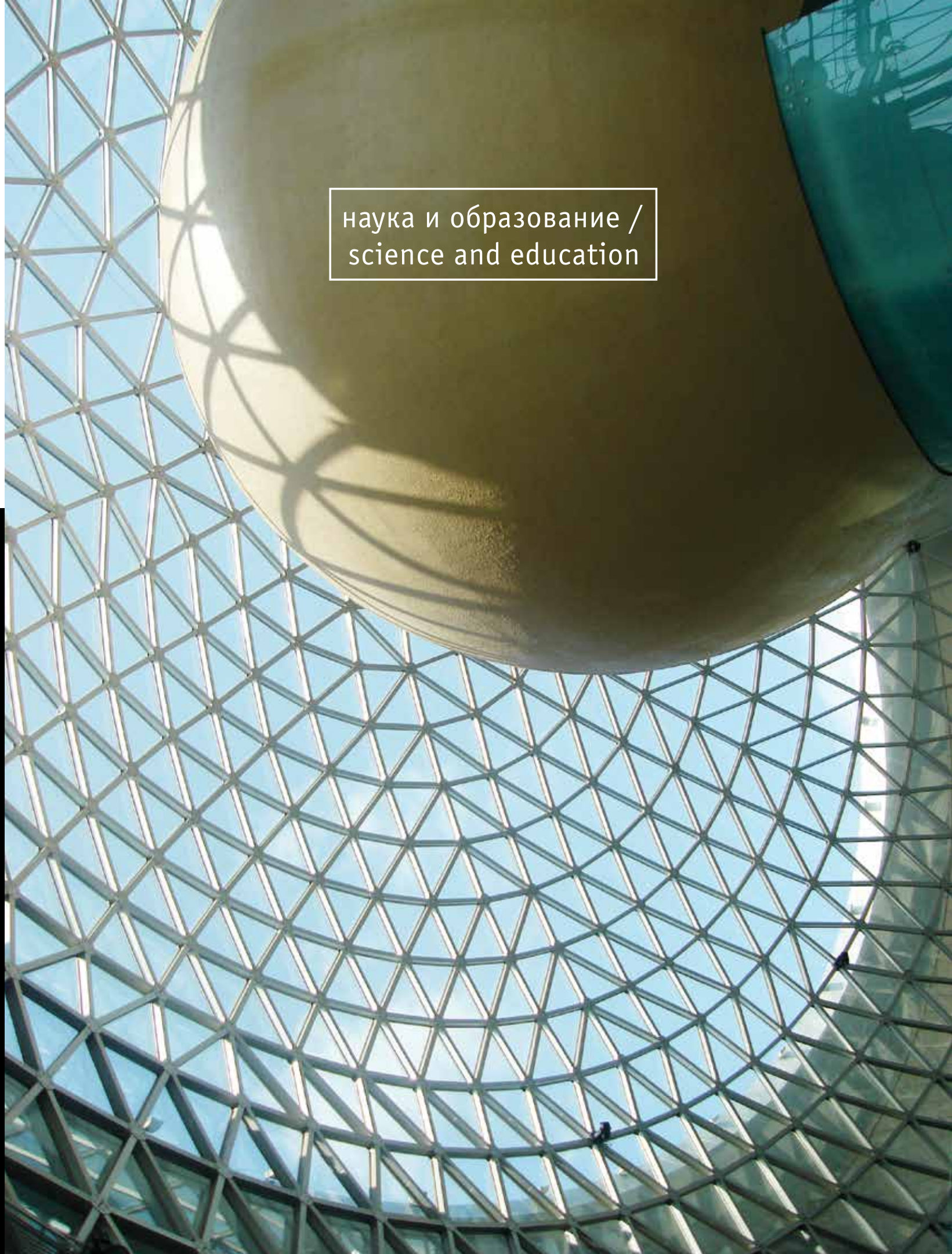

наука и образование /
science and education

МЫ НАЧИНАЕМ СТРОИТЕЛЬСТВО

**16 ЛЕТ
УСПЕШНОЙ РАБОТЫ**

ИНЖЕНЕРНЫЕ ИЗЫСКАНИЯ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Лицензия: Д 730489 от 15.05.2006, выдана Федеральным агентством по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству

- инженерно-геодезические изыскания**
- топографические съемки, специальные инженерно-геодезические и топографические работы**
- инженерно-геологические изыскания**
- инженерные изыскания грунтовых строительных материалов**
- инженерные изыскания источников водоснабжения**
- исследование грунтов оснований зданий и сооружений**
- контроль качества работ**
- инжиниринговые и консультативные услуги**

ООО «ИНГЕО»
Тел.: 200-001,
211-327, 211-329
E-mail: ingeo@list.ru

события	
Зурбаган	2
БЭФ и архитекторы	5
Творческая мастерская	11
Международный день архитектуры	14
XVI Международный фестиваль «Зодчество-2008»	16
VII съезд Союза архитекторов России	22
О саморегулируемых организациях	23
выставки	
Арт-галерея Юридического института ИГУ	26
Магия русского пейзажа	28
интернет-дайджест	29
выставки	
Блондинки без берегов	30
новостройки	
Торгово-развлекательный комплекс «ОПТИМА»	32
Россия	
Схема территориального планирования Красноярского края: региональные масштабы, определяющие новые подходы к территориальному планированию	37
Россия и Западная Европа – к политике взаимодействия городов	40
Социально-градостроительные требования в процессе проектирования города	42
Что происходит на БЦБК	45
агломерация	
Красноярская агломерация	46
Политическая история советского градостроительства	46
Интервью с главой города Шелехова	50
Корректировка генерального плана г. Шелехова	52
Озеленение и рекреация в Шелехове: предложения по дальнейшему развитию	58
наследие	
Сохранить невидимое? Дух места и архитектурная этика (Случай Ичери Шехер, Баку)*	60
русский восток	
Культ и архитектура	64
книга	68
Реальность vs действительность	68
Книга о памятных знаках Иркутска Н. С. Пономаревой	70
наследие XX	
Снова о наследии XX	71

Издательская группа выражает благодарность за помощь и поддержку в создании журнала главному редактору журнала проекту россия Барту Голдхоорну и издательству А-Фонд

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.10.2007.

руководитель проекта
Елена Григорьева
выпускающий редактор,
корректор
Инесса Бражникова
литературный редактор
и редактор раздела
«События»
Марина Ткачева
редактор раздела
«Интернет-дайджест»
Артем Ольшевич
редактор раздела
«Наследие»
Алексей Чертилов
редактор раздела
«Русский Восток»
Николай Крадин

верстка
Жанна Измайлова
отдел рекламы
Ольга Павлова
Александра Рябенко

Выражаем благодарность за участие в подготовке номера
Любови Сенаторовой,
Ольге Смирновой (Красноярск),
Ларисе Крыловой,
Александре Козак,
Наталье Шкедовой,
Светлане Малышевой (Самара)

печать
ООО «Призма-Пресс»
Тираж 3000 экз.
Подписано в печать 11.09.08

периодичность
4 раза в год

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции

не всегда совпадает с мнением авторов

фото на обложке
Музей науки и технологии, г. Шанхай. См. с. 142.

адрес редакции
г. Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
тел.: 3 952 33-28-39
3952 33-28-40
e-mail: sar@irk.ru

Зурбаган

...Множество тенистых садов, кольцообразное расположение узких улиц, почти лишенных благодаря этому перспектив, в связи с неожиданными, крутыми, сходящими и нисходящими каменными лестницами, ведущими под темные арки или на брошенные через улицу мосты, — делали Зурбаган интимным. Я не говорю, конечно, о площадях и рынках. Гавань Зурбагана была тесна, восхитительно грязна, пыльна и пестра; в полукруге остроконечных, розовой черепицы, крыш,

у каменной набережной теснилась плавучая, над раскаленными палубами, заросль мачт; здесь, как гигантские пузыри, хлопали, «набирая ветер», огромные паруса; змеились вымпелы; сотни медных босых ног толклись вокруг аппетитных лавок с горячей похлебкой, лепешками, рагу, пирогами, фруктами, синими матросскими тельниками и всем, что нужно бедному моряку в часы веселья, голода и работы...
Александр Грин.
«Зурбаган»

Уже в седьмой раз мастерская А. Асадова и Союз московских архитекторов строили очередной Город. Фестиваль Города, родившись ещё в 2005 году как небольшой open-air для московских мастерских, превратился в крупный международный профессиональный праздник. Построено немало городов: Город на воде, Город на снегу, Город детства, Яр-город, Шаман-город, Город-крепость... Однако на этот раз стояла задача несколько другого плана: возведение легендарного ЗУРБАГАНА — города счастья, города-мечты — мечты о море, ветре и парусах...
Фестиваль проходил с 6 по 14 сентября 2008 года в

Крыму, на мысе Киик-Атлама, возле Коктебеля. Наверное, это одно из самых таинственных и романтических мест на побережье Крымского полуострова. Сюда еще 3000 лет назад приплывали древние греки; в недавнем прошлом здесь располагалась секретная военно-морская база по испытанию подводных торпед, а в будущем планируется возвести город-миф, город-легенду, прообраз которого организаторы и предложили придумать участникам.
Главная задача фестиваля формулировалась как «создание образа и атмосферы будущего города». «Гений места» задал функции будущего

Города – отдых в его разнообразных проявлениях, место для релаксации, общение с морем, спорт, культура...

Основная концепт-идея города заключалась в соединении инноваций XXI века и тысячелетних традиций Крыма. Территория для осуществления авангардных проектов давала полную свободу фантазии, ибо существующая застройка в основном должна была быть демонтирована.

Каждой команде предлагалось придумать свою концепт-идею превращения фестивальной территории в город мечты, а также разработать его фрагмент (в рамках заданных тем) для последующего воплощения. Допустимые строительные материалы – древесина, ткань, металлические тросы. Организаторы фестиваля были готовы оплатить до 1 куб.

метра пиломатериалов, что создавало не только определенные трудности, ограничивая фантазию и «аппетиты» строителей, но и позволяло им импровизировать, проявлять максимум креативности при минимуме средств.

Количество участников превзошло все ожидания и побило рекорд для такого рода фестивалей: их оказалось более 600 человек, объединенных в 60 с лишним команд. Большая часть – это архитекторы из мастерских, проектных и академических институтов Москвы и Санкт-Петербурга. Были команды из Красноярска, Иркутска, Владивостока; хозяев территории представляла команда Крыма. Участники показали себя как интересные и талантливые ребята. Те, кто не успел подать заявки, но приехали на фестиваль, тоже

имели возможность проявить себя, помогая собратьям по профессии.

Иркутская команда состояла из прежних и нынешних членов Клуба молодых архитекторов (КМА). На фестиваль она собиралась долго и мучительно. Главным зачинщиком был бывший иркутянин Евгений Золотухин, ныне живущий в Москве и работающий в мастерской А. Асадова. Он подобрал команду фактически только из иркутян, часть которых уже обустроилась в Москве (Юлия Спасовская, Наталья Носова, Сергей Колосовский). Трудно было завлечь вторую, не менее важную часть команды, проживающую в Иркутске (из-за дороговизны билетов и занятости потенциальных участников). Откликнулись шестеро архитекторов и

дизайнеров, но приехать на фестиваль смогли только трое – Артем Арестов, Анна Бычкова и Алексей Сергеев.

Мозговой штурм по созданию концепт-идеи привел к появлению двух основных решений. В первом наброске вырисовывалось создание некоего маяка, а во втором – храма. В последующем мы решили создать общий проект, объединив оба предложения, поскольку их связывала одна общая идея – свет, по-разному осмысляемый для разных функций.

В процессе строительства концепция и внешний облик постоянно изменялись и дорабатывались, так как предложенный строительный материал отличался от запланированного. Приходилось использовать ткань для наращивания массы и облегчения конс-

трукции, тросы для усиления ее жесткости и устойчивости. Получившаяся инсталляция вполне удовлетворяла требованиям и главным задачам данного проекта. Огорчило, что по-настоящему оценить все ее достоинства организаторы не смогли: инсталляция частично находилась на территории охраняемой военной базы, куда, кроме команды, никого не пускали; да и времени для обсуждения всех объектов катастрофически не хватало – так их было много.

Последний день – день открытия фестиваля. Да, оно происходило в конце: доделывались инсталляции, ставился свет, кто-то надевал костюмы, а кто-то оценивал представленные идеи. А проект было столько, что оценить их все по достоинству в течение одного дня не было возможности. И во всей этой суете город начинал оживать и собирался в общую композицию. Происходила

метаморфоза обычных сооружений в один большой (самый большой за всю историю фестивалей) город. И имя этому городу – Зурбаган!

Участники фестиваля – молодые люди, и организаторы позаботились об их интересном досуге: дискотеки с разными DJ, а в качестве особого подарка – концерт Бориса Гребенщикова. Были приглашены победители ялтинского конкурса фейерверков для демонстрации своего блестящего во всех смыслах мастерства. Все отметили невиданную красоту и высокое техническое качество фантастического зрелища.

Фестиваль «Города» набирает обороты; это весьма увлекательный проект, каждый раз предлагающий участникам реализовать новую оригинальную идею.

Алексей Сергеев
Фото Алексей Сергеев,
Евгений Золотухин

БЭФ и архитекторы

Байкальский экономический форум проходит один раз в два года. Он собирает профессионалов в области экономики, территориального планирования, политическую элиту региона и России. В сентябре 2008 года состоялся V БЭФ, в работе которого принимали участие главный архитектор г. Москвы Александр Кузьмин, директор ЦНИИП градостроительства Александр Колесников и известный градостроитель и общественный деятель Вячеслав Глазычев. Иркутским архитекторам удалось провести встречи с маститыми архитекторами и градостроителями на своей территории – в Иркутском доме архитектора.

Встреча Вячеслава Леонидовича Глазычева с членами ИРО САР и редколлегией журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ»

В работе V БЭФа 8-11 сентября 2008 года принимал участие председатель Комиссии по региональному развитию Общественной палаты РФ, доктор искусствоведения, профессор МАрХИ Вячеслав Леонидович Глазычев. Он любезно согласился ответить на вопросы членов ИРО САР и редколлегии журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ». Журнал публикует запись этой встречи.

Ведущий Марк Меерович.

ВЯЧЕСЛАВ ГЛАЗЫЧЕВ

Хочу поделиться опытом. Мы уже зарегистрировали гильдию градостроителей, она существует по закону как саморегулируемая организация. И немедленно стало ощущаться, что взаимоотношения с властью несколько упростились. Мы теперь по закону – субъект; эта форма все-таки позволяет иначе разговаривать, задавать нормы, правила поведения. Мы выяснили, с кем можно работать. Следующим будет шаг, когда мы вынудим власть взаимодействовать только с членами гильдии. Не вдруг, не сразу, но весь мир это проходил. Гильдия имеет статус общественной профессиональной организации, которой могут быть по закону переданы государственные функции. И выход на нормативы, на правила игры возможен только таким образом. Для страны это принципиально важно. Если сделать хороший сибирский «кулачок», это будет очень весомый вклад, я в этом жизненно заинтересован.

Мы от гильдии начали издавать журнал «Градоустройство». И даже не идеальный нулевой номер сработал, и мы из медиахолдинга сейчас получили

финансирование, по их программе поддержки научно-популярных изданий. Сейчас я готовлю первый номер к выходу в ноябре. Это будет очень важная трибуна. У нас три адресата: архитектурный цех, девелоперы, которые стали понимать, что не все знают, и власть. Поэтому не тяните с созданием саморегулируемой организации. В Омске, например, собрались 52 участника.

МАРК МЕРОВИЧ

Гильдия – национальная или региональная организация?

ВГ

Она себя так не позиционирует: в нее могут вступить еще 52 участника, если появятся. Она с полгода, как зарегистрирована, работает журнал, определяя ее место в медийном пространстве. Это очень хорошо. Я «от безделья» в этом журнале редактор.

АЛЕКСАНДР КОЛЕСНИКОВ, директор ЦНИИП градостроительства, г. Москва

Гильдия пока существует в виде некоммерческих партнерств. Партнерства по закону – предтеча саморегулируемой организации, которая состоится, когда число участников станет не менее 50, когда будет фонд и все необходимые атрибуты.

ВГ

Только не надо торопить процесс искусственно.

ММ

Судьба исторического центра Иркутска является серьезной социальной и профессиональной проблемой. Социальной потому, что среда деревянной малоэтажной усадебной застройки Иркутска является уникальным наследием отечественной истории и культуры, одним из немногих источников национальной самоидентификации. Профессиональной потому, что существующие подходы к сохранению среды истори-

ческих городов абсолютно не эффективны ни в отношении сохранения отдельных памятников, ни, тем более, в отношении сохранения собственно культурно-исторической и архитектурной среды. Пример Москвы являет только уничтожение и замену исторических объектов, в лучшем случае, на муляжи, в худшем – на что-то новое и чуждое.

Сегодня есть предложения по проекту детальной планировки центральной части Иркутска, которые, казалось бы, совсем неплохие, в сравнении с другими городами, где деревянная историческая среда обречена на полное уничтожение. Здесь предлагается сформировать пять-шесть резерваций под памятники, куда сгребается все, что можно. А все остальное потихоньку выводится из хозяйственного оборота и застраивается современными сооружениями. Застройка регулируется по этажности, плотности. Но не достигает главной цели – сохранения исторической среды. Вам, как эксперту, я хотел задать ряд вопросов. Первый: возможно ли все-таки изменение в умах и проектировщиков, и руко-

водителей муниципальных образований той советской градостроительной доктрины, которая предполагала на уровне городов обязательно многоэтажную многоквартирную застройку и исключала усадебное жилье в центре города с индивидуальными участками земли? Возможен ли возврат к другим принципам города-сада? С учетом современных тенденций – децентрализации городской среды, перераспределения функций, переноса функций обслуживания, торговли, спорта, досуга в спальные районы, где в них остро нуждаются. Может ли, с вашей точки зрения, Иркутск выступить в роли экспериментальной площадки, где будет отработан пример такой реконструкции. Ведь на Транссибе городов с подобным обилием деревянной исторической застройки больше не осталось. Возможно ли сегодня в рамках существующих тенденций управления населенческими программами по стране появление экспериментальной площадки, где для Сибири будут отработаны инновационные подходы

градоформирования и градостроительства?

ВГ

Я говорил о том, что мы заняты такой задачей на уровне города Крапивна, Тульской губернии. Две тысячи жителей, советская власть туда как-то не дошла, индустриализация прошла мимо из-за отсутствия железной дороги. Городок, в общем и целом, есть. Не испоганен. И при могучей поддержке Владимира Ильича Толстого (директор музея «Ясная Поляна»), человека, хорошо прописанного во всех эшелонах власти, при объединении всех наших усилий и добром отношении с фондом поддержки ЖКХ, Крапивну мы, может быть, сделаем. В целом то, что ты говорил: раньше, чем вступят в экономическую жизнь дети нынешних богатеньких чиновников или не чиновников, боюсь, что нет. Замах такой не получается. Если удастся удержать эти самые звенья, удержать между ними какие-то пунктирные точки – памятники или объекты среднего качества, то это уже был бы гигантский прорыв, тут я готов помогать всеми силами. Но на то, что ты тут сформулировал, как реалист я вынужден сказать «нет», не пройдет. Пока мы не поломаем 131-й закон. Шаг к этому уже делается. Но нужно время. Медведев уже склоняется к пониманию, что городская среда – это вещь важная. Я говорю это не голословно: мы с Дмитрием Анатольевичем работали полгода еще в экспертном совете по национальным проектам. Неинформированным его не назовешь. Но есть и другие признаки. Я по просьбе высокого начальства в администрации вдруг писал записку о городской среде и о местном самоуправлении. Никогда власти этим не интересовались! А тут какой-то разворот пошел. А одновременно – страшно давит силовое крыло. Иркутский аэропорт – замечательный пример: даже Министерством обороны уже были бумаги подписаны. И вдруг – локализация, которая все рушит, и все же подписали. В высшем эшелоне власти

существуют как сторонники, так и противники нового местоположения аэропорта. То же самое можно сказать и о культурном наследии. Такова реальность. Если в этой реальности удастся переждать, то это не меньше полутора-двух лет. А дома-то рушатся сейчас, их подпаливают. Я на вашем месте боролся бы за чистоту ПДП, сберечь его, коль скоро он должен быть утвержден. Вот это можно сделать, хотя и трудно.

Министерства в ужасном состоянии, профессионалов нет. В этой обстановке, от которой никуда не денешься, я за то, чтобы зубами удержать эту маленькую, но важную победу. Какой там Транссиб, если мне Калугу удержать тяжело – совсем рядом с Москвой.

Я сторонник холодного реализма. Если ставить нереальную задачу – можно потерять реальную. Если удается удержать пятерку зон в городе – это уже великая вещь.

НАДЕЖДА КРАСНАЯ, начальник научно-исследовательской проектно-реставрационной мастерской «Иркутскгражданпроекта»

Проект планировки не содержит правила регуляции этажности.

ВГ

Самый ключевой вопрос здесь, на мой взгляд, не столько в ПДП, сколько в правилах застройки к нему, которые должны быть приняты Городской думой. Сейчас в ряде городов мы проводим политику, что будет прописано представительной властью; и общественные палаты, если они функционируют, оказывают помощь. Это очень существенно. Я сейчас во многих городах работаю, мы ведем целый ряд консалтинговых работ. Мы сосредоточились не на проектировании, мы делаем только ТЗ (техническое задание – ред.), в нем уже есть та формула, которая определяет границы деятельности проектировщика. Если ТЗ принято инвестором, в чем моя задача, дальше игра идет уже по-другому. И если ТЗ можно прикрепить к правилам застройки, то можно задать разумные пределы плотности, этажности и т.п.

Вопрос с регламентированием тоже нужно понять: есть верхний предел; по хорошему тону, должен быть верхний предел и для внутриворонной застройки, а не только по красной линии. В Питере в первый раз наш цех пережал, и госпожа Матвиенко вдруг взяла и уступила: с Биржи снимают «шапочку», и еще нужно подрезать тот дом, который сразу вылез. Но это прецедент, Москва ничего подобного не дает.

Давайте, если вы дадите хороший материал по Иркутску, выдержанный по правилам, я с удовольствием вставлю это в журнал. Вы же знаете, буквы на белой бумаге обладают определенной психоманией. Очень четкий, жесткий текст именно по технологии – как реализовать стремления, а не просто что надо. Весь журнал будет посвящен ответу на вопрос «как?». Например, я даю пример по Барселоне, технологию ее проектирования. Это будет хоть и исторический, но новый для русскоязычного читателя материал. У Серда проект детально расписан полностью – от генплана и даже планировки районов (как мы бы сказали вчерашним языком) до квартала и типологии квартир. Это единственный известный мне пример, когда целостный проект был осуществлен. Еще мы будем публиковать материал по османовской реконструкции Парижа. Ее вроде бы все знают, но мемуары Османа на русский не переводились, а в Париже технология частно-государственного партнерства в градостроительстве была реализована еще в 1850-70-е годы. Это Акционерное общество реконструкции Парижа. Этого же никто никогда не писал! То есть мы будем давать исторический материал, если он отвечает на вопрос «как?», как это делали люди в определенных условиях, и что из этого получалось. Если даже это «почеркушки», говорящие о том, как осмысливается задача, как она решается, – делайте, я буду рад.

АК

Можно ли представить сегодняшний город, живущий преимущественно туризмом?

ВГ

Мало кто знает, какую долю в бюджете Флоренции

занимают доходы от туристов. Это всего 17%. Современный город – это очень сложное производство. Четырехсоттысячный современный город, без окрестного производства, без мебели, без логистики, без брендов – даже Флоренция с ее ресурсом – на одном туризме прожить не может. Мышкин – то же самое, но там 400 человек работают на станции «Северное сияние». Нам надо «размочить» ситуацию, задать образец. Вчера я договорился с шефом фонда ЖКХ о поддержке через программу ветхого и аварийного жилья о частичном финансировании реставрационно-реконструкторских работ, что поможет, грубо говоря, превратить маленький город в рассредоточенный отель.

Описать иркутскую ситуацию властям надо на их языке: что реконструкция и сохранение исторического центра могут быть выгодны во всех отношениях – и в пиарном, и в экономическом. Но за этим стоит масса трудностей. Полиция памятники охранять не будет. В некоторых местах страны, где сильные общественные организации, остервенелые жители фактически сформировали гражданский патруль. Кстати, можно подать заявку на конкурс из президентского фонда на организацию и поддержку такого рода инициативы. Деньги в стране есть, их еще взять надо. Смотрите: в этом году распределяется 1,5 миллиарда. В прошлом году был миллиард. В первый раз было 700 миллионов. А это уже деньги для общественных организаций, это больше, чем давали зарубежные фонды. И это – пространство для социологии в стиле Кевина Линча. Однажды мне довелось проводить выставки детского рисунка о своем городе в закрытых «атомных» городах. Какие это были несвободные рисунки, психическое состояние этого города было в них выражено очень точно! А в сочинениях – все хорошо: «у нас замечательный город», «как жаль, что надо уезжать»! Город спроектирован хорошо, но нет свободы выбора занятий, свободы выбора образования и профессии. И в Иркутске надо сделать нечто

похожее: верифицируемый, корректный срез общественного мнения можно произвести за сравнительно скромные деньги. Надо играть на всех струнах.

АК

У нас в школе № 11 (это почти элитное заведение) сделали анкеты для учеников. Много было детских глупых вопросов. 38-й вопрос: какой твой любимый город? Меня потрясли ответы: 80% написали с ошибками: Нью-Йорк, Париж, Хайфа и еще какой-то израильский городок. Ни одного упоминания Иркутска не было.

ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВА, главный редактор журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ»

Вы влияете на власть. Хотелось бы узнать про обратную связь с властью. Какие тут тенденции, какие возможности?

ВГ

Гораздо эффективнее оказывается работа с частным инвестором, который еще два года назад точно знал, что ему надо делать. А сейчас они приходят сами и спрашивают, что делать. Такая ситуация уже складывается по стране. У этих людей гораздо больше ресурсов воздействия на муниципальную власть, чем у нашего цеха. И их воздействие оказывается более эффективным. Правда, не всегда: крупные корпорации – такая же хамская власть с согласованиями и чиновничьим аппаратом. А вот средний и мелкий инвесторы оказываются благодатной публикой. И для архитектурного цеха уловление их в сети является главной

задачей. Надо давать их продукт на их языке. Если я ему показываю, что его капитализация вырастет при таком планировочном решении, а при другом он ее потеряет, он к этому относится очень серьезно. Без этой работы перевода языка культурной нормы на язык экономической нормы или социальных рисков ничего не получится. У меня была одна маленькая работа на старом винзаводе, они хотели сделать там музей, бизнес-центр, отель и все такое прочее. Я им говорю: если вы при этом не сделаете проекта планировки всего района вокруг, то вы не закрепите позиции этого центра. Если у вас завтра тут появится танцплощадка с борделем, то вашему бизнес-центру конец. Это и на социальном, и на экономическом языке. Тогда удалось их развернуть, потратиться на разработку проекта и правил застройки, зонирования территорий. Район это с благодарностью принял. Без выхода на этот язык мы проигрываем.

АК

Очень часто мы сталкиваемся с демпингом, когда речь идет о госзаказе.

ВГ

Мы сделаем максимум, чтобы проклятый 94-й закон убрать. Он поставил всех в безумную ситуацию, когда жулики выигрывают стопроцентно.

Повторяю, бывают ситуации, когда с начальством легче видеться на внешней площадке, чем где-то здесь. Я был на круглом столе сейчас, там были многие ребята,

знакомые мне, фактически, кулачок начинает собираться. Но уже есть некоторые хорошие признаки, которых мало. Вот Калужской губернии повезло с губернатором и, соответственно, с командой. Такого почти не бывает в наше суровое время. И вице-губернаторы – дельные. Они, скажем, грамотно сделав СТП (схема территориального планирования – ред.) на область, поняли, что им надо сделать уточненную СТП на часть области, граничащую с Московской. Пока это, конечно, исключение. Пока у Хлопонина получается, потому что команда хорошая. Есть у меня некоторые основания предположить, что в Иркутске дело обстоит неважно.

В Калининграде Боос, московской выучки парень, раньше на мотоцикле гонял, на гитаре играет (это, конечно, очеловечивает), но там и окружной совет, который на 80% – люди дела, укорененные, тамошние, со своими проектами, научившиеся договариваться. И они создали Совет по стратегии развития Калининграда. Туда и начальник порта вошел. Они взяли на себя инициативу, потому что иначе самим трудно. Но это редкий случай. Моя надежда на этих людей. Потому что все остальные – тяжелый случай, а с ними можно разговаривать.

Отдельная тема – попытки импорта западного опыта в наших условиях. Вы все знаете, что такое проект планировки, которые предлагают нам приезжающие западные

фирмы. Как правило, отчаянная халтура: никаких ограничений, никакого давления властей. Но – как только значительный объект – заранее обращаются к западным фирмам, это уже стало стандартом.

Но все-таки немножко лед тронулся. Тот совет, который обсуждал нацпроект уже сам хотел иметь независимую экспертизу. У нас сейчас начальство на редкость информированное. В этом отношении подвижки есть, хотя, сами понимаете, это безумно тяжело. Мои попытки «продать» в бюджеты статью о независимой экспертизе пока отбивали сурово. Пока не получается. Мы делаем попытки вытаскивать проекты на серьезную международную экспертизу; некоторые частные фирмы делают это за свой счет. Я могу проиллюстрировать. Нам удалось сделать вполне дееспособный Общественный совет при Министерстве регионального развития. Сейчас мы на этой площадке провели слушания по стратегиям развития регионов.

Мы будем обсуждать тему туризма. У нас слово «туризм» вообще никто не понимает, ибо нет понимания, что туризм – это целая индустрия. Мы собираем туда нескольких мэров, министра, руководителя Ростуризма, делаем прессу. Вот это те капельки, которые начинают точить камень. Потому что на бумаге таких текстов не получить.

Надежда остается, но нужны конкретные усилия конкретных людей на местах.

Встреча с Александром Альбертовичем Колесниковым, директором ЦНИИП градостроительства, г. Москва

Градостроительство сейчас считает, что оно должно называться «градоустроительство», и проект будущего журнала называется «Градоустроитель». Глазычев уже давно занимается малыми городами, самоуправлением. Сейчас не это важно. Мне понравилось, как он сказал на БЭФе, что если мы хотим, чтобы города жили и не умирали и деревни

жили и не умирали, то надо создавать условия, чтобы там люди жили и не умирали. Если в Иркутской области в каком-нибудь Балаганском районе есть деревня с девятнадцатью жителями, то будьте честными, пусть люди доживут достойно. И пусть в этих местах потом даже ничего не произойдет. Академики говорят, что понятно, для чего концепция развития пространства страны нужна, а почему мы не хотим ее делать – непонятно. Вот Кузьмин генплан Москвы разработал. Потом его спросили: для чего? И они

срочно занялись актуализацией, потому что цели были размытые. А их нужно, как в Барселоне, четко формулировать. Нужна и перспектива пространственного развития страны. А не видя страны в целом и развития страны в целом, очень трудно говорить об отдельных Бодайбо, Балаганске. Мы сейчас разрабатываем проекты особых экономических зон – откуда такая придумка? А целостного видения нет: в Бурятии разрабатывают свою зону, в Иркутске – свою. Причем федералам это нравится, местным это не нравится:

дескать, давайте Байкальск развивать, там уже есть структура, проблемы, комбинат, который закрывается, люди живут. Сейчас мы как раз будем на эту тему разговаривать. Логичнее, если в центре будет Байкал, и все территории вокруг Байкала объединятся в один проект.

Встреча с председателем Комитета по архитектуре и градостроительству Москвы, главным архитектором Москвы Александром Викторовичем Кузьминым. Во встрече принимала участие начальник управления по связям с общественностью при Комитете Наталья Александровна Климова

АЛЕКСАНДР КУЗЬМИН

Встреч, подобных сегодняшней, – с архитекторами, работающими далеко от Москвы, у меня бывает мало. В основном я работаю в Москве, и времени на что-то другое почти не остается. Могу сказать, что я не совсем «союзный» человек: в делах Союза архитекторов участия почти не принимаю. Но о своей работе рассказать могу.

Первое – в Москве сейчас работы очень много, она есть практически у всех архитекторов, кто хочет работать. Поэтому цех наш, считаю, находится в хорошем состоянии. Если брать авторские коллективы, то в Москве их около тысячи. При этом почти у каждого минимум один проект постоянно в работе; эта система прошла проверку. Мы проверили нашу систему. У нас есть такой документ, как свидетельство, который выдается после прохождения архитектурного совета.

Основное, что было сделано в последнее время, – то, что мы утвердили градостроительный кодекс Москвы, в связи с принятием которого мы и прибыли на БЭФ. Это свежий документ; правда, в нескольких случаях мы отошли от федерального кодекса. Например, четко расписали функции, в том числе и органов архитектуры.

Некоторым не нравится, что на первое место мы, опираясь на федеральный кодекс, поставили «градостроительство», а архитектура пошла второй, как обязательная согласовательная составляющая. Но ведь в федеральной версии градкодекса архитекторы вообще вроде бы никому и не нужны; он только называется «градостроительный кодекс», а про землю и имущество там говорится намного больше, чем собственно про градостроительство. Вот мы и сделали свою версию. Она прошла Городскую думу, мэр ее утвердил. В начале августа она была опубликована, и с этого момента приобрела силу закона.

Законодательной работой нам приходится заниматься; это не первый наш опыт. Он сделал излишними многие их тех законов, которые были нами введены за последние лет двенадцать.

Вторая работа, которой мы сейчас занимаемся, – это актуализация генерального плана города Москвы. Генплан

у нас был утвержден в 1999 году, сейчас мы его актуализируем и приводим в соответствие с новым градостроительным кодексом. Двадцать лет назад была создана новая система – Комплекс архитектуры, строительства и реконструкции города Москвы, который возглавляет заместитель мэра Владимир Ресин. И Москомархитектуры тоже входит в этот комплекс.

Хочу рассказать о нескольких комплексных объектах, которые содержат креативные градостроительные идеи, и показать их. Я начну с новых жилых районов. Было время, когда требовалось сохранить строительный комплекс Москвы. Он не разваливался, в том числе, и благодаря сложной системе работы в градостроительстве, построенной на кредитах, взятых под слово мэра, под обязательство города. На этом строительный комплекс выжил. В процентном отношении у нас на сегодняшний день 60% строительства – индивидуальные жилые дома и 40%

– типовое строительство, которое мы постепенно из города выжижаем, в чем нам помогают новые инвесторы. Это прогрессивные люди, которые умеют считать деньги и хотят оставить о себе память в истории. Они понимают, что здание тоже часть их имиджа. Поэтому они не скупаются ни на фасады, ни на новые решения. В основном, это люди, которым 30–40 лет. Зачастую оказывается, что они дают фору иным нашим коллегам, у которых типовое строительство ассоциируется только с квадратными метрами.

В одном из новых жилых районов – Марьином парке – удалось отстоять определенный процент зеленых территорий, сделать три парка.

Только еще строящемся районе Южное Бутово по центру идет открытое метро. Эстакада – новый вид транспорта, который мы применили в первый раз. Для периферии Москвы сложилась трудная ситуация с выездом из района. Теперь по этой эстакаде идут поезда, и это не худший вариант для горожан.

Район Куркино, наверное, самый зеленый в нашем городе. Здесь только индивидуальные дома, нет ни одного типового. В проектировании участвовали все наши институты: Моспроект-1, Моспроект-2, Моспроект-3, Моспроект-4.

В Москве идет программа по сносу пятиэтажных домов. Она идет уже десять лет, снесено 6 миллионов квадратных метров жилых площадей.

Люди переселяются в своем же районе, бесплатно получают там жилплощадь, причем в 1,5 раза больше прежней. В этой ситуации, к сожалению,

приходится идти на повышенную плотность. Потому что, по закону города, во-первых, житель при сносе имеет право остаться в своем районе, во-вторых, эта программа изначально шла как инвестиционная: инвестор получал квартал для застройки, при этом около 70% жилья шло на продажу и 30% было предназначено людям из носимых зданий. По принципу: если человек имеет 1 кв. м, то получает 1,5; отсюда – высокая плотность.

Актуализация генплана 1999 года идет уже в других условиях. У нас был период, когда инвесторов было мало, и тогда им довольно многое разрешалось. Сейчас ситуация совершенно другая: Москва – город богатый, бюджет больше триллиона рублей. И вся земля, что осталась в городе, предназначается для муниципальной застройки. Если ты выкупил какое-то предприятие с землей, то на этом месте можно строить то, что разрешено по генеральному плану. Но выделяемая городская земля отдается только под муниципальное строительство. И вся программа реализуется за счет города. Уже не надо выходить на бешеную плотность, можно придерживаться коэффициента 2-2,5. Для города это уже нормальная ситуация – переселяются люди, и еще часть жителей (многодетные, военные) за счет коэффициента тоже расселяется по городу.

Разворачивается высотное строительство. Самый высокий дом в Москве сейчас в 64 этажа. В проектах домов на Воробьевых горах и Золотых ключах совершенно разные подходы; хотя оба района – места элитной застройки. В районах же исторической застройки (Коломенское) делается все, чтобы панорама исторического стиля не была нарушена.

Архитектура в городе очень разная. Мне кажется, что в Москве никогда не было своего стиля, поэтому все, что ни придумаете, – все наше. И останавливать творчество конкретного архитектора, наверное, все-таки дело главного архитектора. Другое дело: габариты, объемы, месторасположение и т.д. Но непосредственно в творчество лучше не входить.

Отдельная тема – благоустройство. У нас две

отдельные программы: «Мой двор, мой подъезд» и «Пойдем во двор, поиграем». Первая программа стала реализоваться не сразу, идет уже «по третьему заходу». Как бывает: мэр сказал – все побежали делать, а про проект благоустройства по объекту забыли. Сейчас в год делается до 500 дворов, и все – по проектам. В рамках программы «Пойдем во двор, поиграем» строятся баскетбольные площадки и т.п.

Сейчас у нас программа – «Новый детский сад»: новый тип детского сада на двенадцать групп. Он симпатичен тем, что для каждой группы детей есть две комнаты – для сна и для игр. В Москве мэр поставил задачу – строить по двадцать садов в год. Но потом сказал – мало. И уже третий год подряд строится по сто детских садов в год. У этого нового детского сада одна беда – его сложно привязывать к району, потому что он занимает довольно большую территорию. Поэтому есть и другие типы садов, на 240 детей, но, как правило, детей там больше – и по 290, и по 300. Площади для них хватает, там есть и бассейн. И сейчас, если я не ошибаюсь, у нас есть программа по строительству в год 50 пристроек – спортивных залов и бассейнов к существующим детским садам. Известно, что легче детский сад построить, чем делать пристройку, коммуникации, перепланировку зданий.

Сейчас школ вводится порядка 25 в год, а в следующем году будем вводить по 50. Школы есть и типовые, и особенно в центре, большое количество по индивидуальным проектам.

Сейчас идет большая работа по благоустройству зеленых территорий в городе. Ирина Рабер, префект Северо-Восточного округа, активно занимается этим. У нее своя ландшафтная группа архитекторов. Шаг за шагом она делает всю Язу, сейчас перебралась уже на речку Чермянка; работа хорошего качества. Через Язу переброшено 50 или 60 маленьких мостиков, которые связывают берега.

У нас каждый год проводится конкурс цветников. В этом году я даже получил выговор за то, что нынче цветников было меньше, чем в прошлом.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ
Какое количество объектов разрабатываются на конкурсной основе?

АК
К сожалению, на конкурсной основе почти нет, потому что при проектировании городских объектов нужна слишком большая скорость. Допустим, в апреле этого года мэр говорит: мы в этом году построим для многодетных семей 100 коттеджей. Какой уж конкурс, когда в этом году они должны быть введены. Работы начинают сразу, идет чисто мое распределение. Если говорить о детских садах и ФОКах, там очереди нет, даже если на конкурс поставят. Инвесторы проводят внутренние конкурсы для себя, а в Союзе дело плохо, мы редко рекомендуем, т.к. там уже сложились коллективы, кто с кем работает. Были конкурсы, но это не система.

ПБ
Какова роль творческих мастерских в проектировании городских объектов?

АК
Я считаю, что это вопрос уже вчерашнего дня. Жизнь рассудила. Есть творческие мастерские, в которых до 600 человек, они стали уже институтами. Некоторые же институты, особенно федеральные, напротив, разорились и закрылись. Если брать соотношение по количеству, то частных мастерских намного больше, чем институтов. По количеству людей – разное. По объему, если брать в расчет типовые здания с привязками, то в институтах таких проектов больше. Если

взять «штучную» работу, то 50 на 50. Повторяю, что мастерские стали дружными. В большинстве своем это стабильные коллективы. Жизнь показала, что руководить мастерской – это значит быть не только архитектором. Ты должен знать многие вещи, особенно финансовые. Не каждый это может. Есть хорошие руководители мастерских, которые не имеют архитектурного образования. И напротив, прекрасные архитекторы подчас не могут наладить свое дело, уходят под чье-нибудь «крыло».

ПБ
Как решается вопрос о плотности заселения?

АК
У нас плотность повышенная – 20-25 тысяч. Плюс расписаны отдельные нормы для высотных комплексов, там плотность «зашкаливает». Но при этом на земле размещается обязательное количество нежилых этажей, обязательный детский сад, пусть даже встроенный, красные линии вокруг комплекса. Эти нормы были разработаны отдельно.

У нас по сравнению с другими европейскими городами очень высокая плотность, по 800 человек на гектар, мы – лидеры. Интересно, что нам удалось сохранить количество «зеленых» метров: их в городе столько же, сколько в Берлине и Лондоне, и больше, чем в Париже и Риме. Зеленые территории объявлены особо охраняемыми природными территориями, там ничего нельзя строить. В общей сложности это 30% от территории города. Соответственно, приходится уплотнять терри-

тории, иначе надо было бы уменьшать зелень. Приходится считать с тем, что Москва – замкнутый регион, окруженный Московской областью. В Москве больше 10 миллионов человек, в Берлине – около 5 миллионов, а площадь одинаковая. И приток в Москву не уменьшается, и национальный состав меняется, что тоже создает определенные проблемы.

ПБ

Как решается вопрос с обеспечением стоянок для автомобилей возле домов?

АК

По нормативам, все дома делятся на две категории: вторая (муниципальные) и повышенная (первая). Для муниципального дома просчитана норма в обязательном порядке – машина на квартиру, и для повышенной категории – 1,7. Но в эксклюзивных домах сам инвестор думает, делают и по три машины на квартиру и т.д. Это касается подземных гаражей, а открытые парковки не считаются. Но строить и сдавать гаражи вместе с домом везде в обязательном порядке начали только сейчас. Раньше при сдаче дома строители не успевали, и, соответственно, выходило распоряжение о принятии дома без гаража. А после окончания строительства жители на свою территорию уже не пускают. Поэтому сейчас создан ГУП, который за бюджет будет строить гаражи с последующей передачей в аренду. Это самый правильный ход, потому что не у всех жителей есть деньги на гараж.

Сейчас идет большая работа по остеклению лоджий; все дома строятся уже остекленными. Разворачивается также большая программа по реконструкции существующих лоджий, кровли и фасадов жилого фонда. Объемы там просто бешеные. Но это сложно. Главная опасность – стихийное остекление и превращение лоджий в жилое помещение, это такой «градостроительный джинн», с которым очень трудно бороться.

У нас появилось понятие «точечная застройка». К сожалению, я являюсь председателем комиссии по точечной застройке. Она работает уже год, просмотрела около тысячи объектов. Критерии для ее определения следующие: новое жилищное строительство, не связанное с муниципальным строительством, не может быть на территории жилых районов; к точечной застройке не относятся нормативные объекты (детские сады, ФОКи, гаражи). Существующие жилые районы должны быть только для тех горожан, которые там живут. По постановлению этой комиссии строительство почти ста объектов было отменено и около ста проектов были откорректированы: сдвинуты, уменьшены и т.п.

Если говорить про слушания, то беда в том и была, что к процедуре слушаний мы относились подчас очень легкомысленно. В новом градостроительном кодексе мы расписали процедуру слушаний для Москвы. Создана комиссия в каждой префектуре, которая принимает окончательное решение. Она раз-

бирает то, что сказал каждый житель, там целая процедура. Очень важно, чтобы она строго соблюдалась, ибо за нарушения можно легко попасть в судебное разбирательство с не всегда благоприятным для проектировщика результатом. Федеральных правил нет, и мы ее хотя бы для себя расписали. Еще раз повторяю, что вопросы решаются не голосованием: создана комиссия, которая рассматривает заявки. Соответственно, процесс строительства это удлиняет, но ничего страшного нет. Это же можно делать заранее, перед получением ГПЗУ, как это теперь называется (градостроительный план земельного участка). Мы, правда, на него только переходим. ГПЗУ – это оформление земли, скорее, земельно-строительный документ. Нужно точно описать границу, занести в кадастр и только после этого можно выдавать ГПЗУ собственнику земли. Это те параметры, которые ты имеешь право осуществлять на своей земле и по функции, и по объему. Главное – у ГПЗУ нет срока давности: можно положить его в ящик и знать, что у тебя есть земля, где ты можешь построить двухэтажный торговый центр. Это информация, которая идет от органов градостроительства с опорой на правила землепользования застройки и на генеральный план.

ПБ

Как регулируются спорные вопросы между Москвой и Московской областью?

АК

Сейчас таких вопросов почти нет, а раньше мы прибегали к помощи посредников, в частности президента Московского отделения Международной академии архитектуры Е.Г. Розанова.

ПБ

Есть ли государственный орган, который занимается проблемой такой нестыковки?

АК

Есть. Генерал Г. Полтавченко. Он в большей мере решал возникающие конфликты. Но он же не мог постоянно вмешиваться и контролировать, как учитель в классе. Все наиболее крупные проекты рассматриваются на общественном совете мэра, который заседает раз в месяц.

У нас есть архитектурный совет Москомархитектуры, где я председательствую. В общественный совет входят: мэр, В.М. Ресин, я (мы – два зама мэра по общественному совету) и архитекторы Ю.П. Гнедовский, Е.Г. Розанов (был до последних дней), Ю.П. Платонов, А.П. Кудрявцев, В.Н. Логвинов, А.Г. Григорьев, М.М. Посохин и бывший сенатор Плоткин.

ПБ

Обязательны ли в таком совете архитекторы, представители Союза архитекторов, РААСН и МААМ?

АК

Да, обязательны.

Общественный совет вошел в один из законов города. Когда 12 лет назад выбирали главного архитектора Москвы, была создана комиссия, куда вошел мэр, представители нашего Союза, Международного союза, главный архитектор Академии наук и т.д. Меня выбрали; после этого мэр сказал, что собралась хорошая компания, которая должна главному архитектору помогать. Так и возник этот совет; я считаю, он принесит пользу. На правительство Москвы 25 раз в год приходится докладывать по каким-то вопросам, и очень хорошо, что есть возможность сначала эти вопросы вынести на общественный совет. Там уже проговорят, запомнят. Теперь уже и члены правительства тоже приходят на общественный совет. И потом на заседании правительства уже многие вопросы сняты. Мой совет, архитектурный, должен быть каждую неделю (там много вопросов), а общественный – раз в месяц. Список участников архитектурного совета раз в 2 года обновляется. Я считаю, что в данной ситуации мне повезло, как и любому главному московскому архитектору. Тут рядом и академия, и Союз.

Далее Александр Кузьмин коснулся проблем некоторых наиболее известных и скандальных объектов (проект реконструкции Третьяковки на Крымском валу, Зарядье).

Главный редактор журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ» Е.И. Григорьева и все присутствующие поблагодарили А.В. Кузьмина за содержательную беседу.

Творческая мастерская

Международная творческая мастерская «Устойчивое развитие крупных городов и агломераций» состоялась в рамках V Байкальского экономического форума. Мастерскую организовал Фонд регионального развития Иркутской области.

В течение двух осенних дней – 6 и 7 сентября – приглашенные Фондом ведущие эксперты России и Европы в сфере урбанистики, градостроительства и устойчивого развития территорий обсуждали, каким образом городская среда и качество жизни на территории могут стать факторами привлечения населения, как можно использовать бренд города для повышения его инвестиционной привлекательности, попробовали обозначить пути установления баланса между промышленным и постиндустриальным развитием.

«Мы хотим сконцентрировать обсуждение на уровне крупных городов и агломераций. Исключив, с одной стороны, малые города, не входящие в агломерации, а с другой – мегаполисы с численностью населения 4-5 миллионов человек и более, – пояснил замысел президент ФРРИО Алексей Козьмин. – Программа мастерской построена таким образом, что встретятся три разные точки зрения на проблемы развития агломераций: точка зрения европейских экспертов, региональных экспертов и представителей муниципалитетов. Это позволит рассмотреть общемировые тренды развития применительно к России, в том числе – Прибайкалью».

Программа творческой мастерской включала в себя элементы организационно-деятельностной игры, технологии, предназначенной для решения междисциплинарных комплексных проблем и созданной на основе разработок Московского методологического кружка Г. П. Щедровицким. На двух площадках творческой мастерской – в библиотеке Иркутского государственного университета и в зале заседаний ученого совета Иркутского государственного университета – представители французской проектной

группы «AREP Ville» Андреас Хейм и Марсель Байярд, профессор архитектуры и урбанистики Миланского политехнического университета Массимо Тади, сотрудники Санкт-Петербургского РосНИПИ Урбанистики, Института географии СО РАН, Иркутской организации Союза архитекторов России, ВостокСибАкадемЦентра РААСН, ГипродорНИИ, Иркутского государственного университета, Иркутского государственного технического университета, специалисты экономических, экологических подразделений и служб администрации Иркутской области и муниципалитетов, разделившись на четыре группы, старались от имени разных субъектов городского развития решить поставленные перед ними проблемы, наметить хотя бы контуры ответов на основные вопросы.

Страсти кипели нешуточные. Группа экспертов, приехавших из-за границы и из других городов России, еще 4 сентября совершила небольшое путешествие по агломерации городов Иркутск – Ангарск – Шелехов. Во время этого путешествия они познакомились и с болевыми точками трех городов, и с их

архитектурными достопримечательностями, поэтому неплохо ориентировались в ситуации. Европейские архитекторы, в свою очередь, представили коллегам примеры развития городских агломераций в Европе. Например, брендом одного из городов Германии стало развитие солнечной энергетики, так как этот город был расположен в самом солнечном месте страны. Новые технологии получения энергии из возобновляемых источников, разработанные при участии местных университетов, принесли городу известность во всей Европе. А власти Генуи провели масштабную реставрацию старых зданий и создали сеть новых культурных учреждений, обустроили гавань, превратив ее в центр отдыха и развлечения, открыли там музей и огромный аквариум, организовали экскурсии на кораблях вдоль побережья, и этим значительно повысили привлекательность города.

Были и другие примеры, вполне применимые в условиях Иркутской агломерации, такие, как строительство новой трамвайной линии в одном из французских городов, которое положило начало стремительному развитию

всей системы общественного транспорта в округе, или создание на заброшенной промплощадке научно-исследовательского центра, как это было сделано в городе Гренобле.

По мнению Марселя Байярда, эксперта-консультанта архитектурно-проектной компании AREP ville, Франция, Иркутску необходимо действовать совместно с его конкурентами – Красноярском и Новосибирском, решая общие задачи и удовлетворяя общие потребности. При этом в любой агломерации должен соблюдаться принцип стратификации: совместными усилиями реализовывать то, что в одиночку не получается, и самостоятельно решать проблемы, не требующие помощи извне.

Ведущий эксперт Института стратегического планирования «Малые города» Александр Илларионов, считает, что среди многочисленных показателей, разработанных для оценки деятельности органов местного самоуправления, не хватает самого главного – индекса развития человеческого потенциала, включающего в себя продолжительность жизни, интел-

лектуальный уровень граждан (грамотность населения и длительность обучения) и среднедушевой доход.

Эксперт выделил основные направления в работе местной власти для экономического развития территории. В их числе формирование благоприятного предпринимательского климата, ведение инвестиционной политики и, как следствие, повышение конкурентоспособности муниципалитета. Главное же, по мнению Александра Илларионова, – видеть перспективу развития города и ставить стратегические цели.

Более глобально, уже по отношению к агломерации городов, тему управления осветила руководитель лаборатории проблем муниципального развития Института экономики переходного периода кандидат экономических наук Ирина Стародубровская:

– После механического объединения городов, имеющих различные системы управления, сразу же возникает управленческий хаос и значительно повышается степень конфликтности. Порой вместо системы, направленной на решение общих задач, возникает бюрократия, где каждый опирается на собственные интересы.

Одним из вариантов управления агломерацией является сотрудничество властей на договорной основе. Однако это очень сложный и длительный процесс.

– Решение этой проблемы сейчас ищут специалисты

всего мира, потому что управлять агломерацией пока не могут нигде. Здесь нужны серьезные раздумья и большая осторожность, иначе город может потерять свои конкурентные преимущества, – подчеркнула Ирина Стародубровская.

Обсуждения в группах участников продолжались два дня. Как можно сделать агломерацию Иркутск – Ангарск – Шелехов привлекательной для людей, как сделать ее «магнитом» для населения? Как использовать бренд Байкала в проектах развития Иркутской агломерации? Как учесть в проектах экологические аспекты развития Иркутской агломерации, как решить коммунальные и транспортные проблемы – на эти и многие другие вопросы пытались найти ответы участники творческой мастерской.

«Важные составляющие привлекательности территории – включенность в осевые процессы, в мейнстрим, представление уникальности территории в мировом пространстве. Также важно качество жизни на территории, включающее в себя и состояние человеческого ресурса, и состояние инфраструктуры, – считает Лидия Дмитриева, представлявшая точку зрения гостей города.

– Еще один важный аспект – безопасность всех видов, от экологической до физической. Вопрос даже не в том, каким образом сформировать проект. Можно, например, проанализировать

по определенной матрице различные виды туризма и составить четкую программу действий. Проблема, судя по всему, в другом: сможете ли набраться окаянства или нет? Например, никто пока не взял на себя смелость назваться центром социокультурной обработки и натурализации тех потоков, которые идут из стран АТР. И создать такую модель – это ставка и вызов, не игрушки детские. Или особая туристическая зона. Казалось бы, давно уже идет речь о том, что важный ресурс Иркутска – в развитии ОЭЗ, в развитии туристических практик, но до сих пор, и это было очевидно во время работы группы, администрация и часть жителей не готовы к этому. Происходит столкновение двух моделей развития – индустриальной модели и геокультурной модели, которая соответствует мировым осевым задачам. И уже есть риск, что Бурятия просто заберет на себя проект ОЭЗ, которым здесь некому заниматься».

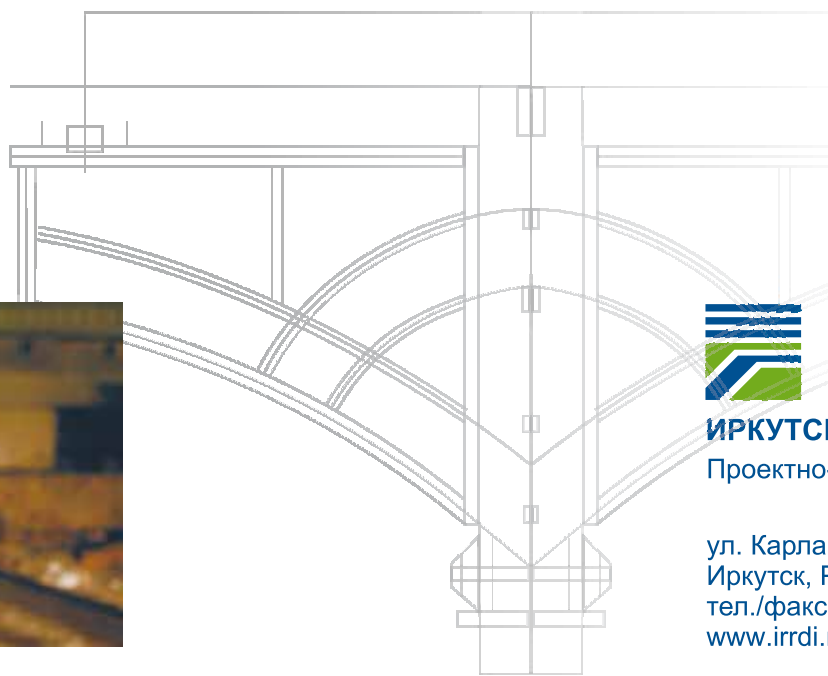
В результате двухдневной работы участники творческой мастерской пришли к заключению, что для устойчивого развития агломерации необходимо выполнение трех условий. Первое условие – это наличие стратегической политики устойчивого развития, которая основывается прежде всего на специфическом характере территории, в которой используется экологический символ озера Байкал. Второе условие – наличие специальных механизмов для реализации такой политики. Это возможности, которые предоставляются специфическими экономическими, экологическими и социальными условиями. И наконец, третье условие – это взаимовыгодное сотрудничество, синергия между тремя городами – Иркутском, Ангарском и Шелеховым для того, чтобы поднять уровень привлекательности и конкурентоспособности агломерации. Приоритетными направлениями этого сотрудничества должны стать развитие общественного транспорта, согласованная градостроительная политика для трех городов и прилегающих зон, а также политика повышения качест-

ва жизни, наличие необходимых финансовых ресурсов и модель эффективного управления агломерацией.

Ключевым инструментом для реализации такой концепции развития участники творческой мастерской считают поворот к промышленной политике, опирающейся на экологические ресурсы, на производство новой продукции, инноватику и развитие городов. Сферы возможной деятельности чрезвычайно разнообразны и касаются многих аспектов. Развитие экологически чистых производств, контроль за выбросами алюминиевой, нефтяной и атомной промышленности, деревообработка, системы водоочистки, производство солнечных батарей и ветрогенераторов, строительство скоростных трамваев или связок между повздами и трамваями, создание компактных городов, застройки без пустырей и благоустройство заброшенных промышленных зон, направление прикладных и фундаментальных исследований на устойчивое развитие. Создание бренда Байкала мирового уровня может служить в качестве базы для всех процессов и производств, которые в нем задействованы. Ориентация на бренд озера Байкал как самого чистого озера планеты является сильнейшим и убедительным аргументом для того, чтобы дать толчок устойчивому экономическому развитию региона.

Результаты работы участники творческой мастерской сформулировали в докладе, прочитанном Марселем Байярдом на пленарном заседании V Байкальского экономического форума.

Алиса Дергачева

 **РОСЖЕЛДОР
ПРОЕКТ**

ИРКУТСКЖЕЛДОРПРОЕКТ
Проектно-изыскательский институт

ул. Карла Маркса, д. 59
Иркутск, Россия, 664007
тел./факс: (3952) 64-40-27
www.irrdi.ru

70 ЛЕТ БЕЗУПРЕЧНОЙ РЕПУТАЦИИ

Международный день архитектуры

Всемирный день архитектуры и Международный день жилья учреждены по решению Генеральной Ассамблеи ООН. По решению XX Генеральной ассамблеи Международного союза архитекторов в Барселоне с 1996 года празднование Всемирного дня архитектуры происходит в первый понедельник октября.

Международный, или Всемирный, день архитектуры в этом году отмечается 6 октября 2008 года. По решению ассамблеи Международного союза архитекторов в Турине (3-8 июля 2008 года) в этом году он посвящается известному архитектору Джанкарло Юсу (Италия), вице-президенту и кандидату в Президенты МСА, скончавшемуся в дни ассамблеи Международного союза архитекторов в Турине (Италия). Его темой стала строка «CHILD BE THE ARCHITECT OF A BETTER FUTURE» («Дитя, стань архитектором лучшего будущего») из песни, слова для которой написал Джанкарло Юс.

Всемирный день архитектуры отмечают в России вот уже 23 года. Традиционно

в этот день архитекторы во всем мире собираются на конференции, на которых обсуждают условия и результаты своей деятельности, рассматривают проблемы архитектурного образования, устраивают творческие дискуссии. В этот день организовываются выставки.

6 октября в Иркутском доме архитектора состоялась встреча, посвященная Международному дню архитектуры. С приветственными обращениями выступили главный архитектор Иркутской области Алексей Буйнов, руководитель службы по сохранению наследия Вадим Шахеров, председатель ФРПИО Алексей Козьмин, начальник экспертизы Константин Селянцев, исполняющий обязанности главного архитектора города Иркутска Андрей Красильников. Архитекторов поздравили фирмы «Драйв», «Краспан» и «Деметра».

В рамках празднования прошла рабочая конференция, на которой иркутские и ангарские практикующие архитекторы, преподаватели ИргТУ и члены Клуба молодых архитекторов при

ИРО САР обсудили некоторые вопросы деятельности Союза, перспективы развития архитектуры в областном центре, вопросы градостроительства и влияния мирового кризиса на проектно-строительный бизнес.

Члены Иркутской региональной организации Союза архитекторов России выступили с докладами-отчетами о международной деятельности иркутских архитекторов. Летом этого года более 50 иркутских архитекторов приняли участие в Конгрессе Международного союза архитекторов в Турине (Италия), в рамках конференции состоялась презентация этого Конгресса членом Совета МСА Еленой Григорьевой. Борис Литвинов и Николай Смирнов рассказали об участии иркутян в только что завершившей свою работу сессии летнего Европейского градостроительного университета в Сержи-Понтуаз под Парижем. Алексей Сергеев показал работу команды «Иркутск» на международном фестивале «Зурбаган» из цикла «Города», прошедшем в конце августа в Коктебеле.

Дитя, стань архитектором лучшего будущего («Разговор ребенка с архитектором»)

– Архитектор, слышишь, я зову тебя.

Я не прошу многого: пусть только станут лучше окружающая среда, благоустройство и пейзаж.

Архитектор, помоги мне спасти планету.

Я жажду лишь доброты, лишь прозрачной воды и чистого воздуха, чтоб дышать.

Архитектор, помоги мне преобразовать пространство вокруг.

Разумно пользуйся своим искусством, сделай мое окружение дружелюбным.

Архитектор, я хочу, чтоб мой дом был безопасным.

Используй технику благоразумно, улучши качество жизни для меня.

Архитектор, помоги мне спасти нашу память,

Храни все звенья исторической цепи,

Блюда все лучшее, что создано в веках.

фото
Валентины Вихрицкой

Архитектор, пусть твои планы обеспечат демократию. Позволь и мне участвовать во всем, дай мне место для игры, А города пусть станут для людей магнитами надежды.

Архитектор, с помощью твоего искусства сделай так, чтобы мы все уважали друг друга и даже наше несходство.

Я хочу называть своих соседей друзьями.

Архитектор, уважай различия культур.

Пусть твоя работа продвигает общечеловеческие ценности,

В своих проектах будь справедлив и чуток к людским нуждам.

Архитектор, я – это и есть будущее, позволь мне быть твоим другом.

Дай мне гулять среди твоих творений, не потерявшись меж новых громад.

Осуществи мои мечты. Что ж, пускай наступит глобализация,

Но пусть повсюду царит мир. Будь архитектором такого будущего.

– Дитя мое, стань и ты архитектором этого лучшего будущего.

Джанкарло Юс

Международный день архитектуры в Красноярске

В рамках празднования Всемирного дня архитектуры и жилища в Красноярске, известном активной жизненной и профессиональной позицией членов архитектурного сообщества, состоялось несколько событий.

6 октября в здании архитектурного факультета Сибирского федерального университета прошли мастер-классы наиболее креативных архитекторов Красноярска перед студентами: А. Мякоты, Е. Зыкова, О. Смирновой, А. Демирханова и др. По всеобщему признанию, мастер-классы показали не только индивидуальность и самостоятельность мышления красноярских архитекторов. Они выполнили и роль связующей «плазмы» между зрелыми и молодыми архитекторами, показали студентам возможные стратегии их личного развития как профессионалов.

7 октября там же состоялось торжественное открытие выставки архитектуры Красноярска, посвященное 70-летию КОСА, 35-летию архитектурного образования в Красноярске и

Международному дню архитектуры и жилища. В тот же день в Доме архитекторов состоялся круглый стол, посвященный архитектуре Красноярья, ее истории и современности.

В среду, 8 октября, в помещении архитектурного факультета состоялась пресс-конференция архитекторов на тему «Роль гражданского общества в создании городской среды».

События показали: архитекторы озабочены тем, что государство практически устранилось от роли главного заказчика, функции которого принял на себя бизнес. При этом создается двусмысленная ситуация, когда ответственность за создание неблагоприятной для города среды возлагается на архитектора. При этом даже в таком основополагающем документе, как новый Градостроительный кодекс, отсутствуют слова «архитектура», «архитектурное проектирование», а в проектной документации нет подписи автора проекта.

В этих условиях архитекторы пытаются наладить диалог с городской общественностью, которая, по большому счету, и должна являться

главным заказчиком в демократическом государстве. К сожалению, гражданское общество еще не сформировано. И у горожан нет опыта участия в градостроительном процессе, так как они всегда были от него отстранены. Необходимо найти механизм взаимодействия всех участвующих в градостроительном процессе сторон для определения оптимального решения на стадии проектирования, а лучше – на стадии составления задания на проектирование. Эти вопросы и обсуждались на круглом столе и пресс-конференции.

Интересным было также обсуждение, произошедшее на страницах интернет-издания Красноярского отделения Союза архитекторов «НоЖКА» («Новости жизни красноярских архитекторов»), куда попали наиболее живые отклики участников мастер-классов и круглого стола.

Марина Ткачева

XVI Международный фестиваль «Зодчество-2008»

прошел в Москве 17-19 октября. Это главный ежегодный творческий форум архитекторов России. Тема фестиваля – «Современная архитектура в историческом городе»

Прембулой фестиваля стала конференция «Исторический город и новая архитектура. Общество, государство, бизнес», которая состоялась 16 октября в Центральном доме архитектора и оказалась насыщенной и интересной. Она заняла полный рабочий день и закончилась поздно вечером. Конференция открылась выступлениями президента Союза архитекторов России Юрия Гнедовского и президента Российской академии архитектуры и строительных наук Александра Кудрявцева.

С основным докладом выступил Виталий Лепский,

известный своими публикациями по архитектурному наследию. В выступлениях участников конференции прозвучала резкая критика в адрес властей многих городов, которые, несмотря на законодательство и слова руководителей страны о необходимости самого внимательного и бережного отношения к архитектурному наследию, принимают решения, фактически, уничтожающие исторический облик наших городов, стирающие историческую память и нарушающие основы культурной самоидентификации населения.

Присутствие и активное участие зарубежных архитекторов явилось свидетельством актуальности проблем архитектурного наследия во всем мире. В их выступлениях и фотосессиях раскрылись разные аспекты взаимодействия современной городской застройки и ее исторической составляющей. Так, представитель фирмы Хаппольд (Великобритания) на примере проекта Норманна Фостера для Владикавказа говорил об использовании легких конструкций при строительстве в городской среде; профессор Шляйх Лютц (Германия)

подчеркивал значение международных конкурсов на планировку новых районов в исторических городах; Лутц Грудман (Германия) продемонстрировал восстановленные торговые центры европейских городов.

На конференции приводились многочисленные примеры того, как строительство новых многоэтажных комплексов на свободной от исторической застройки территории буквально спасало исторические центры городов (возведение центра «Дефанс» намного облегчило решение проблемы с сохранением исторического

облика Парижа). К иркутской ситуации такие примеры имеют самое непосредственное отношение, ибо его центр недалекоvidно насыщается многоэтажными офисами, усугубляя транспортную проблему и заводя в тупик решение вопроса о сохранении исторического наследия.

Петерис Страндис (Латвия) представил «матрицу» решения вопросов по сохранению наследия, в которой государство, профессиональное сообщество, органы местного самоуправления и общественность осуществляют деятельность по охране памятников. Это тем более примечательно, что происходит на постсоветском пространстве и показывает возможность создания эффективной модели взаимодействия власти, бизнеса, институтов гражданского общества в конкретной, сложной ситуации. Еще более актуально для Иркутска прозвучала информация о существующем в Риге и Юрмале законе, согласно которому в случае пожара или обветшания деревянные памятники подлежат необходимому восстановлению, а на месте объектов средней застройки могут быть построены новые здания, в точности повторяющие объемы утраченных.

Таким образом, исчезает весьма часто встречающаяся причина уничтожения деревянной или усадебной архитектуры – возведение многоэтажных зданий на месте сгоревших (сожженных) памятников истории и архитектуры.

Есть и российские примеры бережного отношения к наследию. Так, предприниматель из небольшого города Плёс Алексей Шевцов занимается поэтапным восстановлением исторической архитектурной среды с последующим приданием ей культурных функций (восстановление ремесел, художественных музеев, гостиниц усадебного типа и т.п.). Этот пример показывает, что в России возможен конструктивный диалог между властями и бизнесом, а главное – что продвижение бренда и культурная деятельность идет на пользу бизнесу, принося ощутимый доход и, одновременно, общественную пользу в самом глубоком понимании этого слова. Неразрывно связанными и напрямую зависящими друг от друга оказываются две черты городской жизни: благоприятность, привлекательность городской среды для жизни горожан и сохранение исторического наследия в городе. Позитивным примером такого сочетания является город Торжок, о

возрождении исторического центра которого говорил директор управляющей компании «Наследие» Андрей Рыбаков. Примечательно, что Торжок называют в числе небольших городов, притягательных для жизни.

Никита Шангин обратил внимание на вопросы профессиональной этики, говорил о необходимости совершенствовать и даже ужесточать внутрипрофессиональные требования к деятельности архитекторов, когда речь идет о сохранении и восстановлении памятников архитектуры предшествующих периодов. В одном из докладов прозвучала весьма примечательная мысль, что «оснований для высокомерного отношения к мастерству предшественников у нынешних архитекторов нет»: мы не имеем права видоизменять, небрежно прикасаться и тем более иметь отношение к уничтожению архитектуры предшествующих поколений.

Это относится как к памятникам отдаленного прошлого, так и к сравнительно недавним периодам развития архитектуры. Нередко под разными предлогами модернизируются, видоизменяются образцы архитектуры шестидесятых годов, которые обладают своими стилистическими достоин-

ствами и отчетливо выраженным авторским почерком. Существенным изменениям подвергается архитектура восьмидесятых годов, причем вопреки воле авторов зданий. Такая ситуация типична для многих городов России, в том числе и тех, которые, подобно Иркутску, объявлены историческими городами. Общий пафос выступления участников конференции заключался в том, что история архитектуры – важный элемент воспитания исторического сознания; архитекторам необходимо быть более разборчивыми, выполняя пожелания заказчика, озвученного подчас сиюминутными интересами и ображениями архитектурной моды вопреки сохранению первоначального архитектурного облика оригинальных авторских зданий.

Эти соображения общего порядка напрямую касаются и Иркутска: центральный сквер Кирова (Тихвинская площадь) – удивительное собрание разных архитектурных эпох и стилей. По периметру площади располагаются революционные здания (мэрия, корпус биологического факультета ИГУ, педуниверситет), образцы сталинского неоклассицизма («Востсибуголь», ИГЛУ), образец типовой застройки 60-х годов (гостиница

«Ангара»), частично уничтоженное павловское здание городской администрации. Здание «Иркутскэнерго» изящно завершало панораму площади, создавая пропорциональными и лаконичными формами, легким изломом интересную перспективу выхода к набережной. Сейчас излом скрыт кожухом из стекла, здание увенчано куполом, вряд ли уместным в данном случае. К сожалению, «Дом на ногах» в том виде, который задумал автор, мы уже не увидим никогда...

Вопроса сохранения зданий, являющихся памятниками позднего советского периода, коснулась в своем выступлении Елена Григорьева. Лаконичная архитектура 60-х годов фактически «вымывается». Под различными предложениями здания, обладающие своими стилистическими достоинствами и отчетливо выраженным авторским почерком, видоизменяются. А ведь в этих зданиях ярко выражен дух поколения шестидесятников, неотъемлемая часть истории XX века. Существенным изменениям подвергается архитектура восьмидесятых годов, зачастую вопреки воле авторов зданий. Такая ситуация типична для многих городов России, в том числе и тех, которые, подобно Иркутску, объявлены историческими городами.

Судьба деревянного наследия в Иркутске зависит от политической воли. При уничтожении деревянной средовой застройки, официальными лицами причисленной к «хламу», «развалюхам», «трусцо-

бам», происходит утрата идентичности города и, как следствие, потеря привлекательности для жизни. Никто не анализировал статистически поводы для отъезда из Иркутска, а ведь люди уезжают из города во многом потому, что он перестает быть для них родным. Среда, в которой они выросли, сейчас кардинально меняется. Меняется и отношение людей к городу. У одних оно выливается в варварство, а кто-то, утратив родной, знакомый с детства Иркутск, ищет другое место, где ему будет комфортнее.

Елена Ополовникова продемонстрировала собравшимся фотосессию деревянного зодчества русского Севера и прокомментировала её рассказом о проблемах, возникающих там, где реконструкцией и новым строительством деревянных храмов подчас руководят священники православной церкви, не обладающие необходимым архитектурным или реставрационным образованием. Прекрасные примеры реставрации подчас соседствуют с весьма сомнительными примерами подновления классических образцов деревянного зодчества.

Проблема сверхконцентрации населения и полномочий в Москве занимала большое место в докладах участников; по общему мнению, она представляет прямую опасность для истории, гибнущей под транспортным напором. Эта тема также привела к обсуждению общих вопросов градостроительной практики и теории, в том числе депо-

пуляции городов Сибири и Дальнего Востока.

Решения Международной конференции «Исторические города и новая архитектура. Общество. Государство. Бизнес» (16 октября 2008 г. Москва, Центральный дом архитекторов) Исторические города России – это уникальная сокровищница национального наследия, органическая часть мирового культурного богатства.

Исторические города России – сплетение сложнейших социально-экономических и организационно-технических проблем сохранения наследия и создания благоприятных условий для жизни населения.

Исторические города России – это огромный невостребованный ресурс возрождения духовности общества, источник получения дополнительных средств на комплексное социально-экономическое саморазвитие.

Заслушав доклады и выступления, всесторонне обсудив комплекс вопросов развития исторических городов, охраны и возрождения их наследия, участники конференции отмечают, что современное состояние большинства исторических городов и поселков страны является неудовлетворительным, близким к критическому.

Более 60% недвижимых объектов культурного наследия находятся в кризисном состоянии и требуют неотложной консервации, реконструкции или рестав-

рации, а условия жизнедеятельности в исторических поселениях нуждаются в существенном улучшении.

Появление в исторической среде новых сооружений, необходимых городу для его развития, вносят в его облик новые элементы, зачастую нарушающие масштаб, панораму и другие особенности данной местности.

Одной из причин неблагоприятного состояния городской исторической среды является игнорирование государством и обществом градостроительного наследия как важнейшей составляющей культурного богатства народов Российской Федерации.

Специфика сохранения и рационального использования градостроительного наследия не нашла достойного отражения в действующем законодательстве в нормативных градостроительных документах, не является предметом приоритетной государственной программы. Потребительское отношение и бездумное использование бизнесом объектов и территорий исторических городов наносит невосполнимый ущерб уникальному градостроительному наследию России.

Для достижения кардинального перелома в деле сохранения национального градостроительного наследия и создания условий устойчивого развития исторических городов участники конференции считают необходимым обратиться к Правительству Российской Федерации с предложениями:

– разработать в 2008–2009 гг. федераль-

Директор фестиваля Ольга Белова

Андрей Кафтанов и Андрей Боков

ную целевую программу «Сохранение и развитие исторических городов России», обеспечить реальным финансированием ее разработку и реализацию за счет всех видов бюджетного государственного, регионального и местного финансирования, широкого привлечения средств частных инвесторов, общественных организаций, фондов и т.п.;

– принять постановление «Об отнесении городских и сельских поселений к категории исторических с утверждением официального перечня исторических городов и поселков, имеющих статус исторического поселения».

2. Участники конференции считают необходимым призвать Госдуму, Совет Федерации, Федеральное собрание ликвидировать разночтения и пробелы в законах касающихся рассматриваемых проблем; разработать цикл все еще отсутствующих подзаконных актов:

– к закону № 73 ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ»;

– к Федеральному закону № 73;

– к Градостроительному кодексу;

– к Земельному кодексу;

– к закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»;

– дополнить положения Закона № 73 пунктами о предоставлении инвесторам, вкладывающим средства в сохранение и восстановление культурного наследия страны, что необходимо для

воссоздания исторически ценной городской среды.

3. призвать законодательные органы к необходимости ежегодного выделения и консолидации средств федерального, региональных и муниципальных бюджетов на комплексное восстановление объектов наследия в исторических поселениях.

4. Создать в Российской Федерации под гарантию Правительства РФ Федеральный накопительный фонд сохранения находящихся на грани исчезновения объектов недвижимости в исторических городах.

5. Просить Минэкономразвития РФ разработать и задействовать механизмы экономического стимулирования всех видов внебюджетных инвестиций для привлечения их к возрождению исторических городов.

6. Рекомендовать администрациям исторических городов обеспечить разработку и принятие муниципальных нормативных правовых актов об особом регулировании градостроительной, охранной и иной деятельности в таких городах.

7. Просить органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации организовать в исторических городах разработку и апробацию «Концепции сохранения и развития архитектуры» и «Проектов комплексной реконструкции исторических центров городов», рассматривая в качестве основного предмета охраны средовую ценность ткани сложившейся застройки, а также взаимосвязь с планами социально-экономического развития исторических территорий.

8. Признать в качестве приоритетной задачи органов исполнительной власти всех уровней разработку и реализацию перспективных планов особого регулирования градостроительной деятельности на значительных по площади территориях объектов градостроительного наследия, относимых к достопримечательным местам.

9. Считать приоритетной задачей всех участников градостроительной деятельности в исторических городах обеспечение подлинного партнерства органов власти, общественных организаций, деловых кругов, специалистов и населения в сохранении и развитии архитектуры и охране объектов исторического наследия городов; содействие появлению у всех участников чувства заинтересованности в сохранении наследия.

Конференция констатирует, что безразличие влас-

ти, пассивность общества, состояние законодательной базы, отсутствие у бизнес-сообществ стимулов к инвестированию средств в возрождение исторических поселений и реконструкцию исторических ансамблей и зданий, безнаказанность разрушителей исторического наследия, пассивность правоохранительных органов, их безразличие к нарушениям Закона об историческом наследии, бесконтрольность бюрократии – главные причины разрушения исторического наследия и вопиющего невнимания общества к своему прошлому.

Интересное культурное событие проходило параллельно фестивалю архитекторов – выставка, представляющая инсталляции Ильи и Эмили Кабаковых «Альтернативная история искусств» и «Красный вагон», открывшая Центр современной культуры

Одиль Декк

«Гараж» (здание, выстроенное в Москве по проекту К.Мельникова для Бахметьевского автобусного парка). Экспозиция лидера концептуализма Ильи Кабакова, живущего в Нью-Йорке, представляла продуманно организованное пространство, в котором развертывается история трех вымышленных художников (Шарля Розенталя, Ильи Кабакова, Игоря Спивака). С помощью этих «поручиков Кижэ» авторами выстроена возможная, но так и не осуществленная линия в развитии советского изобразительного искусства, в которой предпочтения и лидеры принадлежат иным стилистическим и образным направлениям, нежели это сложилось в действительности. Поскольку инсталляции преднамеренно отсылают посетителей к их советскому жизненному и художественному опыту, выставка имела явный привкус ностальгии, впрочем, вполне оправданной.

Насыщенной была программа иностранных участников XVI Международного фестиваля «Зодчества».

Американский архитектор и автор «ПБ» Брайан Спенсер привез и показал выставку работ, как он выразился, «рядовых американских архитекторов», вызвавшую живой интерес. Представленный им видеоряд «Фрэнк Ллойд Райт и его влияние на современную архитектуру» позволила еще раз обратиться к шедеврам XX века и напомнить, насколько скрупулезно, требовательно и изобретательно подходили классики жанра к своей работе. По отзывам слушателей, это было общее впечатление напрямую с Ф.Л. Райтом через его объекты.

Француженка Одиль Декк продемонстрировала возможности проектирования современной, яркой, контрастной архитектуры в исторических центрах, показав, что исторический центр — не музей; он может быть «местом встречи» разных архитектурных эпох, куда органично вписываются современные архитектурные проекты и постройки. Вопрос не в том, нужна ли новейшая архитектура в исторических городах; а в том, насколько она уместна и насколько в ней присутствует индивиду-

альность автора и его вкус. Во всех старых городах есть такие примеры, которые поначалу вызывают противоречивые оценки, но впоследствии становятся символами и брендами мест.

Д.Д.Рипхема (США) презентовал Международную программу «Главная улица», где сформулировал основные принципы сохранения городских территорий. Можно с удовлетворением констатировать, что опубликованная в журнале «ПБ16/Наследие XX» статья А. Ляпина совпадает, а в некоторых моментах и превосходит выступление американского архитектора и теоретика.

Даниель Либекинд представил свои проекты, в том числе и проект мемориального комплекса на месте башен-близнецов в Нью-Йорке. Все отметили главное — изобретательное сочетание архитектурных, световых, водных эффектов для создания мемориала. Проект получился весьма оригинальным, тем более, что Либекинд был вынужден считаться с беспримерной заинтересованностью в проекте как американской общественности, так и американских властей.

Большой приток заинтересованных участников вызвал мастер-класс Михаила Филиппова, одного из немногих архитекторов, успешно работающих в духе историзма. Если в большинстве случаев исторические детали используются архитекторами неумело, вызывая ощущения неуместности и кича, то у М.Филиппова доскональное знание и виртуозное владение стилистикой, системой ордеров, видение городского пространства как целостного организма являются основой его реше-

ний и создают новые городские пейзажи, исторические по стилистике и современные по сути.

В программу фестиваля входила встреча в МАРХИ, который накануне праздновал свое 75-летие. На встречу пришли преподаватели других вузов, студенты, абитуриенты и множество интересующихся жизнью института людей. Проректор Михаил Шубенков (интервью см. в главной теме ПБ №18), ведущий встречи, затронул множество вопросов, касающихся жизни вуза и возможных изменений и проблем, которые ожидают МАРХИ в связи с решениями федерального агентства по изменению системы российского образования.

В выставочном зале МАРХИ, где проходила встреча, была организована выставка студенческих проектов, содержащих острые и нестандартные предложения по введению современной архитектуры в исторический центр. Таким является проект авангардной пространственной высотки над Рождественским бульваром, который стал «логотипом» семидесятипятилетия МАРХИ и показал молодость и энергию старейшего архитектурного учебного заведения России.

Одним из самых содержательных событий фестиваля оказалась общественная дискуссия «Исторический город и новая архитектура», проведенная Ириной Коробьиной, руководителем Центра Современной Архитектуры*. Как сохранить историко-культурное и архитектурное наследие в радикально изменившихся условиях нового времени,

*<http://archcenter.org/projects/other/detail/index.php?ID=2110>

как не потерять уникальность, неповторимость, особое обаяние который сообщает городу историческая среда, формировавшаяся в нем веками? На этот вопрос попытались ответить участники дискуссии Хосе Асебилю, Илья Лежава, Алессандро де Маджистрис, Александр Скокан, Александр Кудрявцев, Михаил Хазанов, Алексей Клименко, Борис Левянт, Елена Соловьева, Марина Хрусталева, Елена Григорьева и Рустам Рахматуллин.

Выступающие с тревогой говорили о необходимости введения и применения жестких законов и подзаконных актов к тем хозяевам зданий-памятников, которые допускают их уничтожение. Подчеркивалось значение этических норм и кодекса профессиональной этики, действенность которого должна стать существенным препятствием для варварского отношения к истории в городе.

Смысл деятельности практикующих архитекторов – в тех зданиях, которые построены по их проектам. И если в нынешнем поколении не изменить высокомерное отношение к предшественникам, к существующим зданиям, доставшимся в наследство, то следующее поколение архитекторов точно так же безответственно и по-варварски будет относиться к творениям наших современников. Как поступаем мы, так впоследствии поступят с нами. Если мы не хотим такого уничтожения, то уже сегодня необходимо запустить механизм «инстинкт самосохранения». Если не включить этот механизм сейчас, то будет уничтожаться

смысл собственной жизни сегодняшнего архитектора.

После двухлетнего перерыва архитектуры Иркутского региона вернулись в число участников смотров-конкурсов. Впервые в истории была представлена лаконичная, грамотно поданная выставка «Архитектура и градостроительство Иркутской области». Она состоялась благодаря инициативе главного архитектора Иркутской области Алексея Буйнова и Генерального директора Иркутскгражданпроекта Андрея Макарова.

Территориальная схема области, генпланы городов, проекты планировки и проекты застройки сопровождались изображениями архитектурных объектов. Этот ряд фотографий удачно дополняли и оживляли экспозицию, привлекая внимание не только профессионалов. Первый шаг сделан, а достаточный объем уже подготовленной и готовящейся градостроительной документации, статус особой экономической зоны и внимание, которое уделяется Байкалу, возможности использования новых и новейших выставочных технологий при должном финансировании со стороны администрации помогут в будущем сделать участие иркутян в «Зодчестве» более ярким.

Архитекторы Иркутской области представили свои работы в номинации «Общественные здания» раздела «Проекты» и в номинациях «Книги» и «Журналы» раздела «Издания по архитектуре и градостроительству». Дипломами Союза архитекторов России

Сергей Гнедовский

Председатель жюри Игорь Бондаренко вручает награду Марку Мееровичу

награждены проект Водно-спортивного комплекса в Иркутске (авторский коллектив: Е.Григорьева, Н.Носова, А.Козак, С.Муллаяров, Иркутскгражданпроект), журнал «Проект Байкал» (диплом «лучший региональный архитектурный журнал России»), профессор М.Г. Меерович за двухтомник «Рождение и смерть советского города-сада» и «Рождение соцгорода» (бронзовый диплом).

Национальная премия «Хрустальный Дедал» была заслуженно вручена Сергею Гнедовскому и его соавторам за здание театра-мастерской

Петра Фоменко. Абсолютно бесспорное качество и проекта, и его реализации: современный архитектурный язык, органичное взаимодействие архитектуры и природной среды, лапидарность и точность форм сделали объект безусловным лидером конкурса (см. авторскую статью С. Гнедовского о проекте в журнале «ПБ №17»).

Как и в прошлом году церемония награждения была украшена звездами с архитектурным прошлым в лице Алексея Козлова (саксофон) и Петра Налича, для многих, ставшего настоящим открытием и кумиром.

Алексей Козлов

Петр Налич

VII съезд Союза архитекторов России

21-22 октября 2008 года в Москве состоялся VII съезд Союза архитекторов России. Архитекторы остаются верны своим традициям – этот съезд, как и самый первый, прошел в Колонном зале Дома Союзов. Единодушны они и в понимании того важного социально-культурного значения, которое имеет это всероссийское общественное объединение. Сегодня, в условиях кардинального реформирования основ профессиональной деятельности, создания саморегулируемых организаций проектировщиков и строителей, они рассматривают Союз как гарант сохранения высоких стандартов профессиональной культуры.

От Иркутского региона на Съезд была послана представительная делегация: В. Астраханцева, А. Буйнов, Е. Григорьева, И. Дружинина, И. Козак, А. Красильников,

А. Макаров, М. Меерович, Е. Протасова, В. Распутин, В. Стегайло, Е. Хазыкова, А. Чернецкий.

На съезде были заслушаны отчеты президента, председателей комиссий, руководителей по различным направлениям деятельности Союза, представителей регионов.

О значимых для сибирского региона событиях и инициативах рассказала сопредседатель Совета ОСА СФО Е.И. Григорьева. Ежегодно и успешно проводится в Иркутске фестиваль «Зодчество Восточной Сибири», в котором принимают участие архитекторы не только одноименной территории, но и некоторых западносибирских городов и даже москвичи. Ежегодно энергично и эффективно проходит международный ворк-шоп (Зимний градостроительный университет) при архитектурном факультете Иркутского государственного технического университета. Архитектурная и культурная общественность с удовольствием восприняла возрождение движения архитекторов-горнолыжников. Три уже состоявшихся форума были посвящены не только спорту и профессиональному общению: на последнем из них в Красноярске (см. ПБ16) В.Н. Логвинов прочел лекцию и провел совещание по саморегулированию. Четвертый форум пройдет в марте – апреле 2009 года в Горной Шории¹.

Успешной оказалась и инициатива по изданию межрегионального архитектурного журнала «ПРОЕКТ БАЙКАЛ», удачно заполнившего пустовавшую нишу архитектурной и градостроительной периодики Восточно-Сибирского региона. Симптоматично появление виртуальной газеты «НОЖКА» (Новости жизни красноярских архитекторов, создатель и ведущая – Ольга Смирнова) – еще одной площадки для обсуждения острых вопросов, как узкопрофессиональных, так и имеющих широкий общественный резонанс. Отмечена была исключительная активность молодых архитекторов. Члены Клуба молодых архитекторов при ИРО САР регулярно осуществляют инсталляции и акции: «Бух-Арт», «Архнадзор», «Один день». В последнее время родилась социально-значимая инициатива – обустройство берегов Байкала; это первая акция в режиме «offline». Деятельность КМА была инспирирована не только активной позицией ИРО САР, но и, безусловно, циклом проектов Андрея Асадова «Города»: иркутская молодежь принимала участие во всех «Городах», начиная с самых первых в подмосковном «Суханово», а «Шаман-город» на Байкале помогала организовывать. Отчет об участии в проекте «Зурбаган» опубликован в этом номере ПБ. Важнейшим делом стала и организация Байкальского общества

архитекторов и инженеров в сентябре – октябре этого года. Благодаря восьмилетнему взаимодействию архитекторов нескольких субъектов федерации в рамках фестиваля «Зодчество Восточной Сибири» удалось оперативно объединить необходимое количество участников в некоммерческое партнерство.

Съезд показал, что членов творческого союза, в который входит 12 тысяч человек, беспокоят как давние проблемы, связанные с их профессиональной деятельностью, с сохранением наследия, так и грядущие перемены, обусловленные появлением саморегулируемых организаций.

16 лет возглавлял Союз архитекторов России Юрий Петрович Гнедовский. Была выполнена огромная работа по развитию профессии; создан и все эти годы совершенствовался фестиваль «Зодчество»; творческий союз сохранил хорошие традиции, в том числе по работе с молодежью и помощи ветеранам, сохранил свое единство. Делегатам VII Съезда предстояло выбрать нового президента из четырех кандидатов, выдвинутых организациями Союза. Логично было бы ожидать серьезного противостояния кандидатов. Однако один за другим Алексей Воронцов, Юрий Гнедовский и Александр Понин попросили снять их кандидатуры и отдать голоса в пользу Андрея Бокова. Все просьбы были удовлетворены, и выборы проходили без-

1. IV Форум архитекторов-горнолыжников СФО будет проходить ориентировочно в марте-апреле 2009 года в туристическом комплексе «Танай» (100 км от Кемерово) или на горе Туманная (новый район катания в Горной Шории к востоку от Таштагола). Оргкомитет ЛКА-2009: Кемеровская региональная организация Союза архитекторов России, Дом архитектора, 650003, г. Кемерово, ул. Красная, 4, т/факс: 8(3842). 58-21-84
Председатель правления Насонова Марина Евгеньевна, член правления по социальным вопросам Шиленкова Лариса Михайловна, 8-923-508-6525.

альтернативно. По мнению многих, отсутствие какого-либо драматизма в процедуре выборов свидетельствует о том, что Союз предпочел не разминаться на интриги, а заниматься конструктивной деятельностью, тем более, что будущие перемены – переход к саморегулированию – требуют от архитекторов сплочения.

Итак, Съезд избрал нового президента – известного архитектора, лауреата национальной премии в области архитектуры «Хрустальный Дедал», директора института Моспроект-4, недавнего гостя фестиваля «Зодчество Восточной Сибири-2008» Андрея Владимировича Бокова.

В состав правления от Восточной Сибири вошли

Виктория Астраханцева (Братск), Александр Чернецкий (Ангарск), Андрей Дубов (Бурятия), Елена Григорьева и Игорь Козак (Иркутск), Владимир Ульянов (Красноярск), Борис Руднев (Тува), Григорий Кульченко (Хакасия) и Владимир Старостин (Чита).

По инициативе нового президента в его десятип-

роцентной квоте членства в правлении половина мест была отдана молодым архитекторам.

В декабре состоится первый пленум нового состава правления, где будет избран президиум и вице-президенты не только по направлениям деятельности, но и по федеральным округам.

О саморегулируемых организациях

20 октября в Президентском зале Союза архитекторов России собрались представители всех регионов и архитектурных организаций России для рассмотрения процесса создания саморегулируемых организаций. Необходимость СамРО обусловлена нововведениями российского законодательства, по которому с 2010 года архитекторы и проектировщики, не вошедшие в саморегулируемую организацию, работать не имеют права. Создание Ассоциации некоммерческих партнёров, на базе которой появится саморегулируемая организация, – одно из главных решений VII съезда Союза архитекторов России. В Устав Союза уже внесены изменения, связанные с будущим появлением саморегулируемых организаций.

В Союзе архитекторов России создан специальный отдел, сотрудники которого помогают ускорить процесс создания организаций на местах. Юристами уже отработан пакет документов, которым могут пользоваться все заинтересованные участники. Этот процесс курирует В. Логвинов, президент Московского союза архитекторов. Очевидно, что уже созданы три крупных объединения. Это Гильдия архитекторов и инженеров Москвы, в которой уже сегодня более полутора сотен участников. Создает свое партнерство Южное архитектурное общество с центром в Ростове-на-Дону. Такое же – Байкальское общество архитекторов и инженеров – создано в Восточной Сибири. В настоящее время идет процедура

регистрации партнерства, а в декабре будет проведена перерегистрация в саморегулируемую организацию. Аналогично происходит формирование СРО в Красноярском крае (Гильдия архитекторов и проектировщиков Красноярска). В Краснодаре процесс идет в этом же направлении. На Алтае, Дальнем Востоке, Новосибирске, в европейской части России создается единая сеть организаций, которые имеют практически одинаковые уставы и тесно переплетены с деятельностью Союза архитекторов России. Президент некоммерческого партнерства имеет, как правило, статус заместителя председателя Правления регионального отделения Союза архитекторов России. Так, в Иркутском обществе им является В. Б. Стегайло, заместитель председателя ИРО САР. В коллегии некоммерческого партнерства Байкальского общества входят представители САР, председатели и члены правлений Ангарской, Братской, Бурятской, Иркутской, Тувинской и Читинской организаций Союза архитекторов России. В Уставе записано, что организации, входящие в некоммерческое партнерство, занимающиеся архитектурной деятельностью, в своем руководстве должны иметь члена Союза. Это еще раз показывает теснейшее взаимовлияние Союза и саморегулируемых организаций. Естественно, что начинать работу на основе деятельности Союза архитекторов намного легче: есть юридическая база и адреса, отработанные документы, в качестве флага выступает

Московская гильдия, задающая тон всему процессу.

М.Т.

В связи с вступлением в силу федерального закона «О саморегулируемых организациях», а также принятых в целях исполнения названного закона поправок в Градостроительный кодекс РФ 8 октября 2008 года под эгидой Общероссийской общественной организации «Союз архитекторов России» в Иркутске состоялось учредительное собрание некоммерческого партнерства «Байкальское общество архитекторов и инженеров» (НП «БОАИИ»), по итогам которого принято решение о создании партнерства с целью приобретения последним статуса саморегулируемой организации в сфере архитектурно-строительного общества им является В. Б. Стегайло, заместитель председателя ИРО САР. В коллегии некоммерческого партнерства Байкальского общества входят представители САР, председатели и члены правлений Ангарской, Братской, Бурятской, Иркутской, Тувинской и Читинской организаций Союза архитекторов России. В Уставе записано, что организации, входящие в некоммерческое партнерство, занимающиеся архитектурной деятельностью, в своем руководстве должны иметь члена Союза. Это еще раз показывает теснейшее взаимовлияние Союза и саморегулируемых организаций. Естественно, что начинать работу на основе деятельности Союза архитекторов намного легче: есть юридическая база и адреса, отработанные документы, в качестве флага выступает

Московская гильдия, задающая тон всему процессу. По информации, прозвучавшей на съезде Союза архитекторов России, состоявшемся 21–22 октября 2008 года в Москве, стадию государственной регистрации в настоящее время, помимо НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров», проходят еще две аналогичных саморегулируемых организации – в

Москве и Ростове-на-Дону. В совокупности под эгидой Союза архитекторов России в сфере архитектурно-строительного проектирования будет организована сеть некоммерческих партнерств, покрывающая все субъекты Российской Федерации. Учредительное собрание ассоциации этих НП состоится в начале декабря уходящего года.

Срок начала полноценной работы НП «Байкальское общество архитекторов и инженеров» в качестве саморегулируемой организации в сфере архитектурно-строительного проектирования связан с прохождением всех этапов государственной регистрации партнерства, формированием соответствующих органов в структуре будущего СРО, а также изданием и вступлением в законную силу подзаконных нормативных актов Правительства РФ, детализирующих в совокупности деятельность саморегулируемых организаций как полноценных субъектов, осуществляющих регулирование и контроль в сфере проектирования.

В настоящее время НП «БОАИИ» открыто для принятия в свой состав новых членов. Необходимые для заполнения документы можно получить по адресу места нахождения органов управления НП «БОАИИ»: г. Иркутск, Черемховский переулок, 1а, оф. 2, e-mail boaii@inbox.ru.

КРАСПАН

Алюминиевые композитные панели в современном строительстве, благодаря своей легкости и прочности, пластичности и способности к любым трансформациям, а также неповторимой стильности, в настоящее время становятся одним из самых востребованных материалов для облицовки навесных фасадов зданий любой сложности и высотности. Являясь продуктом высокотехнологичного производства, алюминиевые композитные панели имеют некоторые особенности, не известные их потенциальным потребителям. Однако и проектировщики, и строители, и инвесторы, а также и рядовые граждане, практически каждый день сталкивающиеся с «прелестями» городской архитектуры, несомненно, должны располагать объективной информацией в этой сфере.

За разъяснениями и подробностями мы обратились к Андрею Григорьевичу Ханхабаеву, директору иркутского представительства завода «КРАСПАН», ведущего российского производителя систем вентилируемых фасадов.

Все чаще встречающиеся на фасадах зданий нашего города алюминиевые композитные панели (АКП), являются многослойным материалом, состоящим из двух слоев алюминиевого сплава и внутреннего полимерного слоя. Основной областью их применения является производство облицовочных покрытий в системах навесных фасадов, отделки внутренних интерьеров, а также производство рекламных конструкций различного назначения.

Одним из первых, производством алюминиевых композитов занялась немецкая компания Alcan Composites (город Зинген, Германия), выпускающая АКП под торговой маркой «Алюкобонд», название которой в нашей стране стало именем нарицательным (как, например «ксерокс»).

На сегодняшний день, производством АКП занимаются различные производители во всем мире: как от японцев (способных производить композитные панели на основе меди, нержавеющей стали и даже титановых сплавов), так и до бесконечного количества небольших южноазиатских производств.

В России также существует определенное количество компаний, представляющих собственные «бренды» алюминиевых композитных панелей, но в основном это производители, чье производство заключается в размещении заказов под своей торговой маркой у китайских производителей и дальнейшей их дистрибуции на российском рынке.

К немногочисленному числу компаний, реально имеющих собственное производство АКП, относится и завод «КРАСПАН», запустивший в 2008 году уникальную по своим техническим возможностям производственную линию по выпуску огнестойких композитных панелей.

Давайте попробуем разобраться, отталкиваясь от существующих

Москвы — апрель 2007-го, гостиничный комплекс в Киеве — апрель 2007-го, жилой комплекс «Атлантис» во Владивостоке — июль 2007-го, бизнес-центр класса «Б» в Москве — апрель 2008-го, и множество более мелких (за примером, нам и недалеко ходить: гостиничный комплекс «Саган Морин» в Улан-Удэ, здание супермаркета на Синюшиной горе в Иркутске), где основное и очень быстрое распространение огня происходило на навесных фасадах, смонтированных с применением в качестве облицовочного покрытия алюминиевых композитных панелей. Здесь уместно доба-

В настоящее время, в России действует ГОСТ 31251 (в редакции 2003 года) — «Конструкции строительные. Методы определения пожарной опасности. Стены наружные с внешней стороны». Этот ГОСТ определяет навесной фасад как ЕДИНУЮ КОНСТРУКЦИЮ и вводит определение четырех классов пожарной опасности фасадов — К0, К1, К2, К3. Группы горючести (Г1-Г4) по СНиП 21-01-97 «Пожарная безопасность зданий и сооружений» оценивают строительный материал только с точки зрения возможности возгорания от случайного источника незначительной мощности.

Алюминиевые композитные панели на навесных фасадах. Гореть или не гореть?

Высокотехнологичная линия по производству огнестойких алюминиевых композитных панелей Краспан-Ал

го спектра предложений АКП на нашем рынке, какими же критериями необходимо руководствоваться, исходя из уже накопленного опыта применения этого «чудо-материала», при выборе фасадных материалов того или иного производителя.

Самым основным и злободневным критерием на сегодняшний день является вопрос пожарной опасности алюминиевых композитных панелей. В последние годы, по территории стран СНГ прокатился ряд серьезных пожаров, случившихся в высотных и сложных зданиях, таких как: комплекс «Транспорт Тауэр» в Астане — май 2006-го, бизнес-центр «Дукат-плейс III» в центре

Москвы, что при воздействии интенсивного источника огня композит начинает плавиться и капая, уже сам становится источником вторичного возгорания, а при попадании на тело человека образует ожоги высокой степени.

Основной причиной вышеперечисленных пожаров является применение в навесных вентилируемых фасадах алюминиевых композитных панелей, не разрешенных для использования в этой сфере строительства. И тут необходимы подробные разъяснения о действующей нормативной и разрешительной документации, по поводу которых у многих лиц, принимающих решения, существует явное недопонимание. Теперь по порядку.

Соответствие материала группе горючести Г1 просто НЕ ЯВЛЯЕТСЯ основанием для принятия решения об использовании данного материала в качестве фасадной облицовки.

Да и сама методика определения группы горючести, по мнению экспертов, остро нуждается в безотлагательной доработке. Пользуясь либерально заложенными параметрами испытаний в соответствующем ГОСТе, многие сертификационные лаборатории в борьбе за заказчика, идут на использование в своих исследованиях максимально возможных допусков. В результате, в одной лаборатории один и тот же материал получает группу горючести

Г1, а в другой, при применении все той же методики — Г4. Более того, встречаются примеры, когда при проведении испытаний торцы композитной панели с полиэтиленовой начинкой просто завальцовываются. После этого при внешнем температурном воздействии внутренняя начинка просто кипит, не вытекая, а затем опять застывает... Тут уже, как говорится, без комментариев.

На сегодняшний день, общепризнанными огнестойкими АКП являются такие материалы, как «Алюкобонд-А2» немецкого и «Алполик-А2» японского производства (по европейской классификации класс А2 является аналогом нашей группы горючести Г1, правильнее сказать — должен являться). Что же стоит за определением «огнестойкий»?

При производстве АКП, в качестве внутреннего слоя применяются модифицированные полимеры, проще говоря — полиэтилены низкого давления. С использованием легкоплавких полимеров можно произвести АКП только группы горючести Г4, то есть легкогорючие, что в основном и производят южноазиатские производители. Дело в том, что применяемые в большом количестве в том же Китае, навесные фасады с использованием АКП не являются вентилируемыми; наоборот — их герметизируют, чтобы теплый и влажный атмосферный воздух не проникал внутрь кондиционируемых зданий. Там, при устройстве фасадов из АКП, в полость фасадных кассет закладывается теплоизоляция, а швы между кассетами заделываются герметиком. И при возникновении пожара, теплоизоляция внутри кассеты активно отводит тепло и не позволяет развиваться горению композита.

На более северных территориях, к каким относятся Европа и Россия, применяется другой принцип устройства навесных фасадов - с наличием вентиляционного зазора, где облицовочный слой конструктивно располагается отдельно от теплоизоляционного слоя. В вентилируемых фасадах необходимо применять только трудногорючие, так называемые «огнестойкие» алюминиевые композитные панели.

При производстве огнестойких АКП, во внутреннюю полимерную начинку добавляют минеральные наполнители (такие как гидроксид магния, гидроксид алюминия), которые не позволяют композиту под воздействием открытого огня активно плавиться и поддерживать горение. Так, например, в материале «Алюкобонд-А2» присутствует около 85% минерального наполнителя (технология холодного прессования), в

«Алполик-А2» минералонаполненность внутреннего слоя составляет 70% (экструзионная технология).

При производстве огнестойких АКП с высоким содержанием минеральных наполнителей используется более мощное оборудование, в частности экструдеры, позволяющие плавить густую основу, а само производство является более трудоемким и энергозатратным. Нужно четко понимать, что большинство производителей просто не располагают соответствующими техническими возможностями. Они не имеют мощного оборудования и производят только горючие АКП на основе легкоплавкого полиэтилена.

Использование же так называемых галогеновых замедлителей возгорания (например — антипирены, запрещенные к применению во всех развитых странах) приводит к образованию при пожаре дымовых газов высокой токсичности (таких как фосген), а выпуск АКП с такими добавками просто не может быть промышленным, в силу высокой ядовитости их производства. И нередко встречаются примеры, когда недобросовестные производители и/или поставщики подают на сертификационные испытания образцы с повышенной огнестойкостью, а на рынок в массовом порядке поставляются обычные горючие АКП.

На сегодняшний день, в Иркутске уже существует несколько крупных зданий общепенного значения с навесными вентилируемыми (что уже само собой подразумевает высокую скорость распространения огня) фасадами из АКП сомнительного производства. Конечно же, у нас как обычно бывает — пока гром не грянет....

Но давайте зададимся вопросом, кто в случае пожара с описанными выше последствиями будет готов разделить ответственность за произошедшее? Проектировщик, застройщик, инвестор или же поставщик-временщик, которого завтра может и следа не найдешь?

Стоит добавить, что с мая 2009 года, в России вступит в силу федеральный закон «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности», согласно которому ответственность за пожарную безопасность зданий будут нести их собственники. В частности, при материальном ущербе от пожара в размере свыше 250 тысяч рублей, законом предусмотрена уголовная ответственность владельца здания, а в случае гибели при пожаре двух и более человек — персональная ответственность до семи лет лишения свободы.

Наверное, тут необходимо серьезно задуматься тем, кто принимает принципиальные решения, о последствиях применения в строительстве более дешевых, но «незаконных» материалов. Ведь нередко на строительных объектах сталкиваешься с довольно странной ситуацией, когда застройщик при строительстве потратил основной бюджет на «коробку» здания, а на навесные фасады, ответственных по своей сути конструкциях, начинает экономить. Приобретается более дешевая, а это значит недолговечная, теплоизоляция — что весьма странно, ведь главным образом, ради внешнего утепления навесные фасады и применяются, но получается как в детской сказке — «а король то голый...», внешне все красиво, а внутри — мягко говоря, развиваются неконтролируемые процессы. Еще хуже — покупается «самопальная» подобиловочная металлоконструкция (непонятно из какого исходного сырья и в каких условиях произведенная). И наконец, фасадная облицовка порой монтируется так, что невольно думается: лучше бы стены просто покрасили...

Завод «КРАСПАН», запустивший в Красноярске весной 2008 года производственную линию по выпуску алюминиевых композитных панелей, изначально планировал производить только огнестойкие и недорогие, по сравнению с импортными аналогами, композитные панели для навесных фасадов. Для достижения этой цели, заводом в Южной Корее была приобретена специально спроектированная, полностью автоматизированная производственная линия, способная выпускать до миллиона квадратных метров в год действительно огнестойких композитных панелей, как на основе алюминия, так и на основе нержавеющей стали.

Алюминиевые композитные панели под торговой маркой «Краспан-АЛ» производятся по экструзионной технологии с внутренним слоем, состоящим из 70% минерального наполнителя, 25% связующего полимера и 5% термополимерного клея. При производстве панелей «Краспан-АЛ» используется только алюминиевый сплав АМЦ с высоким содержанием марганца и меди, повышающих сопротивление коррозии и улучшающих механические свойства самой панели. Ведь не секрет, что в дешевых китайских АКП используются более мягкие сплавы алюминия, что приводит к низкой коррозионной устойчивости и искривлению фасадных поверхностей под воздействием температурных колебаний.

Панели «Краспан-АЛ» производятся двух типов: с толщиной алюминиевых слоев 0,5 мм — для классического кассетного крепления и с толщиной алюминия 0,4 мм — для листового крепления на специальную фасадную заклепку, что несомненно является перспективным, с точки зрения экономичности, скорости и простоты монтажа, фасадным материалом для действительно массового строительства, как общественных, так и жилых зданий.

Лакокрасочное покрытие панелей «Краспан-АЛ» составляют высококачественные PVDF и NanoPVDF эмали, обладающие не только повышенной стойкостью к внешним воздействиям (к кислотам и щелочам, к климатическим факторам, к истиранию), но и способностью к самоочищению, что очень важно для фасадов высотных зданий.

Панели «Краспан-АЛ» покрыты защитной пленкой на основе каучукового клея, который позволяет не удалять защитное покрытие с фасадных поверхностей до полугода, в отличие от более дешевых аналогов на основе акрилового клея, который при удалении пленки частично остается на поверхности, в результате чего происходит неравномерное загрязнение фасада.

Фирменным признаком алюминиевых композитных панелей «Краспан-АЛ» является темнокрасный цвет внутренней прослойки, отвергающий рассуждения о «распознавании горючести» композитов по белому или темно-му цвету полимерной начинки.

Остается отметить, что на сегодняшний день, основным критерием нелабораторного определения горючести АКП остается только объемный вес самой панели: огнестойкие композитные панели в силу своей минералонаполненности почти в полтора раза тяжелее горючих аналогов.

А единственным критерием законности применения той или иной алюминиевой композитной панели в системе навесных вентилируемых фасадов является наличие действующего Технического свидетельства и Технической оценки ФГУ ФЦС России на конкретную систему навесного фасада, с обязательно прописанным названием той или иной композитной панели, как составляющей указанной системы и прошедшей должным образом все необходимые исследования, в том числе и обязательные натурные пожарные испытания.

**Техническое представительство
завода «КРАСПАН»
в Восточно-Сибирском регионе:
664007, Иркутск, ул.Энгельса,
стр. 8, офис 806
Тел./факс: (3952) 211-110**

Арт-галерея Юридического института ИГУ

Уже 10 лет в вестибюле Юридического института ИГУ существует своеобразное художественное пространство. Это Арт-галерея – часть задуманного руководством института еще в момент его создания проекта по соединению учебной, спортивной и художественно-воспитательной деятельности как необходимых условий формирования профессионалов-юристов.

Куратором галереи на общественных началах с момента ее создания является И.Г. Федчина, энергичный и профессиональный музейщик и искусствовед, заместитель директора Иркутского художественного училища по творческо-просветительской работе. Оформлять отобранные работы помогает зав. методическим фондом

Иркутского художественного училища талантливый дизайнер и фотограф В. Николаев. За это время проведено уже более пятидесяти персональных или коллективных выставок. Экспозиции, как правило, устанавливаются на срок до полутора месяцев. Сложился и ритуал их проведения: обязательное привлечение студентов к развеске, обязательная презентация каждой выставки в присутствии авторов и руководства института, скромный фуршет, встреча авторов со студентами. Миссия Арт-галереи ее организаторам видится в том, чтобы знакомить студентов и сотрудников с разными художниками, живущими и работающими в Иркутске. За это время были проведены выставки как известных живописцев и фотогра-

фов-мэтров (Г. Кузьмина, Б. Десяткина, Н. Статных, А. Шелтунова, А. Князева), так и молодых талантливых художников. И.Г. Федчина говорит о необходимости концепции для каждой, даже самой скромной экспозиции.

Арт-галерея позволила показать, что преподаватели института не только знающие профессионалы, но люди с широким кругозором и интересными увлечениями. Фотография, графика, живопись, декоративно-прикладное искусство, представленные педагогами, не менее интересны для студентов, чем профессиональное творчество. Столь же интересно и подчас неожиданно выглядят выставки работ студентов ЮИ ИГУ.

Формат существования выставочных залов, каким

он сложился сейчас, уже не выполняет тех запросов, которые возникли у молодежи. Она находит мало привлекательного в экспозициях традиционного толка, по сути дела, не умея по-настоящему общаться с изобразительным искусством. Навык смотреть художественное произведение, понимать картину – это задача эстетического воспитания и образования. Его надо прививать. А сделать это вне музея, не побуждая молодежь общаться с оригинальными картинами (не репродукциями!), невозможно. Но для этого нужны иные, непривычные методы, отличающиеся от привычных экскурсий и академического искусствоведения. Музеи же сегодня – место малопривлекательное для молодежи во всех смыслах.

А. Урбановский. Театр нашей жизни. Х.м.

Беда времени и недоработка руководства музеев также и в том, что традиционная схема музейной работы ориентирует молодых людей, пришедших сюда работать, на проведение искусствоведческих исследований и не дает молодым шанса проявить себя как современным людям, владеющим новыми способами организации и подачи материала.

Руководство Юридического института сделало очень современную вещь – искусство было «принесено в дом»; сломались привычные представления о том, что искусство – нечто далекое, непонятное и недоступное. И оказывается, что расположение галереи (по пути к библиотеке и конференц-залу), ее оснащение (установленные кронштейны, сдержанный цвет стен) и ритуал проведения идеально подходят для выполнения воспитательных задач. Каждую выставку имеет возможность просмотреть около 2 000 человек: студенты дневного и заочного отделений, сотрудники и знающие зрители «со стороны». Не всякая академическая экспозиция может похвастаться такой популярностью.

Выставка, приуроченная к десятилетию Арт-галереи, преследовала несколько целей. Куратору хотелось показать тех авторов, которые уже знакомы постоянным зрителям Арт-галереи. Так, в экспозиции представлены усть-илимцы А. Урбановский, А. Погребной, Н.Тарасик. Они выставляются в Иркутске довольно редко, и упускать возможность представить их хорошие работы организаторам не хотелось; их полотна стали истинным украшением галереи. Вскоре после смерти Б. Десяткина именно в Арт-галерее была организована его персональная выставка; творчество этого интересного живописца представлено одной работой. Великолепный знаток природы Байкала В. Осипов как никто умеет передать его своеобразие; пейзаж Байкала украшает и эту экспозицию.

Отдельная тема – участие в выставках педагогов-художников. Нередко бывает, что великолепный

учитель не показывает свои работы из боязни прослыть никудышным мастером, испортить свою репутацию. Арт-галерея является для них своеобразной экспериментальной и «стартовой» площадкой, снимает «боязнь публики» и побуждает к более интенсивному и продуктивному творчеству художников-педагогов, давая возможность посмот-

реть на себя со стороны, более объективно оценить и свое мастерство, и перспективы своего роста. М. Марцинечко, Н. Бешнов, В. Николаев показали и незаурядное мастерство, и неожиданные находки.

Такая инициатива, как регулярная выставочная деятельность в вузе, – не просто демонстрация возможностей художников,

студентов и педагогов, пропаганда изобразительного искусства. Это свидетельство уровня культуры самого вуза, который видит необходимость организовывать не только учебное время студента, но и открывать для него возможности творческого самопроявления.

Марина Ткачева
Фото Андрей Шолохов

Н. Тарасик. Вход в Иерусалим. Х.м.

А. Погребной.
Примирение. Х.м.

Магия русского пейзажа

Пейзаж в русской культуре занимает совершенно особое место, сравнимое лишь с его положением в традиционных восточных культурах, прежде всего Китая и Японии. Классическая русская литература подробно описывала пейзаж, тщательно подготавливая место действия персонажей, как бы создавая фундамент для развития сюжета. Пейзаж служил не только фоном для героев повествования, он выполнял функцию, в чем-то схожую с ролью хора в древнегреческой трагедии, комментируя, дополняя и оттеняя основное действие. Представить сюжет в русской литературе, развивающийся в некоем абстрактном пространстве, в какой-то отвлеченной местности, просто невозможно. Человек, его действия, чувства и мысли теснейшим образом связаны с окружающим пейзажем, постоянно взаимодействуя с ним на внешнем и внутреннем уровнях.

Человек вообще зависит от пейзажа в гораздо большей степени, чем это принято думать. Не говоря уже о прямой, физической, зависимости, заставляющей человека выбирать тот или иной тип жилища, одежды, хозяйственной деятельности и поведения, пейзаж может расслаблять и мобилизовать

вать, внушать спокойствие и тревогу, вызывать болезни и излечивать, задавать определенный масштаб соотношения человека и окружающего его мира, определять тип отношения к окружающей среде, формируя понимание человеком своего места и роли в этом мире. Воздействуя столетиями, пейзаж формирует народы и нации, чья духовно-нравственная жизнь также тесно связана с пейзажем, влияющим на нее на подсознательном, и значит, более мощном уровне.

Усилившись ко второй половине XIX века интерес русской живописи к пейзажу не случайно совпал с историко-философскими попытками осознания феномена русского народа. Кстати, его культурное своеобразие определяется как соединением Востока и Запада, то есть, в географических терминах. К концу XIX века русский пейзаж из «малого» жанра превращается в жанр, почти равноценный исторической живописи, способный поднимать самые серьезные вопросы бытия.

Начавшись с хорошо всем известной благодаря школьным хрестоматиям картины В. Саврасова «Грачи прилетели», русская пейзажная школа достигла своей вершины в творчестве И. Левитана,

чьи пейзажи, вписываясь в общую для передвижников идейно-нравственную программу, отвечали духовным ожиданиям зрителей, порой придававшим им даже политическое звучание, как это было с «Владимиркой». А его монументальное по размерам и решению полотно «Над вечным покоем», являясь в жанровом отношении чистым пейзажем, заставляет размышлять о судьбе отдельного человека и судьбах целого народа, о жизни и истории. Нерасторжима связь между действием и пейзажем в исторических картинах М. Нестерова, который, кроме того, создал уникальный жанр портрета в пейзаже, раскрывая через пейзаж внутренний мир портретируемого.

Говоря обобщенно, любой пейзаж – это в определенной степени автопортрет художника, отражающий его мироощущение. Но это также и метафорический портрет нации в определенную эпоху. Пейзаж – это та «почва», из которой все произрастает и в которую все уходит, это – «почва под ногами», без которой невозможна физическая и духовная жизнь ни отдельного человека, ни целого народа.

Сергей Эляян

Башня «Unibail» / Unibail Tower

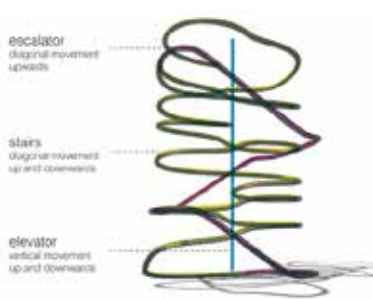
Место: Франция, Париж
Архитекторы: Herzog & de Meuron

Уникальность этой новой 180-метровой башни заключается в том, что она будет возведена на территории «малого Парижа». Ее объем представляет собой «истонченную» пирамиду Хеопса, сохранившую ширину – 200 м, но весьма уменьшившуюся в глубину, сократившись до 13 м. Благодаря своей форме, она даже тень будет отбрасывать очень небольшую, а также, из-за своей ориентированности вдоль проспекта Эрнест-Ренан, она не будет чрезмерно заметна в городском ландшафте.

Бюро «Херцог и де Мерон» разработало проект небоскреба для Парижа – http://archi.ru/foreign/news/news_present.html?nid=9461&fl=1&sl=1&tid_1=5&tid_2=%25&tid_3=%25

Страница Herzog & de Meuron на портале archinform – <http://eng.archinform.net/arch/291.htm>

Магазин Louis Vuitton / Flagstore Louis Vuitton

Место: Япония
Архитекторы: UNStudio

Проект основан на мотиве древесного листа, заменившего в данном случае знаменитую монограмму LV. Он отражен в плане этажей, в разрезе и на фасаде здания. Каждый этаж будет поделен на четыре «листа»-подэтажа, расположенных по спирали. Также в сооружении будут устроены открытые террасы, которые соединят в себе разные функции – в более свободном, «садовом» окружении.

Бюро «UN Студио» представило свой проект центрального магазина модного дома Louis Vuitton в Японии – http://archi.ru/foreign/news/news_present.html?nid=7630&fl=1&sl=1&tid_1=5&tid_2=%25&tid_3=%25

Официальный сайт UNStudio – <http://www.unstudio.com>

Жилой комплекс «Горные Жилища» / Mountain Dwellings

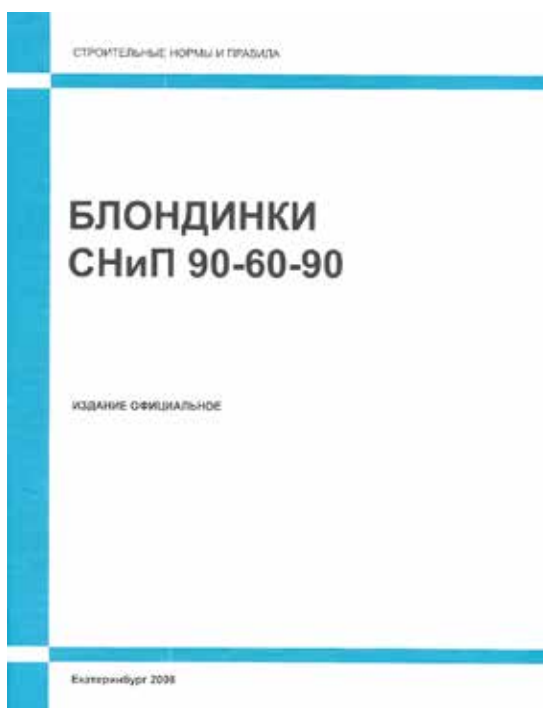

Место: Дания, Копенгаген
Архитекторы: BIG, JDS Architects

80 квартир расположены на платформе, скрывающей в себе гараж на 480 машиномест. Таким образом решается проблема с размещением автомобилей жителей, а жильцы получают, благодаря расположению своих апартаментов на пологой «горе» парковки, небольшие зеленые террасы и открытость солнечному свету (высота гаража увеличивается в северном направлении, а квартиры ориентированы в противоположную – южную – сторону). Южные фасады жилых ячеек комплекса обшиты деревянными досками, остальные стороны постройки облицованы перфорированными алюминиевыми панелями. Через эти отверстия, образующие вместе силуэт горы Эверест, свет и свежий воздух попадает в гараж.

В Копенгагене сдан жилой комплекс Mountain Dwellings бюро PLOT – http://archi.ru/foreign/news/news_present.html?nid=8500&fl=1&sl=1&tid_1=5&tid_2=%25&tid_3=%25

Блондинки без берегов

В каждом профессиональном сообществе рано или поздно возникает свой специфический юмор. Этот феномен обычно носит отпечаток профессии, внутри которой он возник, так что постороннему человеку корпоративные шутки могут показаться совсем и не смешными. Скажем, выражение «дигидрогениум монооксид» способно повеселить химика (потому что, согласно правилам номенклатуры неорганических соединений, так должна называться обычная вода), но вряд ли покажется забавным кому-то еще.

Даниил Хармс в свое время написал очень смешные пародии на модные тогда литературоведческие «исследования» о великих писателях. «Гоголь только под конец жизни о душе задумался, а смолоду у него вовсе совести не было. Однажды невесту в карты проиграл. И не отдал». Сейчас трудно себе представить, но нечто подобное всерьез публиковалось в конце двадцатых годов XX века. Из писателей с глубокомысленным «ученым» тоном лепили хрестоматийные иконы, не замечая нелепостей или банальностей. У Хармса получалось так: «Лев Толстой очень любил детей. Утром проснётся, поймает кого-нибудь и гладит по головке,

пока не позовут завтракать. Фёдор Михайлович Достоевский, царство ему небесное, тоже очень любил собак, но был болезненно самолюбив и это скрывал (насчёт собак), чтобы никто не мог сказать, что он подражает Лермонтову».

К сожалению, юмор современных литературоведов уже не так универсален.

Разумеется, есть профессии, которые касаются всех и каждого. Например, врачи. Профессиональный юмор врачей легко приобретает общечеловеческие свойства – правда, оставаясь специфически «черноватым». Вроде такой фразы: «Здравствуйте, больной. Я – ваш патологоанатом...»

Общечеловеческий характер носит врачебный юмор, даже если речь идет о ветеринарах. Объявление: «Стригу котов. Возможна кастрация. Как получится»¹ – понятно и неспециалисту.

Такими же качествами обладает, скажем, юмор милиционеров. Как и врачи, они на работе имеют дело с мрачными и страшными вещами – болью, кровью, смертью. О них и шутят: «Преступность в нашем городе чрезвычайно высока. Порой можно пройти пять кварталов и все еще не покинуть место преступления». И терминология у врачей и милиционеров иногда буквально совпадает. Объявление: «Лечим kleptomанию клаустрофобией. Конт. тел. 02».

А вообще-то, «сколько можно наговаривать на милицию? Они ведь не только умеют дубинками махать да штрафы выписывать! На самом деле они ранимые и нежные. Они приходят с работы домой и запираются в ванной с томиком Байрона... и плачут... потому что читать не умеют»².

Много радости доставляют нам чужие ошибки и несообразности – отсюда популярность профессионального юмора корректоров и редакторов. Смешно, когда в серьезном медицинском пособии встречаешь выражение вроде «зуб в заднем проходе» (на самом деле «зуд»). Иногда опечатки выглядят настолько многозначительно, что труд-

но поверить в их непреднамеренность. Скажем, легко представить себе «мужественное лицо» или «ослиную талию». И, в общем-то, вполне понятно, что такое «Порнас» или «госудурство», «наше славное пошлое» или «навозчивая реклама», и кто такой Падло Пикассо³. Или, скажем, о чем на самом деле гласит объявление: «Челябинск. 1 ноября состоится круглый стол на тему: "Участие малых предприятий в поставках для государственных нужд"» (с сайта regions.ru).

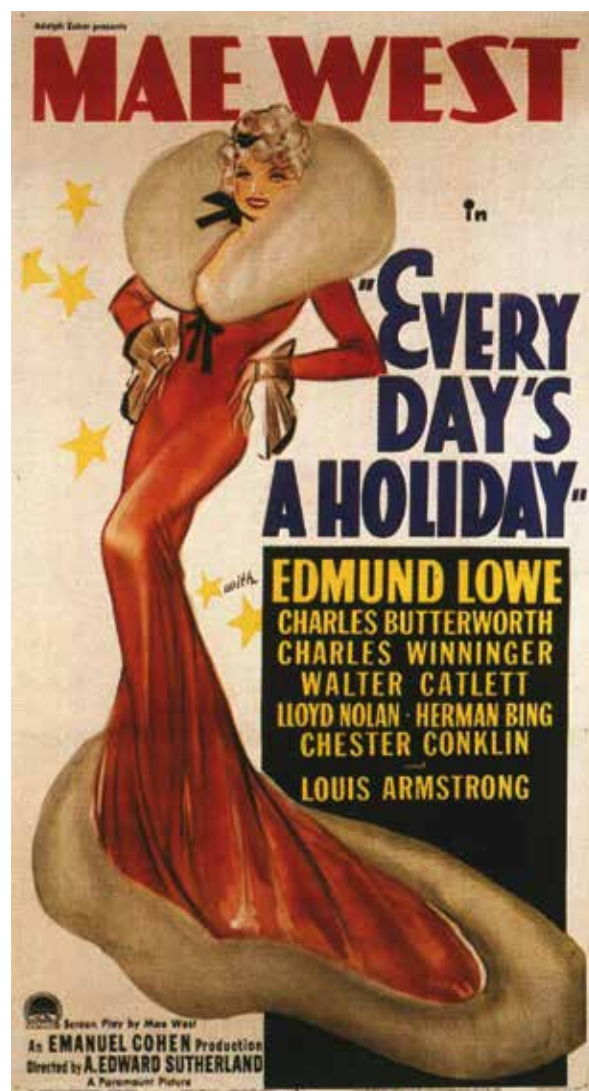
Архитекторы особенно охотно шутят на вечную тему женско-мужских отношений, а традиционный центр фонтирующего креатива архитекторов находится в городе Екатеринбурге. Этот центр стал известен по всей стране еще несколько десятилетий

назад, в конце семидесятых. В среде студентов Уральской государственной архитектурно-художественной академии тогда возникали музыкальные группы «Наутилус Помпилиус», «Чайф» и выходили первые номера газеты (теперь – журнал) «Красная Бурда». Все эти явления отечественной культуры давно переросли корпоративные рамки, но при желании в их произведениях и сейчас можно ощутить что-то «архитектурно-строительное», некую добротную приземленность:

ВАША ДЕВУШКА
ПРОСЛУЖИТ НАМНОГО
ДОЛЬШЕ...

Как дарить девушкам
полезные подарки

Если вы хотите, чтобы
ваша девушка не сидела
на холодном, подарите ей

1. <http://vetwork.chat.ru/>
2. Все шутки про милиционеров взяты с сайта Клуба сотрудников МВД www.police-russia.ru
3. <http://www.bronenosets.narod.ru/>

книгу. Если не хотите, чтобы она ставила сковородку на стол, подарите ей книгу! Книга, как и сто лет назад, – лучший подарок!

Если вы хотите дать ей доказать, что у вас руки растут откуда надо, подарите ей осьминога, пусть посмотрит и сама сделает выводы.

А хотите от души посмеяться? Подарите девушке фен и материнскую плату в одном, красочно оформленном пакете!

Ну и наконец, если вы хотите, чтобы ваша девушка лучше одевалась, скажите ей напрямик: «Знаешь что, девушка, ты лучше одевайся»⁴.

Однако наиболее охотно и часто архитекторы шутят по поводу блондинок.

Великая загадка блондинок волнует все прогрессивное человечество, и волнует не на шутку. Поисковая система на запрос «блондинки» выдает девять миллионов сто сорок тысяч сайтов – в два раза больше, чем на «джордж буш»! Особенно много материалов юмористического и сатирического характера, из которых явствует, что:

1) блондинка – это не цвет волос, а специфическое состояние души, ума и тела как самой блондинки, так и окружающих ее мужчин;

2) блондинка – непроездимая дура и тупица, что придает ей непобедимое очарование в мужских глазах;

3) блондинка ужасно прелестна и сексуальна, причем сама об этом почти никогда не догадывается;

4) блондинка доверчива и игрива, как младенец, так что каждый нормальный мужчина рядом с ней переживает удивительный комплекс из сурового отцовства и сентиментального идиотизма.

Юмор «блондинковой» тематики бывает либо фривольный (мужчины извлекают его из своих эротических фантазий), либо агрессивный (его сочиняют брюнетки долгими одиночными вечерами).

Короче говоря, блондинка – это архетипический образ, в котором коллективное бессознательное выражает свое отношение к неразумному, основанному на чувствах, интуитивному отношению к миру.

Книга (точнее сказать – книжка), недавно вышедшая в екатеринбургском издании АМБ, маленькая и толстенная (формат А6, зато почти четыреста страниц). Ее автор Александр Калабин не столько написал эту книжку, сколько собрал из материалов Клуба любителей блондинок им. Мэрилин Монро.

Называется книжка так: **СТРОИТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ И ПРАВИЛА БЛОНДИНКИ**
СНИП 90-60-90

Дата введения: 8 марта 2008 г.

В редакционном совете – сплошь солидные люди, директора архитектурных бюро, доценты и профессора, есть даже один член президиума РААСН. Издание богато иллюстрировано: около ста фотографий отечественных и импортных блондинок, как в сборе, так и в виде архитектурных деталей.

Общую идею книжки, по моему, лучше всего выражает следующее стихотворение из нее:

В нашем городе Е-бурге
Архитекторы любые –
Будто Фостеры крутые –
Словно сорвались с цепи.
Всюду странные

творенья,
Как поганки на навозе
В том задрипанном
колхозе,
Повылазили в пыли.
Вместо форм

«параллелепипдных»
Все дома вдруг стали
круглы,

Кривоваты и безуглы,
Хоть откуда посмотри.
Зодчий, выпрями кривую,
А округлость

и волнистость,
Свилеватость,
бархатистость

Ты оставь для наших дам!
И гармония вернется,
И на фоне четких линий
Заиграют с новой силой
Формы женские опять!⁵

Отношение архитекторов к блондинкам вполне ностальгическое. Ну не готовы уважаемые директора и профессора к вторжению интуитивно-чувственных образов в архитектурно-строительную практику! С их точки зрения вся эта «блондинковость» просто смешна и совсем неуместна. Пусть остается в анекдотах и в романтически-иронических стихах.

Ну что же, там она пока что в основном и остается, если говорить о современной отечественной архитектуре.

Книжка, впрочем, получилась очень славная, смешная и трогательная. Екатеринбургские архитекторы еще раз продемонстрировали, что талантливый человек, если уж берется за дело с энтузиазмом, – во всем талантлив. А еще: что архитектура была и остается творческой профессией, а для подлинного творчества границ, краев и берегов не бывает.

Константин Лидин

4. Цитаты взяты с сайта <http://redburda.ru>
5. Калабин А. Блондинки. СНИП 90-60-90. Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2008. 384 с.

Торгово-развлекательный комплекс «ОПТИМА»

Проектирование:
Архитектурная мастерская
«Тектоника»,
г. Красноярск

Архитекторы:
Е.А. Зыков
Т.В. Бандура
Т.Ю. Елистратова
Е.А. Никитина
А.С. Шишкин
А.М. Гасич
Е.В. Назаренко

Конструкторы:
Н.А. Сивчук
Д.В. Елизаров

Торгово-развлекательный комплекс «ОПТИМА» расположен в интенсивно развивающемся районе Красноярска, на улице Молокова.

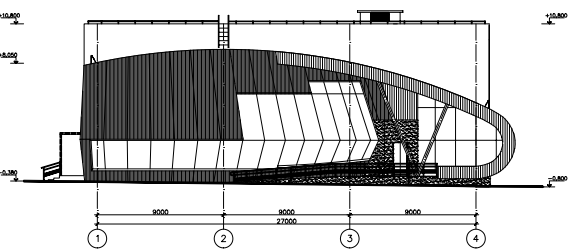
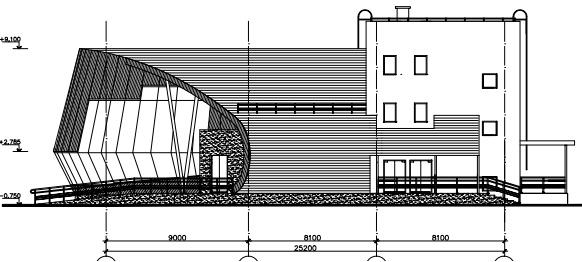
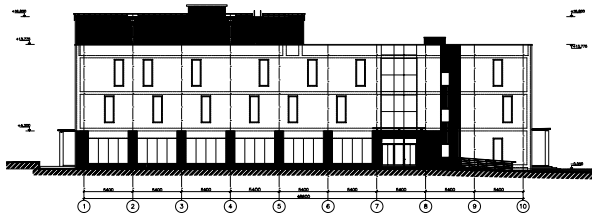
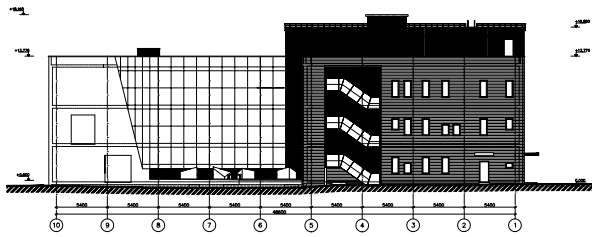
Ближайшее окружение объекта не радует архитектурными изысками. Здание соседствует с панельными многоэтажными домами, на противоположной стороне улицы, в створе с комплексом, расположено здание торгового центра из сэндвич-панелей.

Еще одна особенность участка заключается в визуальной оторванности от ландшафта, окружающего город. Поэтому авторы считали, что одной из задач проекта должна быть архитектурная компенсация отсутствия связи объекта с ландшафтом.

Имея достаточно обширный участок под застройку, заказчик не хотел строить здание с большим строительным объемом.

Таким образом возникла идея создать комплекс из трех

зданий, сгруппированных вокруг внутреннего двора.

Архитектурное решение базировалось на противопоставлении наружных и внутренних фасадов зданий.

Как ирония над ортодоксально контекстуальным подходом, внешние фасады выполнены на основе строгой ортогональной сетки, уподобляясь невыразительному архитектурному контексту.

Фасады, выходящие во двор, напротив предлагают разнообразные темы, нарочито контрастирующие друг с другом. Предполагалось, что такой подход компенсирует обитателям района отсутствие архитектурных переживаний. Изначально соотнося комплекс с природными формами (здание – лес, здание – облако, здание – водопад), авторы не считали, что прямые ассоциации будут убедительным архитектурным приемом. Тем не менее, мы надеемся, что образы, лежащие в истоках, можно расшифровать в реализованном объекте.

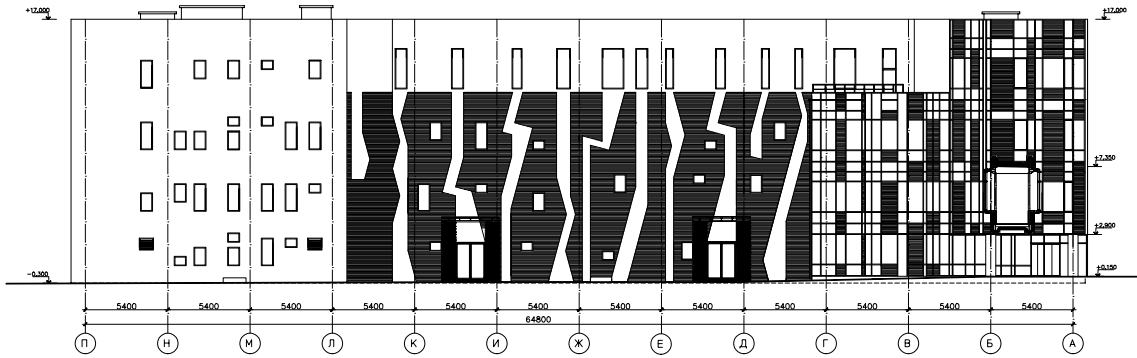
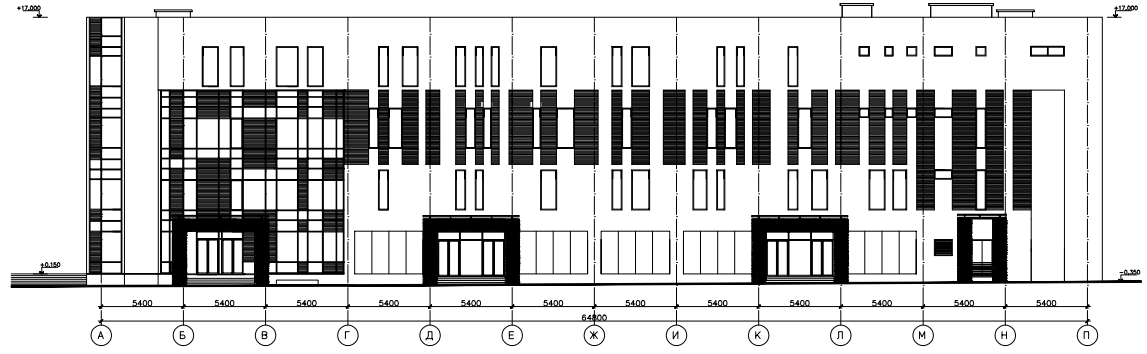

Схема территориального планирования Красноярского края: региональные масштабы, определяющие новые подходы к территориальному планированию

Основные цели и задачи разработки проекта Схемы территориального планирования Красноярского края определяются положениями, закрепленными в Градостроительном кодексе РФ: «Схема территориального планирования является основным градостроительным документом, определяющим в интересах населения и государства условия формирования среды жизнедеятельности, направления и границы развития территорий городских и сельских поселений, зонирование территорий, развитие транспортной и социальной инфраструктур, градостроительные требования к сохранению объектов историко-культурного наследия и особо охраняемых природных территорий, экологическому и санитарному благополучию».

Выполняемые градостроительные работы по проекту имеют значение как для органов власти, в качестве эффективного механизма управления развитием территории, так и представляют реальный интерес для потенциальных инвесторов по ряду позиций:

- содержат информационную базу о территории на основе комплексного системного рассмотрения всех аспектов современного и перспективного использования территорий, их потенциала и ограничений развития;

- содержат картографические и поясняющие текстовые материалы, необходимые для планирования территориальных видов деятельности, знания реальной территориальной составляющей для любого инвестиционного проекта;

- направлены на оптимизацию инвестиционных и временных затрат за счет согласования на «единой» территории всех проектных инициатив, упорядочения использования земель, предложений по очередности и этапам строительства, на основе соблюдения нормативных инженерно-технических и экологических требований.

Основным отличием проекта от целого ряда других схем, которые после периода фактического игнорирования территориального планирова-

ния 90-х годов прошлого века, были разработаны и разрабатываются в России, является территория проектирования. В чем же основная специфика Красноярского края? В первую очередь его гигантские территориальные масштабы, а следовательно, огромное разнообразие ландшафтов, климатических зон, минерально-сырьевых ресурсов, типов расселения и хозяйственной деятельности и т.д.

Край занимает географически центральную часть России, ему принадлежит 48% площади Сибирского федерального округа (СФО) и около 14% РФ (второе место среди всех субъектов РФ), однако численность населения составляет всего 2% от численности по России и около 15% от СФО.

Не удивительно, что край является одним из наиболее обеспеченных природными ресурсами субъектов РФ. Среди важнейших ресурсов края можно выделить полиметаллические руды и редкие металлы, золото, железную руду, каменный уголь, нефть, газ, гидроэнергию, нерудные минералы, запасы древесины.

Географическое положение Красноярского края в СФО (край имеет общие границы с шестью сибирскими субъектами РФ) обеспечивает развитие межрегиональных связей практически со всеми сибирскими субъектами РФ. Районы Красноярского края входят в важнейшие для экономики России развивающиеся ресурсные зоны: в угольно-энергетическую «Кемерово-Красноярскую», в зону цветной металлургии – «Красноярско-Иркутскую», в горнорудную – «Кемерово – Красноярско – Иркутско – Читинскую»; в нефтедобыче проектируемые нефтепромыслы Большехэтской группы составят с западносибирскими, а Сибинско-Тэтэринской – с обширными перспективными нефтепромышленными зонами севера Иркутской области. Кроме того, Красноярский край и Иркутская область тесно связаны с использованием гидроэнергетических ресурсов бассейна р. Ангары и запасов обширной лесоре-

сурной зоны. В указанных энергетической, металлургической, горнопромышленной и лесоресурсной зонах продолжает формирование на новой рыночной основе ряд территориально-производственных комплексов, в том числе Канско-Ачинский и Приангарский.

Все вышеперечисленное определяет геоэкономические, опорные и системообразующие функции края относительно регионов Сибири. Занимая центральное географическое положение в России, Красноярский край играет важнейшую роль в обеспечении единого экономического, коммуникационного и оборонного пространства страны.

Исходя из специфики масштабов края, стратегия пространственного развития территории, роль которой выполняет схема территориального планирования, рассматривается не только в общекраевом масштабе, но и в следующих разрезах: Сибирского Федерального округа, а по ряду направлений даже всей Российской Федерации и Евразийского континента, также по группам муниципальных образований объединенных в шесть макрорайонов.

В соответствии с идеологией разработки схемы территориального планирования, наиболее приоритетными, стимулирующими развитие территории, являются проекты национального уровня, формирующие зоны опережающего развития.

Ясно, что большинство зон развития в Красноярском крае имеют сырьевую направленность, либо в лучшем случае промышленную специализацию. Однако в крае существует территория, обладающая потенциалом для формирования полноценной социально-экономической системы постиндустриального типа. Такой зоной является формируемая Красноярская агломерация, что сходно с ситуацией в соседних с краем регионах – Иркутской и Томской областях.

В целом, проектная пространственная организация территории Красноярского края определяется следующими основными приоритетами социально-экономи-

ческого развития региона, в том числе:

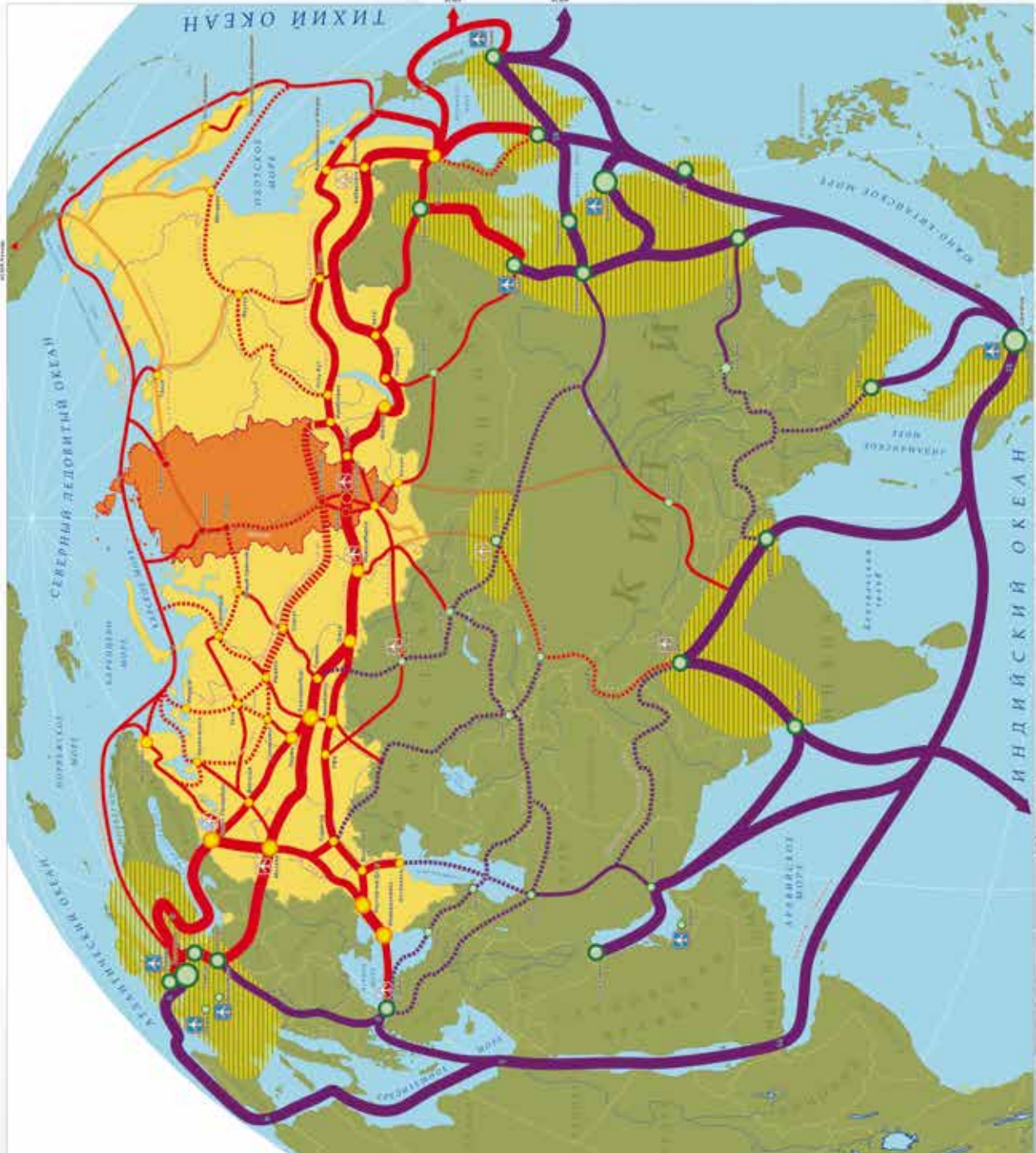
- устранение инфраструктурных ограничений для обеспечения зон нового экономического развития и социальных функций, в первую очередь это относится к территории формируемого промышленного района Нижнее Приангарье;

- вовлечение в хозяйственный оборот стратегических сырьевых и природных ресурсов территории, в том числе гидроресурсов рек Ангары и Нижняя Тунгуска, ряда крупнейших месторождений полезных ископаемых, в том числе никеля на границе Иркутской области и Красноярского края;

- формирование на базе энергетических ресурсов новых федеральных генерирующих узлов: Западный КАТЭК, ориентированный на потребности западных районов СФО, Эвенкийский энергетический узел – на Урал и Центральную Россию, Нижне-Ангарский каскад ГЭС – на обеспечении энергопотребностей Приангарья, Канская ТЭС – на энергопотребности восточных районов края и запада Иркутской области;

- создание на основе сырьевой базы края высокотехнологичных производств по глубокой переработке природных ресурсов, диверсификация экономики сырьевого типа, переход от энергосырьевого типа развития к инновационному типу экономики, в первую очередь на территории Красноярской агломерации;

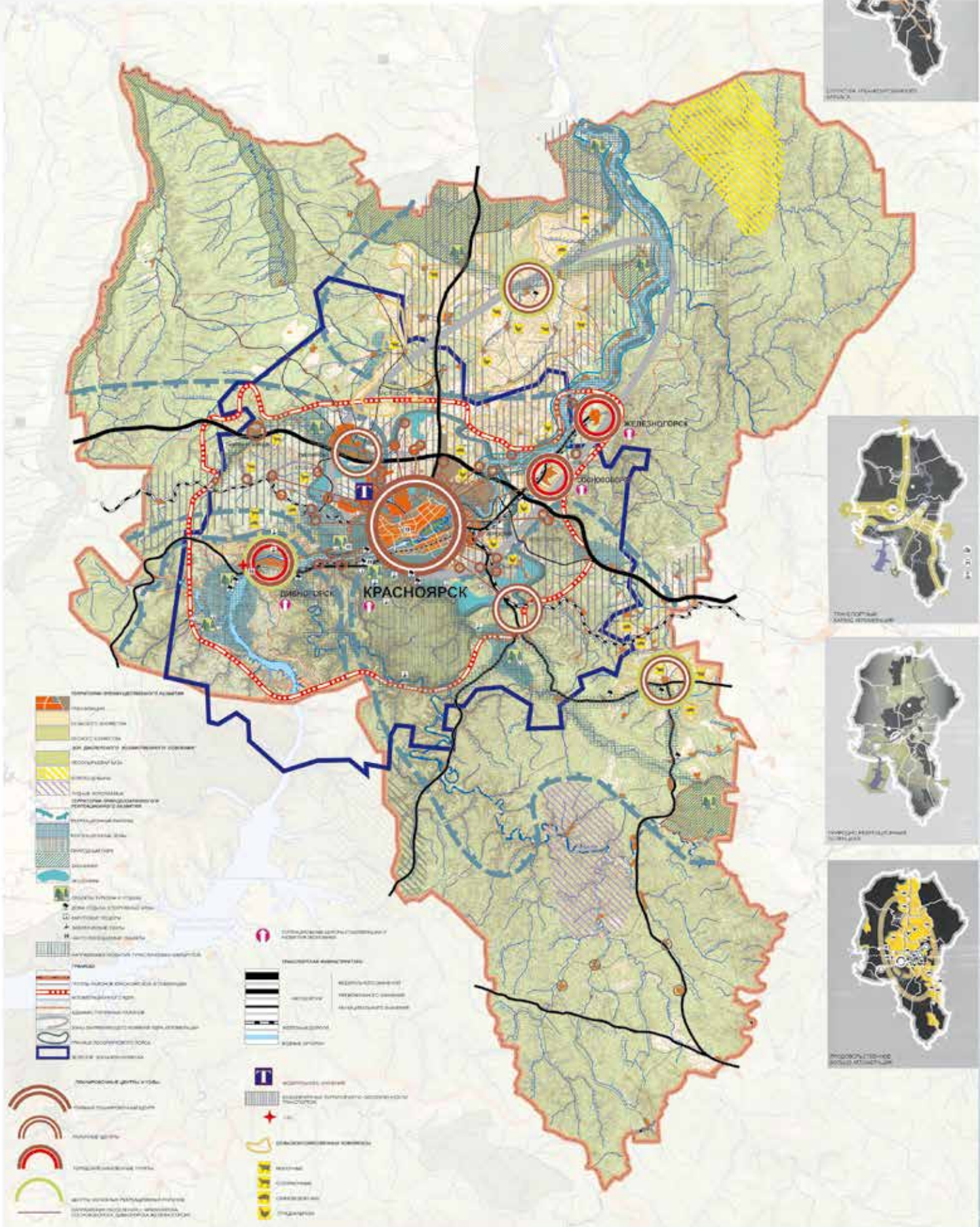
Проектом схемы предусматривается создание новых и развитие существующих основных планировочных осей федерального и регионального значения края. Это способствует усилению кооперационных связей между районами самого края, развитию интеграционных процессов с сопредельными регионами в рамках формирования единой планировочной структуры Сибири. В перспективе появятся дополнительные связи с Иркутской, Кемеровской, Томской областями, Ямало-Ненецким автономным округом, Республикой Тыва.

МИНИСТЕРСТВО ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИИ	
УТВЕРЖАЮЩИЙ	
ИМЯ И ФАМИЛИЯ	
ПОДПИСЬ	
ДАТА	
ИМЯ И ФАМИЛИЯ	
ПОДПИСЬ	
ДАТА	
ИМЯ И ФАМИЛИЯ	
ПОДПИСЬ	
ДАТА	
ИМЯ И ФАМИЛИЯ	
ПОДПИСЬ	
ДАТА	

Положение Красноярского Края в системе международных транспортных коридоров

Положение Красноярского Края в системе международных транспортных корридоров

Как уже отмечалось, оценка существующего состояния и прогноз пространственного развития территорий края выполнялся не только в общекраевом масштабе, но и в разрезе макрорайонов.

В состав каждого макрорайона включены территориально, коммуникационно и функционально связанные муниципальные поселения и городские образования с учетом исторически сложившейся системы расселения, существующих и новых формирующихся функциональных и транспортных коридоров. Выбор внутреннего состава макрорайонов обусловлен административным, функциональным, расселенческим и инфраструктурным тяготением территорий к существующим и потенциальным центрам экономической активности.

В каждом из макрорайонов выделены как точки роста, так и инфраструктурные ограничения развития, параметры функционально-пространственной среды, увязывающие террито-

риальные интересы бизнеса, власти и населения. Фактически в рамках схемы территориального планирования Красноярского края, было сделано несколько более детальных схем макрорайонного уровня.

Стратегия развития макрорайонов определяется типом создаваемого продукта, опирается на имеющийся ресурс развития (тип сырья, существующая инфраструктура), традиционно сложившуюся систему расселения, исходя из критериев устойчивого развития, а также оценки инвестиционного потенциала территории. При этом учитываются перспективные изменения специализации территории в связи с реализацией федеральных, отраслевых и ведомственных программ, программ крупных корпоративных структур. Таким образом, стратегия развития каждого из макрорайонов Красноярского края включает следующие базовые направления:

1. Формирование рациональной планировочной структуры

макрорайона, которое опирается на оценку современного использования территории, анализ специфики инженерно-строительных условий:

- формирование и развитие комплексных узлов добычи и глубокой переработки природных ресурсов;
- формирование расселенческого каркаса;
- формирование межрайонных комплексов экономической кооперации;
- согласование базового сценария развития планировочного района со сценариями и программами более высокого уровня.

2. С учетом специфики природно-климатических и экологических условий территории, приоритетное значение при принятии планировочных решений по размещению промышленных и жилых зон имеет оценка ожидаемого экологического состояния территории, комфортности проживания населения.

3. В проектное зонирование макрорайонов заклады-

ваются максимальные параметры развития территории с целью обеспечения необходимого резерва функциональных зон на долгосрочную перспективу.

4. Важнейшим условием развития территорий является опережающий уровень развития инфраструктуры.

Схема территориального планирования Красноярского края, в определенной степени, может выступать прообразом Схемы территориального планирования Сибирского федерального округа или даже Российской Федерации, которые до сих пор не разработаны. Это определяется не только масштабом и дифференциацией применяемых проектных подходов и решений, но и организационной схемой, по которой разрабатывался проект, что, правда, является темой отдельной статьи.

Джамиля Шалахина
Антон Финогенов

Россия и Западная Европа – к политике взаимодействия городов¹

1. Печатается по изданию: Городское управление. 2005. № 4.

Включение России в общеевропейское городское пространство, необходимость встречного движения западноевропейского сообщества, каким бы сложным и длительным ни был этот процесс, требуют использования фундаментальных закономерностей и механизмов урбанизации, на базе которых это включение только и может происходить. Именно эти закономерности и механизмы, будучи универсальными для всех стран и регионов мира, должны в наибольшей степени содействовать движению городов по пути интеграции в общеевропейские городские процессы. Значительная историческая дистанция, отделяющая российские города от их европейских аналогов, не должна порождать иллюзии гармонии и благополучия течения урбанизации на Западе. И последние десятилетия дают все основания для отказа от таких иллюзий.

Взаимодействие с Россией в сфере городов создает общее пространство для преодоления тех напряжений, которые испытывают даже самые развитые страны Европы, решая проблемы в самых различных

областях политики, социальных отношений, экономики, окружающей среды. Это пространство пока никак не используется, оно даже не названо и не обозначено ни политиками, ни специалистами в тех или иных частных областях. Естественно, никак не раскрыта важность влияния городских процессов в том сближении, которое так или иначе происходит (кто бы, что бы по этому поводу ни думал) между Западом и Россией при самых разных оценках длительности этого процесса.

Стремясь войти в Евро-пейское сообщество, Россия пока проходит мимо такого естественного канала взаимодействия с европейскими странами, как проблемы городов. Ведь если переход от условно называемой «социалистической», «плановой» экономики к экономике «рыночной» требует длительного переходного периода уже в самом процессе теоретического осмысления как бы заново возникающих проблем, то в области городских процессов такого «переходного периода» не требуется. Этот переход у нас в России начался задолго до начала реформ. Уже в конце

60-х годов XX века с процессом урбанизации у нас было снято клеймо «буржуазного», была показана всеобщность, универсальность его закономерностей и механизмов, их общемировой характер.

Вместе с тем, исторически обусловленная отсталость «городской составляющей», «городской базы» цивилизационного развития России, сложности опускания реформ «сверху вниз» в отличие от западноевропейского пути «снизу вверх» (от городов к государствам) деформировала само течение процесса урбанизации на российских территориях. И вот теперь на смену деформациям процесса в результате тоталитарного, административно-командного произвола пришли деформации, вызванные общей отсталостью городского уровня как такового, невыраженностью городского начала в обществе, отсутствием полнокровного слоя горожан, без которых городские сообщества не в силах не только нести полагающуюся им на данном этапе нагрузку, но и в принципе осознать себя городскими сообществами.

Понятно, что коль скоро речь идет о взаимодействии городов российского и западноевропейского пространства, как, впрочем, и взаимодействии городов между весьма различными регионами внутри этих пространств, да и всего мирового пространства, очень важен приоритет именно общегородских закономерностей и механизмов, вытекающих именно из природы урбанизации. Тогда возникает возможность, выделив наиболее фундаментальные черты, именно их использовать как канал интеграции в общеевропейское урбанистическое пространство. Становятся главными те направления взаимодействия, которые работают на укрепление внутреннего единства городских сообществ, их социального, пространственного наращивания потенциала, их центральных ядер.

Укрепление внутренних интеграционных процессов городских сообществ является особой проблемой, от решения которой в огромной мере зависит судьба процесса урбанизации в целом, а также перспективы и активность взаимодействия России с западно-

европейскими городами. Ведь в течение столетий и десятилетий нового времени, предсоветской и советской эпох межгородские процессы, межрегиональное движение населения, связанные с освоением новых ресурсов, созданием опорных индустриальных пунктов, «форпостов» в районах освоения по своему размаху и интенсивности значительно опережали столь необходимые и вытекающие из природы урбанизации процессы внутреннего созревания городских структур, их превращения в солидарные сообщества.

Нашему отношению к проблемам развития городов, да и общества в целом, не хватает исторической дистанции, мы очень часто рассуждаем так, как будто живем и действуем не в контексте тысячелетней общинно-крепостной, деревенской и тоталитарной истории России, лишь во второй половине XIX века декларацией об отмене крепостного права начавшей (и то, повторяю, декларативно) путь к современной европейской цивилизации. Все время кто-то создает впечатление, что непрерывные кризисы, возникающие напряжения и проблемы суть продукты нерадивости или злоупотреблений, коррупции или преступности, а не наследие нашей истории, нашей евразийской культуры. Наследие это накапливалось веками, и если будет осознана необходимость его преодолеть, то и преодолевать его можно только в исторические сроки.

Трудность в том, что это осознание не может миновать «городской» уровень, а этот уровень связан с преобразованием городской «толщи». Здесь по команде сверху ничего не произойдет, здесь провинциальная ловкость, которая могла быть мотором на этапе часто криминальной приватизации, не поможет. Здесь нужна солидарность членов городского сообщества, их взаимная ответственность, согласование приоритетов различных социальных слоев и групп в ходе осмысления и реализации городских функций и структур.

В общем, нужно становиться гражданами не только весьма расплывчато представляемых государства и страны с их «необъятными просторами», но и «места проживания» под названием «город», гораздо более осязаемого и известного. Этот процесс осмысления себя

в городском пространстве, формирования того, что называется «солидарностью горожан», взаимной ответственности будет достаточно сложен.

Естественное взаимодействие в каждой клетке общества городских процессов, социального и пространственного начал, элементов и образцов городской среды, городской культуры требует прежде всего признания самого явления «урбанизации» как такового, объективности его существования. А рудименты сопротивления этому еще существуют и у нас, и на Западе. Необходимо признание общности наших целей и интересов с развитыми странами Запада в этой области и одновременно гораздо большей «продвинутой» последних в сфере развития городов.

Такое признание позволит увидеть преимущества свободного проявления закономерностей урбанизации как необходимого условия создания цивилизационной базы не только современной экономики, но и саморегуляции социальных отношений. Это дает возможность увидеть зависимость между функционированием городских поселений, их пространственных структур, образом жизни их населения, повседневностью развития городов и большой политикой.

Что касается России, то отсутствие интереса к городскому каналу взаимодействия с Западом вполне объяснимо. Просто города еще не заняли своего места во внутренней политике, не говоря уже о политике внешней. Что же касается Западной Европы, то те столетия, на которые западноевропейские города опередили российские по уровню зрелости своей среды, значительно большая цивилизационная продвинутость самих горожан создали ситуацию благодущия, самоуспокоенности, что очень опасно.

Становится все более очевидно, что следование конституциям, законам, общепринятым правилам поведения в странах Западной Европы сегодня оказывается уже недостаточным. Процессы глобализации, давление общемировых и региональных миграций, усложнение течения процесса урбанизации внутри городских сообществ, противоречивость действия механизма «центр – периферия» в социальной

жизни, экономике, культуре не были вовремя диагностированы. «Центр» оказался не готов к такой ситуации. Западноевропейское сообщество явно упускает время для осознания происходящего. Оно слишком долго пребывало в плену иллюзий действительности общедемократических формул, политических деклараций, не считаясь с состоянием той реальности, к которой эти формулы и декларации прикладываются.

История России, Советского Союза дает достаточно доказательств опасности пренебрежения реальностью, следования популистским импульсам и силовым методам, не учитывающим стадию, на которой находится цивилизационная, городская культурная база развития социальных общностей. Наша история предостерегает от увлечения декларациями о приверженности демократическим ценностям, которыми так насыщена политическая атмосфера стран, известных своими уже совершенными и еще ожидаемыми «розовыми», «оранжевыми» и другими «цветными революциями». Сегодня необходимо понять, что именно от цивилизационной базы зависит готовность стран не только вступить в равноправное сотрудничество с развитыми странами, но и адекватно, именно адекватно, воспринять их помощь.

Надо помнить, что урбанизация по природе своей эволюционна, и городские сообщества плохо переносят произвол революций, скачки и т.п.

Неготовыми к этой ситуации оказались и Соединенные Штаты Америки. Они постоянно подчеркивают свою приверженность наднациональным, глобальным демократическим ценностям, оказывают в этом направлении усиленное давление на остальной мир, в том числе и на Западную Европу. Но глобальность, универсальность демократических ценностей современного мира требует раскрытия, расшифровки их цивилизационного содержания. Существуют регионы и анклавы даже в самых развитых странах, где еще не избавились от рудиментов рурального, а то и общинно-родового сознания. И именно городская ориентация современной цивилизации позволяет такую расшифровку демократических норм осуществить.

К сожалению, в политических декларациях, да и в политическом процессе в целом, городская направленность глобальных демократических ценностей до сих пор никак не заявлена, не акцентирована и даже не названа. А ведь именно это должно стать объективной базой взаимодействия не только между Россией и Западной Европой, но и внутри самого расширяющегося западноевропейского городского пространства с его разнообразием политических, исторических, культурных, экономических и других составляющих.

Появление новых членов Европейского сообщества, расширение и интенсификация связей между ними, необходимость взаимодействия неизбежно потребует усиления государственных структур во внутреннем развитии. Важными станут согласование и координация действий между городами различных стран, и в первую очередь между крупнейшими центрами. Надо с самого начала отдавать себе отчет в том, что между, например, Парижем, Мадридом и Амстердамом – с одной стороны, – Софией, Прагой и Будапештом – с другой – существует масса различий, которые надо сначала осознать, а потом и учитывать.

В этой связи возникает проблема, о которой пока еще широко не говорят, но, которая, безусловно, существует. Какова городская база взаимодействия «новых» членов Европейского сообщества со «старыми» его членами? Насколько широка урбанистическая составляющая этого процесса взаимодействия? Естественно, что очень важно учитывать удельный вес общегородских закономерностей в развитии и взаимодействии разных стран. Вообще, пока еще нет даже признаков разработки теоретической концепции этих процессов. Во всяком случае, в нашей стране об этом даже не говорят, это не стало пока, очевидно, темой публичного обсуждения и на Западе.

Мне уже приходилось во французском журнале писать о том, что Западу не надо убаюкивать себя тем, что опасности реального давления периферии, характерные для современного этапа урбанизации в России, в Европе давно преодолены, поскольку пройден этот этап и рецидивы здесь невозможны. Действие закономерностей

2. Leonid Kogan. La politique urbaine de la Russie: le temps d'Ajne prise de conscience. «Une certaine Idee». № 11 – 3 tri-mestre 2001, p. 177.

урбанизации не имеет «срока давности», они действуют постоянно и могут проявлять себя на любой стадии развития городов.² И события последних лет на Западе дают достаточно доказательств на этот счет.

Автономность процесса урбанизации в мировой истории требует повышения его роли в политике государств. Цели развития городов, интересы городских сообществ, находясь внутри национальных, государственных интересов, могут и не совпадать с ними, не повторять их. Цели и интересы, например, круп-

нейших городов, приоритеты их населения, отражая общую ситуацию, значительно отличаются от тех, которые присущи небольшим городским образованиям. Более того, цели и приоритеты крупнейших городских сообществ, расположенных в одной стране, их заботы и проблемы могут быть гораздо ближе и понятнее жителям аналогичных городов другой страны, чем обитателям небольших периферийных поселений своей собственной страны.

Поэтому взаимодействие между городами России и

Западной Европы, как и внутри этих регионов мира, особенно в условиях нарастающей политической взаимозависимости государств Европейского континента и интеграционных процессов становится важной областью внешней политики. Универсальность закономерностей развития городов, перекрывая границы государств, составляет сердцевину, ядро процессов глобализации. И взаимодействие городских сообществ России и Западной Европы, их регионов и агломераций дает возможность увидеть и осознать

фундаментальные проблемы разнообразия и единства европейской цивилизации, которые сплось и рядом скрыты от самих европейцев сложностями политической и экономической конъюнктуры, игрой местных интересов, противостоянием политических лидеров и партий.

Именно решение этих фундаментальных проблем определяет перспективы движения Европейской цивилизации в современном мире, ее стабильность и судьбу.

Леонид Коган

Социально-градостроительные требования в процессе проектирования города

В практике проектирования городов в нашей стране до последнего времени недостаточно учитывались реальные процессы жизнедеятельности городского населения, формирующие социально-градостроительные требования к социально-пространственной организации городской территории. Эти требования общества, будучи согласованными с закономерностями функционирования самого города как социально-пространственного организма, обуславливают в определенной мере эффективность городской политики. А городская политика, являясь в свою очередь средоточием практических действий в сфере развития городов, как главных центров экономики, культуры и социальных отношений, должна стать важнейшей частью государственной политики России.

Исследования по социально-градостроительной проблематике сконцентрированы преимущественно в работах доктора архитектуры, заведующего сектором градостроительных социологических исследований ЦНИИП градостроительства РААСН Л. Б. Когана и ряда его учеников. Автор под его руководством участвовал в свое время в проведении цикла социально-градостроительных исследований в Москве, Новосибирске, Новосибирском Академгородке, Тольятти и ряде других городов (1972-1998 гг.). В последние годы жизни этой проблеме уделяла внимание доктор психологи-

ческих наук Т. М. Дридзе, руководитель Центра социального управления, коммуникации и социально-проектных технологий. Представляет интерес работа Центра над проектом «Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон».

Анализ процессов жизнедеятельности городского населения выявил их территориально-пространственную направленность. Пространственные характеристики активно включены в социальную реальность, в сам образ жизни населения.

Социально-градостроительные приоритеты развития городов и городской среды обусловлены социальными, экономическими, политическими, культурными факторами развития общества в целом, закономерностями городских процессов, особенностями социально-пространственного и градостроительного развития самих городов, зрелостью городских сообществ и целями их формирования. Важнейшим показателем приоритетности тех или иных градостроительных акций являются приоритеты и требования, выдвигаемые самим населением городов, реакцией жителей на проводимые в городской среде градостроительные действия. Эти процессы охватывают все городское и негородское пространство общества, они проявляются во всех территориальных масштабах (страна, федеральный округ, регион,

область, агломерация, город, городской район).

Социально-градостроительным приоритетам городских сообществ должна принадлежать особая роль. Общей принципиальной установкой учета приоритетов является требование того, чтобы действие универсальных закономерностей в функционировании города по своему значению перекрывало различные региональные и другие особенности. Определение социально-градостроительных приоритетов городских сообществ и возможностей их реализации зависят, в свою очередь, от стадии развития городов в различных регионах страны.

В аспекте затрагиваемой проблемы автором были рассмотрены конкретные примеры градостроительного проектирования для ряда городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Иркутска, Красноярска, Ярославля, Орла¹. Анализ показал, что наиболее явными источниками социальной напряженности остаются проблемы жилищно-коммунального хозяйства, проблемы сохранения исторического и культурного наследия, прежде всего, культурно-исторического облика старых сложившихся частей городов и проблемы социальной защиты граждан. В последние годы в России (в том числе в Москве и Санкт-Петербурге) распространилась практика так называемой «уплотненной» (или «точечной») застройки, когда на

площадках, которые жители привыкли рассматривать как естественную принадлежность своих домов, строились новые здания, никак не связанные с обслуживанием живущих рядом. В результате страдают интересы жителей: исчезают места отдыха, спортивные и детские площадки, привычные традиционно сложившиеся небольшие торговые точки; резко увеличивается число автомашин в непосредственной близости от жилых домов (даже на тротуарах и газонах), соответственно, увеличивается количество выхлопных газов; перегружаются транспортные артерии, ломается привычная инфраструктура и жизненный уклад.

Небезынтересен личный опыт участия автора (под руководством доктора архитектуры Л. Б. Когана) в социологическом обследовании жителей домов, примыкающих к развязке на проспекте Мира у Рижского вокзала в Москве. Работа проектировщиков этой развязки не была в свое время принята властями из-за того, что в ней отсутствовало мнение жителей примыкающих к развязке домов. Проведение такого конкретного социологического обследования – это отдельная интересная тема, выходящая за рамки данной статьи. Оно было проведено, мнение жителей выявлено и, в конечном счете, проектные предложения по строительству развязки были оснащены результатами специального проведенного социологического

1. В последних двух объектах – личный вклад автора в разработку генеральных планов.
2. По мнению автора статьи, такое положение характерно для нашей страны. Нам следует ясно осознать, на каком уровне цивилизационного развития мы находимся.
3. Подготовлен и проведен ГУП НИИПИ генплана г. Москвы, Национальным центром научных исследований Франции (CNRS), Лабораторией городской географии Университета Париж-Х и Институтом планировки и урбанизма района Иль-де-Франс (IAURIF). Руководители научного совета семинара: доктор архитектуры Л. Б. Коган, доктор географических наук Г. Бюржель; автор – член научного совета и оргкомитета семинара.

обследования. Парадоксально, но факт – работа была утверждена властями по той простой причине, что социологический раздел в ней наличествует, но что в этом разделе изложено, каково мнение жителей, какие в связи с этим нужно принять меры, уже никого (кроме, естественно, жителей и авторов обследования) не интересовало.² Был принят вариант, который как раз и не устраивал жителей близлежащих домов. Диалога не получилось. Хотя по результатам обследования было видно, что с учетом компенсационных предложений обследуемых диалог возможен.

Данный пример лишь маленькая крупница, отражающая наличие серьезной проблемы во взаимодействии участников градостроительного процесса. Получается, что население становится как бы самым пострадавшим звеном такого взаимодействия: городские власти не всегда действуют в интересах населения, инвесторы и застройщики действуют преимущественно в собственных интересах, а специалисты (градостроители и архитекторы) порой пренебрегают профессиональными и моральными принципами. Как будто эти инвесторы и ублажающие их специалисты не являются гражданами своего города, региона и, в конечном счете, своей страны. Такие проблемы нашли отражение в работе Международного российско-французского семинара «Взаимодействие участников формирования городской среды (на примерах Москвы и Парижа)»³, проведенного еще в 1997 году в Москве под эгидой мэрии. Важно подчеркнуть, что взаимодействие администраций регионов и городов, населения, градостроителей и представителей бизнеса на современном этапе является, помимо всего прочего, важнейшим каналом реализации демократических тенденций городской политики.

Формирование социально-градостроительных требований, как показал опыт рассматриваемых городов, тесно связано с необходимостью согласования оперативных действий в ходе создания городской среды с социально-градостроительными приоритетами и целями сообщества, определения и учета в повседневной деятельности направленности и динамики этого процесса. Важна его

координация с социальными и экономическими возможностями развития городской среды, наличным культурным потенциалом города, а также с процессом адаптации городского населения, динамикой его отношения к городскому окружению. Необходимо также учитывать преемственность социально-градостроительных приоритетов, темпов и возможностей их обновления.

Из многих сфер градостроительного процесса социально-градостроительная аналитическая стадия в проектной деятельности еще недостаточно разработана, практически до сих пор не выявлена социально-градостроительная база процесса взаимодействия участников градостроительного процесса с соответствующим законодательным уровнем обеспечения равноправного участия в градостроительном проектом процессе на различных его этапах будущих потребителей проектной продукции.

Практика такого взаимодействия характеризуется большими перекосами в этом пока еще относительно новом процессе, что довольно часто отмечается прессой и находит отражение в публикациях специалистов и исследователей, причастных к градостроительному делу. Проблема, по мнению начальника Правового управления администрации г. Обнинска Калужской области С.А. Помещиковой, заключается в том, что жители представляют собою как бы две стороны. С одной стороны – частную, при принятии решений по их квартире, дому, кварталу, микрорайону. С другой стороны – общественную (публично-правовую), когда речь идет о развитии района, округа или города. В первом случае они вынуждены сами или с помощью общественных организаций, либо органов общественного самоуправления (существование которых практически сведено к нулю⁴) отстаивать свои права и интересы. Во втором – их интересы представляют органы местного самоуправления, которые могут принимать решения и без участия населения, что, как правило, приводит либо к отчуждению жителей от власти, либо к резким стихийным всплескам возмущения. В большинстве своем это еще происходит и потому, что градостроительные задачи зачастую выведены из сферы

решения градостроительных проблем в плоскость решения земельных вопросов. Проблема еще усугубляется тем, что в единственном пока документе по градостроительной деятельности, Градостроительном кодексе РФ, не определены государственные, общественные и частные интересы в сфере градостроительства и органы, а также процедура, обеспечивающие согласование этих интересов. Практически во всех рассмотренных конкретных примерах градостроительного проектирования по указанным выше городам отмечается огромное количество конфликтных ситуаций.

Каковы хотя бы минимальные требования жителей (уж не говоря о городе и, тем более, стране в целом⁵) к окружающей их территории жилой среды? Во-первых, это обеспечение относительно благоприятных условий транспортной доступности мест приложения труда и объектов обслуживания. Во-вторых, это комфортная благоустроенная придомовая территория и наличие в ближайшем окружении объектов так называемого в прошлом, первичного обслуживания, а также детских учреждений, школ, спортивных сооружений и спортивных объектов небольшой вместимости (москвичи, например, указывали в своих анкетах малые спортивные-оздоровительные бассейны). Наконец, это обеспечение экологической безопасности и сохранения природного и культурного наследия. Особенно болезненно воспринимается вырубка деревьев, какими бы целями она не оправдывалась. Во всех рассмотренных, да и в других городах страны реакция на это вполне однозначна. Кроме трех групп вышеуказанных требований, значительное количество обращений граждан связано с правовой стороной землеустройства при образовании новых и упорядочении существующих объектов землепользования. Важно при этом учесть еще и то, что граждане фактически не могут полноценно воспользоваться своим правом получения информации обо всех важных градостроительных проектах и планах. Это, как правило, сопряжено с преодолением административных препон.

В такой ситуации важную роль следует придать процессу реформирования норматив-

но-правовой базы территориального планирования. Если сегодня внимательно изучить большинство относящихся к этой базе кодексов (градостроительный с его бесконечными поправками, земельный, лесной, водный и т. д.), то выявится немалое количество «белых пятен»⁶, разночтений и противоречий. Они-то, в первую очередь, и создают почву для всяческого рода нарушений и злоупотреблений. Что же касается технических норм и регламентов, которые должны прийти на смену прежним нормам и правилам, то создается впечатление, что государству на федеральном уровне (о региональном речи пока нет) некогда этим заниматься, – как будто бы все идет на общественных началах.⁷ В еще более отставшем положении находится проблема ценообразования по созданию документов территориального планирования. Если сегодня сравнить условно относительно равноценные объемы планировочного и объемного проектирования, то они различаются на порядок в пользу объемного. Речь уже не идет о сравнении с зарубежным опытом, где стоимость работ территориального планирования на два порядка выше.

В новых условиях развития экономики становится актуальной разработка государственной градостроительной доктрины формирования всей системы расселения и ее отдельных элементов – городов и сельских населенных мест. К осознанию этой ясной в свое время позиции лишь недавно пришли в Министерстве регионального развития Российской Федерации, которое в отсутствии органа территориальной организации страны вынуждено заниматься и территориальной проблематикой. Всем субъектам Федерации Министерство направило анкеты для выявления предложений по наиболее актуальным проблемам территориального развития. Когда почти все из 87 субъектов Федерации прислали свои предложения, перед комиссией, оценивающей эти предложения⁸, вышеуказанная позиция обнаружила себя во всей полноте.

Многое из того, что сказано выше, относится к общегосударственному уровню. Это и естественно, потому что, решая локальную задачу относительно более низкого уровня, нельзя

4. Одним из основных тормозов развития Москвы как системы сообщества граждан выступает категорическое нежелание бюрократической системы управления уступить жителям даже малую толику своих полномочий и допустить их к дееспособному контролю над процессами, происходящими на территории их проживания. КТОС «Кунцево-38» остается единственным всерьез дееспособным организмом, не только перенявшим все функции ДЕЗ и РЭУ, но даже ведущим самостоятельное строительство. Московские власти, отлично знающие об успешном опыте «Кунцево-38», отнюдь не замечены в стремлении к его популяризации и распространению (из доклада экспертной группы «Московской альтернативы», сайт В.П. Глазачева).
5. Здесь следует оговориться, что соотношение целей страны, города и локального района при разном уровне цивилизационного развития населения на конкретных территориях сложная проблема, которая требует соответствующих исследований.
6. См.: Вильнер М. Я. Новый градостроительный кодекс с позиций профессионала. М.: Зодчий, 2008.
7. Несколько лет назад автор участвовал в обсуждении в Торгово-промышленной палате РФ только лишь альтернативных программ создания всей нормативно-правовой базы в сфере строительства. Территориальное планирование связано с этой сферой, хотя могло бы быть и самостоятельным.
8. Автор принимал участие в нескольких заседаниях комиссии.
9. Хотя теперь этот раздел уже не требует в обязательном порядке, но все пока идет по инерции прошлого.
10. См.: Лопа А. М. Основы градостроения и теории города (в российской интерпретации). – М.: КомКнига, 2005

Литература
 Вильнер М. Я. Градостроительная политика в свете проблем управления страной // Зодчий. — 2007. — № 2 (24).
 Вильнер М. Я. Новый градостроительный кодекс с позиций профессионала. — М.: Зодчий, 2008.
 Дридзе Т.М., Цой Л.Н., Акимкин Е.М. Градоустройство: методология исследования городского конфликта // В контексте конфликтологии: диагностика и методология управления конфликтной ситуацией / отв. ред. Т.М. Дридзе, Л.Н. Цой. — М.: Изд-во Института социологии РАН. — 2001. — № 3.
 Коган Л. Б., Товмасьян Э. О. Социально-культурные связи в новом городе и формирование его среды // Архитектура СССР. — 1979. — № 7.
 Коган Л. Б. Научно-методические основы организации взаимодействия субъектов градостроительной деятельности при разработке градостроительных планов, проектов территории районов Москвы. — М.: ГУП НИИПИ генплана г. Москвы, 1998.
 Коган Л. Б. Когда "местное самоуправление" становится уместным // Городское управление. — 2008. — № 5.
 Колесникова И. Учет интересов при проведении территориального землеустройства // Право и экономика (издание Международного союза юристов). — 2007. — № 7.
 Лопа А. М. Основы градостроения и теории города (в российской интерпретации). — М.: КомКнига, 2005.
 Помещикова С. А. Учет мнения населения в градостроительной деятельности // Конституционное и муниципальное право (изд. группа «Юрист»). — 2007. — № 7.
 Чернова Е. Б. Участие граждан в территориальном планировании // Управление развитием территорий. — 2008. — № 1.

11. Детальные обследования населения различных зон, районов Москвы, осуществленные в 1990-1995 годах НИИПИ генерального плана г. Москвы и Центром урбанистики Союза архитекторов России, проведенные под руководством доктора архитектуры Л. Б. Когана, продемонстрировали, что приоритетными, даже в критических условиях, становятся обустройство и приведение в порядок того, что уже сложилось в образе жизни москвичей и застройке города. Результаты этих обследований актуальны и по настоящее время.

не соотносить ее с задачами верхнего уровня. Такой своеобразный профессиональный «лифт» всегда должен активно действовать «вверх» и «вниз».

Что же делать (извечный российский вопрос) с учетом конкретных социально-градостроительных требований в процессе проектирования того или иного города? Анализ процессов жизнедеятельности городского населения с позиций формирования социально-градостроительных требований к территориальной организации города показал, что эти требования и приоритеты населения возможно и нужно учитывать.

С самых начальных стадий территориального планирования процесс проектирования должен быть «прозрачным» для всех участников градостроительного процесса, особенно для населения. Конечно, схемы территориального планирования республик, краев, областей и даже муниципальных образований не так близки и понятны жителю, как генеральный план города, в котором каждый из интересующихся отыскивает место своего проживания, жилые дома, где обитают его родные и близкие. Тем не менее, с самых первоначальных стадий проектирования участники градостроительного процесса должны иметь полную информацию о намечаемых положениях территориального планирования, более того, они должны стать соучастниками подготов ки этих положений. Это требование соответствует статьям 18 и 28, а также в случае с генеральными планами городских или сельских поселений — статье 35 Градостроительного кодекса РФ. Вообще социально-градостроительный раздел должен был бы стать (по аналогии с разделом охраны среды⁹) неотъемлемой частью разрабатываемой документации всех уровней. Социологический опрос населения, выявление мнения участников градостроительного процесса должны стать обязательной составляющей разрабатываемой документации территориального планирования.

Это была бы конструктивная реализация статьи 18, согласно которой граждане, их объединения и юридические лица РФ имеют право на достоверную, полную и своевременную информацию

о состоянии среды жизнедеятельности, ее предполагаемых изменениях (строительстве, реконструкции объектов жилищно-гражданского назначения, благоустройстве территорий, прокладке инженерных и транспортных коммуникаций) и иную информацию о градостроительной деятельности, за исключением информации, содержащей государственную тайну в соответствии с федеральным законом. Согласно вышеуказанной статье, информирование должно осуществляться через средства массовой информации, посредством проведения общественных обсуждений, а также организации экспозиций и выставок. Предусмотрено даже в случае нарушения вышеуказанного права обращение в суд.

К сожалению, российский обшество в целом еще недостаточно подготовлено к защите своих прав в суде. С одной стороны, это и пути менталитета прошедших времен, и во многих случаях невозможность финансового обеспечения судебного процесса, и некоторое недоверие к служителям Фемиды. С другой стороны, это отсутствие полноценного городского права¹⁰, ведь ни для кого не секрет, что судьи в этих условиях не очень охотно берутся за рассмотрение градостроительных дел, а если и берутся, то рассматривают его практически только в рамках общегражданского права.

Отвлечемся от судебной практики, — здесь нам еще предстоит долгий путь становления городского права и создания судов по территориальным проблемам. Приведем два примера проведения общественных обсуждений генеральных планов городов Москвы и Ярославля, порядок которых согласно Градостроительному кодексу РФ был установлен соответствующими административными правовыми актами.

До марта 2004 года в Москве существовал принятый на гребне волны перестройки относительно прогрессивный закон об участии населения в градостроительной деятельности, но 4 марта 2004 года он был заменен другим, более приемлемым, с точки зрения администрации города, законом №13.

Итак, документация генерального плана Москвы экспонировалась в Манеже, заняв

практически все пространство его интерьера, лежали книги отзывов, заполнение которых и служило выражением мнения населения. Конфликты, имевшие место после утверждения генерального плана Москвы, известны всей стране. Не об этом сейчас речь. Заглянем глубже в суть проблемы.

Ниче относительно Москвы приводятся выдержки из научно-исследовательской работы по социальным аспектам урбанизации, выполненной под руководством доктора архитектуры Л.Б. Когана с участием автора.

В центральной части Москвы, где сосредоточены уникальные культурные ценности, сконцентрированы очаги деловой активности, центры разнообразной научной информации, существуют фокусы массового тяготения москвичей и места активного общения различных социальных слоев и групп населения. В то же время опросы населения по месту жительства и обследование посещаемости магазинов, кинотеатров, кафе, театров, выставок обнаружили провинциальность периферии.¹¹ Более того, участки застройки, которые не включены в активную жизнь Москвы и потому не воспринимаются москвичами как «центральные», оказались и в самом геометрическом центре города, рядом с Кремлем, в Замоскворечье.

Это отражает процесс «вымывания» исторически сложившихся образцов, который нельзя остановить лишь реконструкцией архитектурных памятников. Происходит исчезновение самого слоя коренных москвичей, становится воспоминанием те черты, которые отличали их от петербуржцев, киевлян, исчезает разнообразие и индивидуальность типов культуры, теряется городская личность. Человек уже не может осознавать себя в окружающем пространстве, его перестает интересовать, что происходит в его районе, городе, он не чувствует себя их частью, теряется и чувство ответственности за них. И происходит это на фоне усиления популизма, когда борьба с «властью Москвы» как символом власти Центра по существу превратилась в борьбу с Москвой как конкретным городом, который, по мнению недалеких провинциалов, наконец-то лишен своих привилегий и должен быть «как все».

Но вся эта трагическая мозаика упадка городов, известная ученым, осталась без внимания «высоких инстанций», да и широкой публики. И теперь, когда пришло время переходить к конкретным действиям в конкретных городах, выяснилось, что для этого нужно как минимум эти города знать, учитывать и общие закономерности их развития, и особенности каждого из них. Сейчас, как никогда, важно спуститься с высот большой политики в толщу городских проблем, надо понять, что именно в крупнейших городских центрах, как, впрочем, всегда в истории, решаются судьбы всех людей.

Центральными задачами становятся сохранение целостности и единства территории города от распада на отдельные части, укрепление связи и взаимодействия между отдельными округами и районами города, улучшение общего состояния среды жилых кварталов, повышения качества непосредственного ближайшего окружения людей. От организации удобной и безопасной жизни в жилой среде, как свидетельствуют опросы, сегодня прямо зависит политическая пристрастия горожан, их отношение к реформам. Выражено настойчивое желание опрощенных предохранить город от чрезмерного давления извне (мигранты, приезжие и т. д.), сохраняя при этом заинтересованность города в обновлении и профессиональной базы.

Обратимся к следующему примеру. Общественное обсуждение генерального плана города Ярославля было подготовлено и проведено в соответствии с духом и буквой закона — Градостроительного кодекса РФ. Ярославль в I квартале 2006 года вошел в пятерку российских городов, организовавших публичные слушания генерального плана города.

Основные положения проекта были заранее размещены на официальном сервере мэрии города, опубликованы в газете «Городские новости» и в сводном из двух номеров журнале «Губернский город», а также изданы в виде прекрасно иллюстрированного буклета. К общественным слушаниям была подготовлена с любовью организованная и доступная всем желающим, большая выставка с исследовательскими, проектными материалами

и примерами реализации проектов в натуре. Этому событию был посвящен также выпуск цветных тематических страниц «Российской газеты».

Публичные слушания продолжались пять дней: четыре дня – по каждому городскому району, а на пятый день – по городу в целом. Председательствовал мэр города, докладывали главный архитектор города и главный архитектор проекта. Слушания прошли очень активно и заинтересованно со стороны присутствующих жителей. Администрация города пообещала ни один их вопрос не оставить без внимания. В итоге 5 апреля 2006 года с учетом заключения о результатах публичных слушаний Муниципалитет города четвертого созыва утвердил генеральный план Ярославля.¹²

Но не успели еще, как говорится, высохнуть «чернила», фиксирующие утверждение генерального плана города

Ярославля, как указующий перст губернатора Ярославской области наметил место размещения нового завода металлических конструкций именно на дефицитной территории жилой зоны. Это притом, что территории производственных зон, о чем недвусмысленно указано в проекте, используются в городе весьма экстенсивно. Губернатор даже не сомневался, что его мнение единственно верное, а может, находящиеся в ореоле власти советники-помощники подсказали такое решение. Факт остается фактом, других мнений быть не могло. Лишь ЦНИИП градостроительства РААСН, автор генерального плана города, отказался уважить просьбу городских властей, по чьему заказу выполнялась работа, и внести соответствующие изменения в схему градостроительного зонирования территории города. А ведь авторитета губернатора было бы вполне достаточно,

чтобы заставить «хозяев» производственной зоны интенсифицировать использование территории, разместив на ней новый завод. Здесь комментарию излишни. Хотя Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному собранию с удовольствием цитирует П.А. Столыпина: «Сперва гражданин, а потом гражданственность», а не наоборот. И закон, ставящий гражданина во главу угла, вроде бы соответствующий принят, но «воз» пока «и ныне там».¹³

Предстоит кропотливая работа по исследованию реальных процессов жизнедеятельности городского населения, поскольку современная нормативно-правовая база опирается не на них, а на традиционно сложившиеся и не всегда соответствующие фактическим представления о потребностях населения города. Необходимо будет определить и законодательно закрепить

пути внедрения социально-градостроительных исследований в градостроительство с учетом социально-градостроительных требований и выявленных приоритетов населения по формированию комфортной городской среды. Следует подготовить соответствующие материалы по самим процедурам обследования, опросов и информации об их результатах для включения городских властей и населения в процесс осознания особенностей развития городов и вытекающих из них организационных и политических мероприятий для повышения эффективности принимаемых, в том числе и политических решений. Такой подход может представлять интерес не только для дальнейшего развития данной сферы науки, но, что немало важно, и прикладной интерес при взаимодействии участников градостроительного процесса.

12. Материалы, связанные с публичными слушаниями генерального плана Ярославля, экспонировались в мае 2006 г. на выставке общего собрания Российской академии архитектуры и строительных наук в Санкт-Петербурге и получили одобрение отделения градостроительства и академии. Впоследствии авторский коллектив ЦНИИП градостроительства РААСН был отмечен медалью РААСН 2006 г. за принятую к реализации лучшую проектную работу в области градостроительства.
13. Понять, понять, понять, на каком уровне цивилизационного развития мы находимся!

Эдуард Товмасьян

Что происходит на БЦБК

Несмотря на то, что тема БЦБК близка иркутянам еще с конца восьмидесятых, далеко не все понимают, что именно происходит сейчас на комбинате. Ввод долгожданного замкнутого водооборота и последовавшая за этим остановка комбината как-то плохо связываются друг с другом.

На самом деле история БЦБК должна была завершиться уже давно – после многочисленных постановлений советского и российского правительств как по его полному переуплотнению, так и по окончательному закрытию. Ни одно из этих постановлений так и не было выполнено – по самым разным причинам, но в основном из-за нежелания руководителей всех уровней брать на себя ответственность.

В итоге БЦБК перешел в руки управляющей компании «Континенталь менеджмент», а акции комбината были поделены почти поровну между частниками и государством. Государство, однако, до сих пор не принимало никакого участия в судьбе комбината, передав свои акции в управление все тому же «КМ» и глядя сквозь пальцы и на практически полное отсутствие налогов за счет их вывода через оффшорные зоны, и на проблемы с экологией.

Собственно, проблема с экологией и БЦБК не стояла бы так остро, если бы Байкал не был государственным стратегическим ресурсом. Сейчас фасованная питьевая вода стоит около 10 рублей

за литр, что вплотную приближает ее по стоимости к нефти и жидкому газу (а при цене нефти в 60 долларов за баррель – даже превосходит ее). В Байкале находится более 3/4 российских запасов пресной воды, то есть 23 тысячи кубических километров. Учитывая, что в России добывается всего половина кубического километра нефти в год, нетрудно представить, на какой золотой жиле живут иркутяне.

Тем не менее, разговоры о замкнутом водообороте затянулись на десяток лет, несмотря на желание Всемирного банка профинансировать и водоснабжение комбината, и его переуплотнение. Впрочем, как раз к замкнутому водообороту руководство комбината пусть медленно, но все-таки продвигалось, так как выполнение, хотя и неторопливое, этого обещания позволяло из года в год продлять лицензию на сброс отходов в Байкал.

Когда же замкнутый водооборот был наконец введен – на заводе произошло то, что принято называть коллапсом. Как внезапно оказалось, введение замкнутого водооборота не позволяет использовать отбеливание целлюлозы хлором, а, следовательно, завод не может производить наиболее рентабельную продукцию. Что фактически равнозначно банкротству.

Трудно заподозрить руководство комбината в том, что оно не предвидело такой поворот событий. Ведь на комбинате работали квалифицированные химики, технологи и экономисты,

которые прекрасно понимали, что на замкнутом водообороте комбинат в привычном режиме существовать не сможет. Но молчали. Почему? Мы можем лишь предполагать, какие мотивы были у всех этих людей.

Работникам БЦБК от этих тайн, однако же, не легче. Завод, не приносящий ни копейки прибыли, работать не способен – и рабочим попросту, по-капиталистически, отправили для начала в отпуск и пообещали последующее сокращение. Напоследок натравив их на экологов как на виновников всех бед.

Естественно, в этой ситуации возникает очередной непростой вопрос: если руководство комбината знало о бесперспективном будущем, почему оно к нему не подготовилось? Почему не были налажены курсы по переквалификации рабочих? Где принятые в соответствии с планами переуплотнения меры по предоставлению им новых рабочих мест, по льготному кредитованию переезда к новому месту жительства? Само собой, отдельно взятому капиталисту эти проблемы совершенно неинтересны – но вспомним, что вторым совладельцем комбината является государство, которому проблемы населения должны быть совсем не безразличны. В идеале.

Из частных источников известно, что практически ежегодно владельцы БЦБК прощупывают возможности продажи комбината. Но в существующем виде БЦБК, со всеми своими экологи-

ческими проблемами и дурной репутацией, за свою стоимость никому не нужен. Собственно, он и даром никому не нужен, так как цена доставки леса до комбината делает его продукцию совершенно золотой, и продавать ее можно, только минуя российские налоги, через оффшорные зоны. Однако есть мнение, что некоторые действия московских природоохранных структур против БЦБК были именно попыткой сбить его цену.

Таким образом, БЦБК естественным образом подошел к состоянию клинической смерти. Из которой, как известно, только два пути – или на тот свет, или на этот. Пока что впереди виден только первый путь – многие жители Байкальска уже сейчас торопятся переехать в Слюдянку и Иркутск, понимая, что через пару месяцев конкуренция на рынке труда резко возрастет за счет массового потока беженцев. С другой стороны, известно, что сам генерал Квашин ведет переговоры на достаточно высоком уровне, в том числе среди военных, о разрешении, ввиду якобы крайней оборонной важности комбината, снова сбрасывать отходы в Байкал.

А с третьей стороны, ходят упорные слухи, что комбинат вот-вот будет куплен Ростехнологией. Но это уже совсем другая история.

Дмитрий Таевский.
Печатается по изданию:
В кулуарах. 2008. № 1. С.8.

Красноярская агломерация

18 ноября в Красноярск-гражданпроект состоялся круглый стол, посвященный проектированию Красноярской агломерации. В нем участвовали Т. Лисиенко, И. Орлов, П. Федирко, К. Шумов (Красноярск), сотрудники московского института «Гипрогор» и зарубежные проектировщики из США, Италии, Франции, Великобритании.

Главный архитектор Красноярского края К.Ю. Шумов подчеркнул, что заказчиком на разработку схемы территориального планирования Красноярской агломерации выступило правительство края. В нее войдут Емельяновский, Березовский, Манский, Сухобузимский муниципальные районы, а также городские округа Красноярск, Дивногорск, Сосновоборск.

Предполагается, что работа будет осуществляться в три этапа. Первый этап – разработка стратегии развития Красноярской

агломерации. Второй этап – разработка схемы территориального планирования. Третий этап – разработка инвестиционного паспорта территории Красноярской агломерации. Срок окончания работ – конец 2009 года.

Разработчиком определен московский институт «Гипрогор». При институте создана группа экспертов, в состав которой вошли представители ведущих мировых архитектурных компаний: «Metrogramma» (Италия), «Perkins Eastman International» (США), «BGJ Planning» (США), «ARUP and Partners International Limited» (Великобритания), «AREP GROUP» (Франция). Задача экспертов – предложить варианты планировочного развития территории Красноярской агломерации, исходя из стратегии ее социально-экономического развития и с учетом мирового опыта проектирования агломераций. В данную работу предполагается интегрировать институт «Красноярск-

гражданпроект», на территории которого будет организована дискуссионная площадка, и представителей ведущих красноярских архитектурных бюро. Знакомство красноярского архитектурного цеха с мировым опытом проектирования агломераций, в процессе непосредственной работы с западными компаниями, будет способствовать налаживанию профессиональных контактов и повышению уровня проектного дела в крае.

Директор института «Гипрогор» М.Ю. Грудинин поддержал идею создания дискуссионной площадки для обсуждения рабочих этапов проекта. Красноярские архитекторы считают, что такой механизм поможет эффективно аккумулировать ценные для агломерации идеи и избежать ошибок, которые неизбежны в такой сложной работе. Он может оказаться необходимым и для того, чтобы выработать объективную позицию в дискуссиях с иностранными коллегами,

и для того, чтобы актуализировать наработанный еще в советское время богатый опыт по комплексному проектированию крупных градостроительных объектов.

Во время обсуждения иностранные архитекторы признались, что им не доводилось еще участвовать в проектировании столь крупного объекта, как Красноярская агломерация. В таком случае возникает вопрос о правомерности привлечения иностранных архитекторов к столь ответственной работе. Остается надеяться, что коллективный опыт и условия реального конкурса дадут успешный результат, адекватный масштабу поставленной задачи.

Марина Ткачева
По материалам интернет-газеты красноярских архитекторов «НоЖКА»,
№ 129

Политическая история советского градостроительства

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Агломерации: расселенческая доктрина в России сегодня и 100 лет назад (учет исторического опыта при принятии современных решений)» № 08-01-00512а. 2008-2009

История советской архитектуры, казалось бы, изучена настолько глубоко и основательно, что трудно найти тему, которой не касалось бы пытливые око исследователя. Но все же есть один самый сложный конгломерат вопросов, который представляет серьезную научную задачу. До сих пор не только не решенную, но даже до конца не осмысленную. Это вопрос о механизме принятия градостроительных решений в СССР. И в начальный период его существования – в послевоенные годы, и в период подготовки индустриализации, и далее, с началом ее осуществления, когда советская власть стала практически воплощать концепцию социалистического расселения.

Изучение затруднено тем, что эта тема имеет как бы двойственную природу. С одной стороны, она, несомненно, профессиональная. Но если рассматривать лишь композиционно-планировочное и художественно-образное содержание, то совершенно непонятными оказываются мотивы и исходные предпосылки принятия высшим руководством страны всей системы расселенческих, административно-территориальных, планировочных, и в конечном счете, законодательно-нормативных предписаний в отношении соцгородов и соцпоселков. С другой – если включать в изучение весь комплекс геополитических, миграционно-переселенческих,

военно-промышленных, хозяйственно-экономических, организационно-управленческих, финансовых, транспортно-инфраструктурных, материально-технических, ресурсных и других параметров, то тогда огромный комплекс знаний оказывается явно выпадающим за рамки привычных предметов изучения градостроительной науки.

Собственно, профессиональная составляющая оказывается растворенной и утерянной в том гигантском объеме мероприятий, который в рассматриваемый период осуществлялся в рамках государственных строительных программ. Она теряется среди тех решений, которые принимались в совершенно иных, нежели

собственно архитектурно-градостроительные, органах планово-хозяйственного и политического государственного управления.

Градостроительное обеспечение государственных планов равномерного распределения промышленности и населения по территории государства остается одним из самых загадочных аспектов советской индустриализации. Осмысленно ли участвовали архитекторы в формировании поселений единой структуры предприятий военно-промышленного комплекса? Понимали ли то, что градостроительная деятельность в СССР развивается в контексте развития советского военно-промышленного комплекса? Отдавали ли себе отчет в

том, что их проекты несут функцию ресурсного освоения отдаленных территорий и оборонного укрепления окраинных зон страны?

Широко известный факт появления в период первых пятилеток на карте страны сотен новых населенных пунктов является следствием не собственно градостроительных решений, а результатом исполнения задачи развертывания военно-промышленной индустрии. Казалось бы, какая разница? На самом деле очень большая! Так как поселения, возникающие не в результате выбора наиболее благоприятных климатических, ландшафтных, эстетических, этнических, социально-культурных и иных естественных качеств исходной среды и местного населения, обычно порождают конфликт с природным окружением, а не создают гармонического единения с ним. Поселения, возникающие на пустых местах, вне исторически складывавшихся форм обживания территории, вне традиций землеустройства, вне накопленного столетиями смысла мирского и сакрального ландшафтов, оказываются лишенными того духа места, который обеспечивает укорененность людей в культуре рачительного освоения среды.

Новые населенные пункты – соцгорода и рабочие соцпоселки, возникшие в «логике», далекой от традиционного градостроительства, – по правилам административно-партийного управления территориями и законам искусственно формируемых в них контингентов населения (строго определенных по количеству и квалификационному составу), являлись элементами совершенно иной градостроительной теории, практики и законодательства, нежели во всей предшествовавшей истории мирового градостроительства.

Советская теория градостроительства исходила из рассмотрения соцгородов как пролетарских «ядер», создаваемых на пустом месте промышленных районов, призванных обеспечивать военно- и трудо-мобилизационные мероприятия. Соцгорода с

помощью размещенных в них контингентов силовых структур призваны были контролировать население прилегающих территорий сельскохозяйственного профиля; образовывать с этими территориями двусторонние связи – «город – деревня» – для гарантированного взаимного сбыта сельскохозяйственной и промышленной продукции. Они, как поселения нового типа, призваны были содержать места добычи сырья и потреблять его; поддерживать в эксплуатационном состоянии и развивать стянутые на себя транспортные арены, обслуживающие производство; выступать в роли центров распределительной системы и т.п. Все это – весьма специфическая теория, само содержание которой до сих пор замалчивалось и остро нуждается сегодня в своем сосредоточенном исследовании.

В СССР именно политическая воля определяла характер всех процессов функционирования государства – промышленного производства, ресурсодобычи, военных мероприятий, миграционно-расселенческих кампаний, целенаправленной трансформации и формирования социальных явлений и др. А жилищная и градостроительная политики выступали лишь средствами территориальной материализации этих процессов. То есть являлись не столько самостоятельной сферой творчества, сколько одним из аппаратов проектного обеспечения задач освоения новых территорий и хозяйственной реконструкции существующих.

Формируемая в этих условиях система расселения не являлась следствием комфортного обустройства жизни, а выражала лишь рациональную (с точки зрения промышленности) организацию производственной деятельности, оптимальное (со стороны грузов) формирование макрорегиональных транспортных систем, создание эффективных (в отношении запросов энергоемкого производства) источников выработки электроэнергии, разработку богатых (в отношении

простоты извлечения) мест залегания полезных ископаемых, надежное (с точки зрения обороноспособности, из-за недоступности для авиации вероятного противника) и выгодное (с точки зрения минимизации затрат) размещение зон военно-промышленного производства – на ровных площадках и с наличием проточной воды и т.п.

При подобном подходе интересы и предпочтения население, его культурный уровень и уклад жизни, его традиции и обряды, его верования и самоидентичность в расчет не принимались. А если и брались, то лишь как материал для «переделки» и приспособления под задачи функционирования производства.

И самое драматичное для отечественной урбанистики это то, что при таком подходе для собственно «градостроительной» проработки уже не оставалось места – после суммирования экономгеографических, транспортных, военно-промышленных, топливно-энергетических, технологических, геополитических, ресурсно-трудовых, административно-управленческих и прочих заключений решение о выборе места расположения населенного пункта и его структуре складывалось фактически в законченном виде. Архитекторам оставалось лишь «изобразить» его.

Содержание советской градостроительной политики фактически никогда не являлось предметом открытого обсуждения, анализа и критики. В силу принятых в советский период словесных фигур умолчания и реальной секретности, оно прикрывалось идеологически выдержанными отчетно-парадными формулировками и выливалось лишь в шаблонное описание художественно-образных характеристик. Ни ее принципы, ни возведенные в ходе ее реализации поселения, ни «правила» их размещения по территории СССР, ни характер планировочной организации поселений, ни принудительный (особенно на начальных этапах освоения территории) способ комплектования производств рабочими

кадрами, ни другие подобного рода вопросы никогда не являлись материалом, открытым для исследования. Это тайная, неизведанная страница истории существования советского режима, разительно отличающаяся от широко известных градостроительных проектов, многократно воспроизводившихся на страницах архитектурных и общественно-политических изданий. Она до сих пор остается неизведанной областью исторических знаний, интереснейшим фрагментом проектной и строительной деятельности, скрытым за завесой надуманных исследовательских объяснений.

Механизм формирования и реализации градостроительной политики, а также принятия конкретных градостроительных решений в СССР во многом определялся устройством института власти. В нем те законодательные и исполнительные органы, которые по Конституции именовались высшими органами власти (ЦИК и СНК СССР, ВЦИК и СНК РСФСР, СТО и др.), на самом деле лишь доводили до практического воплощения распоряжения и директивы реального руководства страны – Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК ВКП (б). Именно эти органы определяли ключевые положения градостроительной, территориально-планировочной, организационно-управленческой доктрин, выдвигали задачи программ индустриализации и коллективизации и контролировали воплощение их в жизнь.

Но при этом до сих пор остается неизвестным, в каких кабинетах решалось, где и по каким принципам строить новые города? От кого исходила целенаправленная политика строить новые промышленные производства на базе концентрационных и трудовых лагерей, силами заключенных, спец- и трудпоселенцев? В какой степени власть, принимая градостроительные решения, исходила из собственно градостроительных знаний (планировочных, художественно-образных, социально-экономических, инженерно-технических), а

в какой мере эти решения были продиктованы совершенно иными соображениями? Почему была официально принята стратегия многоэтажного, многоквартирного жилищного домостроения и кварталльно-районного структурирования городской среды? Почему в конечном счете эта стратегия осталась единственной, ликвидировав частного домовладельца, мирясь лишь с деревянным индивидуальным жилищным самостроем, но при этом вытеснив его на самую отдаленную окраину города?

Сложности, связанные с изучением механизма принятия градостроительных решений, усугубляются еще и тем, что перед исследователями не лежит ни одного материала, способного дать однозначные и исчерпывающие ответы по очерченной проблематике, ни одного факта, прозрачно раскрывающего работу этого механизма. В результате белые пятна его функционирования закрываются устойчивыми формулировками. Например, запрет дискуссии о соцрасселении тем, что одна часть дискутирующих «старалась безответственно перепрыгнуть в будущее», а вторая – запятнала себя «правым оппортунизмом». Или совершенно невероятными и абсолютно не соответствующими действительности утверждениями. Например, что изменения советского архитектурного нормирования были вызваны ростом эстетических запросов населения, а осуществлявшиеся по команде свыше кардинальные изменения направленности градостроительной политики – естественной эволюцией профессиональных идей.

Тот факт, что власть постоянно, целенаправленно и методично изламывала профессию архитектора, приспособлявая и изменяя ее в нужном для себя направлении, не становится основанием анализа причин резких изменений курса советского градостроительства. Не превращается в методологическое основание организации исследований, принципиально основывающихся на ином источниковедческом

материале. Не становится основой утверждения того, что любые изменения отечественной градостроительной теоретической мысли невозможно объяснить из внутренней логики ее развития потому, что все изменения, которые в массовом порядке претерпевала профессия архитектора в СССР, определялись внешними обстоятельствами.

Эти «переломные моменты» были подобны, по образному выражению А. Иконникова, повороту «все разом», осуществляемому эскадрой по приказу командующего, – понять причину этого маневра абсолютно невозможно, сидя в трюме одного из судов. Ответ требует иного горизонта рассмотрения, потому что только с «капитанского мостика» становятся понятны те действия (а также их мотивы и способы осуществления), которые осуществляла власть в принудительной эволюции архитектурно-градостроительного творчества. Только отсюда можно понять природу градостроительного теоретизирования, которое вызывало столь горячее одобрение или, напротив, яростное неприятие со стороны партийных структур. Для ответа необходим выход «наверх» – за рамки привычных предметов историко-теоретических, архитектурно-градостроительных исследований – в области, пограничные с профессиональной действительностью, такие, как геополитические интересы, законодательство, марксистско-ленинская идеология, государственное управление, промышленная политика, стратегии развития военно-промышленного комплекса, миграционная политика, ресурсное освоение территорий и т.п.

Без подобного реформирования исследовательской позиции архитектора многие вопросы так и останутся неразъясненными. Так же, например, как до сих пор не раскрытым остается вопрос о причинах фактически полного запрета реализации в СССР идеи происхождения несколько раз резкого изменения градостроительного законо-

дательства. Нераскрытыми остаются практически все явления принудительной трансформации профессионального мышления и деятельности – от изъятия книг и запрещения дискуссий и целых направлений творчества до закрытия деятельности общественных организаций и ликвидации проектных институтов и учебных заведений.

Сложность описания политической истории советского градостроительства проистекает также и из факта отсутствия документов: 1) утрачены архивы многих проектных институтов за предвоенный период; 2) опубликованы далеко не все постановления органов власти, посвященные, например, вопросам расселения и градостроительства; 3) нигде не описаны и не разъяснены реальные процедуры принятия градостроительных решений; 4) не раскрыт и не зафиксирован тот факт, что реальные процессы разработки и согласования проектной документации во многом не соответствовали официально принятым законодательным документам, призванным их регулировать; 5) опубликованные свидетельства и воспоминания очевидцев и соучастников исторических событий, прошедшие идеологический контроль, слабо соответствуют действительности; 6) частные письменные свидетельства, которым удалось миновать внешний идеологический контроль или внутреннюю самоцензуру, практически отсутствуют; 7) до сих пор остаются не раскрытыми определенные виды документов, способные пролить свет на функционирование высших уровней механизма принятия градостроительных решений (например, связанных с формированием ВПК); 8) до сих пор остаются не только не раскрытыми, но даже не актуализированными многие аспекты внутриполитической деятельности, кардинально влиявшие на осуществление градостроительной политики, потому что лежат далеко за границами предметной действительности градостроитель-

ства (в частности, такие теснейшим образом связанные с градостроительством вопросы, как ресурсное освоение окраинных частей страны; формирование в местах возникновения будущих городов лагерей системы принудительного труда и т.п.); 9) навсегда утрачена информация о некоторых ключевых событиях истории отечественного градостроительства, как, например, содержание решений «выездных» рассмотренных высшим партийным руководством страны важнейших конкурсных архитектурных и градостроительных проектов, выставленных в подходящих для этого помещениях вне Кремля; 10) официальные нормативные документы не отражают реальных градостроительных решений, так как часто эти решения принимались не на их основе, а исходя из политических ситуаций и в результате распоряжений свыше и т.п.

И при этом потребность в написании политической истории советской архитектуры и градостроительства огромна, ибо она является фактически единственным ключом к пониманию «природы» принудительной эволюции градостроительного мышления и деятельности в СССР. Любые попытки изучения истории советской архитектуры вне учета реальных партийно-государственного управления ею обречены на выхолащивание ее существа до формально-композиционных и стилистических черт. Невозможно изучать историю советской архитектуры, не зная и не желая знать историю породившего ее советского общества, не замечая множественных фактов воздействия власти на архитекторов в ее стремлении заставить их занять свое место в едином строе «государственных служащих». Невозможно понять подлинные причины изменения ее художественного и стилистического содержания.

Изучение места и роли механизма принятия градостроительных решений в системе сталинской, хрущевской, брежневской, горбачевской власти имеет огромное научное значе-

ние. Актуальность его во многом определяется тем, что современное отечественное градостроительство в некоторых глубинных основаниях своей деятельности до сих пор остается в плену абстрактных теоретических схем, сформированных в 1920–1930-е годы или в 1960-е. И, будучи не в состоянии осознать себя и преодолеть «вживленные» в него стереотипы, остается оторванным от сегодняшних особенностей жизни и культуры.

Последовательность постановки и решения задач индустриального развития начинает вырисовываться только сегодня – с 1927–1928 годов в СССР начал создаваться военно-промышленный комплекс, именуемый программой индустриализации страны. Разработка этой программы ставит перед правительством страны вопрос о том, сколько и каких следует построить предприятий, чтобы сформировать единую технологическую сеть производств, способных оптимальным образом осваивать природные запасы сырья и быть предельно неуязвимыми во время возможных боевых действий. Подобная постановка вопроса, заметим, и приводит в конечном счете к выработке стратегии создания эшелонов оборонных предприятий в зонах, недоступных (на тот период) для воздушных ударов авиацией любого из вероятных противников (на Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в отдаленных частях севера и юга страны¹).

Госплан определяет производственно-экономический потенциал неосвоенных регионов и потребность в привлечении рабочей силы, необходимой для их освоения и реконструкции существующих промышленных ареалов. Она составляет около 10 млн новых рабочих рук. Массовая коллективизация, депортация лишенцев и безработных, террор, как таковой, наряду с комсомольскими путевками, командированием на работу, принудительными трудовыми мобилизациями и т.п., являются планомерно и целенаправленно

используемыми средствами формирования требуемого объема трудовых ресурсов. Градостроительная политика поддерживается принудительными миграционными мероприятиями. Именно благодаря им обеспечивается поставка трудовых ресурсов, необходимых для возведения новых промышленных объектов и, в дальнейшем, их функционирования. Эти рабочие контингенты, а также члены их семей, собственно, и составляли население поселков-новостроек и новых городов при промышленных объектах.

Содержание разработанной в рамках Госплана СССР концепции социалистического расселения со стороны ее экономических и геополитических интересов, воплотившихся в сталинской стратегии производственного освоения территорий и индустриального развития страны, остается одной из не исследованных до сих пор глав отечественной истории. Как, впрочем, и механизм перемещения трудоспособного населения в нужном направлении и в требуемом количестве в места сырьевого, индустриального и транспортного освоения территорий. Потому, что принудительные миграции если и изучались историками и исследователями-крестьяноведами, то лишь в контексте раскулачивания и массовых депортаций крестьянского населения. Но никогда не рассматривались в связи с концепцией соцрасселения – как инструмент планового и заранее рассчитанного формирования трудовых ресурсов возникающих соцпоселков и соцгородов. Коллективизация фактически никогда не выступала предметом изучения в едином контексте с индустриализацией. Не рассматривалась как процесс целенаправленного превращения репрессированного крестьянства в универсальную рабочую силу с плановым ее перемещением в места отправления принудительного труда – промышленности, строительство, лесозаготовки, золотодобыча, разработка природных ископаемых и прочее.

При кажущейся очевидности социально-организационных оснований советской коллективизации и индустриализации совершенно неясным остается – кто проектировал структуру размещения новых промышленных предприятий? Какие организационно-управленческие принципы закладывались в размещение промышленности и населения по территории страны? Кто проектировочно формировал сеть новых поселений при новых промышленных предприятиях (сначала в виде трудовых и концентрационных лагерей, а затем на их месте социалистических рабочих поселков, и уже потом – соцгородов)? Кто проектировал сами лагеря и возникающие вблизи них гражданские поселения (на основе каких принципов и градостроительных нормативов разрабатывались эти проекты)? Кто из мастеров советской архитектуры и градостроительства СССР, широко известных своими «официальными» работами, непосредственно курировал эту «тайную» сторону проектной деятельности?

Постановка подобных вопросов потребует: а) изучения характера принудительных миграций населения к местам индустриального, сырьевого и инженерного освоения территорий; б) исследования принципов территориального размещения системы сталинских трудовых и концентрационных лагерей с сопоставлением изначально планируемых и реально происходивших процессов освоения территории, зачастую начинающегося с размещения лагунков и возведения силами заключенных жилья, производственных объектов, объектов инфраструктуры и транспортных коммуникаций, затем обживанию бараков и объектов обслуживания спецконтингентом и далее, на следующей стадии, «передачи» их в эксплуатацию вольнонаемным – процедуры, реально приводившей к возникновению на данных территориях гражданских поселений; в) сопоставления процесса перемещения трудового населения на

новые территории и освоенности «освоения» этих территорий; г) раскрытия идеологических оснований и политических регулятивов принятия градостроительных решений и наполнения их профессиональным содержанием в рамках формальной организации системы проектных организаций и т. д.

Изучение механизма и объемов принудительного перемещения рабочей силы в процессе коллективизации, приемов принудительного закрепления населения после отбытия срока заключения в колонизируемых местах; исследование принципов и характера возведения гражданских поселений заключенными, а также выявление структуры мест размещения труд- и спецпоселений, колоний и лагерей (обычных, проверочно-фильтрационных, особых и каторжных работ, лагерей военнопленных и т.п.), способно не только дать ответ на вопрос о структуре и величине новых рабочих поселений 1920–40-х годов, возникших в зонах принудительного освоения территорий; но и может раскрыть реальное содержание градостроительных программ, осуществлявшихся в СССР сталинским руководством.

Часто звучащие слова о том, что советская история, в том числе история советской архитектуры и градостроительства, до сих пор остается белым пятном, увы, близки к истине. Погружение в фактический материал не столько дает ответы, сколько ставит все новые и новые вопросы и заставляет пересматривать, казалось бы, непоколебимые истины, которые на проверку оказываются не чем иным, как давно сформированными и хорошо укорененными мифами.

Марк Меерович

1. Сюда не способны были долететь вражеские бомбардировщики, т. к. возможности самых дальних из них не позволяли, без дозаправки, осуществлять перелет до места размещения объектов советского ВПК и обратно на аэродромы базирования.

Интервью с главой города Шелехова

Шелехов стал первым городом в Иркутской области, который получил новый генеральный план после 1991 года. Глава города Шелехова Юрий Георгиевич Зенин дал интервью корреспонденту журнала «Проект Байкал» архитектору Андрею Ляпину.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Юрий Георгиевич, журнал «Проект Байкал» издается как профессиональный архитектурный журнал для Восточной Сибири и Дальнего Востока. Основное внимание в нашем разговоре я предлагаю уделить градостроительным аспектам развития Шелехова и проблемам, связанным с реализацией генерального плана города.

Однако первый мой вопрос об отношении жителей к своему городу. Что значит для Шелехова преемственность и традиция?

ЮРИЙ ЗЕНИН

Шелехов – это молодой город, но к тем традициям, которые у нас сложились, мы относимся бережно и внимательно. Традиции не живут сами по себе, их нужно поддерживать. В нашем городе люди заботливо относятся к своим дворам, к деревьям, ко всему озеленению. Старшее поколение помнит, как проходили субботники и воскресники, с какой любовью жители старались украсить свои дворы. Так было сформировано озеленение многих улиц – Первостроителей, Орловских комсомольцев, Комсомольского бульвара. Люди не только помнят о своем участии в украшении города, но и стараются сохранить то, что они создали тогда. К нам, в администрацию, обращаются жители и напоминают, что традиции нужно поддерживать.

Однако время не стоит на месте, и многие деревья сегодня уже нуждаются в замене. Серьезной проблемой являются большие тополя. Сейчас уже совершенно очевидно, что их нужно менять. Иногда они даже представляют опасность в случае непогоды. В озеленении города уже многое удалось. Недавно оформлена аллея Лицейстов, заново обновили посадки на нашей яблоневоулице – улице Первостроителей. Мы продолжаем традиции участия людей в формировании облика города. Сейчас думаем о реконструкции

Комсомольского бульвара. Многое еще нужно сделать, и сделать на высоком уровне. Озеленение Шелехова должно приобрести новое качество, необходимо продолжать улучшать зеленый облик города.

ПБ

В 2004 году проектный институт «Иркутскграждан-проект» разработал новый генеральный план города. Как вы оцениваете выполненный генеральный план? Оправдал ли этот градостроительный документ ваши надежды?

ЮЗ

Впечатление самое положительное. Генеральный план является основой наших действий, и мы сопоставляем задачи и проекты сегодняшнего дня с генеральным планом. Главный архитектор города Евгений Георгиевич Константинов тщательно осуществляет стратегию генерального плана. Генеральный план предложил спокойную модель развития. И сейчас мы видим – этот подход себя оправдывает. Развитие Шелехова, заложенное в генеральном плане, соответствует нашим потребностям. В этом году мы заказали проект планировки Западного района. Будем продолжать готовить детальную проектную документацию.

Среди проблем, актуальных для города, для городского хозяйства, особо хочется выделить две: благоустройство и транспорт. Наши улицы не были рассчитаны на то количество машин, которое есть сегодня. Нужно создавать места для автомобилей, нужно продолжать благоустройство улиц, устройство автостоянок.

ПБ

Какие планы у администрации города в сфере жилищного строительства? И какие здесь есть проблемы?

ЮЗ

Строительство жилья намечено в Западной части города. Здесь по генеральному плану планируется возведение жилого района, учреждений и предприятий обслуживания, будет создан еще один новый парк. В Шелехове успешно реализуются программы помощи молодым семьям, программа помощи работникам бюджетной сферы.

Сегодня перед нами стоит вопрос о переселении людей в новые квартиры из ветхого и аварийного жилья в Восточной части города. Нужно сосредоточить усилия, чтобы мы смогли попасть в Федеральную программу по переселению из ветхого жилья в соответствии с Федеральным законом № 185. Необходимо в ближайшее время подготовить все документы, заново пересмотреть состояние ветхого жилого фонда, определить долю аварийного жилья. Хорошо подготовленная заявка поможет нам встроиться в мероприятия Федеральной программы, добиться финансирования для решения проблем по жилью. Мы рассчитываем за счет этих федеральных средств начать также реконструкцию Восточной части города.

ПБ

Существует ли в Шелехове потребность в новых объектах культуры и обслуживания? Насколько генеральный план города помог определить важность и очередность задач в создании учреждений культуры?

ЮЗ

Потребность в новых учреждениях обслуживания, культуры, спорта, конечно, есть. Генеральный план предусматривает создание спортивной зоны возле Центрального парка, и сейчас мы просчитываем конкретные возможности для строительства спортивных объектов.

Нам не хватает бассейнов. Нужно еще хотя бы два новых бассейна, тем более что мы убедились на примере работы нашего аквапарка при стадионе «Строитель»: когда все сделано как следует, сделано хорошо, люди едут к нам из Иркутска и других городов.

У нас есть давняя проблема, как быть со старым неиспользуемым бассейном. Он был построен больше двадцати лет назад при училище, однако вскоре пришлось отказаться от его эксплуатации. Все это время бассейн стоял неиспользуемым под открытым небом. Совсем недавно мы посетили этот объект вместе с заместителем министра по молодежной политике Константином Валерьевичем Климовым. После обсуждения проблемы и разговора с ним, я надеюсь, нам удастся решить про-

блему обеспечения жителей Шелехова плавательными бассейнами.

Сейчас заговорили о кризисе. Я считаю, что мы должны продолжать усилия по дальнейшему созданию и спортивных сооружений, и объектов культуры. Мы должны использовать время кризиса для подготовки проектно-сметной документации.

ПБ

Шелехов находится рядом с более крупным городом. Каково ваше мнение о целесообразности кооперации и сотрудничества системы городов Иркутск – Ангарск – Шелехов в совместном и скоординированном решении проблем городского развития?

ЮЗ

Каждый день мы видим, насколько сегодня связаны наши города. Ежедневно из Шелехова несколько тысяч людей едут на работу или на учёбу в Иркутск. Вечером возвращаются обратно. Дорожные пробки стали привычной частью нашей жизни. Пример Москвы показывает, что, когда-то бывшие отдельными, небольшие города и деревни рядом с Москвой сегодня вошли в границы города, стали его частью. Процесс интеграции городов – реальность нашего времени. Недавно еще говорили о различных общих проектах для Иркутска – Ангарска – Шелехова, например о строительстве легкого метро, скоростного трамвая для наших городов. Польза от реализации проекта по общей системе транспорта для трёх городов была бы несомненна. Другой пример – новая застройка в полосе нашего водовода, которая создает новые риски для системы жизнеобеспечения города. Или проблема водозабора. Как известно, города Иркутск и Шелехов имеют общий водозабор. У нас с Иркутском множество общих вопросов, которые лучше всего решать совместно. Я уверен, что города, которые находятся рядом, должны на какой-то систематической основе решать общие проблемы. Сотрудничество муниципалитетов не только повысит эффективность решения каких-то насущных проблем, но может дать новые возможности и перспективы, которые не под силу отдельному городу.

ПБ

Город Шелехов известен своими устойчивыми культурными и общественными связями с японским городом-побратимом Неагари. Вы могли наблюдать японский опыт городского развития, сопоставлять его с системой городского управления, которая существует у нас. Насколько, по вашему мнению, мировой опыт городского развития может быть использован в России?

ЮЗ

Вопрос о японском городе-побратиме является еще одной иллюстрацией к тому разговору о сотрудничестве городов, который у нас был только что. До 2005 года побратимом Шелехова действительно был город Неагари. В 2005 году Неагари объединился с двумя расположенными рядом небольшими городами. Возникшее общее муниципальное образование получило новое название – город Номи. Таким образом, мы автоматически стали побратимом города Номи, сохранив связи и культурные отношения со всеми людьми, которые дорожат дружбой с Шелеховом из бывшего Неагари. Официально нам пришлось утвердить новое соглашение, однако это несколько не повлияло на характер наших дружеских связей. Причиной объединения трёх японских муниципалитетов была политика центрального правительства Японии, нацеленная на развитие городов. Более крупным городам выдаются государственные субсидии, которые они используют на целевые городские программы и создание инфраструктуры.

Что же касается использования международного опыта, я могу сказать, что не только мы учимся у них. В Японии я увидел примеры того, как они переняли от нас много полезного в 60-70-е годы, то, чего не было у них, а сейчас является обычным. У них не было общих клубов – дворцов культуры, таких, какие строились у нас. Сейчас есть. Единая форма для школьников, организация школьного образования. Элементы, воспринятые когда-то у нас, сегодня и привычны, и целесообразны в современной Японии.

ПБ

Юрий Георгиевич, журнал «Проект Байкал» желает вам успехов в работе, в реализации планов на благо жителей Шелехова.

Корректировка генерального плана г. Шелехова

Корректировка генерального плана г. Шелехова Иркутской области разработана по заданию администрации города отделом генерального плана ОАО «Иркутскгражданпроект».

Корректировке подвергнут генеральный план г. Шелехова, выполненный институтом «Иркутскгражданпроект» в 1992 году и утвержденный постановлением малого совета Шелеховского городского Совета народных депутатов от 10.02.93 № 26.

Корректировка вызвана как истечением первой очереди генплана, заложенные мероприятия которой реализованы в незначительной степени, изменением социально-экономических условий в стране, а также необходимостью изменения городской черты.

Проект разработан в электронном виде с использованием космического снимка системы «Ландсат» съемки марта 2003 года.

Решением Городской думы от 27.04.2007 генеральный план утвержден и вступил в действие.

По данным текущего статистического учета, постоянное население Шелеховского муниципального образования на 01.01.2003 года составило 69,2 тыс. чел., в т. ч. 62,0 тыс. чел. – городское население, и 7,2 тыс. чел. – сельское. Численность населения г. Шелехова на 1.01.2004 года составляет 54,0 тыс. чел.

Шелехов в структуре групповой системы населенных мест (ГСНМ) занимает подчиненное положение, входя в зону влияния областного центра и являясь его городом-спутником. Место в системе расселения определяется составом функций города как промышленного центра и центра муниципального образования. В отношении подчиненных населенных пунктов он осуществляет функции административно-управления и культурно-бытового обслуживания, а в ГСНМ практически полностью находится «в тени» областного центра.

Основой для формирования связей в системе

расселения является положение города в схеме транспортного обслуживания. Шелехов расположен на Транссибирской магистрали и на автомобильной дороге общегосударственного значения. Железной и автомобильными дорогами он связан с подчиненными населенными пунктами. Расстояние до наиболее удаленного поселения – п. Хузино – 58 км.

Значение Шелехова как центра культурно-бытового обслуживания ограничено рамками муниципального образования.

Город Шелехов отличается довольно четким функциональным зонированием.

Промышленность и коммунально-складские объекты сосредоточены, главным образом, к югу от Култукского тракта и к западу от железной дороги, пересекающей городскую территорию с севера на юг.

В настоящее время в планировочной структуре города можно выделить четыре промышленно-коммунальных образования:

1. Промышленно-коммунальный район ИрКаз.
2. Промкомзона микрорайона Привокзальный.
3. Юго-Восточный промрайон.
4. Зона коммунально-складских объектов Восточная.

Кроме того, небольшая часть предприятий размещается на отдельных площадках.

Самой крупной промышленной зоной является промышленно-коммунальный район ИрКаз. В его состав входит более 20 объектов, в том числе наиболее крупные градообразующие предприятия города.

В составе проекта разработана «Схема комплексной оценки территории», которая отображает характеристику антропогенных и природных факторов, определяющих как условия строительства, так и качество среды проживания человека на территории города. Кроме того, на схеме показана зона 1% затопления паводками р. Иркут, на территории которой действуют серьезные

ограничения хозяйственной деятельности.

На схеме представлена характеристика промышленных предприятий, транспортных коммуникаций, сооружений инженерной инфраструктуры, требующих формирования санитарных разрывов до селитебных территорий – санитарно-защитных зон, определяемых в соответствии с санитарно-эпидемиологическими нормами и правилами.

Схема отображает геоморфологические, геологические, гидрогеологические условия, а также микросейсмоярмирование территории города.

Оценка экологического и санитарно-гигиенического состояния территории города проводилась при участии специалистов Института географии Сибирского отделения Российской академии наук.

Анализ и определение границ загрязнения территории в городской черте г. Шелехова и в ближайшем окружении проводилась с использованием космического снимка системы «Ландсат» съемки марта 2003 года. Информация с космического снимка проверялась и сопоставлялась с данными стационарных наблюдений и материалами Государственного центра санитарно-эпидемиологического надзора.

Была изучена экологическая обстановка на территории города по компонентам окружающей среды: атмосферному воздуху, поверхностным водам, почвам. Также была изучена ситуация со сбором и утилизацией промышленных и бытовых отходов, радиационная обстановка и электромагнитное излучение.

По результатам комплексной оценки территории г. Шелехова получены следующие выводы:

- Атмосфера:
1. Валовые выбросы твердых веществ сократились за последние 5 лет на 20 %, жидких и газообразных – на 30%.
 2. Уровень загрязнения атмосферы в 2002 году оценивался как очень высокий

(ИЗА /Индекс загрязнения атмосферы/ = 14, СИ /стандартный индекс/ = 18 ПДК), при этом отмечается его снижение за последние годы.

3. Стационарных постов недостаточно, чтобы дать характеристику загрязнения жилых кварталов, наблюдения фиксируют незначительные превышения ПДК по различным ингредиентам.

4. Распространение загрязнения атмосферы в городе не имеет четкой закономерности и не позволяет выполнить зонирование территории по уровню аэрогенного загрязнения.

Поверхностные воды:

1. В целом анализ качества воды в реках Олха и Иркут показал неудовлетворительное состояние водоемов по показателям загрязнения условно-патогенной микрофлорой. При этом отмечается резкое увеличение удельного веса проб, не соответствующих гигиеническим нормам по этому показателю начиная с 2001 года.

Почвы:

1. В почвах города отмечены превышения ПДК, ванадия, суммы марганец + ванадий, марганца, максимальное содержание ванадия на уровне 2 ПДК.

2. Снеговой покров на территории города интенсивно загрязнен бенз(а)пиреном.

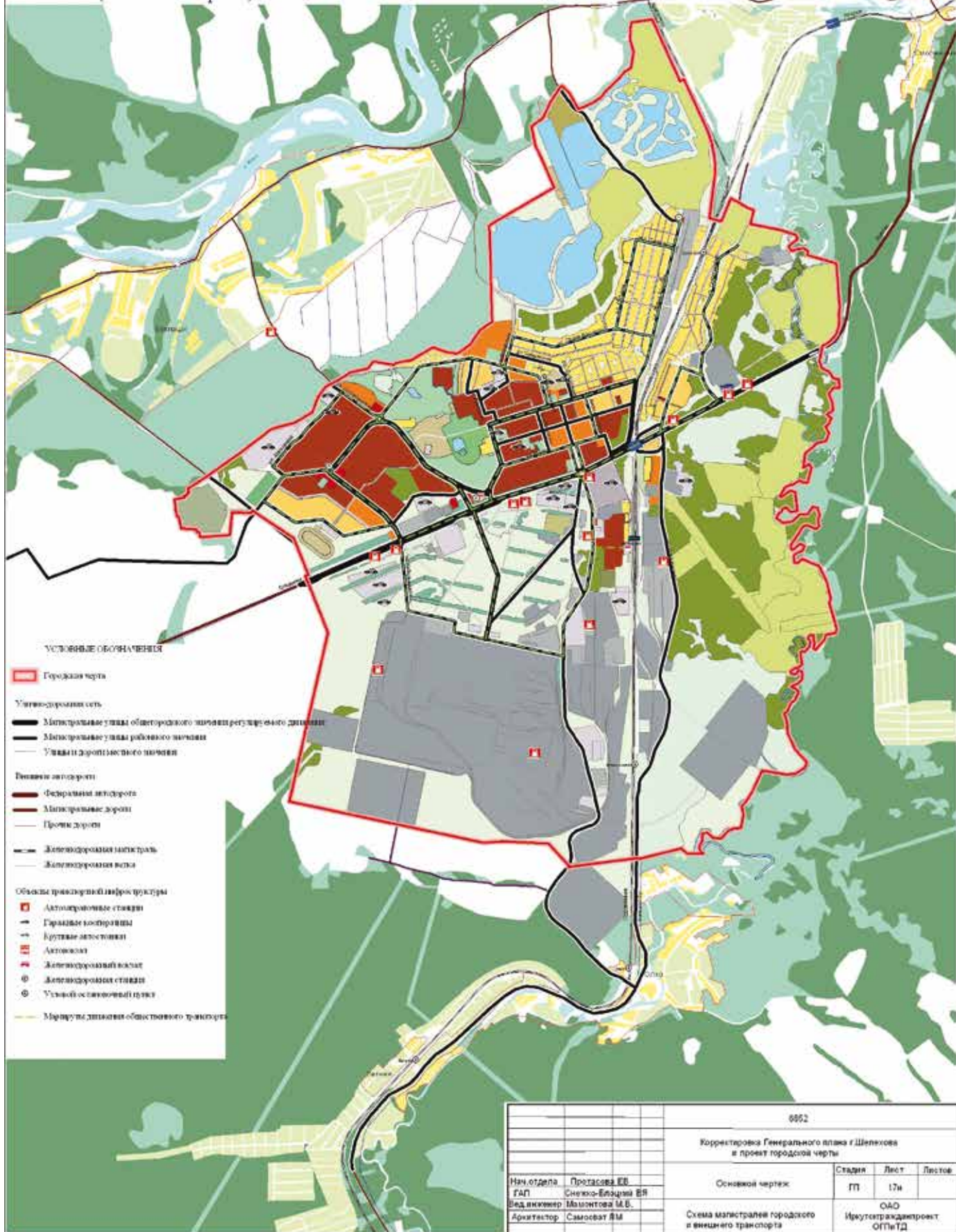
3. Содержание в почве бенз(а)пирена на территории жилых районов превышает ПДК в 1,26 – 10,3 раза, наибольшие уровни его содержания обнаруживаются на различном удалении от ОАО «ИрКаз-Суал» на территории города с интенсивным движением автотранспорта, где концентрации примеси превышают ПДК в 4,4 – 10,5 раз. Содержание бенз(а)пирена в почве положительно коррелируется с его содержанием в снеге.

Данные стационарных наблюдений, расчетные показатели загрязнения атмосферы и информация с космического снимка показывают, что наиболее загрязненным участком территории города является промышленная зона, на

Корректировка Генерального плана г.Шелехова и проект городской черты

Схема магистралей городского и внешнего транспорта.
(Основной чертеж)

территории которой средняя концентрация загрязняющих веществ превышает 5 ПДК.

Западная часть территории города попадает в зону, где средняя концентрация загрязняющих веществ составляет от 1 до 0,5 ПДК. Восточная часть города находится в зоне с превышением от 0,5 до 0 ПДК.

Данные по состоянию компонентов окружающей среды: атмосферному воздуху, воде, почве; результаты обработки космических снимков; анализ ландшафтных особенностей территории; сведения о заболеваемости населения были сведены в «Сводную карту экологических рисков».

Следует отметить, что проект был подвергнут экологической экспертизе. Был привлечен большой коллектив независимых экспертов, обладающих значительным опытом и непререкаемым авторитетом в области экологии. В результате работы экспертной комиссии был выдвинут целый ряд замечаний. Большой объем замечаний пришелся на раздел «Охрана окружающей среды» – «Атмосферный воздух» (заключение к.г.н. Б.Б. Чебаненко).

Заключение эксперта было основано на ошибочном мнении, что авторы генплана спрогнозировали уровень перспективного загрязнения на основе данных, относящихся к периоду «экономического спада». Экономического спада на предприятиях, являющихся приоритетными загрязнителями (ИрАЗ, ИТЭЦ-5), не было, наблюдался процесс применения эффективных мероприятий и технологий, внедренных в производственный процесс этих предприятий. В «дополнение к проекту по результатам экологической экспертизы» в проект были включены материалы модернизации действующего электролизного производства предприятий ОАО «СУАЛ», которые отражали мероприятия обосновывающие сокращение выбросов вредных веществ в атмосферу» и «ТЭО строительства V серии цеха электролиза на 300 кА с производством обожженных анодов». В

результате дополнений экспертная комиссия выдала положительное заключение по проекту «Генеральный план г. Шелехова».

Следует отметить, что, помимо влияния на чистоту атмосферы промышленных предприятий города, большой вклад в загрязнение окружающей среды вносит транспорт.

Авторами генплана уделено большое внимание разделу «Городской и внешней транспорт».

Существующая структура городского транспорта представлена сетью магистральных улиц и внешних дорог, сооружениями по обслуживанию и хранению транспортных средств (АЗС, гаражи, автостоянки). Сформирована база данных по организации пассажироперевозок на городских и внешних маршрутах железнодорожным и автомобильным транспортом.

Уровень автомобилизации по состоянию на 1.01.2004 года составлял по городу 215 автомобилей на 1000 жителей, общее количество транспортных средств по городу составляло 17 226 единиц.

Проектное решение

В соответствии с оценкой перспектив развития экономической базы города в экономике ожидается прирост рабочих мест, превышающий прирост трудовых ресурсов за счет естественного движения населения. Это позволяет прогнозировать приток в город мигрантов, перекрывающий естественную убыль населения и служащий источником роста его численности.

На основании прогноза возрастной структуры населения, анализа современного баланса трудовых ресурсов и его динамики составлен расчет трудовых ресурсов на I очередь и расчетный срок генерального плана. В состав трудовых ресурсов включаются лица в трудоспособном возрасте и работающие пенсионеры. Численность последних на расчетный срок увеличивается, что связано с прогнозом дефицита трудовых ресурсов после 2010 года, обусловленного сокращением численности трудоспо-

собных возрастов. На перспективу ожидается повышение уровня использования трудовых ресурсов в экономике. Высокий удельный вес инвалидов и пенсионеров в трудоспособном возрасте связан с сохранением на предприятиях Шелехова вредных производств, работники которых раньше выходят на пенсию.

Рост численности градообразующей группы на I очередь строительства связан прежде всего с приростом рабочих мест в промышленности и строительстве. Сохранение тенденции роста уровня жизни населения приведет к увеличению численности и удельного веса обслуживающей группы 14,7% на I очередь и 15,8% на расчетный срок генерального плана. Предполагается также рост численности лиц, занятых индивидуальной трудовой деятельностью.

В условиях благоприятных перспектив экономического развития численность населения г. Шелехова имеет тенденцию роста и составит на I очередь генерального плана (2010 г.) 58 тыс. чел. и 60 тыс. чел. на расчетный срок (2020 г.).

Планировочный каркас города составит сеть существующих улиц и дорог, дополненная новыми участками улиц, как на свободных площадках нового строительства, так и на реконструируемых территориях. Проектная классификация улиц и дорог определена проектом на основе их нормативного назначения. Так проектом предлагается создание транспортного кольца, сформированного улицами регулируемого движения городского значения, объединяющего Западный и Восточный жилые районы, в состав которого входят: участок федеральной дороги, участок новой магистральной улицы от Култукского тракта до 4 микрорайона и новая улица от 4 микрорайона до административного центра Восточного жилого района, проходящая по центральному парку и реконструируемой территории Восточного жилого района. Магистральные улицы регулируемого дви-

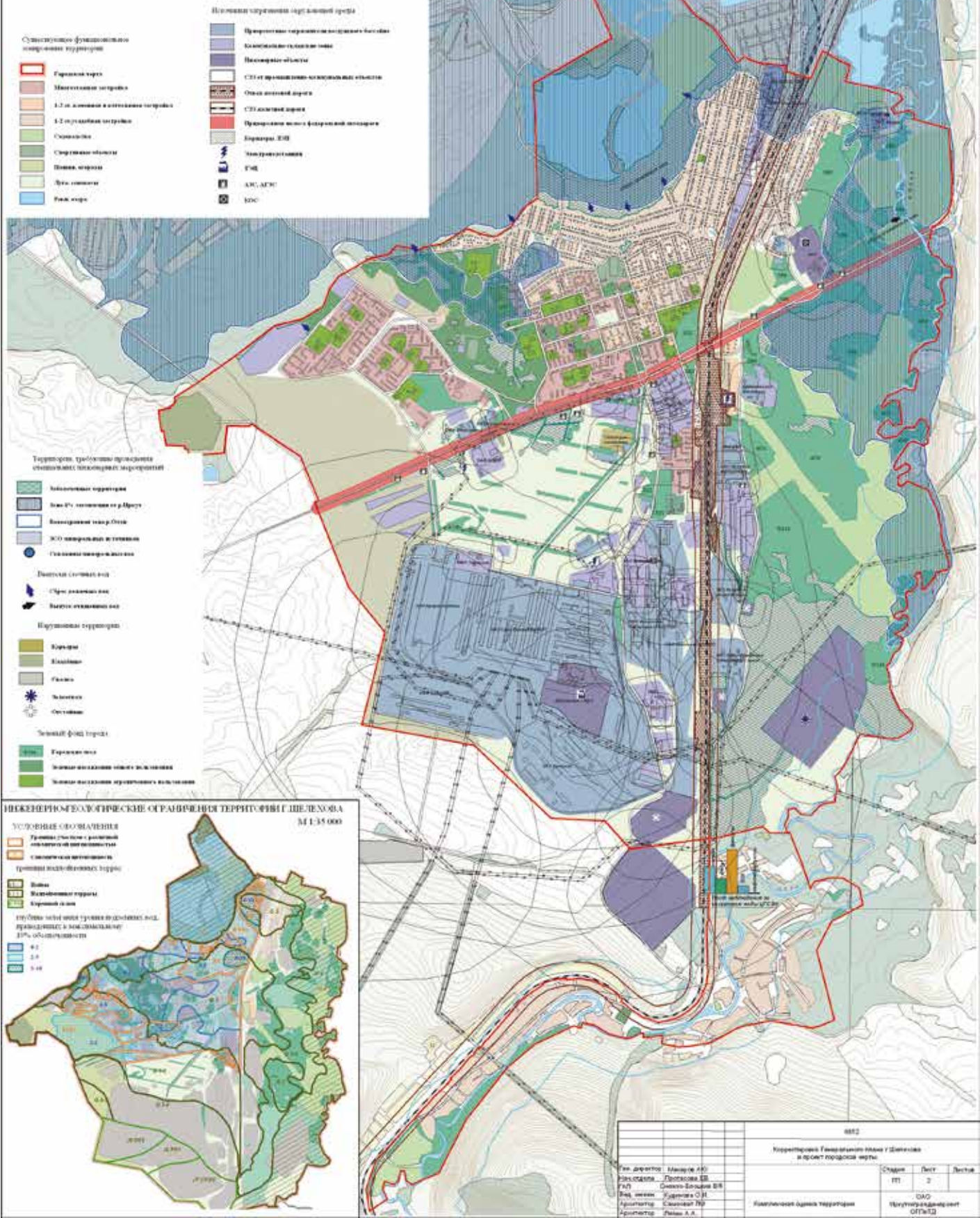
жения районного значения призваны соединить жилые районы и кварталы с магистралями городского значения и внешними дорогами. Класс улиц и дорог определяет параметры проезжих частей и пропускную способность улиц.

Дефицита в местах хранения транспортных средств с учетом незаконченного строительства и произведенных отводов проектом не подтверждено. Дополнительной потребности в станциях тех. обслуживания, АЗС и автовокзалов проектом также не подтверждается.

Организация движения пассажирского транспорта, количество подвижного состава и маршрутов их движения в проекте существенно изменению не подвергается. Однако необходимо существенное улучшение организации остановочных пунктов и качественное их благоустройство. Сеть узловых и конечных остановочных пунктов предполагается разместить в зонах общественных центров и на периферийных точках города. Существенной реконструкции предполагается подвергнуть участок федеральной дороги Култукский тракт с организацией перекрестков и примыканий к нему магистральных улиц посредством развязок как в одном уровне, так и в двух уровнях с использованием существующих путепроводов (путепровод через железную дорогу). Следует отметить, что проектом учтено решение о строительстве участка обхода федеральной дорогой городов Шелехова и Иркутска, строительство которого уже начато. Ввод в действие обхода потока транзитного транспорта существенно улучшит как загруженность улиц городов, так и облегчит экологическую ситуацию, связанную с выбросами выхлопных газов в атмосферу.

Рекреационные зоны Проектом определены мероприятия, регламентирующие деятельность как существующих рекреационных территорий, так и вновь создаваемых. Проектом предлагается рекультивация обработан-

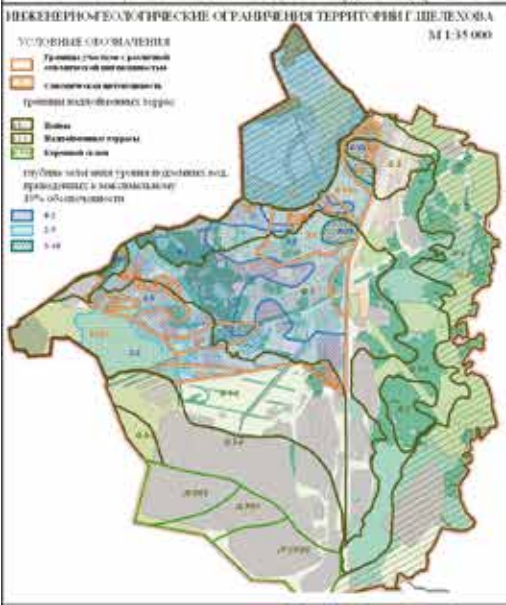
КОРРЕКТИРОВКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА г.ШЕЛЕХОВА И ПРОЕКТ ГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ СХЕМА ПЛАНИРОВОЧНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ М 1: 15 000

- Существующие функциональные зонирование территории**
- Городской черты
 - Многоэтажные территории
 - 1-2 м.этажные и коттеджные территории
 - 1-2 этажные территории
 - Озеленение
 - Спортивные объекты
 - Парки, скверы
 - Зоны озеленения
 - Район воды

- Планировка территории суровой черты**
- Промышленно-складские территории
 - Коммерческие территории
 - Рекреационные объекты
 - СЗЗ от промышленных объектов и объектов
 - Объект инженерной инфраструктуры
 - СЗЗ жилой застройки
 - Промышленные объекты федеральной собственности
 - Аэродромы, ЭОЗ
 - Транспортные объекты
 - ГЭС
 - АЭС, АЭС
 - ЮЗЗ

- Территории, требующие проведения инженерных мероприятий**
- Инженерные территории
 - Зоны ГС, расположенные на р.Шелехов
 - Инженерные территории
 - ЗОЗ инженерных объектов
 - Объекты инженерной инфраструктуры
- Водоотводные объекты**
- Водоотводный канал
 - Створ дренажной кан.
 - Выпуск сточных вод
- Натуральные территории**
- Водоемы
 - Кладбища
 - Скверы
 - Парки
 - Объекты
 - Объекты
- Земельный фонд территории**
- Земельный фонд
 - Земельный фонд объектов инженерной инфраструктуры
 - Земельный фонд объектов инженерной инфраструктуры

№ 002		Корректировка Генерального плана г.Шелехова и проект городской черты	
Ин. директор	Мамурин А.И.	Стрелка	Лист
Ин. главный архитектор	Поповичев В.В.	001	2
Ин. инженер	Кудрявцев С.И.	ОАО Инженерно-проектный ОГПИД	
Ин. архитектор	Савицкий Р.В.	Инженерная служба территории	
Ин. архитектор	Рылов А.А.		

КОРРЕКТИРОВКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА Г.ШЕЛЕХОВА И ПРОЕКТ ГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ Основной чертеж

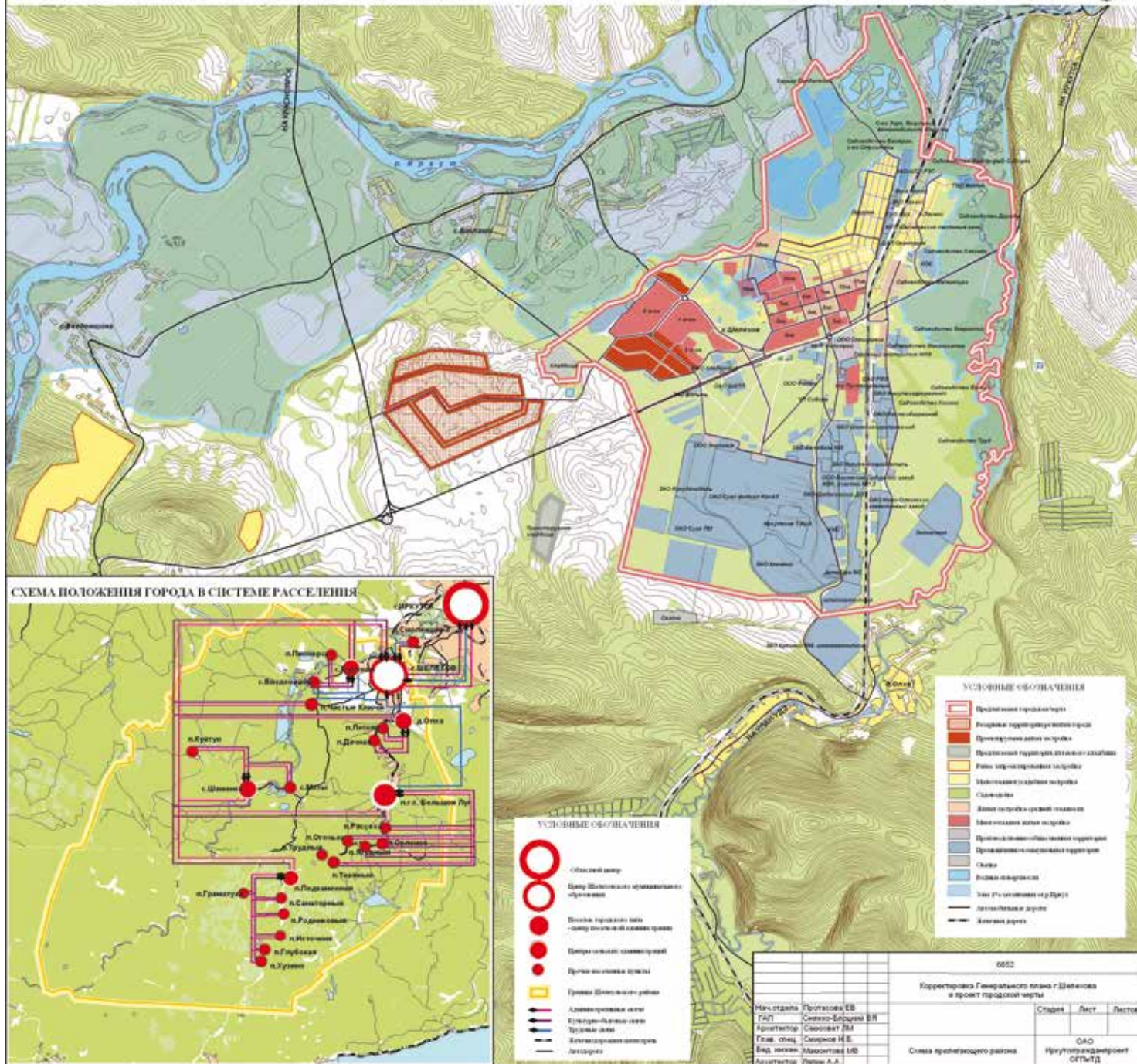
СХЕМА РАЗМЕЩЕНИЯ I ОЧЕРЕДИ СТРОИТЕЛЬСТВА (2010 год)

- УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ**
- Предельная граница города
 - Многоэтажная застройка
 - Жилая застройка средней и средней плотности
 - Коттеджная застройка
 - Парковая застройка с приусадебными участками
 - Жилая застройка в границах санитарно-защитной зоны
 - Садоводства
 - Административные объекты
 - Объекты обслуживания населения
 - Культурно-рекреационные объекты
 - Вышние и средние учебные заведения
 - Медицинские учреждения
 - Спортивные объекты
 - Условно-бумажные объекты
 - Производственно-обслуживающие территории
 - Производственные объекты 1-2,5 классов опасности
 - Коллективные садоводческие объекты
 - Транспортные объекты
 - Технические объекты
 - Карьеры
 - Кладбища
 - Озеленение
 - Городские леса
 - Парки, скверы, бульвары
 - Территории детского отдыха
 - Зоны активного отдыха
 - Пляжи
 - Объекты санитарно-защитной зоны
 - Зональные парковки
 - Водные объекты
 - Железнодорожные территории
 - СТ промышленного назначения
 - СТ коммунального назначения
 - Федеральные территории
 - Местные территории
 - Прочие территории
- ЖЕЛТЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ**
- Городские
 - Кварталы
 - Государственный центр
 - Д.М. Метельский, музей
 - Культурные объекты
 - Профессиональные училища
 - Железнодорожные объекты
 - Железнодорожный вокзал
 - Детские сады
 - Школы
 - Оздоровительные
 - Подстанции
 - АЭС ГАЗС

4652		Корректировка Генерального плана г.Шелехова и проект городской черты	
Ген. директор: Владимир АКО	Нач. отдела: Григорьев ЕВ	Страна:	Лист:
(АП)	Специал.: Владимир ЕВ	ИП:	104
Архитектор: Степанов ЕВ	Баз. инженер: Мамонтов ЕВ	ОАО	
Архитектор: Давыд А.Х.	Архитектор: Давыд А.Х.	Институт градостроительства	
Вед. инженер: Белькин Н.В.	Инженер: Белькин Н.В.	Институт градостроительства	

КОРРЕКТИРОВКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА Г. ШЕЛЕХОВА И ПРОЕКТ ГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ СХЕМА ПРИЛЕГАЮЩЕГО РАЙОНА М 1 : 30 000

ных карьеров с созданием водно-спортивного комплекса с дополнительным озеленением прилегающих к нему территорий.

В соответствии с функциональным зонированием территории города новое значение в структуре города приобретает городской парк. На территории парка предусматриваются зоны активной рекреации и спорта, зона культурных мероприятий и специализированные территории для отдыха, а также сеть подъездных дорог и автостоянок.

В парке создается единая сеть прогулочных и спортивных дорожек. Главной планировочной осью парка становится пешеходная эспланада, которая соединяет восточную и западную части города. С обеих сторон эспланады предусмотрены спортивные учреждения и сооружения.

Благодаря этому природный потенциал центрально-го парка более интенсивно вовлекается в повседневный отдых жителей города.

Зеленая зона города
Зеленая зона г. Шелехова запроектирована как элемент единой зеленой зоны агломерации городов Иркутска, Ангарска, Шелехова.

Ориентация зеленой зоны города на выполнение, кроме рекреационных, также и санитарно-гигиенических, средоформирующих и экологических функций предъявляет повышенные требования к назначению границ и ее размерам. В состав зеленой

зоны г. Шелехова вошли рекреационные территории пойм рек Иркут и Олга, особо охраняемые территории скальников «Витязь» и ландшафтов прибрежных территорий р. Иркут.

Наличие привлекательных мест традиционного отдыха в пределах зеленой зоны делают эти территории потенциальными для развития познавательного туризма.

Вадим Снежко-Блоцкий
Маргарита Мамонтова

Озеленение и рекреация в Шелехове: предложения по дальнейшему развитию

Город Шелехов является одним из лучших городов в Иркутской области по уровню озеленения и благоустройства. Он трижды признавался лучшим муниципальным образованием Иркутской области, а в 2000 году стал победителем конкурса «Лучший благоустроенный город России» в категории малых городов.

В 2004 году проектный институт «Иркутскгражданпроект» разработал новый генеральный план Шелехова, который продолжает развивать градостроительные тенденции, заложенные в генеральных планах 1975-го и 1992 годов.

Согласно новому генеральному плану, в Шелехове продолжает совершенствоваться сложившаяся система парков и проектируется новый парк в западной части города. С восточной стороны от центра города, на окраине, предусматривается рекультивация отработанных гравийных карьеров и создание на их основе искусственных водоемов и водноспортивного комплекса для бейсбола и рафтинга.

В соответствии с функциональным зонированием территории города новое значение в структуре Шелехова приобретает Центральный городской парк. Долгое время он не был в полной мере интегрирован в структуру города, скорее, разъединя восточную и западную части города чем, объединяя их. На территории парка предусматриваются зоны активной рекреации и спорта, зона культурных мероприятий и специализированной территории для отдыха, а также сеть подъездных дорог и автостоянок.

Генеральный план определил основные направления будущей системы рекреации и озеленения в Шелехове. Детальные проекты парков, скверов, туристических троп и рекреационных зон еще предстоит разработать.

Что могут предложить планировщики и ландшафтные архитекторы для развития рекреации в городе, который всегда отличался хорошим благоустройством и интересом к озеленению?

Прежде чем сформулировать предложения по

развитию озеленения и рекреации в Шелехове, следует определить цели создания рекреационной инфраструктуры и подробнее определить условия, в которых эта работа будет осуществляться.

В предыдущие десятилетия озеленение в советских и российских городах считали делом затратным, не приносящим никакой очевидной экономической прибыли. Первые годы нового века показали, что система рекреации, будучи сферой дотационной, зависящей от региональных и городских бюджетов, тем не менее может иметь отдельные, вполне прибыльные элементы в виде детских парков, предприятий питания, спортивных и развлекательных учреждений. В наше время отдых и рекреация стали частью экономики. При планировании озеленения и рекреации в будущем это следует принимать во внимание.

Передовой опыт создания систем озеленения и рекреации в городах показал также, что целесообразно иметь отдельные долгосрочные планы создания рекреационной инфраструктуры и сохранения природы в городах и вокруг них.

В этих условиях очевидно, что цели озеленения в Шелехове, сформулированные в прошлом столетии, нуждаются в серьезной корректировке.

При создании города в 1960-70-х годах архитекторы ставили задачу создать систему комфортного и уютного озеленения жилых дворов и микрорайонов, а также сформировать эффективную санитарно-защитную зону между городом и производственными территориями. Сегодня эта задача выполнена. Система озеленения жилых дворов и микрорайонов в Шелехове — одна из лучших в Сибири.

Для ближайшего будущего цели в работе по озеленению и рекреации меняются: сегодня становится актуальным дальнейшее повышение качества и своеобразия озеленения в самом Шелехове и цивилизованное рекреационное освоение его пригородной зеленой зоны.

В будущем придется считаться с очевидным: природу вокруг Шелехова станет

меньше, а потребности и экономические возможности для отдыха людей на природе будут возрастать. Предстоит думать о том, чтобы создавать комплексную систему охраны природы и рекреации для жителей Шелехова и расположенных рядом, более крупных Иркутска и Ангарска.

При разработке предложений по зеленому строительству и благоустройству рекреационных территорий в Шелехове были приняты три обязательных принципа, которым должно было соответствовать каждое предложение.

Первый принцип: использовать преимущества, сильные стороны и достоинства Шелехова в общей системе городов Иркутск — Ангарск — Шелехов. Принимать во внимание, что специализированные парки и рекреационные объекты в Шелехове могут быть привлекательными для жителей Иркутска и Ангарска.

Второй принцип: использовать самые передовые технологии и методы ландшафтной архитектуры. Стремиться к созданию лучших объектов в регионе. Это позволит всем планируемым объектам оставаться привлекательными и ценными для жителей на многие поколения вперед без существенных перестроек. Планировать современные элементы озеленения и рекреационной инфраструктуры — гринвеи, специализированные парки, туристические тропы и велосипедные дорожки.

Третий принцип: сопроводить планировочные работы и создание рекреационной инфраструктуры развитием общественных организаций и воспитательными мероприятиями в школах. Привлекать жителей к созданию парков и уходу за ними.

Из четырех предложений, сформулированных для города Шелехова, одно выходит за границы его городской черты — это создание Гринвея («Зеленого пути») от Шелехова до Иркутска вдоль реки Иркут. Другие три предложения следующие: принципиально новое планирование Центрального парка; создание Японского сада; создание нового парка в Западном районе.

Новый план для Центрального городского парка должен принципиально изменить его роль в городе. Качественное благоустройство территории парка должно дополнить сложившийся рельеф местности и ландшафт. Главной осью парка целесообразно сделать пешеходную эспланаду, соединяющую восточную и западную части города. Вокруг нее станет возможно группировать спортивные сооружения и аттракционы. Обязательным элементом парка должна стать сеть прогулочных дорожек и тропинок. В западной части парка, возле строящейся церкви Петра и Павла, необходимо предусмотреть открытые общественные пространства для массовых мероприятий и праздников.

Создание Японского сада на основе давних культурных связей с Японией, существующих в Шелехове. История российско-японских связей заметна в Шелехове как ни в каком другом городе Иркутской области. Постоянный обмен делегациями, выставки, обмен детскими группами и творческими коллективами, делает культуру и искусство далёкой восточной страны частью культурной жизни Шелехова. На городском кладбище захоронен прах мэра японского города Неагари Сигэку Мори, отца одного из японских премьер-министров. Многие граждане Японии, посещающие Иркутск и Байкал, бывают здесь, чтобы отдать ему дань памяти.

В Шелехове есть все предпосылки для того, чтобы создать на территории Центрального парка специализированный Японский сад размером 1,5–2 гектара. Японские сады существуют во многих городах мира — в Лондоне, Нанте, Гааге, Сан-Франциско, Берлине и Эрфурте. Мировой опыт проектирования и работы таких садов подтверждает их целесообразность и успешность существования. Подробно можно спланировать организационную структуру сада, тщательно подобрать ландшафтные композиции и растения. В XX столетии японский ландшафтный дизайн был самой модной темой у ландшафтных архитекторов всего мира. Даже в городах Сибири

мы уже можем видеть влияние японского ландшафтного дизайна в некоторых работах последнего времени.

В Шелехове созданию Японского сада в Центральном парке способствует не только история, но также топография и природные особенности рельефа местности. Пойменная часть реки Иркут, далеко вклинившаяся в планировочную структуру города, не может застраиваться капитальными зданиями, так как есть вероятность подтопления рекой этой территории. Именно поэтому во время проектирования города здесь устроили Центральный парк. Эти природные особенности и близкое расположение грунтовых вод только благоприятствуют созданию сети искусственных водоемов, что очень подходит для японского ландшафтного дизайна. Специализированный Японский парк может стать уникальным местом семейного отдыха не только для жителей Шелехова. Люди из Иркутска, Ангарска, Усолья смогут приехать в Шелехов, чтобы познаться с японскими традициями в ландшафтном дизайне и провести день с семьей или друзьями, видя красоту растений и мастерство садоводов.

Новый парк в Западном районе города, создаваемый согласно генеральному плану, может иметь площадь 1,5–2,5 гектара. Парк планируется в непосредственной близости к жилым домам и выполняет функцию озелененной территории района для кратковременного пребывания. Учитывая, что парк будет находиться почти в

центре жилой застройки, целесообразно планировать размещение детских игровых зон по периферии парка.

Создание Гринвея («Зелёного пути») между Шелеховом и Иркутском вдоль реки Иркут. Гринвеи как элемент ландшафтного планирования территории появились сравнительно недавно – приблизительно 25-30 лет назад. В нашей стране о таком элементе рекреационной инфраструктуры известно очень мало. Однако за рубежом гринвеи стали за последние годы очень популярны и создаются возле городов и между городами в большом количестве. Назначение гринвея – зеленой полосы – связано с изменениями в рекреационном поведении людей и с задачей охраны и восстановления природы. Пространственно гринвей представляет собой длинный, протяженный участок земли, отведенный для прогулочных троп, велосипедных дорожек, маршрутов для занятия конным спортом. Рекреационная инфраструктура внутри гринвея сопровождается охраняемым природным ландшафтом и участками рекультивированных земель. Ширина гринвея может быть различной, она может как расширяться до нескольких километров, так и сужаться до десятков метров на разных участках такой зеленой полосы. Длина гринвея также может колебаться в очень широких пределах – от 2–3 километров до нескольких сот километров, соединяющих разные города. Гринвей – следствие стремления людей к здо-

ровому образу жизни и вклад ландшафтной архитектуры в формирование такого образа жизни. Не менее чем рекреационная функция, в гринвеях важно их экологическое значение – зеленые полосы являются местом сохранения и восстановления природы, средой обитания птиц и животных, важным фактором сохранения чистоты атмосферы.

Когда гринвеи создаются вдоль реки, которая хорошо подходит к рекреационному использованию, река может стать составной частью гринвея. Тогда пешеходные и другие прогулочные маршруты на земле сопровождаются водными маршрутами для байдарок, рафтинга и рыбалки, гринвей дополняется сооружениями, связанными с водными видами спорта – рампами для спуска лодок, подъездными дорожками к воде, водными станциями.

Учитывая, что мимо Шелехова проходит самый массовый и популярный маршрут спортивного сплава в регионе, вопрос о создании гринвея созданного на основе рекультивации гравийных карьеров возле Шелехова и до Кайской рощи в Иркутске, где может находиться конечная точка гринвея. Началу такого долгосрочного проекта по созданию гринвея в Шелехове сегодня благоприятствует то, что в Иркутске обсуждается масштабный проект преобразования

и рекультивации Кайской рощи. Создание гринвея сразу выводит рекреационную инфраструктуру системы городов Иркутск – Ангарск – Шелехов на принципиально новый, современный уровень рекреационной инфраструктуры.

Отечественного опыта проектирования гринвеев сегодня нет. Очевидно, что такой элемент пространственного планирования должен создаваться и проектироваться комплексно, и в ходе проектирования должны быть разрешены все вопросы и проблемы – юридические, экологические, архитектурные, экономические, социальные.

Выдвинутые предложения по озеленению и развитию рекреационной инфраструктуры Шелехова, несмотря на их согласованность с генеральным планом города и соответствием современным тенденциям в ландшафтном планировании, нуждаются в обсуждении и дальнейших проработках. Проблема озеленения, проблема развития рекреации касается не только Шелехова, она касается Ангарска, особенно остро стоит в Иркутске. Обсуждение этих вопросов для всей системы из трёх городов – Иркутска – Ангарска – Шелехова, обмен мнениями, знакомство с передовыми методами и технологиями ландшафтного планирования – все это актуально в ближайшем году для дальнейшего развития сферы озеленения и рекреации в городах Байкальского региона.

Андрей Ляпин

СОХРАНИТЬ НЕВИДИМОЕ? Дух места и архитектурная этика (Случай Ичери Шехер, Баку)*

* В основу статьи положен текст лекции «To maintain invisible? The case of Icheri Sheher, Baku», прочитанной автором на 5-м Международном семинаре по сохранению градостроительного наследия «Изменение роли и значимости хартий сохранения городов» в г. Ресифи, Бразилия, в ноябре 2007 года. См.: Ivanov A. 2007. To maintain invisible? The case of Icheri Sheher, Baku. City & Time, 2007. 3 (3): 1. Available at: <http://www.ct.ceci-br.org>. Last visited on June 15, 2008.

1. Подробнее о концепции «гения места» см.: Замятина Н., Замятин Д. Гений места и город: варианты взаимодействия // Вестник Евразии. 2007. №1. С. 62-87; Кияненко К. О феномене, структуре и духе места у К. Норберг-Шульца // Архитектурный вестник. 2008. №3. С. 98-101.
2. Кияненко К. Указ. соч. С. 101.
3. Деятельность по сохранению построенного наследия (расширившаяся в течение XIX-XX веков от реставрации отдельных архитектурных памятников до регенерации районов исторической застройки, целых исторических поселений и культурных ландшафтов – именно эти последние типы наследия относят к градостроительному наследию), как никакая другая в архитектурной сфере, подвержена постоянной саморефлексии и «внутренней» регламентации посредством обобщений коллективного профессионального опыта, фиксируемых в документах, вырабатываемых и периодически пересматриваемых международным сообществом специалистов по сохранению наследия (conservationists), – хартиях по сохранению наследия.

Ключевые слова: сохранение наследия, genius loci, международные хартии, «западные» и «восточные» категории поселенческой среды, идентичность места, проектная культура, этика профессиональной ответственности архитектора.

Здесь все улочки слепоглухонемые, здесь двери не пронумерованы, без почтовых ящиков; здесь даже квартальные мечети давно уже не подают голосов; здесь улицы и дома озабочены чем-то незримым и неизречённым, которое, возможно, и явится, и изречётся когда-нибудь за этим углом, за вот тем поворотом, под тем застеклённым балконом, заросшим виноградной листовой... Но когда – и где ты будешь, уже будешь? Афанасий Мамедов

Понятие «духа места» (genius loci) стало популярным в самых разных сферах зарубежной и отечественной

культуры в 1970–1980-х годах. В архитектуре оно связано с критикой средовых результатов реализации рационалистических, функционалистских идей «современного движения» (Ле Корбюзье: «Дом – машина для жилья»), становлением постмодернизма и архитектурной феноменологии, вызванным, среди прочих факторов, осознанием насущной потребности человека в атмосфере локальности, принадлежности определенному месту. Поддержание (и/или формирование) такой атмосферы требует от создателя места особой профессиональной чуткости, тонких умений, терпения, фактически – собственной укорененности в создаваемый или преобразуемый фрагмент среды. Именно этих качеств не достает большинству субъектов современного архитектурно-градостроительного процесса (это не только архитекторы, но и городские управленцы, девелоперы, строительные корпорации

и т.д.) и создаваемым ими местам – в результате мы живем во все более и более «безместном» мире, что не может не восприниматься как серьезнейшая гуманитарная проблема.¹

Изначально Genius loci – это римская концепция. Согласно древнему римскому поверью, каждая независимая сущность имеет свой дух, своего ангела-хранителя. Этот дух дает жизнь людям и местам, сопровождает их от рождения до смерти, определяет их характер. Утрата внимания к духовным аспектам среды, к специфике множества особых локусов, из которых состоит мир, исторически объяснима, но неприемлема с точки зрения должной полноты человеческого существования.

Так, один из самых известных и влиятельных адептов феноменологической традиции в архитектуре XX века К. Норберг-Шульц писал: «Древний человек воспринимал свою среду как состоящую из определенных

отличительных качеств. В частности, он признавал, что величайшей экзистенциальной значимостью обладало согласие с духом местности, где протекала его жизнь. <...> По существу, современный человек долгое время полагал, что наука и технология освободили его от прямой зависимости от места. <...> Это убеждение оказалось иллюзией; загрязнение и средовой хаос неожиданно появились как пугающая Немезида, и в результате проблема места вновь приобрела свою истинную значимость».²

В статье рассматривается, как феномен genius loci – духа места – учитывается (если учитывается) в международных хартиях по сохранению градостроительного наследия³ и в самой практике такого сохранения.

Более конкретно автора интересует следующее.

1. Отражается ли этот феномен в универсальных и локальных методиках и, если да, то в какой степени?

2. Может ли внешний эксперт, «чужой» для объекта наследия, с которым он работает, почувствовать и определить дух этого объекта?

3. Что происходит с духом места в ходе процессов, инициируемых извне и в основном движимых акторами, приходящими извне. Например, в ходе таких процессов, как интенсивная коммерческая реконструкция места или развитие в нём туризма?

4. Как внутренние по происхождению процессы забвения, утраты исторической памяти места, ветшания и подмены подлинной исторической субстанции влияют на духовные составляющие среды исторически ценных локусов?

5. Может ли данный аспект наследия стать существенным компонентом методологии и практики сохранения?

Для ответа на эти вопросы используются примеры современного городского сохранения – так называемой реконструкции⁴ – в постсоветских городах. Особое внимание уделяется Ичери Шехер – признанному объектом Всемирного наследия

Внутреннему или Старому городу-крепости столицы Азербайджана Баку, где в 2006–2007 годах я участвовал в разработке IAMAP – Integrated Area Management Action Plan (Интегрированный план управления и действий на территории). Случай Ичери Шехер исследуется как весьма поучительный для осмысления в целом взаимосвязей компонентов в представленном (рис. 1) ментальном четырёхугольнике, а в частности – слабости и забвения четвёртого, последнего, компонента.

Предполагаю, что однозначных ответов на поставленные вопросы быть не может. Для раскрытия проблемы нужны подходы множественные, разнообразные, неокончательные, ибо дух города априори многообразен из-за его гетерогенной природы. Ведь он «создаётся» в результате взаимодействия в историческом времени и пространстве множества «субъектов»: частных и коллективных восприятий, интенций, отношений, описаний, воспоминаний. Ичери Шехер и Баку находятся где-то между Европой и Азией,

между западным либеральным и мусульманским авторитарным мирами, между индивидуализмом и трибализмом, социализмом и капитализмом, богатством и бедностью и т.д. Соответственно природа основного объекта рассуждений амбивалентна. Добавим разнообразие жизней и смертей, связанных со старой городской средой, разнообразие образов, накладывающихся на материальную субстанцию исторически ценного места, разнообразие попыток сохранения наследия, потерпевших неудачу или имевших успех, – и получим ментальный контекст моих размышлений.

Ещё одно важное предупреждение: анализ большого корпуса известных философских и теоретических работ, посвящённых проблемам *genius loci*,⁵ намеренно оставлен за рамками этой статьи, так как в ней я концентрируюсь не на теории, а на отношениях между методологическими подходами и реальными процессами сохранения.

Статья состоит из трех разделов. Первый из них – об отражении (или не отражении) духовных ценностей места в постоянно расширяющемся корпусе хартий по сохранению городского наследия и в других официальных документах на ту же тему. Во втором – приводятся некоторые примеры из реальной практики сохранения, безразличной к духу места, и отдельные попытки автора, направленные на поднятие интереса к нему. В главном, третьем, разделе рассказывается об IAMAP Ичери Шехера, рассматривается гипотетическая возможность разработки для этого объекта наследия другого проекта, более подходящего для понимания и сохранения духа места, и предлагается «эскиз» кате-

горийного аппарата, отвечающего бы такому «духоориентированному» подходу к сохранению.

Хартии по сохранению наследия: есть ли в них место духу места? В обеих «главных» хартиях по сохранению историко-культурного наследия – Венецианской и Вашингтонской – речь идет преимущественно о материальной стороне наследия; в них не содержится никаких отчётливых целеполагающих высказываний по поводу духовных аспектов памятников или мест наследия.

Так, в самом первом абзаце Венецианской хартии (1964 год) упомянуто, что «монументальные произведения, несущие духовные послания прошлого (здесь и далее выделено мной. – А. И.), остаются в современной жизни людей свидетелями вековых традиций. Человечество с каждым днем всё более осознаёт общечеловеческую ценность памятников, рассматривает их как общее наследие и перед лицом будущих поколений признаёт совместную ответственность за его сохранность. Оно считает себя обязанным передать памятники во всём богатстве их подлинности».⁶ Но далее этот нематериальный аспект наследия никак не раскрывается. В Вашингтонской хартии, принятой четверть века спустя, «духовный компонент» вообще упомянут лишь однажды. В ней говорится, что «ценности, которые подлежат сохранению, включают в себя исторический характер города, совокупность материальных и духовных элементов, определяющих его образ». Но в следующем далее перечне «элементов», пожалуй, лишь «различные

Визуальные образы г. Чебоксары

Визуальные образы г. Ростов

4. Термин «реконструкция», в международной профессиональной среде неоднозначно понимаемый как «перестройка» – вид деятельности, неприменимый к памятникам истории и культуры, в отечественной архитектурно-градостроительной практике приобрёл амбивалентное значение. Реконструкцией называют у нас и тотальное преобразование исторических городов с полной заменой старой застройки, и замену подлинного памятника новоделом, и – встречающееся гораздо реже – бережное сохранение участков старой городской ткани.
5. См.: Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Пг.: Брокгауз – Ефрон, 1922; Bachelard G. The Poetics of Space. Boston, MA: Beacon Press, 1994; Greenberg M. The Poetics of Cities: Designing Neighborhoods That Work. Columbus, OH: Ohio State University Press, 1995; Lefebvre H. The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991; Norberg-Schulz Ch. Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. New York: Rizzoli, 1991; и многие другие.
6. См.: Венецианская хартия. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест. Венеция, 1964. Постоянный адрес: <http://www.akme.ru/dek/chart2.htm>.

Рисунок 1

Ичери Шехер на панорамной карте Баку 1970.

Космич. фото ИШ и окружения. Google Maps.

7. См.: Вашингтонская хартия. Международная хартия по охране исторических городов. Вашингтон, 1987. Постоянный адрес: www.maps-moscow.com.
8. См.: The Nara Document on Authenticity. 1994. Available at: www.international.icomos.org.
9. См.: Belgrade Declaration. Declaration on Preventive Activities in Preservation of Cultural Heritage in the Areas Affected by Ethnic Tensions and Armed Conflicts. Belgrade, 2004.
10. ИКОМОС (ICOMOS, The International Council on Monuments and Sites) – основанный в 1964 году международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест, общественная организация, деятельность которой базируется на принципах Венецианской хартии и посвящена продвижению теории, методологии и научных технологий в консервации архитектурного и археологического наследия.
11. См.: Charter on the Built Vernacular Heritage. 1999. Available at: <http://www.international.icomos.org>.

функции города, приобретенные им на протяжении исторического развития»⁷, можно условно соотнести с «духовными» составляющими наследия...

Аналогичным образом обошлись с духом места и в Нарском документе 1994 года, принятом в 1999 году: «Понимание подлинности культурного наследия зависит от его характера, культурного контекста и эволюции, большого количества источников информации. Последние могут содержать сведения о форме и замысле памятника, материалах и субстанции, его использовании и функции, о традициях и технологиях, местоположении и окружении, о его духе и выразительности, а также о других внутренних и внешних факторах. Обращение к этим источникам позволяет выявить в процессе исследования культурного наследия его особые художественные, исторические, социальные и научные параметры»⁸.

И здесь «дух» – лишь один из многих «факторов» памятника; познание его – посредством получения сведений из тех или иных источников информации – включается в перечень условий понимания подлин-

ности памятника, но ничего более подробного об этом «духе» не сказано.

Столь же дежурные упоминания встречаются и в более частных документах по сохранению наследия, например в Белградской декларации 2004 года:

«Мы осуждаем этническое насилие, ставшее причиной уникальных материальных, неосознаваемых и моральных ценностей, принадлежавших всем общинам, сосуществующим на данной территории»⁹.

Однако в последующем тексте к «моральным ценностям» авторы не возвращаются.

Во многих документах духовная составляющая наследия не упоминается вовсе; в некоторых упоминается, но не является обязательным установлением при сохранении.

Один из документов, наиболее близких к нашему кругу тем, – это Хартия по построенному наследия (Charter on the Built Vernacular Heritage), ратифицированная в 1999 году

12-й Генеральной ассамблеей ИКОМОС¹⁰ в Мехико и обозначившая расширение предмета внимания охранителей наследия – от избранных

памятников к ценностям традиционной, народной архитектуры. Здесь о духе места прямо тоже не сказано, зато появляются несколько важных для нас понятий: «культурная идентичность сообщества»; его «традиционный характер»; «неосознаваемые ассоциации», связанные с физической тканью зданий. Вот только при переходе к рекомендациям по практическому сохранению авторы всецело уповают лишь на сохранившиеся этические принципы сообществ:

«Адаптация и повторное использование вернакулярных построек должны выполняться в манере, соответствующей с целостностью характера и формы постройки и в то же время совместимой с приемлемыми стандартами жизни. Где не было никакого перерыва в использовании вернакулярных форм, там инструментом вмешательства может послужить кодекс этики, действенный в пределах сообщества»¹¹.

Но мы знаем, что традиционная поведенческая этика разрушается в очень многих исторических поселениях. В современных городах, особенно в больших, особым само наличие местных сообществ, что уж тут говорить о всеми разделяемой этике! Могут ли быть эффективными такие этические принципы в ходе реальных процессов реконструкции исторических территорий, инициируемых,

как правило, как раз из-за пределов поселенческой среды?

Иногда, когда довлеющие «физические» компоненты нужно дополнить чем-то «нематериальным», в перечнях факторов, составляющих аспектов ценностей наследия появляются даже такие понятия, как «ассоциативные связи»:

«Как таковые, защита и сохранение исторического городского ландшафта включают охраняемые индивидуальные памятники, а также ансамбли и существенные связи между ними – физические, функциональные и визуальные, материальные и ассоциативные – с историческими типологиями и морфологиями»¹².

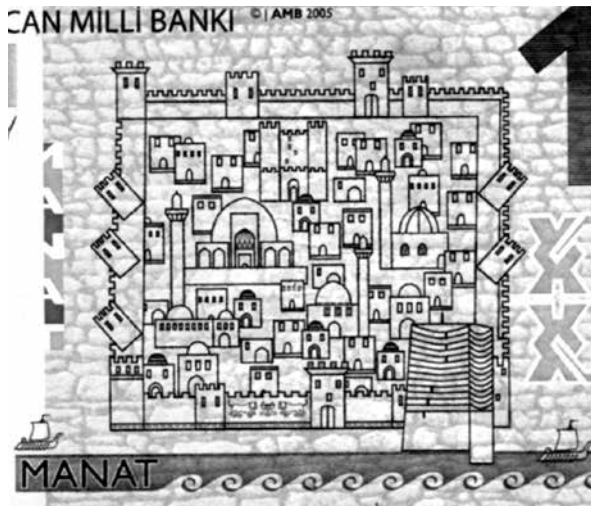
Но надо честно признать: довольно часто и «ассоциативные связи», и другие интересующие нас понятия вводятся просто для красного словца. Этим грешит и процитированный выше Венский меморандум – важный документ, подытоживающий 40-летние поиски в сфере методологии сохранения наследия. Вот ещё одно тому доказательство:

«Принимая во внимание эмоциональную взаимосвязь между человеком и его средой, его ощущением места, чрезвычайно важно гарантировать городское средовое качество жизни; оно должно стать весомым вкладом в экономический расцвет города, в

его социальную и культурную жизнеспособность».¹³

Увы, «городское средовое качество жизни» понимается сегодня преимущественно с точки зрения общества потребления, достижение этого качества может привести (и приводит) к результатам, прямо противоположным расчётам сохранить *genius loci*.

Неудовлетворённость хартиями, нарастающая сегодня среди специалистов, занимающихся сохранением наследия, объясняется не только тем, что хартии не охватывают духовного аспекта наследия либо делают это сугубо формально, но и стилистическими разногласиями между отдельными группами профессионалов. Например, в случае INTBAU¹⁴ – организации, которая провела недавно специальную конференцию, посвящённую возможностям дополнения Венецианской хартии актуальными смыслами, это разногласия между приверженцами классицистических направлений в архитектуре и модернистами.¹⁵ И в любом случае редкие эксперты говорят о необходимости существенно расширить понимание культурно ценного места. Так, канадский архитектор Дж. Смит (Julian Smith) оценивает Венский меморандум как документ, отразивший, пусть только в постановке проблемы, наметившийся переход от модернистской парадигмы в сохранении наследия – к постмодернистской, от одержимости объектом-зданием – к вниманию к ритуалу, от визуальной оценки город-

ского ландшафта извне – к его переживанию изнутри и к анализу отношений между объектами, то есть к «экологии ландшафта». В перспективе это ведёт к появлению понятий «смысл места» и «смысл идентичности». Беда только в том, что «мы всё ещё находимся в самом начале пути, ведущего

к пониманию и описанию городского ландшафта как ландшафта воображения. <...> Его (городской ландшафт. – А. И.) должно оценивать, исходя из установок данной культуры, понимания местных ритуалов...».¹⁶

Напрашивается вывод: хартии о материальном наследии представляют собой документы, основанные на позитивистской идеологии. Можно даже сказать, что, несмотря на использование «ландшафтных» понятий, это идеология архитектуроцентристская. Суммарная ценность места (памятника) определяется ею как сумма исчисляемых (с помощью различных наук и соответствующих методов) верифицируемых ценностей; компоненты наследия материальны, видимы, могут быть описаны:

«Исторический городской ландшафт складывается из застройки и иных связанных с данным местом материальных отражений нынешней и прошлой социальной жизни. Он составлен из характерных элементов, в число которых входят образцы землепользования и организации пространства, видимые отношения между объектами, топография и почвы, растительность и все элементы

технической инфраструктуры, включая маломасштабные объекты и строительные детали (бордюрный камень, вымостка, дренажные желоба, уличные лампы и т.д.)».¹⁷

В случае же строительных вмешательств, добавления в историческую среду чего-то нового значение имеют пространство, пропорции, масштаб, объёмы и высота новых зданий, формы крыш, размеры земельных участков, элементы городского дизайна и т.д.

Кто спорит, все это очень важно. Но в этих ли предметных элементах таится суть сохраняемого объекта? Казалось бы, принятая ЮНЕСКО в 2003 году Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия могла бы как-то обозначить внимание к духу места. Но в ней «нематериальное культурное наследие» привычно локализуется в таких областях, как «устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительские искусства; обряды и празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; навыки и умения, связанные с традиционными ремеслами».¹⁸

Получается, что *genius loci* попадает в промежуток между наследием материальным и нематериальным; что он не включается в перечень предметов, детально описываемых хартиями; что в итоге действие хартий на него не распространяется. Происходит это, как представляется, не только из-за нечуткости авторов хартий, но и, так сказать, по его собственной вине, из-за того, что он амбивалентен, постоянно ускользает, с трудом поддаётся какой-либо категоризации.¹⁹ Он словно стремится подтвердить слова Микеланджело Антониони:

«Мир и реальность, в которых мы живём, невидимы, и лишь потому мы довольствуемся тем, что видим».²⁰

После ступидирования хартий мы вправе задать вопросом, а надо ли (и можно ли) вообще охранять и сохранять эту невидимую душу объекта наследия?

Египетская мумия в музее вроде бы прекрасно сохраняется. Но её смыслы утрачены,

где почти никто не знает, что она значила для древних египтян. Что же говорить о смысле, особенно ушедших, такого сложного социально-пространственно-временного организма, как город? Представим, например, что нам нужно сохранить самый старый фрагмент исторического ядра Рио-де-Жанейро, где именно «дух места», судя по текстам бразильских авторов, является важнейшей составляющей идентичности города. Какое значение тут могут иметь нематериальные элементы наследия, видно из нижеследующего фрагмента:

«Говоря “кариока”, мы имеем в виду всех тех, кто родился в этом городе... а также всех, кто родился в любой другой точке мира, но живет здесь и ассоциирует себя с “jeito” (не поддающимся описанию духом города), стал частью города и придаёт ему ещё большую самобытность. <...> Под “jeito” мы подразумеваем граничащее с мазохизмом нежелание принимать себя всерьёз, сочетание скуки и насмешливости, которое нас охватывает перед лицом любой власти, и не в последнюю очередь – “joie de vivre”, как французы называют жизнелюбие, игнорирующее любые разумные доводы».²¹

Чем будет сохранённая материальная субстанция этого места без «jeito», без огненного карнавала в душах и поведении обитателей? Но вот возможна ли некая «Хартия сохранения jeito» и будет ли она выполнима? И, если представить себе нечто столь же важное для определённого места, как «jeito» для Рио и его жителей, но, в отличие от Рио, утраченное, по тем или иным причинам уходящее из данного места, – как тогда сохранить это место?

Дух места трудно уловить, он едва ли поддаётся научным определениям, тем более проблематично планировать и регламентировать его сохранение. Мы и материальную-то субстанцию наследия толком сохранить не можем... Но служат ли все эти причины достаточным основанием для того, чтобы полностью его игнорировать в практике сохранения?

Продолжение следует

Андрей Иванов

12. См.: Vienna Memorandum. World Heritage and Contemporary Architecture – Managing the Historic Urban Landscape. 2005. Paragraph 12. Available at: <http://whc.unesco.org>.
13. Ibid., paragraph 16.
14. INTBAU (The International Network for Traditional Building, Architecture and Urbanism) – международная организация, нацеленная на сохранение традиционной архитектуры, поддержку местных особенностей поселенческой среды.
15. <http://www.intbau.org>. Last visited on August 22, 2007.
16. Smith J. The Vienna Memorandum and shifting paradigms for conservation // Heritage and the Conservation of Historic Urban Landscapes. Proceedings of the Round Table organized by the Canada Research Chair on Built Heritage, Faculty of Environmental Design, University of Montreal. 9 March 2006. P. 67-71.
17. Vienna Memorandum, paragraph 8.
18. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. 2003. Paragraph 2. Available at: <http://portal.unesco.org>.
19. Митин И. Воображая город : ускользающий Касимов; Космарский А. Москвич в Ташкенте, или Опыт освоения «восточного» города : власть, повседневность, сакральное; Сквирская В., Хэмфри К. Одесса : «скользкий» город и ускользающий космополитизм // Вестник Евразии. 2007. № 1 (35). С. 5-26, 27-61, 87-116.
20. Цит. по: Милокова Л. Очевидцы невидимого // Новая газета. 2007. 2-5 августа. № 58 (1278). С. 14.
21. Кастро Р. Рио-де-Жанейро. Карнавал в огне. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. С. 63–64. Другое определение «jeito» распространяется на дух бразильской нации в целом: «... jeito (непереводимый термин, соответствует примерно ловкости, изворотливости, умению “найти путь” и “удалить дела”), которое является самой прекрасной бразильской традицией» (Rosenn K.S. The Jeito: Brazil's Institutional Bypass of the Formal Legal System and Its Developmental Implications // The American Journal of Comparative Law. 1971. Vol. 19, № 3 P. 514-549. Available at: <http://links.jstor.org>. Last visited on July 26, 2007.

Культ и архитектура

Культ и архитектура... Культ – что это за понятие? В него, видимо, вкладывается культ какой-то конкретной, определенной личности (скажем, того же Гитлера, Сталина, Муссолини, да мало ли кого еще). Подобного рода культ может найти непосредственное отражение в искусстве, архитектуре и культуре в целом. Можно, наверное, под словом «культ» понимать и культовую (церковную) архитектуру. Прав, по всей вероятности, будет и тот, кто напишет на эту же тему, подразумеваемая под культом культ какого-то стиля, конструкции или архитектурной формы.

Таким образом, не очень конкретная постановка темы позволяет каждому сделать свой выбор, а в результате получить широкий спектр эссе разных авторов на эту весьма неконкретную, но интересную в научном плане проблему. Взявшись немного порассуждать на заданную тему, но с оговоркой, что это должен быть материал о культовой, то бишь церковной архитектуре, я позволил себе в связи с этим несколько уточнить название. А именно: культ и культовая архитектура.

Для начала пришлось ради интереса заглянуть в трехтомный энциклопедический словарь «христианство» (научное изд-во «Большая Российская энциклопедия»,

1993), однако слова «культ» в ней не обнаружилось. Эта научная энциклопедия (или издательство вместе с редакторами), видимо, полагает, что данный термин истинному христианину и верующему человеку толковать не надо, – и ему понятно, что сие означает. Тем не менее, пришлось обратиться к «палочке-выручалочке» – Словарю русского языка С.И. Ожегова, который дает два толкования этого термина. Первый означает «Религиозное служение божеству и связанные с этим обряды», а второй – «Преклонение перед кем-нибудь, почитание». Все ясно и понятно. Так что почитание Родителя, Учителя – тоже культ.

Церковная (культовая) архитектура пронизана одним культом – культом бога. Преклонение Всевышнему носит вселенский характер. В символической форме это преклонение проявляется многократно и постоянно, в пространстве и времени, начиная от плана храма, объемно-пространственного решения, венчания (купол) и кончая убранством – внешним и внутренним, а также религиозными обрядами с их чтениями церковных текстов, песнопениями, молитвами, колокольным звоном.

Вместе с Богом церковь почитает святых. Сами слова

святость, освящение представляются везде как свойства христианства во всех его проявлениях. Праведников и святых церковь почитает не как богов, а как его верных слуг, угодников и друзей. В христианской церкви вера в богоугодность нашла выражение также в установлении в память мучеников и других святых особых праздников, с совершением соответствующих церковных служб. Церкви стали называть в честь праздников, мучеников и святых их названиями и именами.

В России многие тысячи храмов носили названия особо почитаемых святых. Любопытно было бы проанализировать, где, в каких краях, каким святым поклонялись более всего? Наверное, это могло бы стать темой специального исследования.

Имея список всех храмов Петербурга, я, например, обнаружил, что каждая десятая из 560 церквей называлась в российской столице Николаевской. Такие же списки я собрал в архивах и проанализировал по Якутии, Забайкалью и Дальнему Востоку. И вот что обнаружилось. В Забайкалье из 155 храмов, существовавших в 1893 году, 26 имели названия, связанные с именем Николая, то есть каждый шестой храм. Для сравнения можно отметить, что среди тех же 155 церквей было

16 – Троицких, 10 – Казанских и по 9 – Петропавловских и Спасских. На 1900-й год в том же Забайкалье уже из 300 храмов 40 назывались Николаевскими. Любопытно, что и ранее, в XVII-XVIII веках, когда в Забайкалье церквей было всего 21, 4 из них были Николаевскими. Каждый пятый храм!

Посмотрим, что имелось в Якутии. В 1905 году там насчитывалось всего 115 храмов. Самыми популярными были: Николаевская – 25, Иннокентьевская – 10, Покровская – 9, Благовещенская – 8, Троицкая – 6. Как видим, опять Николаевская церковь – каждая пятая. На Дальнем Востоке, в Приморской области в 1916 году насчитывалось 208 храмов, из коих каждая седьмая имела имя святого Николая.

Таким образом, статистика наглядно показывает, что в Забайкалье, Якутии и на дальневосточных окраинах России самым популярным, вернее – самым чтимым святым был Николай. Наверное, я не ошибусь в своем предположении, что такая статистика характерна для всей России. Николай для русского прихожанина – самый почитаемый святой. Кто же он такой, какими такими делами прославился?

Вот что выяснилось из энциклопедии.

Николай, архиепископ Мирликийский, великий христианский святой, прославившийся чудотворениями при жизни и по смерти, «правило веры и образ кротости», как называет его церковь, чтимый повсеместно в христианской церкви, Восточной и Западной, в еретических обществах Востока и даже часто между мусульманами (на Востоке) и язычниками (в России).

Николай – самый демократичный, самый простой и доступный святой. Его имя овеяно многочисленными легендами. По одной из них: «Шли как-то Николай с Касьяном, смотрят – мужик страдает, воз увяз в грязи. Касьян не решился замарать свои руки, а Николай весь выпачкался, помогая мужику, и за это получил Николай два праздника в году (9 мая и 6 декабря), а Касьян – всего один, да и тот в четыре года (29 февраля)».

Икона св. Николая

Свято-Николаевский собор в Порт-Артуре.
Арх. А.И. фон-Гоген

В России под влиянием сильного развития культа Николая развился праздник Никольщины, как главный русский национальный праздник. Святой Николай, как «русский Бог», нашел отражение в сказаниях и поверьях инородцев – мордвы, чувашей, бурят, якутов. Не случайно в Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке больше всего храмов носили название, связанное с именем этого особенно культового на Руси святого. Во многих городах главные (соборные) храмы имели название Николаевский. Например, в Благовещенске, в Харбине. Собор для Порт-Артура, спроектированный академиком архитектуры А.И. фон-Гогеном, тоже предполагалось назвать Николаевским, но русско-японская война не позволила закончить его строительство.

Хотя Николаевский собор для Порт-Артура так и остался на бумаге, о нем следует сказать несколько слов. Прежде всего, необходимо отметить его необычную объемно-пространственную композицию. Судя по плану, это был трехпрядный храм, посвященный трем святым. С западной стороны собора, над главным входом автор поставил стройную ярусную колокольню. Основной храмовый объем решен в виде трехнефной базилики. Самое же необычное состоит в том, что пятиглавие собора венчает не храмовый объем, а средний (главный) алтарь. Любопытно, что данный прием едва не «помог» собору быть достроенным. Когда японцы после переговоров с русскими дипломатами отдали церкви и кладбища городов Порт-Артура и Дальнего в ведение Русской духовной миссии в Пекине, то обсуждался вопрос об окончании строительства (до войны были построены только фундаменты) Николаевского собора. Настаивая перед Синодом на таком решении, глава миссии доказывал, что строительство можно осуществить малыми средствами, поскольку «собор может быть достроен не весь, а только его алтарная часть, которая в архитектурном отношении представляет нечто вполне законченное и обойдется сравнительно недорого, так как на месте имеется масса заготовленного матери-

ала». Однако Синод постановил разобрать фундаменты, а материал продать китайцам. Такая вот любопытная история нестроенной русской церкви в Китае.

В период эмиграции храм в честь Николая II был сооружен и в Шанхае. Автор проекта военный инженер А.И. Ярон, плодотворно работавший до революции в Прибалтике, выбрал для него центричную ярусную композицию. Храм этот, построенный в 1934 году, сохранился до настоящего времени, но с некоторыми изменениями в его завершении, которые хорошо видны на фотографиях с изображением проекта и существующего его вида. Долгое время бывшая Николаевская церковь в Шанхае использовалась как увеселительное учреждение, но два года назад была освобождена, однако пока неизвестно, как она будет использоваться в дальнейшем. Главное, что пока бывшая церковь сохраняется.

Николаевский собор в Харбине, первый русский храм в этом городе, стал символом России для русских людей, оказавшихся по воле судьбы в эмиграции. Этот храм и сегодня для многих потомков харбинцев – символ всего русского. Во время культурной революции китайцы жестоко надругались над этой святыней. Они сожгли все иконы и

убранство, а сам храм раскатали по бревнышку. Только сейчас одумались, жалеют, что так случилось. Ведь такой храм – это тысячи туристов, а с ними доход, прибыль.

Однако всегда и везде находятся люди, которым небезразлична судьба святынь городов, где они живут. Так и в Харбине. Есть там один мой хороший знакомый, очень трепетно относящийся к русской культуре. О нем недавно даже центральное наше телевидение показало получасовую передачу. Так вот он взял, и создал за городом, где купил большой кусок земли, парк русской культуры, а там восстановил этот самый Николаевский деревянный храм. Чертежами мы ему помогли, разработали. Будущим летом обещает пригласить на открытие парка.

Харбинский Николаевский собор настолько интересен, что о нем следует рассказать более подробно. В проекте планировки Харбина отводились места для главных административных зданий города, в том числе зарезервировано место и для храма. Будущий харбинский собор должен был стать, по мысли авторов планировки, своеобразным символом, доминантой и украшением города одновременно. Забегая вперед, отметим, что расположенный на возвышенном

Проект Свято-Николаевской церкви в Шанхае. Арх. А.И. Ярон. 1934 г.

То же. Современный вид. Фото Н.П. Крадина

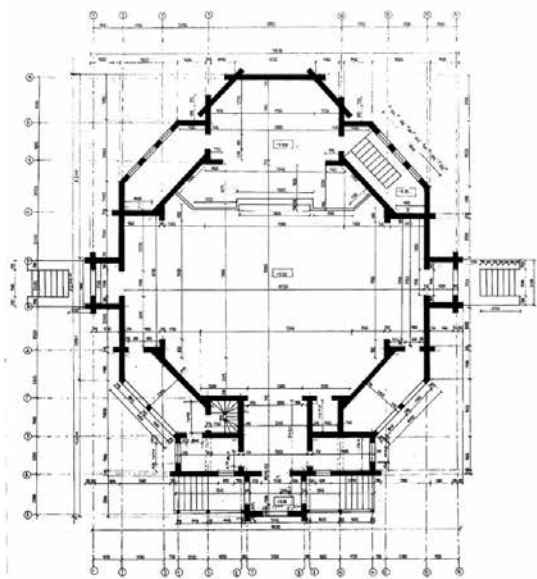
месте в центральной части города храм действительно являлся многие десятилетия архитектурной достопримечательностью Соборной площади в Харбине. Его изображали на многочисленных открытках с видами Харбина как главную достопримечательность этого города.

Деревянная церковь Николая Чудотворца (Мирликийского) стала первым храмом в Харбине. Правда, вначале она называлась Свято-Никольской церковью и до 1903 года считалась храмом Пограничной стражи, затем – железнодорожной церковью, а с 29 февраля 1908 года по указу Синода была преобразована в собор. Уже в период эмиграции, после учреждения в 1922 году в Харбине самостоятельной епархии, собор стал кафедральным.

Свято-Николаевский собор в Харбине. Фото с открытки

Место, где находился Николаевский собор в Харбине. Фото Н.П. Крадина

План Свято-Николаевского собора. Восстановление. 2007 г.

Его вместимость составляла около 500 человек.

Судя по сохранившимся сведениям, церковь рубили из бревен-карандашей, доставленных в Харбин из Канады. Возводилась она инженером Левтеевым, одним из основателей Харбина и строили эту первую православную церковь по проекту, выполненному в Петербурге архитектором И.В. Подлевским. Основное строительство было закончено уже в 1899 году и на праздник Святого Покрова Богородицы в храме состоялось первое церковное торжество, хотя внутренняя отделка оставалась не законченной. В 1900 году хабаровская газета «Приамурские ведомости» сообщила в небольшой заметке, что «5 декабря сего года освящен первый приходской храм в Маньчжурии, в Харбине, во имя святителя Николая Чудотворца, построенный в древневологдском стиле... Чудный храм этот красиво высится над Харбином, сверкая издали своими золочеными крестами».¹

При закладке храма в октябре 1899 года у его основания на восточной стене была прикреплена памятная доска об этом торжественном событии: «...основая сия церковь в честь и память иже во святых отца нашего Николая Архиепископа Мирликийского Чудотворца... в лето от сотворения мира 7407, от Рождества же по плоти Бога Слова 1899 года октября 1 дня в железно-дорожном поселке Сунгари архитектором Алексеем

Клементиевым Левтеевым, по освящении священниками Охранной стражи Александром Петровым Журавским и Стефаном Михайловым Белинским».²

Во время освящения построенной церкви в Харбине находились военные чины полевого штаба во главе с командующим Приамурским военным округом. Там у них и родилась идея подарить церкви особо почитаемую в Приамурье икону Албазинской Божией Матери. Для этого инициаторы благотворительной акции обратились к хабаровскому купцу I гильдии В.Ф. Плюснину, который заказал икону в Москве и, как отмечала местная газета, «в нынешнем году (1901. – Н.К.) икона Албазинской Божией Матери, в серебряной ризе, была получена, и по изготовлении для нее в Хабаровске приличного киота, в минувшем августе была отправлена в Харбин, в адрес настоятеля церкви о. Александра Журавского».

Церковь строили артели русских мастеров (плотники, столяры, резчики). Им помогали и китайские мастера, в частности в работах, связанных с резьбой и декорировкой архитектурных деталей. Резной иконостас для Никольской церкви изготовили в европейской России и привезли вместе с необходимой церковной утварью в Харбин. Он отличался богатством резной отделки, а большая икона (образ) святителя Николая была написана «неизвестным русским мастером со строгим соблюдением правил старинной иконописи». Для росписи стен храма из России был приглашен художник Д.И. Глушенко, который в течение нескольких месяцев выполнил все необходимые композиции.

В 1913 году Николаевский собор закрывали на ремонт, продолжавшийся несколько месяцев. Когда все работы были закончены, храм вновь освятили в конце сентября месяца. Освящение совершал прибывший в Харбин архиепископ Евсевий. В 1923 году в соборе соорудили придел в честь иконы Божией матери «Нечаянной радости». Среди особых святынь в храме выделялись прекрасно написанное изображение Пресвятой Троицы в главном алтаре и Сошествие Святого Духа

над хорами, а также большой образ святого Николая Чудотворца, под покровом которого покоился первый глава Харбинской епархии, митрополит Мефодий. Имелись в храме несколько исторических, давних икон – дары командующего войсками и Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова, великого князя Александра Михайловича и других высоких особ. Глубоко почитался прихожанами также образ Иверской Божией Матери, написанный в 1900 году чинами Пограничной стражи.

Мы и сегодня можем судить об архитектурно-художественных достоинствах, которыми, несомненно, обладала эта первая русская церковь в Харбине, поскольку сохранилось большое количество ее фотоизображений и даже чертежи. Имеющиеся изображения свидетельствуют о том, что это был один из лучших храмов Харбина. Его планировочная и объемно-пространственная композиция отличалась центричностью, контрастным сочетанием объемов и форм, динамичным движением всей композиции ввысь.

Центричный план Николаевского собора представляет собой восьмигранное ядро, обрамленное галереями, выступами апсиды, звонницы с главным входом под ней и двумя дополнительными крыльцами с северной и южной сторон. Пропорциональные соотношения частей храма делают его объемно-пространственную композицию логичной, гармоничной и понятной для восприятия. Пирамидальный строй фасадов и всей объемной формы подчеркивается нарастанием объемов к центру, где кульминационным акцентом служит высокий стройный шатер, увенчанный главкой с крестом. Пирамидальность как элемент композиционной структуры и архитектурной выразительности храма присутствует и в отдельных его частях, например в трехглавом завершении звонницы. Очертания и уклоны скатов кровель над галереями, крыльцами, форма завершенных объемов (алтарь, звонница) – во всем чувствуется стремление подчеркнуть, выявить движение к центру, вверх. Начинаясь от самой земли, со ступеней крыльца, движение вверх еще более усиливается от уклонов

кровель и наиболее ярко проявляется в остром силуэте центрального шатра. Главное ядро храма господствует не только в планировочной, но и в объемно-пространственной композиции Николаевского собора, выражая его образно-символическую значимость.

Являясь произведением архитектуры достаточно высокого эстетического уровня, выполненный в стиле архитектуры русского Севера, Николаевский собор стал образным выражением русскости, он стал созвучен вкусам и предпочтениям русских людей, оказавшихся за пределами своего отечества.

Анализируя в одной из книг архитектурные постройки Харбина, китайский автор отмечал в конце 1980-х годов: «После того как царско-русские колонизаторы вторглись в Харбин, они первым делом построили церкви. В 1899 году на кульминационном пункте города, в центре Наньгана построили православный Свято-Николаевский собор. С этого момента в Харбине начали подражать образу “восточной Москвы”, и церкви на долгий срок стали символом восточной Москвы».³

Автор книги, выражая негативное свое отношение к русской политике XVII-XIX веков на востоке, тем не менее восторгается архитектурой, созданной русскими и иными зодчими в Харбине. В частности, описывая главную площадь Харбина, он восхищается ее композицией, а также архитектурой собора: «Это правильно-радиальная площадь, центр которой составлял собор и которая имела подвижной, вольный и раскрытый характер. Бывший Свято-Николаевский собор находился в центре площади и крест на крыше палатки собора, который тянулся к голубому небу, был фокусом линий зрения. Площадь с учетом местных условий и изменяемых обстоятельств объединяет несколько зданий разного свойства и в разном масштабе тонко, хитроумно в единое целое и сформировалась расступая и вольная, живая и подвижная... Православный Свято-Николаевский собор... представлял собой один из характерных ландшафтов в Харбине вплоть до 1966 года... План этого собора был в виде греческого (рав-

ноконечного. – Н.К.) креста в направлении с запада на восток. Композиция плана – сосредоточенно-симметричная. Так как срок строительства был чрезмерно сжат, все конструкции были деревянные и в виде колодезного сруба. Внутри собора образовалось такими конструкциями огромное пространство купола для религиозной деятельности. Внешний вид собора воплотил в себе традиционную форму – палаточную крышу русской народной деревянной конструкции. Вершина восьмиугольной палаточной крыши высоко подняла небольшой купол в виде луковицы. Вершина соединена с куполом с помощью барабанной опоры в середине. И таким образом усилено чувство вертикальности и вклинения острой палатной крыши в небо. Эта выдающаяся архитектурная драгоценность играла важную роль в образовании городских ландшафтов. К сожалению, она была снесена невежественными разрушителями во время 10-летних анархий и беспорядков».⁴

Оставим в стороне небрежный перевод с китайского на русский и отметим эмоциональность автора описания, китайского профессора архитектуры. Такова вкратце история одного из многочис-

ленных русских православных храмов в Харбине.

Построенный в псевдорусском стиле Николаевский собор в Харбине символизировал собой Россию, ее православную культуру. Выбирая тот или иной образ, архитектурный стиль для храма, авторы (если не использовался типовый проект) иногда руководствовались такими соображениями: для храма, который должен быть построен на далекой окраине России, стиль должен быть непременно русским. В этом они видели связь окраины с далеким Центром. Именно так считал, например, талантливый архитектор И.А. Чарушин, окончивший Академию художеств и которого судьба забросила на каторжный Сахалин. Вот там-то он и спроектировал, а затем построил в русском стиле великолепную церковь для города Александровска, запечатленную на одном из старых фотоснимков. Русский стиль особо почитался на восточных окраинах России. Кстати говоря, примером такого же почитания здесь может служить и византийский стиль. Храмы в этом стиле имелись в Харбине, в городах Сибири, а в 1906 подобный же собор был закончен строительством и в Чите. Судя по сохранившимся старым открыткам, такие круп-

ные по размерам храмы для восточных регионов – большая редкость. Те не менее, они были.

Среди преобладающего количества церквей, построенных по типовым проектам, на Дальнем Востоке стояли храмы, авторами которых были видные российские архитекторы, например В. Покровский, В. Косяков и другие. Некоторые их проекты так и остались проектами, которые пылятся в архивах, а большинство же храмов до нас не дошли, сметенные ураганом революции, безверия и самообмана. Культ церкви был повергнут.

Более 70 лет в России (вернее, в бывшем СССР) храмов не строили вообще, а из тех, что существовали, почти все были порушены. Сегодня мы видим, что церковная архитектура постепенно возрождается. Вместе с тем нельзя не заметить, что при строительстве новых храмов все еще сохраняется культ традиции, культ устоев русской церкви и

ее догматов. Ни в одном городе мы не найдем нового православного храма, построенного в современных, тем более – в авангардных формах. Все они повторяют до боли знакомые формы и детали. А вот чего нет в этих новых храмах, так это слаженных пропорций, отточенности силуэта и вписанности в окружение. Часто проектирование и «одобрение» проводится келейно, без конкурсов и обсуждений. И это печально. Во всяком случае, такое впечатление производит все, что мне удалось увидеть здесь, на Дальнем Востоке, – и в Хабаровске, и во Владивостоке, а также в Комсомольске, Уссурийске, Биробиджане, Магадане и других городах. Если решение о том, каким быть храму, принимает один человек – это тоже культ. Но уже другой, которому поклоняться опасно. Как говорится, это мы уже проходили.

Николай Крадин

Свято-Николаевский собор. Восстановление. 2008 г. Фото Н.П. Крадина

То же. Фрагмент фасада с тройным окном. Фото Н.П. Крадина

Реальность vs действительность

Один современный философ с изумлением для себя обнаружил: «Всякая благая мысль о разумном и упорядоченном будущем ведет к тоталитаризму, всякая пессимистическая и хаотическая – к плюрализму и демократии». Ему бы, чудаку и бедолаге, к нам, сразу после революции или, что то же самое, в наши дни.

Обе рецензируемые книги М.Г. Мееровича, историка и архитектора, несмотря на скрупулезность многочисленных, чуть не до бесконечности, ссылок и дотошную документальность, представляют собой мировоззренческие исследования. О чем говорят, в частности, сами названия книг. «Рождение», «Смерть» – понятия мировоззренческие, а не хронологические или биографические.

Ход размышлений автора логичней восстанавливать с макроуровня (страна) к мезоуровню (город) и микроуровню (структуры самоуправления – городские коммуны и сельские общины).

На макроуровне автор обсуждает: а) принципы административно-хозяйственного районирования страны; б) принципы управления социалистической экономикой; в) принципы размещения социалистической промышленности.

Здесь для автора и его читателей важны две идеи. Первая: реальному размещению производства, описываемому теорией штандортов А. Вебера (для промышленности) и теорией «изолированного государства» И. Тюнена (для сельского хозяйства) советская плановая система противопоставила действительность социалистического способа размещения, строящегося не на экономических соотношениях и расчетах, а исходя из «военно-стратегических» предположений о равномерном размещении производств по поверхности страны таким образом, чтобы «враг» не мог долететь и разбомбить удаленные от границ объекты (как это глупо выглядит сегодня, в эпоху ракетной техники

и космических вооружений). Опираясь на книгу А. Вебера «Теория размещения промышленности», переведенную в 1926 году, горячо рекомендовал всем экономистам и экономико-географам Н.Н. Баранский. Однако уже в годы первой пятилетки книга была изъята из обращения, а почти все читавшие ее репрессированы и уничтожены.

В конечном счете, теория А. Вебера, построенная на реальной мировой практике хозяйствования, все же одержала в СССР историческую победу над «кремлевскими мечтателями» и их околосмоленскими апологетами от науки и управления, сочинителями «советской действительности»: никаких реальных сдвигов на пустопорожние Восток и Север за несколько десятилетий не произошло. А скромные результаты принудительного переселения значительных народных масс в сибирские соцгорода при промышленных новостройках, в поселения на трассах новых железнодорожных артерий (или однажды уже построенных, но «забытых»), в поселки гидростроителей, переросшие затем в центры локального освоения территорий, оказались размыты стихийными миграциями в европейскую часть страны, стоило лишь убрать «железную хватку» советской прописки и неизбежного ее следствия – «лимиты».

Реального, рачительного освоения окраинных территорий страны так и не случилось. Даже ГУЛАГ размещался не столько на Таймыре и в Магадане, сколько в Москве и вокруг Москвы; даже война и вынужденная эвакуация заводов за Урал не принесли желаемых результатов: Сибири и Дальнему Востоку достались устаревшие технологии и оборудование, а резкое обновление основных фондов промышленности (несмотря на огромные материальные потери) произошло именно в европейской части страны. Стратегия равномерного размещения промышленности и населения с очевидностью провалилась.

Вторая идея, обсуждаемая автором: принципы административно-хозяйственного районирования страны, управления социалистической экономикой и размещения социалистической промышленности. В СССР они свелись к одному – принципу партийности. Партия и ее лидеры быстро убедились в том, что демократия и плюрализм не в состоянии удерживать тот уровень принудительности в организации жизни и пространства, который они стремились обеспечить (и реально обеспечивали) за счет партийно-тоталитарного руководства. Поняли, что власть выборных органов на местах – советов, с ее имитируемым (во многом почти пародийным) подобием общественного самоуправления, не в состоянии удерживать ту степень трудо-мобилизационной и военно-мобилизационной дисциплины, которая требовалась для обеспечения организационно-управленческой и хозяйственно-производственной целостности страны.

М.Г. Меерович весьма доказательно и аргументировано показывает: и этот фронт противостояния реальности также был безнадежно проигран.

Упование на то, что РСДРП (б) действительно станет рабочей партией, не по названию, а по своему классовому составу, рухнуло задолго до начала индустриализации. А в ходе нее выявилось еще и нежелание населения быть молчаливым исполнителем все новых и новых государственных планов, отказ от перемещения в новые земли, нежелание добывать на Крайнем Севере золото и руду для обеспечения милитаристских планов сталинского руководства.

Для того чтобы реально стать коммунистом, человеку необходим был стимул служебного, карьерного, общественного роста – роста общественного признания. А о какой карьере могли думать бывшие крестьяне, малограмотный и, по сути, подневольный люд? В

стране остался всего один резерв партийности – ВПК, НКВД и армия. И собственно на управленцах, инженерах и ученых ВПК, на офицерском составе армии, а также «трудящихся» из НКВД стали расти и крепиться партийные ряды. Любая область, любой город, любой завод и любая отрасль стремились к одному – милитаризации. И вся страна была поставлена на этот самоубийственный путь. 60% ВПК в народно-хозяйственном комплексе Свердловской области впечатляет, но не является рекордным.

А что касается «курсов кройки и шитья», каковыми оказались все усилия по районированию – административно-хозяйственной перекройке территории СССР (самый дуболомный акт этой трагикомедии – вереница формирований-расформирований совнархозов при Н. Хрущеве в начале 1960-х), отмене волостей, уездов и губерний и замене их сельсоветами, районами и областями, то все эти потуги в конце концов утихли и успокоились примерно в границах административно-территориального деления России, осуществленного еще Екатериной Второй.

Как справедливо указывает М.Г. Меерович, всю градообразующую роль и функцию социалистического города взяла на себя промышленность, превратив города в «спальные цеха» при промпредприятиях. Доминанта многоэтажных многоквартирных домов в городах, бесконечных «черемухек», должна была породить новую, пролетарскую этику. Этику не имеющих ни собственного жилья, ни собственной, автономной жизнедеятельности, ни целостного представления о деятельности, в которую они были включены лишь фрагментарно, как «винтики социалистического производства» (И. Сталин). Этих безродных «сволочей», потерявших все ценности и сволоченных из разных углов в разные углы, действительно можно было назвать пролетариями, но партийной массой и армией они не

стали, гегемонами (=хозяевами) – тем более.

Исходя из ленинской формулировки «учет и контроль», город превратился, по выражению М.Г. Мееровича, в «числовое выражение социалистического способа жизнедеятельности», где все нормировано и регламентировано: поведение, распределение денег, продуктов жилья, посадочных мест в столовых, лежаках – в больницах. И опять – полное фиаско градостроительной и партийно-политической деятельности перед лицом неуничтожимой реальности.

Это поражение выразилось в пресловутом и неистребимом фантоме – «жилищном вопросе». Казалось бы, за счет жутких экспроприаций, превращения в жилье церковных келий, казарм, богаделен, старых железнодорожных вагонов и т.п., в результате чудовищного натурального жилищного налога и других драконовских мер, а также за счет строительства нового жилья в 1920-е годы удалось добиться обеспеченности жильем в 5-7 квадратных метров на человека. Но «естественное свое берет» («Сокровенный человек» А. Платонова): принудительная урбанизация, коллективизация и голодоморы 1920-1930-х годов вызвали «демографическое оживление» в городах – неуправляемый приток крестьянского населения, который привел к тому, что эта норма быстро упала до 3,5-1,5 метров. Даже война, несмотря на огромные людские потери (в целом, мирное население и армия потеряли около 50 миллионов человек) и репрессивное переселение миллионов людей на вымирание, не принесли жилищного облегчения: совместными усилиями – собственными и противника – была уничтожена огромная часть жилья, а оставшаяся быстро ветшала.

Послевоенный «бэббум» в отношении жилищного кризиса вновь поставил страну на колени: в городах нормой стали 2 квадратных метра на человека. Даже в благопо-

лучной Москве «голодная норма» составляла – до 1970-х годов! – три квадратных метра. В очередь на жилье семью могли поставить только в том случае, если она проживала в еще более стесненных условиях. Постоянно обещаемая народу утопия создания скромного изобилия квадратных метров окончательно рухнула.

Микроуровень – уровень самоуправления, городских коммун и сельских общин. М.Г. Меерович подробно останавливается на принципиальных различиях между коммуной и общиной. Но главный конфликтный узел между существующей реальностью и конструируемой действительностью он диагностирует точно: «город-сад» Э. Говарда и советский «рабочий поселок-сад». Идея «города-сада» Э. Говарда построена на принципах самоуправления, максимальной доступности для малоимущих слоев городского населения и добровольной кооперации (рочдельской, разумеется). Царское самодержавие и советскую власть роднит патологический страх перед самоуправлением населения и его независимостью от властей. Идеи Э. Говарда и его последователей, неприемлемые для большевиков, довольно быстро оказались вывернуты в СССР наизнанку, вплоть до инициирования «кооперативного строительства государственного жилья».

К сожалению, автор обошел вниманием муниципальную программу эсеров, незаметно ставшую, кстати, летом 1917 года правительственной. Эта программа, в случае реализации, была бы необходимым плацдармом для развития в России говардовских «городов-садов». Обойден вниманием автора и смелый генплан Москвы С. Шестакова, который, по сути, превращал ее в огромный город-сад.

Может быть задан вопрос: а зачем автор писал все это, мучился в поисках документов и материалов, добывал свидетельства и доказательства? И зачем читать все это, карабкаясь через завалы мнений и

резюмируя, заключения и распоряжения людей и органов давно умерших?

Умерших? Да. Но не вымерших. «Вертикаль власти», так подозрительно похожая на самодержавие и сталинский авторитаризм, безумные и античеловеческие «интересы государства», которое по понятию «государства» не может иметь ни целей, ни интересов, ведь это всего лишь машина; военно-промышленный угар и психоз, однопартийность, потрясучка и зуд все сделать соответственно собственному разумению и разуму (весьма, увы, скудному) – это не только наше прошлое. Это – и наш сегодняшний день, и наше еще очень долгое будущее, с которым придется и надо бороться, причем не террористическими актами, а гораздо более сложным способом – на уровне мировоззрения.

Вот поэтому-то так важны и так нужны эти книги. Казалось бы, ушедшие в историю идеология и практика советской градостроительной политики, складывавшиеся десятилетиями большевистского режима, они остро интересны не столько уникальным описанием реального хода градостроительного освоения территории России послереволюционного периода и времен советской индустриализации. Но, прежде всего, тем, что разъясняют специфику современного организационно-управленческого мышления, которое в отношении населенных мест, несмотря на все сегодняшние политические перемены, до сих пор не способно расстаться с устойчивыми стереотипами сознания советской эпохи.

Александр Левинтов

Меерович М.Г. Рождение соцгорода. – Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2008. – 472 с. : ил.

Меерович М.Г. Рождение и смерть города-сада. – Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2008. – 340 с. : ил.

Книга о памятных знаках Иркутска Н. С. Пономаревой

Пономарева Н.С. Мемориальные доски и памятники, памятные знаки, скульптуры и образцы техники г. Иркутска : аннотиров. каталог / составитель, автор вступительной статьи Н.С. Пономарева. – Иркутск : Оттиск, 2008. – 192 с. : ил.

Иркутск – город с богатейшей историей, что делает его предметом серьезных исследований и темой изданий, посвященных его прошлому. Это не может не радовать, ведь такие книги очень важны для Иркутска, имеющего статус исторического. Общеизвестно, что город становится таковым только тогда, когда его жители поворачиваются лицом к своему прошлому и начинают относиться к нему как к ценности, как к фундаменту будущего развития.

Новым шагом в изучении истории Иркутска, а точнее его памятников, стала книга Н.С. Пономаревой «Мемориальные доски и памятники, памятные знаки, скульптуры и образцы техники г. Иркутска». Издание, приуроченное к 350-летию Иркутска, было представлено на суд широкой общественности в октябре 2008 года и сразу вызвало живой интерес у всех, кто успел с ним познакомиться.

«Неравнодушному путешественнику – иркутянину или гостю нашего города – мемориальные доски и памятные знаки расскажут о событиях в истории столицы Восточной Сибири, о выдающихся людях, внесших значительный вклад в

его развитие, о сибиряках – защитниках Отечества» – такими словами встречает читателя автор книги. И действительно, знакомясь с изданием, заново открываешь для себя хорошо извечные улицы Иркутска, а порой обнаруживаешь места родного города, связанные с его исторической памятью, ранее неизвестные, волнующие своей новизной.

Предметом внимания автора стали иркутские мемориальные доски, памятники истории, техники и монументального зодчества. В книге приводятся сведения о 400 объектах, прежде всего о хранителях исторической памяти – мемориальных досках. Их представлено около 300, с указанием более 2000 фамилий. Особой ценностью, наряду с фотографиями как существующих, так и утраченных мемориальных досок, являются приведенные автором их оригинальные тексты, а также сведения о 30 расшифровочных досках, поясняющих названия улиц.

Интерес представляет информация о надписях, высеченных на фризе здания Областного краеведческого музея. Автором приводится полный перечень фамилий выдающихся исследователей Сибири и краткие биографические сведения.

Один из самых наглядных символов исторической памяти – старая боевая и транспортная техника, установленная на улицах города, – также является объектом исследования автора. В книге перечисляется более 30 единиц техники, в том числе ракетная установка «Катюша» в микрорайоне «Зеленый», образцы военной техники у Дома офицеров Сибирского военного округа, паровоз «Лебедянка», поставленный к 100-летию КБЖД на территории детской железной дороги на острове Юность.

В справочнике дается подробная информация о 80 памятниках, памятных знаках и стелах, которыми отмечены важные иркутские события, в том числе приведены сведения о 28 эвакуационных госпиталях, работавших в Иркутске во время

Великой Отечественной войны. Перечисляются памятные знаки, установленные в связи с трагическими событиями, сопряженными с гибелью людей. Так, к 1997 году отсылает читателя материал о мемориальном комплексе, построенном на месте авиакатастрофы транспортного самолета «Руслан» по ул. Гражданской в Иркутске II.

Целые исторические эпохи символизируют указанные автором места захоронений на территории Иркутска известных и заслуженных людей, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю города, края, всей России: одного из основателей Русской Америки Г.И. Шелихова, декабриста В.А. Бечаснова, историка и публициста А.П. Шапова и других. Кроме того, в списке захоронений представлены братские могилы участников гражданской войны и места захоронения жертв массовых репрессий 1937–1939 годов.

Примечательно, что в книге описаны не только памятные знаки, доступные для всеобщего обозрения, но и те, которые находятся в интерьерах ведомственных учреждений и на закрытых территориях предприятий. Поражают мощью образцы авиатехники, установленные к 70-летию авиазавода на его служебной территории. Не оставляет равнодушным скульптура пожарного с ребенком на руках – мемориал пожарным, погибшим при исполнении служебного долга, расположенный в интерьере ГУ МЧС на ул. Дзержинского.

Книга является настоящим путеводителем по памятникам монументального зодчества. Представлены все объекты, расположенные на территории Иркутска. Читатель найдет здесь знакомую скульптуру В.И. Ленина в сквере на углу улиц К. Маркса и Ленина и памятник Александру III на бульваре Гагарина. Но интерес читателя удерживается присутствием в каталоге малоизвестных монументов, таких, как скульптуры физкультурника и женщины-летчицы с ребенком, уста-

новленные в 1930-е годы на территории военного госпиталя, или скульптура С.М. Кирова у одного из цехов Иркутского завода тяжелого машиностроения им. В. Куйбышева.

Материалы исследования поданы в форме аннотированного каталога, объекты сгруппированы по районам города, затем по улицам, названия которых даны в алфавитном порядке. Автор приводит полный текст надписи на памятном знаке. В сопроводительный текст внесены уточненные биографические данные, фамилии авторов памятного знака. Кроме того, книга содержит именную указатель и словарь терминов. Лаконизм текстовой информации компенсируется множеством цветных иллюстраций, дающих полное представление об объектах, описанных в книге.

Издание книги стало возможным во многом благодаря подвижничеству ее автора Натальи Сергеевны Пономаревой, заведующей архивом Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Начало работе было положено в 2004 году в связи с подготовкой к празднованию 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. Был подготовлен каталог памятных знаков Иркутской области, связанных с Великой Отечественной войной. Но во время работы стала очевидной проблема систематизации всех памятных знаков. Первым этапом явились мемориальные объекты города Иркутска. Сведения для своей книги автор собирала в самых разных источниках: коллекции постановлений и решений органов власти, хранящихся в Государственном архиве Иркутской области и архиве городской администрации, документации из архива Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области, а также архивов и музеев организаций и учебных заведений Иркутска.

Новая книга будет полезна не только интересующимся историей Иркутска,

но и тем, кто по роду своей деятельности призван сохранять культурное достояние родного города, делать краше столицу Восточной Сибири.

Общественная значимость собранных Н.С. Пономаревой сведений была настолько очевидной, что

у книги быстро нашелся издатель в лице администрации г. Иркутска и многочисленных спонсоров, принявших участие в реализации проекта.

И вдвойне приятно, что вместо привычного справочного издания, со сдержанными текстами и скупым

изобразительным рядом, на суд читателей представлено достойное, богато иллюстрированное издание, отличающееся своей содержательной стороной.

Увлекательный мир иркутских памятников показан во всех красках. И в очередной раз, перелистывая страницы

книги, вспоминаешь слова мудреца о том, что история – это вторая действительность, воздвигаемая человечеством в ответ на конечность жизни.

Ирина Горбунова

Снова о наследии ХХ

Шестнадцатый выпуск журнала «Проект Байкал» был посвящен архитектурному наследию ХХ века. Тема советской архитектуры Сибири, особенно архитектуры периода 1930-1970-х годов, еще недостаточно полно изучена историками и искусствоведами. Публикация статей и материалов на эту тему в «Проекте Байкал» стала большим событием в изучении и представлении архитектуры ХХ века в Сибири. Многие в истории архитектуры этого времени по-прежнему остаются неизвестными для специалистов. Нет полного представления о планах и строительной практике этого периода, не установлено авторство большого количества зданий. Неизвестна реальная доля планируемого и реально построенного.

И потому каждый установленный факт в архитектуре советского периода приобретает особую ценность.

Тема архитектурного наследия ХХ века была воспринята читателями журнала с большим интересом. Редакция получила отклики читателей с дополнениями и уточнениями представленных материалов и статей, с предложениями и пожеланиями на будущее изучение этой темы.

Один из старейших архитекторов, работавший в 1950-е годы в Иркутске, и проживающий сейчас в Москве, Евгений Федорович Янко, прислал письмо в редакцию, в котором вносит уточнения в материал об архитекторе Л.А. Ламекине и указывает на ряд дополнительных фактов, связанных с работой Ламекина. Евгений

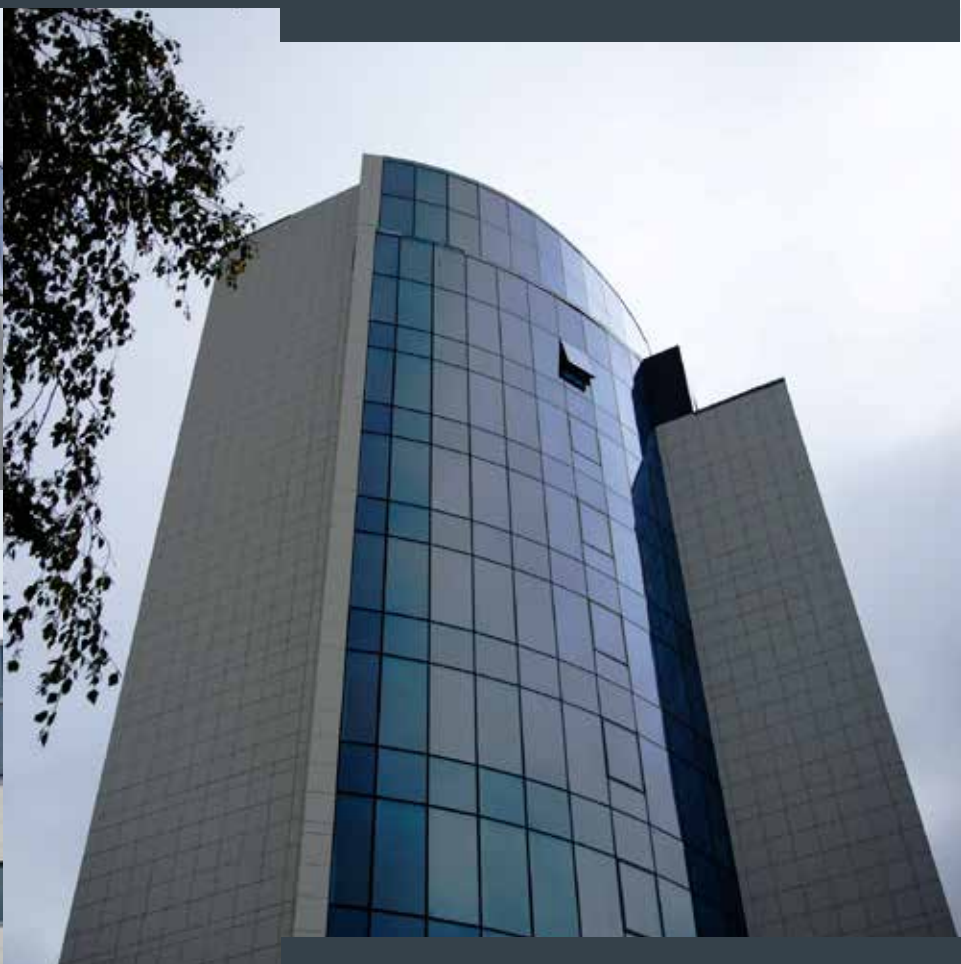
Федорович сообщает, что он является одним из авторов здания на ул. Ленина, 7. Он также говорит о своей работе над зданием, стоящим напротив дома № 7, – жилым домом с магазином по ул. Ленина, 24. Это представительное и монументальное здание стало первым крупным сооружением, построенным в Иркутске после войны. Евгений Федорович отмечает, что большую роль в формировании сложившегося архитектурного облика улицы Ленина сыграл Борис Михайлович Кербель, который был в то время начальником управления архитектуры Иркутской области.

Мы благодарим Евгения Федоровича Янко за его замечания и за исправление неточностей, допущенных в материале об архитектуре 1950-х годов.

В будущем планируется продолжить работу над темой советской архитектуры 1950-х годов в Иркутске. Совместно с Музеем архитектуры Иркутской организации Союза архитекторов будет собран материал о ведущих мастерах архитектуры этого времени – архитекторах Е. Янко, С. Гусарове, В. Волкове, Л. Ламекине, Ф. Бутенко, И. Ефимове, Д. Гольдштейне. На основе проведенной научно-исследовательской работы и собранных архивных материалов будет подготовлена выставка в Музее архитектуры.

Мы обращаемся к архитекторам-ветеранам, к историкам и краеведам, ко всем, кто интересуется историей Иркутска, с просьбой содействовать в сборе материалов по истории и архитектуре Иркутска ХХ века.

Андрей Ляпин

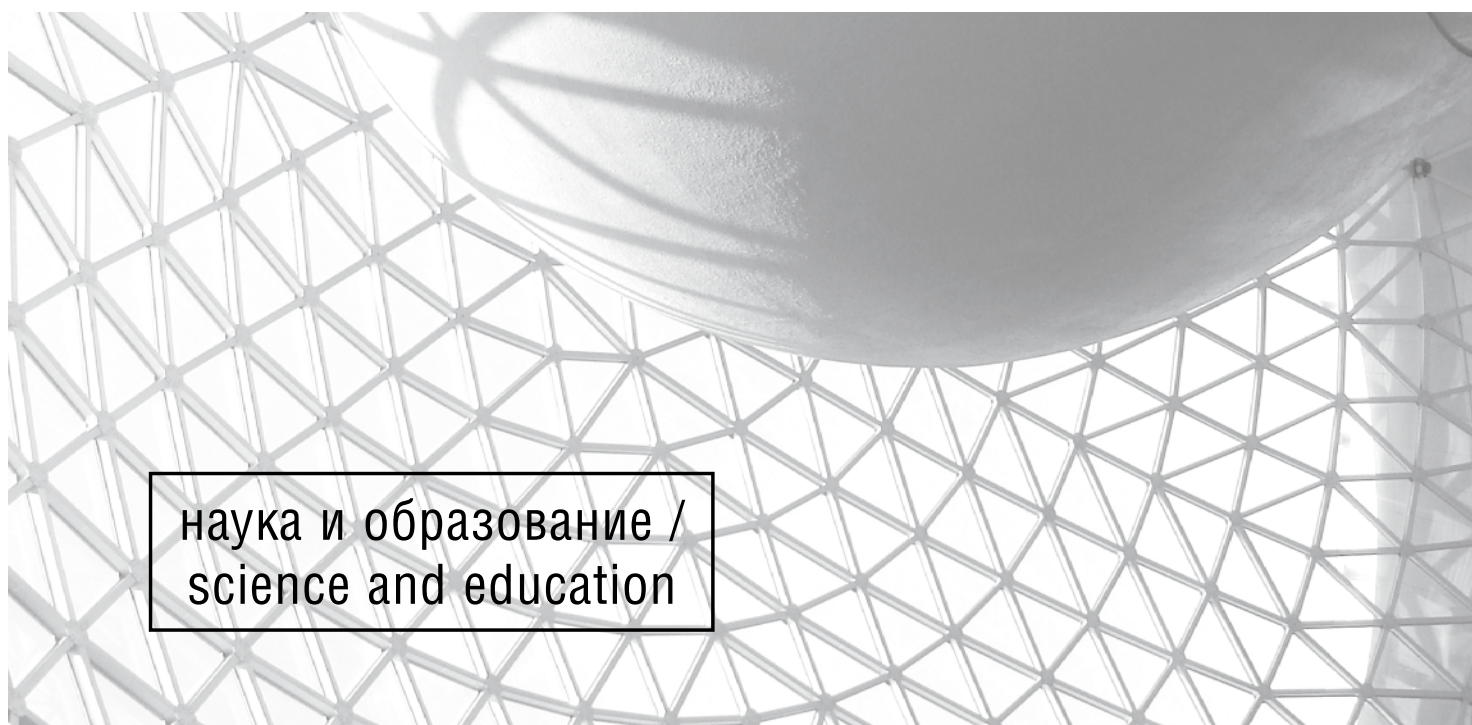

Технологии фасадного остекления <<Schüco>> приобретают еще большую популярность во всех регионах России. Открыт офис компании <<Шуко интернационал>> в Иркутске, значит в офисах и домах сибирского региона станет теплее.

Иркутск, ул. Пискунова, 122\1 офис 407
Тел.: 8 (3952) 22-37-32

SCHÜCO

Елена Григорьева	От редактора	74
Константин Лидин	Третья сила	75
Юрий Волчок	Авторитеты об образовании	78
М. Шумилов	Архитектурная наука и дополнительное профессиональное образование: есть ли перспективы для диалога?	80
Юрий Бочаров	О двух подходах к обучению градостроителей	84
Сергей Герашенко	Аспекты градостроительной программы развития Красноярского края и градостроительное образование	87
Константин Лидин	Рейтинги высших школ	90
Марк Меерович	Смотр-конкурс дипломных проектов по архитектуре и дизайну	96
Николай Смирнов	Высшая архитектурная школа	98
Борис Литвинов	Сессия Летнего градостроительного университета в Сержи-Понтуаэ	100
Борис Литвинов	Зимник X	102
Борис Литвинов	10-я юбилейная сессия Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета	102
Артем Ольшевич	Наука и образование в городе	103
Сергей Герашенко	Интернет-дайджест	105
Константин Лидин	Градостроительные амбиции ректора Винокурова	106
Артем Ольшевич	Генеральный план Сибирского федерального университета	110
Николай Жуковский	Неизбежные вздохи	112
Елена Григорьева	Интернет-дайджест	115
Константин Лидин	Академгородок	116
Татьяна Чеботарева	Министры, архитекторы и школьный травматизм	118
Елена Григорьева	Детские сады	122
Ирина Теплякова	Особенности развития архитектуры школьных зданий в исторической части Иркутска и его новых районах	126
Татьяна Чеботарева	Школа искусств в Академгородке Иркутска	132
Наталья Пономарева	Правовая академия	136
Алина Иванова	Технопарк Технического университета	140
Николай Крадин	Shanghai Science and Technology Museum	143
В. Бардакова	Storey Hall	146
Галина Мартынюк	Школа «Баухауз» (Bauhaus)	148
	Свет в окнах старой школы	151
	Объекты образования на Дальнем Востоке	154
	Из истории Читинской мужской гимназии	158
	Summary	161

наука и образование /
science and education

Тема этого номера – образование и наука. Понятия отнюдь не тождественные, хотя и генетически связанные. Образование учит, научает, делает человека ученым, хотя не всякий образованный – ученый.

Социологи и экономисты в один голос утверждают, что в современном обществе наука становится ведущей производительной силой, а образование выполняет роль «производства группы А», пополняя ряды ученого «пролетариата наших дней». Возможно, так и есть. Однако еще за несколько тысяч лет до нашей эры санскритское слово «веды» (знание) обозначало высшую цель и смысл существования человеческого общества. Ведающие, сведущие люди в любой области человеческого существования составляют «ростовой слой», ту, иногда очень тонкую, прослойку, которая и обеспечивает здоровое развитие социального организма.

Искусство и архитектуру мы тоже попытались рассмотреть в качестве областей знания. Архитектура познает мир и человека своими методами: преобразуя пространство, выстраивая объемы и массы, гармонизируя потоки света и воздуха. Начиная с расстановки мебели и заканчивая структурой городов и государств – в таком диапазоне архитектура изучает и выстраивает комфортную среду обитания человека. На очереди – глобальная архитектура, которая будет заниматься проектированием всемирного «дома» для всего человечества.

Какое место займет российская и сибирская наука, образование, архитектура в этом движении?

Сегодняшняя российская наука переживает глубочайший кризис. Более консервативная и массовая область образования еще только движется к состояниям системного кризиса, но движется быстро и уверенно. К чему это приведет – вполне понятно. Есть такой расхожий афоризм: «Народ, не желающий кормить свою армию, будет вынужден кормить чужую». То же самое относится и к науке, и к образованию. Сегодня слышны разговоры о том, чтобы в целях экономии влить архитектурные вузы в состав ближайших университетов, сократить число и размеры высших школ, сократить дотации, обложить налогами и податями... Наверное, в нелегкие времена финансового неблагополучия надо экономить. Однако и последствия надо представлять: на следующем этапе придется вновь, как при Петре и Екатерине, за большие деньги приглашать иноземных «учителей», и снова в этом потоке на одного Леонарда Эйлера будут приходиться тысячи самозванцев и шарлатанов.

Или на этот раз история нас чему-нибудь все-таки научит.

Елена Григорьева

The topic of this issue is Science and Education. These notions are not identical, they are genetically coherent though. Education teaches, instructs, makes one a scientist, although not every educated person is a scientist.

Sociologists and economists unanimously assert that in the present-day society science becomes a leading productive power, and education acts as “A-group production”, recruiting today’s scientific “proletariat”. It may be so. However, as early as several thousand years B.C. a Sanskrit word “vedy” (knowledge) meant the supreme goal and the sense of the existence of human society. Erudite people experienced in any sphere of human being form a “growth layer”. Sometimes very thin, this layer ensures a sound growth of social organism.

We tried to consider art and architecture as an area of knowledge. Architecture apprehends the world and the human being with its own methods: by transforming space, building volumes and masses, harmonizing flows of light and air. Starting from furnishing and ending with structures of towns and states, architecture studies and forms a comfortable milieu for human being. Next comes a global architecture to design the global “house” for humanity.

What place will Russian and Siberian science, education and architecture occupy in this movement?

Today Russian science is in a grip of severe crisis. More conservative and mass area of education is only approaching the systemwide crisis, but this approach is quick and resolute. The result is quite clear. As an aphorism goes, “A people not wishing to feed their own army, will likely have to feed someone else’s”. It also concerns science and education. At present, with a view to economy, there is an intention to merge architectural institutes into nearest universities, to reduce the number and the size of higher institutes, to cut grants, to impose taxes... Perhaps in hard times of financial crisis one should economize. However, consequences should be anticipated: in the next stage, like under Peter or Ekaterina, it will be necessary to invite “teachers” from abroad for big money. In such a stream there will be thousands of impostors and cheats for one Leonard Euler.

Or this time history will teach us after all.

Elena Grigorieva

Третья сила

На бедность вы не сетуйте:
Наука жертв требует –
Вот вами же и жертвуют,
С наукой заодно.
Тимур Шаов. «Товарищи ученые.
30 лет спустя»

Политологическая мысль привычно выделяет в обществе три вида власти – законодательную, исполнительную и судебную. Иногда к ней добавляется четвертая власть (она же Вторая Древнейшая профессия). Хорошая схема, удобная. Но, как и всякая другая схема, не универсальная. В сегодняшней России она практически бесполезна. К какому виду власти, скажем, отнести крупный бизнес? Властности и реального влияния у него – хоть отбавляй, но ни в парламенте, ни в администрациях, ни в судах он в явном виде не «засвечен». То же самое относится к образованию и науке. Хотя авторитет «высоколобов» сейчас выглядит несколько понизившимся, но все же образование и наука продолжают заметно влиять на состояние нашего общества.

Попробуем рассмотреть постиндустриальный социум с точки зрения другой схемы. Выделим в обществе три основные силы: деньги, власть и знание. Каждая из сил способна добывать ресурсы для своего существования. Деньги делают это за счет обмена, перемещения ресурсов. Власть – за счет насилия, неизбежного в любом сообществе (доброе, гуманное общество – то, в котором уровень насилия не превышает необходимый минимум). Знания умножают ресурсы, черпая их из окружающего мира, изучая и используя законы природы и того же социума. У каждой силы – своя специфика, своя сфера развития и ни одна из сил не может успешно функционировать без двух других.

Соответственно, в каждом обществе развиваются механизмы, позволяющие превращать (конвертировать) одну силу в две другие. Например, в западном мире принято конвертировать деньги во власть на уровне законодательного творчества. Крупный бизнес или сообщества мелких бизнесменов за свои деньги нанимают лобби, которое проводит в жизнь нужные «заказчику» законы. Политики, в общем-то, и не скрывают, чьи именно интересы они защищают в парламенте. Вся борьба между группами влияния протекает до тех пор, пока закон не принят. После принятия все участники игры заинтересованы в том, чтобы принятые законы выполнялись, – иначе вся система перестанет действовать.

В нашей стране конвертация денег во власть происходит не менее успешно, но на другом этапе – на этапе реализации законов. Бизнес за свои кровные покупает не выгодный для себя закон, а возможность уклониться от выполнения невыгодного закона. Система действует с самого низового, повседневного уровня: например, за умеренную плату водитель может нарушить правила дорожного движения. Несколько дороже стоит, например, землетоход в охранной зоне или снос памятника архитектуры. Схема одна и та же: заплатив некоторую сумму, бизнесмен получает возможность уклониться от насилия со стороны общества. Если бы законы соблюдались, то общество заставило бы его пересмотреть свои бизнес-планы, а так – ничего, обошлось.

Нас, однако, в первую очередь интересуют знания и их конвертация в деньги и во власть (и наоборот, того и другого – в знания). Очевидно, для каждой операции в нормальном обществе существуют свои структуры. Система образования реализует конвертацию знания – деньги: студент платит деньги, а получает знания (преподаватель, наоборот, дает знания и получает за это какие-то деньги). Менее массовая, но более глубокая система научных

учреждений, по идее, должна конвертировать деньги в знания посредством создания новых технологий, которые тоже суть новые знания.

Конвертация знаний во власть может протекать прямо, грубо и зримо – как изобретение новых видов оружия. Более сложные, тонкие и скрытые формы превращения знаний в инструмент насилия заключаются в разработке технологий обработки общественного мнения или в экономических методиках извлечения разнообразных податей. В свою очередь власть может превращаться в знания прямым и очевидным способом – через организацию «шарашек», «закрытых почтовых ящиков» и прочих научных коллективов, созданных насильственным путем. Совсем необязательно такое насилие носит трагический характер, столь красочно описанный Солженицыным.¹ История Манхэттенского проекта, скажем, также может служить примером насильственного получения новых знаний.² Гораздо чаще, впрочем, власть действует окольно, сперва отнимая у граждан деньги (налогами), а затем финансируя науку и образование.

Архитектура уже много тысячелетий назад сформировала основные типы строений, предназначенных для конвертации социальных сил. Конечно же, дом, где живет власть, – это дворец. Именно во дворец приходят и бизнес, и наука, чтобы выменять себе необходимую толику власти. Дом, где живут деньги, – это торжище, рынок, биржа, магазин. Сюда приходят, чтобы продать (поменять на деньги) и знания, и власть.

Дом знаний определяется не так однозначно. На протяжении почти всей истории человечества знанием ведала церковь. Священные тексты, ритуалы и предметы считались носителями и источниками знаний о мире, о человеке и вообще обо всем. Соответственно, храмовая архитектура строилась так, чтобы каждое строение становилось сгустком знаний. Наиболее очевидный путь к этому – богатый декор, в росписях, скульптурах или рельефах излагающий содержание священных текстов. Готический собор с его фасадами, сплошь покрытыми рельефно-скульптурным кружевом, – это «каменная Библия». Однако буддийский храм в этом отношении ничуть не уступает католическому. Скажем, храм Боробудур в Индонезии, хотя и был построен в IX веке н.э., до сих пор может служить пособием по

текст
Константин Лидин

1. Солженицын А. В круге первом. Роман. М.: Наука, 2006.
2. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. М.: Атомиздат, 1964.

Главный вход в Кельнский собор. Рельефы и статуи святых образуют сплошной покров – «визуальный текст» житийного содержания

Храм Боробудур (Тысяча будд) в Индонезии. План храма представляет собой модель устройства Вселенной согласно буддийской космогонии

3. Цитата: «Согласно Ю.А. Урманцеву, культура (в нашем случае архитектура) дважды действительна, так как она обладает адаптивной и адаптирующей активностью. Применяя этот тезис к архитектуре храма, к которому он относится в полной мере как первоначальному сооружению при освоении нового пространства, можно его содержание развернуть следующим образом. Сначала посредством храма (архитектуры) преобразовывается окружающая среда «под себя» (адаптивная активность храма), а затем уже это «оформленное» под традиционный культурный порядок пространство помогает новопоселенцу в процессе культурной и социальной адаптации к новым условиям (адаптирующая активность храма). Что и происходило в исследуемом процессе освоения Дальнего Востока и формирования его культурного образа» (Левашко С.С. Россия на Дальнем Востоке: новая градостроительная концепция и православные храмы в русском стиле (вторая половина XIX – первая треть XX вв.) // Христианское зодчество: материалы научной конференции 28-30 марта 2000 г. М., 2000).

Рельефные иллюстрации к Ветхому завету на стенах Амьенского собора

Аналогичные «комиксы» из Боробудур. Царица Майя, мать Сиддхартхи Гаутамы

изучению биографии принца Гаутамы, ставшего Буддой Шакьямуни Татхагата.

Фресковая живопись, иконы, мозаики и витражи – практически весь декор храма несет знание на профанном, общедоступном уровне. А вот структура здания, которую может воспринять только тренированное воображение архитектора, строится как носитель знаний сакральных, эзотерических, доступных лишь избранным. Все в целом «работает» как транслятор традиционных знаний.³

Так продолжалось на протяжении десятков веков. Знания практически не росли, оставаясь традиционными и неизменными. Вместе с ними жесткие каноны фиксировали и формы презентации. Храмовая архитектура оставалась предельно консервативной. Однако в середине второго тысячелетия нашей эры в Западной Европе происходят процессы весьма поучительного свойства. Носитель знаний, церковь берет на себя все более широкие функции, заносчиво залезая в чужие области. Верховные иерархи римско-католической конфессии приобретают все больше денег и власти, церковь становится банкиром, торговцем и князем. Здания храмов приобретают все больше сходства с дворцами и рынками. Своих высших ступеней данный процесс достигает в эпоху Ренессанса. Микеланджело Буонаротти строит Ватикан, сливая воедино архитектуру знаний, власти и денег и горько жалуясь в сонетах на жадность и воинственность церковных иерархов.

Затем происходит неизбежное: захватив, кроме собственной, чужие социальные функции, церковь перестает справляться со всеми тремя. Социум распадается, Италия охвачена непрерывной чередой войн, после короткого периода расцвета наступает упадок и стагнация. Знание как социальная сила полностью отрывается от церкви и переходит к новой общественной группе – к профессиональным ученым.

Наука возникла в недрах церкви в X-XV веках и поначалу полностью перенимала атрибуты своей породительницы. Плавню и постепенно монастыри теряли свойственный храмов и приобретали все больше общего с современными научно-исследовательскими институтами. Однако первым самостоятельным учреждением именно научного, не монастырского типа, стал университет.

Статус, привилегии и атрибуты высшей школы первые университеты получали из рук и властителей, и церковников (что, впрочем, в ту пору было трудно различить). Болонский университет получил Хартию от Фридриха I Барбароссы в 1158 году. Сорбонна основана духовником Людовика Святого Робером де Сорбоном. Оксфорд возник в 1117 году по указанию Генриха II, который запретил английским студентам учиться в Париже (существует правда, и другая версия, по которой англичане были сначала изгнаны из Сорбонны, а уже в результате возник первый в Англии университет). История Кембриджа началась с бегства студентов Оксфорда из родных стен. Причины и подробности произошедшего неизвестны, но вроде бы в 1209 году двое оксфордских студентов были повешены за убийство или причинение насилия женщине. Вердикт был утвержден самим королем, однако студенты и преподаватели университета сочли его неприемлемым и приостановили занятия. Многие приняли решение покинуть город и стены колледжей. Приют беглецы нашли на берегу реки Кэм, мост через которую, существовавший с 875 года, дал название городу. В 1223 году декрет Папы Григория IX утвердил статус Кембриджа как университета.⁴

Существеннейшим элементом университетского статуса с самого их возникновения стала высокая степень самоуправления. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона так описывает систему руководства в Оксфорде: «Высшими учреждениями Оксфордского университета являются House of convocation и Congregation. В составе первого собрания входят все magistri artium; оно избирает канцлера университета, двух членов парламента от университета; этому же собранию принадлежит высшее право распоряжения университетскими именами и капиталами (право патроната); всякое изменение в статутах университета должно быть утверждено House of convocation. Второе собрание, Congregation, образуют все живущие в самом Оксфорде magistri artium; оно является второй инстанцией для рассмотрения предложений исполнительного органа управления университетом, Hebdomadal council (еженедельный совет). Совет этот составляется из канцлера, вице-канцлера и 18 прокторов (6 представителей колледжей, 6 профессоров и 6 членов House of convocation), выбираемых конгрегацией».⁵ Вполне зрелая демократия.

Самодостаточность университетов выражается архитектурно и даже градостроительски: старейший университет, как правило, это самостоятельная структура размером с небольшой город или поселок. В него входят учебные и административные здания, общежития (кампус) и обслуживающая инфраструктура. Относительная изоляция

университетского городка имеет, по крайней мере, две причины. Во-первых, идеологическая – научная мысль не должна испытывать ежедневное вмешательство текущих проблем. Наука работает на долговременную перспективу (в идеале – на вечность). Вторая причина более прозаичная. Как и церковь, наука и образование вызывает у остальных членов общества двойственную реакцию, где смешалось уважение и гордость с недоверием и враждебностью. Высокопоставленных (яйцеголовых) недолюбливают и подозревают в разных грехах от скрытого безумия до хитрого дармоедства.

Восемь веков старейшие английские университеты успешно функционируют как «фабрики» по производству знаний. Среди оксфордских выпускников – 47 нобелевских лауреатов, а среди кембриджских – 81. Однако Оксфорд лидирует по успешной конвертации знаний во власть: семь из одиннадцати последних премьер-министров Англии – выпускники Оксфорда. Кроме того, в Оксфорде учились восемь иностранных королей и двадцать восемь президентов, включая Билла Клинтона. Кстати, конвертация знаний в деньги тоже протекает вполне удовлетворительно. При годовой оплате в 15-20 тысяч фунтов стерлингов с каждого студента (в зависимости от специальности), основной доход (40,2%) университет получает все же от научной деятельности.

Структура доходов Оксфордского университета в тысячах фунтов стерлингов (данные за 1997 год)⁶

Гранты от HEFCE ⁷	82,474
Оплата за обучение	37,439
Исследовательские контракты	107,031
Другие доходы	39,615
Проценты от вкладов	18,357
Всего доходы	284,916

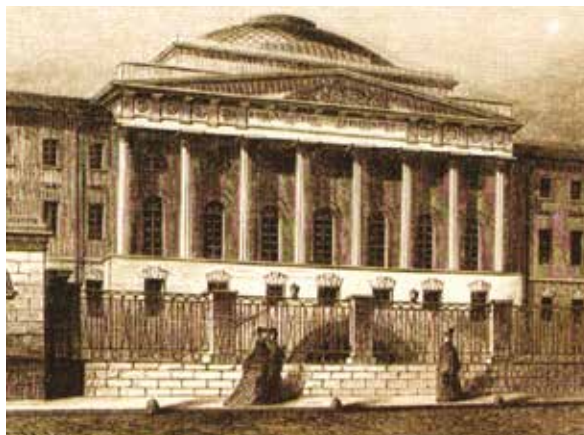
Российская наука и образование знавали и высочайшие взлеты, и достижения. И демократической самостоятельностью российские университеты тоже не были обижены. Скажем, двести лет назад, в 1804 году был принят Устав Санкт-Петербургского университета, по которому не только профессора избирались (а не назначались), но и ректор университета тоже был выборной должностью. По тем временам – неслыханный либерализм. Правда, при Николае I устав изменился, стал более жестким, но в эпоху реформ Александра II снова помягчел. Весь XIX век студенты были выведены из-под полицейского контроля, их судил университетский суд.⁸ Добавим сюда полную идеологическую независимость от господствующей церкви – вот уровень самоуправления, и сегодня выглядящий весьма высоким.

Советская система академических и отраслевых НИИ в купе с государственными высшими учебными заведениями (а других и не было) в 30-60 годах вполне эффективно производила новые знания, как теоретического, так и технологического характера, и успешно конвертировала их в деньги и власть. Даже страшный тиран Иосиф Сталин не посягал на

относительную независимость научных и учебных учреждений. Петр Капица приводит замечательную историю о том, как Берия арестовал молодого Льва Ландау. Обвинения были выдвинуты стандартные: японский шпион, английский шпион... Капица построил свою защиту очень просто: он даже не пытался опровергнуть обвинения, а только повторял: «Он мне нужен». Ландау освободили.

Сам Петр Леонидович Капица был сторонником умеренного вмешательства власти в организацию науки. Он писал в 1943 году: «Неправы те ученые, которые считают, что при свободе творчества научная работа совершенно не поддается планированию, потому что она развивается только стихийно». Однако спустя тридцать лет, в 1973 году, в статье для американского научного общества «Дедалус» Капица указывает две, на его взгляд, основные проблемы советской системы подготовки научных кадров. Первая – слишком позднее приобщение молодежи к науке – после двадцати лет, на старших курсах или после окончания вуза (в аспирантуре). Надо бы начинать на четыре-пять лет раньше. Вторая проблема – преобладание в высшей школе кадров, не занимающихся самостоятельной научной работой. Как можно научить студента научному мышлению, если сам им не владеешь? Капица, правда, приводит один положительный пример правильно организованного вуза – Московский физико-технический институт, но в целом картина не очень-то радостная.⁹ Как шутили тогдашние студенты (и я среди них), если в тридцатых годах середняк пошел в колхозы, то в семидесятых он пошел в науку.

В период своего заката советская власть демонстрирует ту же стратегию, что и католическая церковь восемью веками ранее. Самоуправление вузов и институтов сворачивается, свободный научный поиск заменяется директив-

Городок Оксфорд с птичьего полета. Когда приезжий спрашивает у местного жителя: «Где тут университет?», тот просто показывает руками вокруг себя. Фактически весь Оксфорд – это университет с его 39 колледжами, общежитиями и обслуживающей инфраструктурой. Правда, есть еще рабочие окраины, где шибко умных недолюбливают

4. Химшишвили П. Оксфорд и Кэмбридж – вечные соперники // Британский стиль. 2006. Декабрь.
5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 82 т. и 4 доп. т. Т. 21А (42). М. : Терра, 2001.
6. <http://www.polarcom.ru/~vstv/ref2000/r017.htm>
7. HEFCE (Higher Education Funding Council for England) – государственная организация, финансирующая учебную и научную деятельность высших учебных заведений Англии на грантовой конкурсной основе
8. Тихонов И.Л. Университет в истории России : свобода, равенство и братство // Санкт-Петербургский университет. 2004. № 3-4 (3659-3660). 8 февраля.
9. Капица П.Л. Эксперимент, теория, практика. 3-е изд. М. : Наука, 1981.

Первое здание Московского университета. Стилистика античного храма вполне соотносится с той ролью, которую университет (храм науки) должен был играть в обществе

Главное здание комплекса МГУ на Воробьевых горах (1948 год, группа под руководством Л.В. Руднева). Тщательно соблюдено сходство с фаллической символикой кремлевских башен (власть), но и храмовая торжественность вполне выражена

10. Кандидатская степень – около 5 тысяч докторов США, докторская – около 15 тысяч, диплом – в зависимости от престижности вуза. См., например, сайт <http://www.moscow-diplom.com/disser.html#disser>

ным давлением. Считается уже почти нормальным социалистическое соревнование по количеству опубликованных научных статей. Лозунги типа: «Откроем новую элементарную частицу к очередному съезду КПСС!» – воспринимались безо всякой иронии. Власть в лице партийно-правительственного аппарата пытается взять на себя тотальное управление обществом – включая и деньги, и знания.

В те же годы закономерно создался архитектурный стиль, совсем не похожий на европейские университеты. Унылые, серые бетонные коробки, коридорная система интерьеров, общая безликость и бедность – все это гармонично увязывается в образ покаянный и жалобный. Наподобие монастырей нищенствующих орденов, подавляющее большинство отечественных научно-образовательных учреждений воспроизводили не знания и знающих людей, а послушных мелких чиновников для государственной машины. Ни денег, ни власти, ни, в конечном итоге, знаний.

Сегодняшняя картина российского социума с точки зрения модели «трех сил» выглядит весьма хаотично. Разрушенные еще при Брежнев, эффективные и цивилизованные механизмы взаимной конвертации власти, денег и знаний заново так и не создались. Все смешалось в нашем доме. Политики занимаются бизнесом, а бизнес – политикой. Ученые степени и звания продаются по доступным ценам, не говоря уже о дипломах.¹⁰ Академические институты так настойчиво бьются за сохранение своей недвижимости, что о науке думать почти что и некогда.

Нелепая система государственных стандартов высшего образования фактически запрещает преподавать что-либо, кроме «новостей» пятнадцатидвадцатилетней давности (именно столько времени занимает формирование и утверждение новых стандартов).

С горечью и болью вынужден констатировать: грядущее отечественной науки иль пусто, иль темно. Талантливая молодежь мечтает уехать из страны и активно трудится в данном направлении. Государство громогласно сулит отщипнуть копейку от нефтеприбылей и велит обеспечить научно-технический прорыв в области нанотехнологий, но дальше обещаний с обеих сторон дело не идет. Высшая школа помаленьку переходит на платную основу, а какой же здравомыслящий родитель будет платить за то, чтобы из его отпрыска сделали ученого? В стране реально функционируют два фонда-грантодателя – РФНФ и РФФИ (для сравнения, в США подобных фондов несколько сотен), которые с трудом размазывают крошечный бюджет по многочисленным заявителям.

И все-таки есть что-то невыразимо привлекательное в научной работе. Какой-то трепет священный, прикосновение к тайнам бытия, или уж я не знаю к чему – что заставляет заниматься наукой, не показной и не продажной, уже больше на самодеятельной основе, частным порядком, по личной инициативе. И не все еще храмово-дворцовые здания отобрали у российских университетов. Может, и не будет пусто свято место?

Авторитеты об образовании

Вячеслав Леонидович Глазычев, председатель Комиссии по региональному развитию Общественной палаты РФ, доктор искусствоведения, профессор МАрхИ

Вопрос об образовании в контексте новых проблем градостроительства – тяжеленький вопрос. Как ни странно, пока я вижу только один путь: я с зимы открываю магистратуру. В основном она будет для людей работающих, без «выдергивания их из грядки» (как известно, морковку назад не присадишь). Функционировать она будет по очно-заочной схеме, чтобы они не прерывали свою работу. Короткие сессии, невероятно напряженные, куда будут приглашены сильные люди со стороны. Сейчас я этот проект пробиваю через министерство, пока у меня есть такая возможность, право выскочить из стандарта магистратуры. Мы договорились, что этому проекту присвоят статус федеральной инновационной площадки. В министерстве ребята умеют придумывать такие штуки, не ломая стандартов. Моя мечта простая – вовлечь за несколько лет два десятка людей из регионов, там, где за них готовы платить муниципалитеты или частные девелоперы. У меня уже есть фирмы, готовые заплатить за своего проект-менеджера. Первый круг понемножку собирается. Много мы сейчас не потянем, у нас тоже людей мало. В Академии народного хозяйства Сергей Зуев открыл кафедру муниципального управления. Мы стараемся наши проекты синхронизировать. А в Высшей школе экономики Симон Кордонский тоже открыл кафедру муниципального управления. Мы стараемся сыграть по всем направлениям. В Сколково, где я в академическом совете, есть направление «Проект в социальном пространстве». Социальное пространство всегда локально: оно или городское, или территориальное, чтобы в проект могли войти люди из бизнеса. Я вижу продвижение на всех этих точках. Есть небольшой шанс в Казани такое сделать. Конечно, мечта – расплодиться, чтобы возникло 4-5 точек. Другого способа я не вижу, потому что старая градостроительная школа учила не этому. Милые люди, симпатичные, замечательные, но при словах «инвестиционный проект» у них глаза тускнеют. А надо на новом языке,

в новых правилах игры протаскивать ценности, которые у нас в некотором количестве все же есть. Это реально удастся сделать. В Питере пока не удастся. Не аспирантура, а магистратура. Надо выходить именно на этот формат. Кто же идет в аспирантуру? В наше время это только девочки, которым нечего делать.

Еще одно направление подготовки – это второе высшее образование. Причем я договорился в министерстве, что им не будет мешать, если у меня будет учиться по первому образованию не архитектор, а хоть выпускник лесной академии. Но если он 3-5 лет работает в сфере градостроительства грамотно, то он даже ценнее архитектора. Поэтому какой-то маленький прорывчик есть. Другого варианта не вижу, потому что все, что делается у нас на кафедре градостроительного проектирования, пока ужасно. Задачи безумные. Ну что такое, на 4 курсе жилой район в 60 га? Можно осилить за семестр «зелененькому», на 4 курсе, работать с таким масштабом? Получается «натюрморт». Студенты при этом ничего не узнают о вещах социальных, экономических, управленческих, о технических. Все идет на уровне натюрмортной комбинации. В общем, как когда-то, еще в 70-е годы, один из столпов советского зодчества Евгений Стамо говорил, «хамская власть – хамская архитектура». Против этого нет приемы, но к несчастью, игра до сих пор идет в таком ключе. Преподобней страны нет, а натюрморты делаются по прежней схеме. А девелоперы уже появились. У меня сейчас идет работа – квартал для Омска на уровне ТЗ. Им сделан нормальный проект в советском жанре. Уже даже один дом заселяют, другой достраивают. Они просят нас сделать им другой вариант: они уже чувствуют, что по рыночным меркам качество среды не соответствует тем деньгам, которые они надеются получить. Это они хорошо понимают. И у меня таких клиентов уже десяток.

Десятилетия послевоенные – зенит советской градостроительной школы. Зенит условий той жизни. Это было очень здорово, но это была другая страна. Это ценность, это надо знать, помнить, лелеять, по возможности сохранять. Но это уже памятник. Есть замечательные книжки

по истории архитектуры. И в очаровательной книжке про Венецию нет ни слова про технологию функционирования Венеции как города-государства – это никого не интересовало. А там безумно интересные были не только нормы и правила застройки, дело доходило до разных тональностей колоколов, которые созывали граждан на то или иное действие. Звук колокола вписывался в городское пространство как семантическая единица. В современную подготовку градостроителей нужно втянуть все, что осталось за бортом. Но на нашем сегодняшнем архитектурном языке мы не передадим свои ценности, не получается.

Все, что идет по казенной линии, все так и идет. Российская академия госслужбы дает галочку, хотя лекции там читаются грамотными людьми. А с магистратурой – это образование штучное, хоть главных архитекторов готовь, хоть помощников мэров. Нужны новые методики, а отчасти – преодоление аллергии к расчету.

Скажу вам по-честному, в организованном бизнесе подобного образования нет. Масса людей проходит это обучение, а потом мы двоих из них знаем. Они и в журналах, и везде. От образования никто не умер, но само по себе оно задачи не решает.

У нас в Сколково ситуация: российский декан и международный декан – по правилам игры школа должна быть международной. Российский на две головы умнее, а западный декан его переигрывает. Готовые штампы, готовые схемы на языке таблиц, все слова вовремя произносятся. И удержать смысл оказывается очень тяжело. Тут своих просто нет. А когда мы говорим о профессии, мы в отчаянном положении, московский рынок проектирования захвачен уже «варягами» процентов на шестьдесят.

Почему я все время жужу по поводу саморегулируемых организаций – саморегулируемая организация, которая имеет нормальный фонд, рано или поздно обязательно выходит на переподготовку, на систему образования, на заказ в системе образования, ей-то никто помешать не может.

Кто сейчас выходит вперед? Вузы, которые формировались намного позже, чем МАрХИ. Без прорыва на нескольких ключевых точках нам будет очень тяжело.

Я предлагаю организовать такую систему, где была бы постоянная команда, которая переезжает из школы в школу, проводит интенсивные мастер-классы. Если я сейчас свою магистратуру выстрою по нормальной коммерческой схеме, то смогу вас, к примеру, туда пригласить, потому что у меня будет ресурс. Но вообще надо делать систему кратковременных стажировок, которые привязывались бы к нескольким точкам, куда выезжают магистранты и стажеры. Для этого, конечно, понадобятся независимые деньги. Вся программа нашего образования будет заточена на решении практических задач, начинающемся с обостренной критики конкретных проектно-планировочных решений. Если найдется фирма, казенная или неказенная, которая согласится послать кого-то из перспективных людей, я был бы рад. Схема такой подготовки – две недельных сессии в семестр, остальное – работа в режиме электронной почты и командировок. Без отрыва от основной деятельности. Вопрос не в сумме – мы удерживаемся в стандартах, порядка 400-500 тысяч рублей за два года. Ничего сверхъестественного для мало-мальски дееспособной фирмы или института в такой сумме нет. Я остро заинтересован в этой подготовке на местах. Меня Москва здесь меньше всего интересует, честное слово.

Александр Викторович Кузьмин, главный архитектор Москвы

Я немного преподаю, уже пять лет веду дипломников в МАрХИ, шестьдесят четыре человека у меня уже есть. К сожалению, в архитектурном образовании сейчас больше всего отстает градостроительная составляющая, основная еще на канонах советского градостроения, которые мы сами изучали. А вопросы градостроительства очень изменились. Надо считаться с существованием чужой собственности, законодательной базы, которая разрешает или

не разрешает делать то или иное. К сожалению, студенты, которые выходят из института, со всем этим совершенно не знакомы. Им кажется, что святое для архитектора «я так вижу» – это все, что нужно. Наше архитектурное образование выпускает сейчас людей, не приспособленных к сегодняшней жизни. Они прекрасно рисуют, прекрасно соображают, красиво работают на компьютере, но совершенно не знают реалий сегодняшней жизни. Беда еще в том, что раньше молодые попадали в ученичество и «добирали» профессиональные навыки у своих мастеров; им это компенсировало то, что не давала высшая школа. Тогда не надо было это давать, нужна была фантазия и сила воли, чтобы стать свободным от тех условностей, с которыми придется иметь дело всю жизнь. Сейчас многие выпускники сразу выходят на самостоятельный путь. Это могут быть проекты квартир или других небольших объектов, которые можно доверить молодому. А потом, когда захочется большего, – он не умеет. Он просто не приспособлен. Поэтому я считаю, что не все у нас в порядке в архитектурном образовании с точки зрения реалий сегодняшней жизни.

А дети хорошие, талантливые, но многого не умеют, не знают. Я даже удивляюсь. У нас немного своя система, мы преподаем вместе с Сергеем Ткаченко и с Ириной Марковной Долинской. Дети сразу переходят в мастерскую к Ткаченко, и мы с ними начинаем работать весь год по своей программе. Я пользуюсь служебным положением и дружескими отношениями, у нас читают лекции по градостроительству – Баевский, по земле – Мельниченко, по транспорту – Гурбанев, Кристинин, то есть лучшие. После обязательных лекций – выезд в Берлин, чтобы они своими руками пощупали, что такое современная архитектура. Многое связано с тем, что мы-то учились у людей, которые одновременно работали. Особенно, на старших курсах, те же Солопов, Платонов, Белоусов, они все приходили и вели. А за эти годы сложилась каста людей, которые только ведут. Они сами ничего не проектировали, а после института или комсомола остались в институте. Хорошие ребята, но они жизнь знают с другой стороны. У меня вообще складывается такое впечатление (если говорить про архитектурную школу), что это свой мирок. Мне не нравится в педагогике, что ребенка готовят к диплому: диплом – это верх. А на самом деле это только начало, потому что потом идут архитектурная и взрослая жизнь. А этот мирок замкнут. Есть хороший диплом, а что дальше? Все сначала.

ПРОЕКТ БАЙКАЛ

Дипломы у архитекторов имеют только академическую направленность или все-таки ориентированы на выполнение практических заданий?

АК

Ну почему? Я считаю, что они плохо ориентированы в данный момент. Это мое мнение, я наблюдал. Система была рассчитана на другое – на то, что ты дальше пройдешь ученичество. Хотя, с другой стороны, те, кто поумнее, с третьего курса идут в мастерские, начинают работать. Но, если они пришли к хорошим профессионалам, это одно дело. И совсем другое, когда они начинают расставлять мебель в магазинах (хороший и доходный бизнес). У меня был целый курс, который мебель расставлял. Куда направить детей? Смотря, чего они хотят: или денег заработать, или профессию получить. За рубежом сам деньги платишь, а у нас в институте в основном образование бесплатное, только две группы платных. Может, и в этом тоже дело?

Александр Раппапорт, кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, член международной ассоциации критиков¹

У нас в России университеты у нас, перенесенные с Запада, никогда не переживали того, что пережили университеты на Западе в пору своего становления. Университет – это место свободомыслия. А у нас университет – это просто место подготовки специалистов. Это место для личной коммуникации. Университет – совокупность свободомыс-

1. Полная стенограмма встречи с Александром Гербертовичем Раппапортом в рамках ЗВС-08 опубликована в ПБ17

лящих личностей, а в России и раньше и особенно сегодня – это фабрика дипломов. Но дело приняло и еще более скверный оборот, потому что даже и при таком уровне университетской культуры наши архитектурные вузы лишены и ее. У нас архитектурное, дизайнерское образование извлечено из университетской среды. Оно выделено в особые технические, политехнические институты, где гуманитарные предметы читаются как принудительный ассортимент. А архитектура в этом очень нуждается. В нашем обществе архитектуру не считают собственно гуманитарной дисциплиной, ее долгое время вообще числили по разряду техники. У нас архитектура выделена в технологические школы, и в результате, когда наш архитектор встречается с выпускником архитектурной школы в Лондоне, им трудно найти общий язык, у них совершенно разный менталитет, они по-разному мыслят.

Я не собираюсь идеализировать лондонскую систему образования, там много своих недостатков. Но такая ориентация на личную свободу и самостоятельность, обязательная личностная коммуникация педагога с учеником, глубоко личную. Все, что касается профессиональной подготовки в узко техническом смысле, идет параллельно, чтобы получить лицензию на самостоятельную фирму. Это другая инстанция, которая выдает лицензию на индивидуальную практику, и вы организуете собственную фирму.

Что же до школы, то она, наверное, должна давать студенту здравый смысл, чувство современности в его отношении к истории и какой то особый творческий дух, который в дальнейшем может стать основой профессионального статуса своего рода профессиональный инстинкт.

И этот инстинкт важнее эрудиции и логического или технического педантизма. Я не противник эрудиции, но студенту гораздо важнее схватить этот инстинкт профессионального здравого смысла. И сделать это можно только общаясь со студентом на уровне личности.

ПБ

А как же креативность?

АР

Креативность довольно часто, особенно в юности, развивается как приложение к конкуренции, а конкуренция уходит своими корнями в сексуальность. Все соревнуются, чтобы их заметили. Амбиции связаны с какими-то сексуальными комплексами. Как воспитывать амбиции, не знаю. Это даже смешно. Важно не это. Важно, как креативность сочетается с доброжелательным здравым смыслом. Если эта интуиция соединиться с интуицией здравого смысла и доброжелательностью, тогда рождается не стремление к креативности, а сама креативность. А то до этого она только хочет быть ею. Желание есть, а ее самой нет. Я думаю, в любой школе это очень заметный момент – когда человек хочет быть кем-то, но им не является.

ПБ

Может ли быть приличная школа профессиональной подготовки в провинции? Или только в столице?

АР

Мне кажется, что сейчас только в провинции и может возникнуть приличная профессиональная школа. Потому что учитель в провинции не испытывает конкуренции множества других высокопоставленных лиц как то происходит в столице. В столице каждый педагог находится в жесткой системе равных ему конкурентов. Здесь он забыт властями, никто ему не мешает. Можно пытаться создать крайне индивидуализированный курс. Прекрасно. А в столицах прежде всего приходится доказывать, что ты не верблюд. Если бы я хотел создать свою школу, я бы ее не в Москве создавал, а поехал бы к вам или в другой небольшой город. Начал бы работать с теми любимыми студентами, не надо никакого отбора. Нужно только самому любить свое дело и учить тех, кто действительно хочет научиться делу, а не диплом получить.

Архитектурная наука и дополнительное профессиональное образование: есть ли перспективы для диалога?

текст
Юрий Волчок

Взаимоотношения между наукой и образованием, в том числе – архитектурной наукой и образованием в архитектуре по сей день привычно однонаправлены. Наука – обретает новое знание. Образование – распространяет, транслирует его.

В наши дни ситуация, т.е. взаимоотношения между наукой и образованием не столь очевидны, а модальность однонаправленности рушится буквально на глазах. На это есть множество оснований, как в сфере науки, так и в самом образовании; при этом серьезным изменениям подвержена и проектная архитектурная деятельность.

Можно утверждать: в наши дни созревают изменения в трактовке сути архитектурной деятельности и, как следствие, интерпретация, понимание общекультурных ценностей, которые увязаны с архитектурой значительно глубже и серьезнее, чем принято считать. Для этого достаточно проанализировать вновь принятые законодательные документы: градостроительный кодекс, в итоговых редакциях которого буквально в последний момент появилось слово «город», но понятийное содержание его свелось к минимуму. Еще суровее, радикальнее отнесся к архитектуре, результатам архитектурного творчества закон об охране памятников. Новый закон призван охранять объекты историко-культурного наследия, а не архитектуры. (Архитектура «выпала» из названия закона).

Переход на рубеже уходящего 2008 года всего комплекса архитектурной, проектной и строительной деятельности на новые организационно-экономические и правовые отношения на основе саморегулирования, без сомнения, также должен существенно откорректировать содержание и структуру дополнительного образования, нацеленного на выявление сути современного, а, точнее, перспективного, ориентированного в будущее качества архитектурного профессионализма.

Судьба ценностей архитектуры представляется методически важной и для профессии, и для полноценной ориентации в ценностях культуры и в наши дни, и в перспективе. Возвращение интереса к профессиональной жизни в архитектуре может иметь серьезное методологическое значение и для всей системы непрерывного образования, поскольку архитектура как профессиональный способ мышления и деятельности в материале не зависит от материала (предмета) профессиональных усилий. Философия и методология науки в течение всего XX века, в частности, но, кстати, не только его, демонстрируют достаточно устойчивый интерес к архитектурному мышлению, конструктивистской методологии и проектному творчеству. В наше время этот интерес нужно признать особенно своевременным и всячески содействовать его укреплению и развитию.

Архитектурная наука в логике и контексте общественного развития в последние 15-20 лет практически утратила потребность в прогнозировании будущего, в том числе: кратко- и среднесрочного.

Проблематика города будущего – звучит сегодня скорее как ностальгия по временам, в равной мере, сорока и восьмидесятилетней давности, когда она была буквально в эпицентре научных и проектных, а, точнее, научно-проектных изысканий.

В профессиональном архитектуроведении и градостроительной науке в постсоветской России произошло серьезное методологическое замещение. Социальные утопии приравнивали к градостроительному, проектному мышлению. Взгляд в будущее из профессиональной потребности и обязанности архитектурной науки превратился в оценочный и очевидно негативно окрашенный фактор архитектурно-градостроительного творчества, но обсуждение всего, что связано с темой города будущего (в терминах 1960-70-х годов) или, уместнее прозвучит сегодня, проблематики города в будущем, вновь становится все более востребованным. При этом желательно – каждого города «персонально», лично и говорить не столько о градостроительстве, сколько о градостроительстве. И еще сложнее – настало время сконцентрировать профессиональный, общественный и государственный интерес на проблемах архитектуры. Архитектуроцентризм, «культ архитектуры» как ядра профессионального мышления и деятельности в противовес «культу личности» может способствовать совершенствованию качества и профессионализма в самых разных сферах деятельности, разумеется, и в самой архитектуре, а также – повышению уровня (качества) жизни в нашей стране.

Прогнозное знание – это и формирование полноценных тенденций в преемственности развития городов, внедрения новых технологий, материалов и инженерных систем. Понимание современного содержания междисциплинарных подходов к формообразованию, проектированию качественных объектов вынуждает перейти от профессионального мышления как смены «статических картин» к динамическому, постоянно меняющемуся представлению о «картине мира» и ее архитектурно-конструктивном осмыслении.

Дополнительное (послевузовское) образование, остается на сегодня едва ли не единственной сферой профессиональной деятельности в архитектуре, которая объективно заинтересована в формировании прогнозного знания, и этот интерес имеет реальную перспективу для своего развития; принятие Болонской конвенции о высшем (профессиональном) образовании, в том числе и в архитектуре, не только сокращает его срок, но и переориентирует его на овладение в основном практическими ремесленными навыками специалиста, а не воспитание творческой личности. Разумеется, исключая при этом из образовательного процесса, в первую очередь, художественные дисциплины и гуманитарное знание, чтобы об этом не говорилось сейчас при формировании образовательного стандарта нового (третьего) поколения.

Дополнительное профессиональное образование таким образом объективно призвано на сегодня изменить содержание рутинно привычной последовательности: архитектурная деятельность – архитектурная наука – образование – повышение квалификации.

Обращаясь за дополнительным образованием, архитектор реализует вполне очевидную мотивацию – обрести новое качество и новые возможности профессионального совершенствования и востребованности. Отсюда, закономерен его интерес к ближайшей перспективе в развитии профессии, ориентации в современных тенденциях ее бытования. Иными словами, дополнительное образование должно уметь сориентировать в закономерностях, формирующих ближайшее будущее архитектуры, буквально спроектировать его; при этом, как и в реальном проектировании проект будущего – результат междисциплинарной деятельности.

Обоснование ценности проективного подхода на рубеже первого десятилетия XXI века. О проектном образовании как, по сути, альтернативе традиционного обучения, спо-

собного в основном передавать уже существующее знание, достаточно активно стали говорить также в последние 15-20 лет. Думаю, что это не случайное совпадение с событиями нашей отечественной социальной истории последнего времени. Проектное образование – ориентировано на обретение, а точнее – формирование нового знания, конструирование его в процессе проектирования, как «способа решения (собственно) жизненных проблем».

«Проектирование в проективном образовании предполагает не решение готовых задач, а генерацию, формулировку и разработку идей, замыслов и проектов в широком социальном контексте, как проблем, возникающих в самой социальной жизни и до того, как они приобретают форму технических задач»¹ – утверждает Г.Л. Ильин – один из наиболее активных, насколько я знаю, адептов проективного образования в нашей стране.

Есть необходимость оговорить здесь принципиальную разницу между обучением методом проектов, известным еще с начала 1920-х годов, и проективным образованием, не столько доступным, сколько формирующимся в наше время.

Проект в проектном обучении отличается от проекта в проективном образовании не только масштабом (учебная деятельность и жизнедеятельность), но и местом в структуре образовательной деятельности.

В методе проектов проект – средство обучения, средство усвоения определенного учебного материала. Так В.Х. Килпатрик определял в свое время метод проектов как «метод планирования целесообразной (целенаправленной) деятельности в связи с разрешением какого-нибудь учебно-школьного задания в реальной жизненной обстановке»². В проективном образовании ситуация иная, более тонкая, по сути своей обратная – разработка проекта – цель обучения, которая возможно будет достигнута, так как может быть изменена или отброшена, а может быть включена в другую уже в ином качестве – в качестве средства достижения образовательных целей. В проективном образовании не «учебно-школьные задания» получают разрешение в жизненной обстановке, а напротив, жизненные проблемы моделируются, проектируются средствами образования, или, еще точнее – в сфере образования. Поскольку я вспомнил здесь Килпатрика, то стоит назвать еще несколько имен, весьма известных в 1920-е годы: Д.Дьюи³, К. Сводковского⁴, А. Кораблеву⁵ и др.

Роль проекта в проективном образовании весьма близка по концепции содержанию архитектурного проектирования. Книга М.Я. Гинзбурга «Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры» вышла в свет в 1924 году⁶. Она посвящена формированию стиля – метода конструктивизма. В логике данного разговора важно подчеркнуть, что она направлена именно в будущее. Речь идет о становлении конструктивистского подхода, которое обрело в авторском послые такой импульс, что и по сей день у нас больше оснований говорить о полноценном прочтении конструктивистской методологии скорее в будущем и для нас, нежели в исторически конкретном прошлом. Процесс формирования архитектурного метода проектного мышления становится актуальным предметом, вокруг которого может сложиться содержание дополнительного профессионального образования и не только в архитектуре.

И поэтому вполне уместно провести еще одну параллель: книга «Деконструктивизм» (1992 г.), опубликованная издательством «Academia» в Лондоне, открывается большой статьей Катерины Кук о наследии советского авангарда 1920-х годов. «Конструктивизм и деконструктивизм», по замыслу авторов и составителей этого академического издания, объединяются в целостную, хотя внешне и альтернативную пару. Методически важно, тем более важно для осмысления процесса проектирования будущего, преодоление альтернативы «или-или». Или конструктивизм, либо деконструктивизм. Важнее их совместное смысловое сосуществование: и то, и другое вместе. Причем это сосуществование реализуется в контексте содержания философской концепции, в данном случае – Ж. Дерриды,

1. Ильин Г.Л. Философия образования. М., 2002. С. 114.
2. Килпатрик В.Х. Метод проектов. СПб: Брокгауз, Эфрон, 1925.
3. Дьюи Д. Дальтонский лабораторный план. М., 1924.
4. Сводковский К. и др. Дальтон-план в применении к советской школе. М.Л., 1923.
5. Кораблева А.Я. Метод проектов в советской школе. Л., 1928
6. Гинзбург М.Я. Стиль и эпоха. Проблемы современной архитектуры. М., 1924.

большое интервью с которым и его тематический текст включены в структуру книги, позиционируемую издательством как архитектуроведческую.

Обучение по методу проектов, восходящее к 1920-м годам и имевшее тогда столь существенное значение для формирования системы образования именно в нашей стране, и современное, а, скорее, – будущее проективное образование также видимо составляют неразрывную пару, которую объединяет в единое целое судьба концепции жизнестроительства, начиная с эпохи авангарда, так и в дальнейшем – ближайшей и более отдаленной перспективе. Можно и нужно сравнивать эти пары между собой и, в первую очередь, обращает на себя внимание разнонаправленность векторов их составляющих: проективное образование более тяготеет к конструктивности, а метод проектов – несет в себе даже по мнению его разработчиков достаточно ошутимое деструктивное начало. Идеи проективного подхода и призваны это «противостояние» преодолеть, найти полноценное, целостное решение.

Суммируя, в первую очередь, важно зафиксировать роль и место взаимоотношений философии и архитектуры в дополнительном профессиональном образовании и особенно в его проективной реализации.

Если мы говорим, что проект – есть результат междисциплинарных усилий, то их полноценное приложение возможно только в пространстве философски ориентированного мышления. Построение системы послевузовского дополнительного профессионального образования в архитектуре, ее содержание и организация – довольно точная модель и реальный показатель не только состояния взаимоотношений архитектуры и общества, архитектуры и государства, но и уровня профессионализма, способного прогнозировать и проектировать перспективы устойчивого развития образовательных усилий практически для всех специальностей, в первую очередь, воспринимающих себя как творческие. Отсюда, формирование самоценной многоуровневой системы дополнительного профессионального образования в архитектуре, направленное с очевидностью на повышение качества проектного творчества и архитектурно-строительной деятельности в целом, имеет, на наш взгляд, и общеметодологическое значение для сложения всего комплекса проективно ориентированного непрерывного образования, отвечающего современному видению перспективы совершенствования образовательных процессов в нашей стране.

Содержание и структура возможной концепции дополнительного профессионального образования в архитектуре. Послевузовское образование традиционно реализуется в двух направлениях: подготовка кадров высшей квалификации (аспирантура и докторантура) и дополнительное профессиональное образование специалистов (повышение квалификации, переподготовка, новая специализация и др.).

Здесь внимание в основном сосредоточено на втором направлении – дополнительном профессиональном образовании в архитектуре. Это не означает, что в сфере подготовки кадров высшей квалификации нет проблем. Но их разрешение требует не столько теоретического осмысления, сколько желания договориться между собой всем, от кого зависит будущее подготовки кадров.

В частности, открытый по сей день вопрос о проектной аспирантуре в архитектуре. Ситуация действительно сложилась несколько странно. В высшей архитектурной школе учат проектированию. Проект – основная форма реализации творческих усилий в архитектуре. На следующей ступени совершенствования профессионализма было бы закономернее углублять проектное мышление и навыки. Или, как минимум, именно проект должен был бы оказывать в эпицентре образовательных усилий.

На практике в подавляющем большинстве случаев этого не происходит, а происходит замещение одного вида деятельности – проектной, другим – исследовательским.

Архитектор по диплому, после окончания института, поступив в аспирантуру, становится архитектором-исследователем. В этом нет ничего противопоказанного сути архитек-

турного профессионализма, но определенное противоречие здесь есть и снять его можно только одним способом. Ввести наряду с аспирантурой исследовательской и аспирантурой проектной. По окончании которой, разумеется при успешной защите, присваивать квалификацию и звание кандидата архитектуры, равно как после успешного завершения обучения и защиты в исследовательской аспирантуре присваивать звание кандидата или доктора архитектурных наук.

Архитектура и архитектуроведение при таком подходе могли бы, разумно дополняя друг друга, естественным образом развиваться, представляя более широкий спектр возможностей для совершенствования в равной мере и творческим архитекторам, нацеленным на практическую работу в профессии и тем, кто предпочитает заниматься наукой, и именно с ней связывает свое будущее.

При желании согласиться с такой постановкой проблемы, внимание необходимо сосредоточить скорее на организационно-методических вопросах, нежели на теоретических и методологических аспектах ее. Кроме того, нелишне вспомнить, что у нас есть серьезный опыт проектной аспирантуры в первой Академии архитектуры в 1930-40-е годы.

О таком подходе к организации архитектурной науки и совершенствования проектного творчества говорят уже давно. Но перспективы для реализации этой концепции пока не просматриваются. Дополнительное профессиональное образование, которое тоже пришло время реформировать и объединить его в целостную систему, своевременно было бы дополнить определенным числом архитектурных школ-мастерских при Центре дополнительного профессионального образования в МАРХИ (поскольку здесь легче осуществить координацию с УМО по архитектурным специальностям).

Об этой идее мы также говорим уже давно, но добиться полноценного правового статуса для такой формы дополнительного профессионального образования пока не удастся. Но реально меняющаяся ситуация в организации проектного дела и приведение базового высшего архитектурного образования к статусу бакалавра в совокупности дают основания вернуться к внедрению такой формы ДПО.

В дополнительном профессиональном образовании архитекторов в целом, на наш взгляд, дела также складываются проблематично. Краткосрочное повышение квалификации (72 часа) сводится, как правило, к информированию специалистов о сиюминутных изменениях в правовой и нормативной базе архитектурно-строительной деятельности, консультациям, в основном, по вопросам, связанным с тем, как избежать тех или иных организационно-административных неприятностей в повседневной практической работе.

Дополнительное профессиональное образование преследует качественно иные цели: дать заинтересованному архитектору не столько ориентацию в сегодняшних, читай, – уже вчерашних, проблемах его существования в профессии, сколько устойчивую перспективу его дальнейшего углубленного профессионального совершенствования. Таким образом, уже в самой постановке вопроса кроется необходимость (потребность) диалога ДПО и архитектурной науки.

ВУЗ ориентирован на традицию получения базового знания. Обучение в нем в точном смысле слова консервативно и в этом отношении вузовское образование моделируется как закрытая система, ориентированная на себя самое. Оно интровертно – по определению, так как призвано привнести студенту основы профессионализма.

Стадия послевузовской адаптации к профессиональной жизни более динамична. Ее задачи радикально иные: дать возможность специалисту ориентироваться в текущей ситуации и найти свое место, свое направление движения к мастерству, высокому профессионализму. Очевидно, что послевузовская стадия обретения новых знаний и навыков – система открытая и в значительно большей степени подвержена влиянию на профессиональную жизнь текущего времени.

Эти две системы находятся в постоянном взаимодействии. Точнее они должны быть взаимосвязаны. Еще правильнее говорить о том, что необходимо найти прием их взаимосвязи в единое целое, адекватный нашему времени и существованию профессии архитектора в нем, а также формированию понимания тенденций на будущее.

Рассмотрение «узла» перехода от замкнутой, закрытой системы базового образования к открытой и динамичной системе послевузовского дополнительного профессионального образования может стать предметом собственно теоретического осмысления.

При этом объективная реальность такова, что мы обсуждаем нашу проблему в ситуации, когда общество и государство в целом переживают по сей день теоретически близкую ситуацию перехода от замкнутой системы своей организации к открытой и динамичной системе своего существования.

Возможно точнее говорить о том, что столь остро нашу внутрипрофессиональную проблему мы ощущаем именно на фоне и в контексте проблемы общегосударственной и общественнозначимой.

Взаимоотношения архитектуры с обществом и государством – на протяжении практически всего XX века стали одной из самых острых проблем как профессиональной жизни, так и культурного развития страны.

Построение системы послевузовского профессионального образования в архитектуре, ее содержание и организация – довольно точная модель и реальный показатель гармонии взаимоотношений архитектуры и общества, архитектуры и государства.

Переходный период в состоянии общества – мы склонны рассматривать как временный, оно (общество) тяготеет к стабильности. Понятие «устойчивое развитие городов», широко обсуждаемое в наши дни, как бы подчеркивает эти устремления.

Ситуация перехода от одной стадии образования к другой – в нашем случае требует не столько преодоления, сколько понимания закономерностей и устремлений к динамичности послевузовской профессиональной жизни.

Пожалуй, уместно говорить о том, что устойчивая определенность в обществе и в городском развитии должна поддерживаться интенсивной подвижкой (постоянным состоянием перехода) в сфере профессиональной специализации. Эта стадия – послевузовское дополнительное профессиональное образование – должна быть безупречно динамичной.

Реализация такого подхода обретает смысл и авторитет в профессиональном сообществе только в том случае, если она неразрывно связана с научным и проектным (предпроектным) опытом. И это единение важно оформить организационно, поскольку центры ДПО должны иметь свое творческое «лицо», постоянно занимаясь научными и предпроектными исследованиями, экспериментальным, поисковым проектированием, быть инициаторами в проведении научно-творческих конференций, семинаров, выставочных программ, в том числе и международных. Тогда дополнительное образование реализуется как со-участие, со-творчество, в процессе общего дела, с общей, кстати, заинтересованностью в конечном результате. Отсюда, вполне логично и органично вытекает совмещение индивидуальных интересов каждого из участников той или иной общей (научно-творческой по содержанию) программы.

К сожалению, образовательный стандарт и время, отпущенное на студенческое обучение, не дают возможности войти во множество содержательных деталей того или иного предметного знания в архитектуре. Зачастую, это новое – «дополнительное» знание может предоставить возможность совершенно по-иному осмыслить стереотипно привычное толкование многих профессиональных ориентиров в архитектуре. Приведу только один пример обретения нового знания, непосредственно увязанного с долгосрочной программой дополнительного профессионального образования «Диалог архитектора с городом». Эта программа

получила несколько конкретных результатов: крупные международные выставки, конференции, публикации. Но, пожалуй, объединить их может именно обретение нового знания о взаимоотношениях урбанистов и дезурбанистов в нашем градоведении – как и с какой мотивацией зачинался процесс качественно различного отношения к городу. А это уже в полной мере принадлежит архитектурной науке и означает: на заявленный в заголовке статьи вопрос есть основания дать и положительный ответ.

Урбанисты и дезурбанисты: культурологический эксперимент. Я хотел бы сосредоточиться здесь на показе возможностей и отдаленных следствий конструктивистской методологии применительно к обсуждению урбанистической проблематики, поскольку есть основания соглашаться с А. Ахиезером в том, что проблемы урбанизации (в самом широком диапазоне содержания этого понятия) еще далеки от своего благополучного разрешения⁷.

Для этого нам вновь придется вернуться на 80-85 лет назад и вспомнить основные «фрагменты» конфликта концепций урбанистов и дезурбанистов в 1920-х годах.

Исторические события тех лет и то, как формировались реальные тенденции (урбанистические и дезурбанистические) изложены в двухтомнике С.О. Хан-Магомедова. При этом С.О., как впрочем, это у него принято, достаточно беспристрастно, как бы отстраненно, реконструирует общую картину непростых взаимоотношений, сложившихся в ОСА к этому времени⁸. И я думаю, что расслоение участников Объединения на приверженцев системы соцрасселения и дезурбанистов, – скорее следствие этого процесса, нежели его причина. Но это ближе к финалу этих событий. А в начале? Для меня очень важно, что формирование «лабораторного эксперимента» по осмыслению двух концептуально разных подходов к организации системы расселения: урбанизированной, так как ее интерпретировал Сабсович, и дезурбанистской, в понимании Охитовича, на первых этапах ее формирования, происходило в границах конструктивного подхода к архитектуре и градостроительству.

Надо зафиксировать, что на этот эксперимент пошли именно лидеры ОСА: А. Веснин и М. Гинзбург, взяв на себя вполне жестко регламентированные ролевые функции. Первый стал лидером урбанистической направленности, а второй – представлял интересы дезурбанизма. Конструктивистский метод заработал в полной мере.

Здесь нужно сделать одну очень важную оговорку. Мы обсуждаем взаимоотношения между урбанистами и дезурбанистами сегодня, спустя практически 20 лет бытования в постсоветском пространстве. Это одна сторона дела и следствие ее – социоэкономические концепции Сабсовича и его оппонента воспринимаются теперь совсем на другом интеллектуальном фоне, нежели это было возможно (доступно), скажем, четверть века назад.

С другой стороны, нельзя не зафиксировать внимание на том, что за это время в мире опубликовано великое множество книг и других крупных работ о методологии конструктивизма и о роли в его становлении архитектуры советского авангарда.

На этом фоне концепции соцгорода и дезурбанизма из сегодняшнего дня воспринимаются полноценно, только «поменявшись местами». Строго говоря, идеи Сабсовича лимитировать развитие городов малой численностью 30-50 тыс. жителей (уже тогда, кстати, не могли понять, каким образом ограничивать численность населения в них), в предлагаемой им логике приводили к тому, что речь шла не столько о городах, сколько о рабочих поселках (слободах) при крупном производстве. Исторические города просто выпадали из такого рассмотрения. Они, равно как и крупные города становились скорее исключением из правила, поскольку практически не участвовали в сложении вновь обретаемой системы урбанизации.

Дезурбанисты были ближе к идее подлинной урбанизации в организации пространства. Складывается впечатление, что лидеры течений понимали это и не зря в редакции журнала СА было принято решение отдать

7. Ахиезер А. Труды. Раздел «Специфика российской истории». М., 2006. С. 38-40.

8. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Т. II. М., 2001. С. 220.

9. Там же
 10. Canella G, Meriggi M. SA *Sovremennaja Arhitektura* 1926-1930. – Milano, 2007. – Раздел "Moisej Ginzburg o dell'eucostruttivismo". – С.9.

целый номер под изложение концепции дезурбанистов. Закономерно парный ему выпуск журнала с предъявлением позиции «урбанистов» не вышел в свет.

Несколько дополнительных штрихов: в статье, оценивающей деятельность дезурбанистов с точки зрения их оппонентов, нет ни конфронтации, ни критики, ни дискуссии.

В теоретических «тезисах» противостояние дезурбанистов и их оппонентов не прочитывается. Если оно и возникает, то только при обсуждении проектов, а, главное, в разном восприятии актуальности времени.

Основная группа членов Общества современных архитекторов озабочена реализацией идей градоформирования немедля. Дезурбанисты работают на будущее, допуская необходимость переходного периода в то время, когда подлинно урбанистические идеи станут актуальны.

Строго говоря, между ними не было и не могло быть конфликта, так как они работали на разное время, полноценно дополняя друг друга. Их наработки, при желании, методически легко «складывались». «Линейный город» дезурбанистов мог вобрать в себя соответствующим образом сформированную систему соцгородов – поселков при производствах.

Секция социалистического расселения (дезурабанисты) для переходного периода предложила четыре основных принципиально различных способа планировки, каждый из которых был обозначен своим термином.

В докладе заказчика работ Секции – Президиума Госплана – эти четыре типа планировки прозвучали достаточно мягко и информативно: «первый тип – это экономический район или, вернее, микрорайон, причем, каждый район имеет свою определенную физиономию, которая у разных районов бывает различна.

Второй тип: сейчас и американцы, и наши строители строят нам предприятия – гиганты, да и старые наши гиганты, которые пользуются еще старой техникой, мы их разгрузить не можем...

Третий тип – для регионов чисто добывающих, где нет центров.

Самый последний тип – это когда добывающий район делается одновременно и центром обработки... Это уже планировка дисперсная»⁹.

Я не собираюсь здесь анализировать предлагаемые планировки. Отмечу только, что их четыре, и это дает основание говорить об объемлющей целостности методологического подхода к формированию концепции дезурбанистов в границах их собственно архитектурно-строительной деятельности. Поэтому выглядит вполне закономерным, что при переходе команды М. Гинзбурга в 1931 году в Гипрогор (без Охитовича), их подразделение называлось «Секция сборного строительства и планировки».

Уместно вспомнить, что Н.А. Ладовский к этому времени (с 1928 года) возглавлял выделившуюся из АСНОВы АРУ (объединение архитекторов-урбанистов) и ему принадлежит концепция планировочной схемы динамического города и неотъемлемая его часть – авторское свидетельство на жилище из сборного железобетона с объемными былыми ячейками-кабинами. Эта работа Н.А. Ладовского как бы выполнена по плану «секции сборного строительства и планировки» Гипрогора под руководством М. Гинзбурга.

Максимализм в постановке задачи и формулировке методологии ее решения привел к тому, что профессиональные интересы и возможности методологии конструктивизма и рационализма нашли уровень взаимопроникновения, взаимодополнения. Профессия архитектора набрала в нашей стране действительно максималистскую высоту. Но к этому времени кончался 1931 год и уже очень скоро интересы и задачи архитектуры переместились в другую плоскость. Конструктивистский метод должен был искать себе иную сферу приложения усилий. Конструктивистское мышление в архитектурно-строительном творчестве на время оказалось не востребовано. Но только на время. Сегодня интерес к этой методологии обретает все более устойчивый, глубокий и расширяющийся интерес в мировом профессиональном сообществе. Гвидо Канелла, один из наиболее авторитетных архитекторов и исследователей в сегодняшней Италии, многие годы занимается изучением роли архитектурного авангарда двадцатых годов прошлого века в мировом зодчестве. Одна из самых последних его публикаций на эту тему озаглавлена «Моисей Гинзбург и евроконструктивизм»¹⁰. Но это уже научный результат другого долговременного (международного) проекта дополнительного профессионального образования, который непрерывно реализуется в последние 10 лет...

О двух подходах к обучению градостроителей

текст
 Юрий Бочаров
 М. Шумилов

В 2008–2009 годы российская высшая школа перейдет на международные общеобразовательные нормы и будет ориентироваться на единую систему высшего образования с Европой и Америкой. Международный опыт свидетельствует, что междисциплинарная и внеархитектурная подготовка планировщиков городов в колледжах при архитектурно-строительных и технических университетах перспективней градостроительной специализации в автономных архитектурных школах, как это сложилось в СССР.

Профессия планировщика городов начала складываться в середине XIX века вне архитектурной профессии в процессе урбанизации стран мира. Первоначально возникнув в Испании (И. Серда)¹ и в Германии (Д. Хобрехт), специализация в сфере планировки и санитарии городов после 1890 года постепенно стала ведущей дисциплиной подготовки инженеров-планировщиков и менеджеров для местных и городских самоуправлений. В Англии специализация по планированию городов стала развиваться на рубеже XX века в Ливерпульском университете (П. Аберкромби). В США первая национальная конференция планировщиков состоялась в 1909 году по инициативе Д. Бернхема. Выпуск дипломированных планировщиков начался в Гарвардском университете в 1929 году. Американское общество (союз) планировщиков городов, куда кроме них входили юристы, экономисты, транспортные инженеры и другие, возникло в 1934 году, и затем при 30 университетах страны были

созданы колледжи для подготовки дипломированных планировщиков. Во Франции школа урбанизма основана Марселем Поэтом в 1919 году, и с 1924 года она стала факультетом Парижского университета.

Россия остается одной из немногих стран мира, где до начала XXI века нет дипломированных планировщиков городов (градостроителей, урбанистов). Монополия на планирование городов сохраняется за сферой профессиональной архитектуры. Сегодня в стране 52 архитектурные школы, где градостроительство изучается не как специальность, а как прикладной раздел архитектуры.

Поэтому главными критериями в градостроительстве остаются субъективные эстетические оценки, архитектурная композиция, архитектурные ансамбли площадей, охрана исторического наследия и ландшафта. Социально-экономические, демографические, транспортные, инженерные, гигиенические и политические последствия развития населенных мест недооцениваются.

В СССР общество архитекторов-урбанистов (АРУ) возникло в 1930 году (председатель Н. Ладовский). В 1931 году Совет народных комиссаров СССР одобрил проведение в Москве Международного конгресса урбанистов. Но вскоре въезд в страну иностранных делегатов был запрещен. В 1933 году СССР вышел из состава Международного союза городов, основанного в 1913 году по инициативе Германии и России. В 1934 году после социально-экономической дискуссии в Коммунистической

1. Первая в мире научная работа по исследованию грядущей урбанизации Западной Европы опубликована общественным деятелем и транспортным инженером Ильдефонсо Серда в Барселоне в 1868 г.

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Общий выпуск	1720	1880	2005	2100	2200	2300
Градостроительство (специализация) %	212 15	194 13	241 15	319 19	370 16	240 10,5

Таблица 1
Выпуск архитекторов
(2003 – 2008)

академии между урбанистами и деурбанистами развитие профессионального градостроительства по западным образцам было осуждено Пленумом ЦК КПСС. Общество урбанистов было объединено в единый союз с архитекторами. Многие муниципальные планировщики были репрессированы, в том числе руководитель проекта Большой Москвы инженер и муниципальный планировщик А. Шестаков. Лидер дезурбанизма и сторонник внеархитектурной модели планировщика М. Охитович был расстрелян.

Старинный ремесленнический цех архитекторов вытеснил европейски образованных муниципальных инженеров из сферы руководства планировкой городов, чтобы обрести новую общественную роль в условиях становления коммунистической общественной системы и господства общегосударственной собственности на недвижимость и землю. Отрицание достижений теории планирования городов, ее экономической, социальной, транспортной и технической подсистем имело примерно те же отрицательные последствия для России, как осуждение ЦК КПСС в 1940–50 годы достижений генетики, социологии и кибернетики.

После распада СССР отмечается возросшее значение градостроительства в жизни страны. Создано Министерство регионального развития РФ, принято решение о формировании Совета по вопросам градостроительства при Правительстве РФ. Принятый национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» также предопределяет насущную потребность в решении градостроительных проблем, связанных с резким увеличением объемов жилищного строительства и освоением обширных земельных ресурсов, оборудованных инженерно-транспортной инфраструктурой.

В сентябре 2007 года Министерство образования и науки РФ издало приказ № 265 «О направлениях подготовки (специальных) высшего профессионального образования» и создало новое для России направление 270400 «Градостроительство». Это направление закреплено за Учебно-методическим объединением высших учебных заведений Российской Федерации по образованию в области архитектуры. Но согласно федеральному закону «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации», принятому Государственной Думой в октябре 1995 года, профессиональная деятельность архитекторов ориентирована не на градостроительные проблемы, а на создание архитектурного объекта, т.е. здания или комплекса зданий, их интерьеров и благоустройства прилегающей территории (статья 2 и 4). Поэтому приказ Министерства образования и науки от 27 сентября 2007 года ориентирует на продолжение советской традиции, т.е. подготовку градостроителей на основе внутриархитектурной модели.

Почти весь прошлый век СССР прожил практически в изоляции от остального мира. При кажущейся радикальности перемен, уровень интегрированности России в глобальные процессы относительно невысок. По индексу глобализации, ежегодно публикуемому в журнале Foreign Policy, в 2006 году Россия оказалась на 47-м месте из 62, включенных в список. Следовательно, наша вовлеченность в современный мир значительна лишь относительно недавнего советского прошлого, но на общемировом фоне невелика, а значит, главные трудности вхождения в глобализованный мир у городов России еще впереди. В настоящее время выпуск архитекторов-планировщиков ничтожно мал (табл. 1).

Наша городская система плохо справляется с той важнейшей функцией, которую выполняют крупные города развитых стран: речь идет о распространении по территории страны нововведений, поступающих к нам извне в результате глобализации – от Интернета и международной финансовой системы до инновационных технологий. Эти процессы будут неизбежно запаздывать,

и разрыв между регионами России – донорами и регионами-реципиентами, и без того значительный, станет увеличиваться.

Отсутствие четкой программы развития регионов и поселений России привело к случайному размещению жилой застройки, что еще больше усугубило и без того тяжелую ситуацию в жилищной сфере страны. По данным Ассоциации строителей России, более 60% из 19 млн жилых зданий старше 30 лет. Ветхий и аварийный фонд (по данным Госстроя) к началу 2007 года составил 93,5 млн м², а ведь именно к этой категории застройки относятся жилые здания исторической части большинства городов России. Износ основных фондов жилищно-коммунальной инфраструктуры и энергетики практически перешагнул критический порог – 70%. Дополнительная нагрузка на инженерную инфраструктуру, создаваемая новым уплотнительным жилищным строительством, приводит к сбоям с подачей электроэнергии, горячей и холодной воды и в старую застройку, и в новую.² Если добавить территориальные, социокультурные, демографические, экологические, транспортные проблемы, то ситуация выглядит критической. За последние 15 лет опустело примерно 10 тысяч сельских поселений, около миллиона жителей покинули малые города.

В настоящее время неэффективная «архитектурная» модель градостроительного образования все еще является единственной в России. По программе подготовки архитектора широкого профиля со специализацией «градостроитель» в ограниченном числе (200–300 человек в год) готовят в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Самаре, Казани, Иркутске, Екатеринбурге и других городах. В то же время современная Россия нуждается в 30–35 тысячах дипломированных градостроителей. Если их готовить по современным темпам (табл. 1), то нам понадобится 25–30 лет.

В подготовке специалистов планировщиков городов имеются стратегические недостатки. В их числе – слабая подготовка в сфере городского менеджмента, рыночной экономики и градостроительного права, инженерно-транспортных проблем современного города. Кроме того, во время своего обучения в специализированном архитектурном вузе архитектор-градостроитель не имеет контактов со своими коллегами «смежных» специальностей – экономистами, социологами и т.п. – как это практикуется в зарубежных школах при обучении планировщиков и урбанистов в стенах университетов и многофункциональных колледжей.

Подготовка специалистов, связанных в своей деятельности с градостроительством, но не готовых решать весь сложный спектр городских проблем, ведется в различных вузах. Например, учебные планы географических факультетов, помимо геоурбанистики и территориального планирования, включают дисциплины по промышленности, географии транспорта, экологии регионов России, вопросам недвижимости и т.д., что в совокупности обеспечивает высокий уровень и разносторонность знаний по градостроительной проблематике.

Инженеры – специалисты по городскому строительству и хозяйству (ГСХ), способные решать технические и инженерные задачи для детально разрабатываемого проекта застройки, достаточно подготовлены для работы в области городского планирования на разных уровнях и по соблюдению действующих градостроительных законов.

При подготовке планировщиков возникают, например, вопросы освоения земли. В том числе недостаточно благоприятных для застройки. Для решения этих вопросов необходимы специальные знания. Еще в 40-х годах прошлого века по инициативе А. Страментова в МИСИ была организована кафедра для подготовки инженеров-градостроителей, изучающих методы борьбы с затоплениями и подтоплениями, борьбы с карстовыми и суффозионными процессами, организации рельефа местности

2. Архитекторы рисуют красивые планы городов и районов. Но миллионы людей проводят часы в транспортных пробках. Зимой 2007–2008 годов более 1000 многоквартирных домов Красноярск остались без отопления и горячей воды. В Новосибирске отключены от тепла около 40 жилых домов. В Махачкале в ряде районов отключено электроснабжение и т.д.

Библиография

1. Боберко В. Профили специалистов-планировщиков // Планировка и строительство городов. – 1933. – № 8.
2. Бочаров Ю., Шумилов М. Подготовка магистров градостроительства (с учетом опыта США). ЦНИИП градостроительства РААСН. – 2007.
3. Бочаров Ю., Петрова З. От квадратных метров к дому на собственной земле // ACADEMIA. Архитектура и строительство. – 2007. – № 3.
4. Валетта У., Высоковский А. Правовое зонирование: опыт разработки «Правил землепользования и застройки» в городах России. – М., 1999.
5. Вендина О. Стратегия развития крупнейших юрдов России // Проект Байкал. – 2006. – № 9.
6. Гуриев С. Америка и российское высшее образование // Pro et Contra. – 2007. – № 3-4.
7. Смирнягин Л. Трудное будущее российских городов // Pro et Contra. – 2007. – № 1.
8. Юрьев А. Строительство гражданина. Конкурентоспособность страны: ресурсы, структура и функции // Стратегия России. – 2004. – № 6.
9. Dluhy M., Kan Chen. Interdisciplinary Planning, New Jersey, 1986.
10. Castels M. The Informational city. Oxford, 1989.
11. Hall P. Cities in civilization. New York, 1988.
12. Hudson H. Blueprints and Blood: The Stalinization of Soviet Architecture. Princeton, 1994.
13. Laquin A. Beyond Metropolis. Washington, 2005.
14. Soja E. Postmetropolis Critical Studies of Cities and Regions. Malden, 2000.
15. The President's National Urban Policy Reports. Washington, 1978-2002.

для беспрепятственного движения пешеходов и транспорта, трассирования магистралей, дорог и пешеходных путей. Позже, уже в 50-х годах, подобные кафедры были открыты в ВЗИСИ (МИКСИХ), НГАСИ и других. Сейчас такие кафедры функционируют в 26 вузах России. По нашему предложению на базе единой специальности градостроителя можно создавать специализации различного профиля, с ориентацией на специфику городов того или иного региона.

США и Россия близки по динамике урбанизации и специфике создания городов в разнообразных природно-климатических условиях. Профессиональная планировка по внеархитектурной модели развивается в США около 100 лет (с 1910 г.) Там накоплен громадный опыт подготовки профессиональных градостроителей, издается около 40% всех книг и учебных пособий мира по градостроительству. Американские планировщики успешно проектируют и преподают в разных странах Европы и Азии. При этом учитываются рекомендации конгрессов Всемирного общества городских и региональных планировщиков (ISoCaRP) по ступенчатой системе подготовки кадров нового типа (в Осаке – 1987 г., Сиднее – 1995 г., Праге – 1997 г., Вашингтоне – 2004 г.). Сегодня каждый штат США имеет в структуре государственных и частных университетов специализированный градостроительный колледж.

Управление городом в рыночных условиях несопоставимо сложнее, чем в советских, поскольку вместо послушного воле начальства городского механизма приходится иметь дело с великим множеством автономных организаций и владельцев, а заодно и с тысячами разнонаправленных факторов объективного характера.

Опасности, с которыми сталкиваются городские власти в новых условиях, связаны не только с отсутствием профессиональных градостроителей, но и с необходимостью противостоять корыстному напору спекулянтов городской недвижимостью. Последние быстро овладевают премудростями рыночного развятия городов, а архитекторы всегда идут навстречу инвесторам. Наши городские власти слабо вооружены для такого противостояния – для борьбы с «отрущобливанием» целых частей города, с хаотизацией точечной застройки, с безудержной спекуляцией земельными участками и прочими «прелестями» раннего капитализма.

Во многих западных странах накоплен большой опыт адаптации городов к рынку и собраны целые библиотеки литературы, посвященной закономерностям развития городов. Подобная научная и учебная литература создана не только для прикладных целей.

Зная эти законы, можно предсказать динамику цен на землю, на участки, на строения, что открывает возможности контроля над риэлторами и позволяет западным градостроителям обеспечивать удовлетворение в первую очередь интересов городского населения, обеспечивать улучшения условий транспортного обслуживания жителей. Любой американский вузовский учебник по градостроительству содержит описание строгих моделей развития города в рыночных условиях – от кольцевой модели Эрнеста Берджеса через секторную модель Хомера Хойта (1930-е гг.) и полицентрическую модель Ульмана – Харриса (1950-е гг.) до моделей «факторной экологии» (1970-е гг.) и более современных построений, основанных на компьютерных возможностях и геoinформационных системах (информационная модель Мануэла Кастелса (1990-е гг.) и многофакторная модель мегаполиса и региона Эдварда Соджи, 2000 г.).

Вертикальная подготовка градостроителей в США не получила развития. Из 68 университетских программ, аккредитованных АРА для подготовки градостроителей-магистров только 18 готовят бакалавров. На подготовку магистров градостроительства принимаются бакалавры из других областей знания – экономики, социологии, права, архитектуры, инженерии и т.п. В условиях России, при длительной и катастрофической нехватке квалифицированных градостроителей, необходимо сократить срок их подготовки. Для этого целесообразно начать подготовку магистров градостроительства, привлекая для дальнейшего обучения бакалавров-инженеров, бакалавров-архитекторов, бакалавров-географов, которых готовят наши архитектурно-строительные и технические академии и университеты.

В 68 университетских колледжах США, готовящих магистров градостроительства, основными дисциплинами (в порядке убывания) в 2004–2006 годах были:

- 1) методология и технология использования вычислительной техники в градостроительстве;
- 2) теория и практика землепользования, управление недвижимостью;
- 3) законодательные основы градоустроительного планирования и проектирования;
- 4) экономические основания и критерии оценки градостроительных проектов;
- 5) методология проектирования населенных мест для конкретных социально-экономических и экологических условий;
- 6) транспортная и инженерная инфраструктура в условиях реконструкции населенных мест;
- 7) международный опыт градоустройства в условиях глобализации экономики;
- 8) гражданское и земельное право местных самоуправлений;
- 9) менеджмент, мониторинг и маркетинг в условиях города.

История и теория архитектуры в градостроительных колледжах преподается только по выбору студента и в качестве дополнительной дисциплины (примерно в 20% градостроительных колледжей).

Многоаспектность и междисциплинарность – характерная черта внеархитектурной модели градостроительной деятельности, охватывающей социальные, экономические, инженерные, демографические и много других сторон развития населенных мест. Поэтому междисциплинарность и полидисциплинарность самые популярные понятия, циркулирующие в университетах Северной Америки и Западной Европы, идущие на смену узко отраслевым вузам, господствующим в Восточной Европе.

Государства, входящие в Европейский союз, поставили в 90-е годы XX века проблему развития городов во главу списка национальных приоритетов. В «Единой Европе» налаживаются постоянные консультации между городами, идет разработка совместных проектов по развитию новых информационных технологий, межгосударственных транспортных систем и телекоммуникаций, лоббирование общих интересов муниципалитетов на межгосударственном уровне. Города объединяются в международные сетевые организации. Создана концепция расселения и развития городов в рамках ЕЭС. Действует Союз подготовки планировщиков городов для стран Европейского союза. В рамках ЕС в Брюсселе в 2002 году разработана Framework Program (FP-6) по созданию к 2010 году единого европейского расселенческого и научного пространства для обеспечения мирового лидерства Западной Европы в области экономики, построенной на знаниях, а не на добыче и переработке полезных ископаемых.

Согласно федеральному закону «О развитии населенных мест» от 1977 года президент США каждые два года подставляет в конгресс доклад о национальной городской политике (The President's National Urban Policy Report). Цели доклада – обеспечение сбалансированности регионального развития, децентрализации центров экономической деятельности, развитие транспортных инфраструктур штатов и городов, бюджетная помощь отстающим районам, внедрение энергосберегающих технологий и др.

В любом рейтинге в лучшие 100 мировых университетов входят 60-70 американских и один российский – МГУ (93-96-е место). Американские университеты проводят качественные исследования, собирают лучших студентов и преподавателей со всего мира и на порядок богаче заокеанских конкурентов. Важная особенность американской системы внеархитектурной подготовки градостроителя – это ее умение приспособить к выводам постиндустриального общества.

Американский стандарт подготовки градостроителя радикально отличается от российского. Его разработывает не ведущая профессиональная школа страны и утверждает не Министерство высшего образования и науки. Стандарт планировщика разрабатывается профессиональными организациями

в лице Американской ассоциации городских планировщиков и Корпорацией аккредитованных городских и региональных планировщиков. И только аккредитованные по этим программам выпускники имеют право на получение работы в каждом отдельном штате США. Общенациональных лицензий нет. Стандарт не предписывает ни длительности, ни содержания обучения, ни, тем более, перечня учебных курсов и дисциплин, их распределения по годам обучения и объёма в часах. Все это прерогатива администрации конкретных школ и профессорско-преподавательского состава. Никто не вправе диктовать эти позиции сверху или со стороны.

От всякой аккредитованной программы требуется готовить выпускников, которые компетентны в целом ряде интеллектуальных, пространственных, технических и межличностных коммуникационных умений; понимают исторический, социально-культурный и средовой контексты городов; способны решать проблемы проектирования, включая интеграцию технических систем, требований здоровья и безопасности и понимать роль и ответственность градостроителей перед обществом. Полное название этого документа «Критерии оценки качества подготовленности студентов». Других документов, регламентирующих учебный процесс, не существует. Стандарт используется для того, чтобы помочь университетам в их самосовершенствовании. Хотя Институт дипломированных планировщиков США и определяет критерии, которым должны удовлетворять программы, но не устанавливает ни сами образовательные программы, ни формы студенческих работ и дипломных проектов, которые могут выступать свидетельством соответствия данным критериям. Образовательные программы поощряют к тому, чтобы разрабатывать уникальные стратегии изучения градостроительства применительно к

условиям региона и использовать инновационные технологии. Стимулируемое либеральным стандартом своеобразие каждого градостроительного колледжа делает не только возможным, но и целесообразным высокую «горизонтальную» мобильность студентов. Поэтому всякий университет – это своего рода «правильный котёл», в котором контактируют многочисленные представители разных и конкурирующих научных и творческих направлений – как студенты, так и преподаватели. Это эффективная среда культурных взаимовлияний, креативности развитая. Автономные колледжи меняют структуру стандарта не только в сфере образования, но и в профессии в целом, способствуя их демократизации. Понижается роль бюрократических государственных структур. Поэтому значение министерства образования США в управлении градостроительными колледжами практически незаметно. Придаётся больший вес общественным, академическим, профессиональным организациям, градостроительной критике, профессиональной печати, стимулируется их развитие и перманентное обновление.

Работы Дж Форрестера (1974 г.) показали, что динамика развития городов и их социально-экономическая структура достаточно четко отражают перспективы развития общества в целом. Деятельность профессиональных планировщиков городов связана с инженерно-экономическими, социально-демографическими, земельными и экологическими проблемами, отношениями собственности, перспективами развития экономической оценки недвижимости, транспортных коммуникаций и т.д. Планировка городов выступает как важная часть деятельности местных самоуправлений в вопросах правового согласования интересов муниципалитетов и частных собственников в хозяйственной деятельности на городской и пригородной территориях.

1-я половина XX в.	Конец XX – начало XXI в.
<ul style="list-style-type: none"> – Урбанизация – Центростремительное развитие населенных мест – Сосредоточение мест приложения труда в центральных зонах города – Решение спора между лифтом и автомобилем в пользу лифта – Решение жилищной проблемы путем строительства многоквартирных домов – Централизованное директивное планирование и регулирование застройки – Повышение плотности населения и застройки на единицу территории 	<ul style="list-style-type: none"> – Дезурбанизация – Центробежное развитие населенных мест – Перемещение мест приложения труда во внешний пояс агломерации – Решение спора между лифтом и автомобилем в пользу автомобиля – Решение жилищной проблемы путем строительства односемейных домов – Децентрализованное планирование и регулирование застройки местными сообществами – Снижение плотности населения и застройки на единицу территории

Таблица 2
Некоторые тенденции развития населенных мест в развитых странах

Аспекты градостроительной программы развития Красноярского края и градостроительное образование

Повышение значимости градостроительной деятельности ставит задачу повышения ее статуса. Градостроительство активно влияет на инвестиционные процессы, что в конечном итоге определяет возможности формирования удобной, безопасной, экологически и эстетически совершенной градостроительной среды.

Россия – крупнейшая по территории страна; при этом менее 50% ее земель благоприятно для жизнедеятельности. Сложившаяся система расселения представлена 1092 городами, более 1900 поселков городского типа и около 150 тыс. сельских поселений (более 70% населения страны проживает в городах). Уже из этого видна значимость градостроительства для успешного развития регионов и поселений всех категорий.

На протяжении последних десятилетий происходил постепенный спад проектной деятельности в области градо-

строительства. Деятельность, которая должна обеспечивать города концептуальными разработками в области путей их развития и градостроительной документацией всех уровней, была практически прекращена или долгое время не осуществлялась в отношении многих населенных пунктов России. В то же время происходило постоянное накопление проблем, связанных с тем, что генпланы многих городов устарели как морально, так и физически, а их корректировка зачастую запаздывала. Таким образом, возник лавинообразный спрос на разработку градостроительной документации в ближайшие годы. В современных условиях существенно изменился характер градостроительной деятельности. В настоящее время, когда действуют рыночные механизмы, вместо единого инвестора и владельца недвижимости – государства, появилось множество инвесторов и владельцев, меняются

текст
Сергей Герасченко

требования к градостроительной проектной документации. Градостроительство – это теория и практика планировки и застройки городов; градостроительство – это, прежде всего, научное и проектное предвидение развития любого поселения и территории, это проект завтрашнего состояния антропогенной среды жизнедеятельности, предусматривающий этапы развития, прогноз и стратегию будущего развития любого поселения, агломерации, региона и пространственного развития страны. Сегодня градостроитель должен не только разработать проект, но и заложить программу его реализации. Необходимым условием эффективного развития поселений в современных условиях является сближение градостроительной деятельности с работой экономических, землеустроительных служб, управлением недвижимостью.

Многие города имеют генеральные планы, должным образом не учитывающие переход от административно-командной системы управления к системе, в которой основным инструментом градостроительного регулирования становится налоговая политика (ценовая политика на землю) и законодательная деятельность муниципалитетов. В современных условиях обязательным требованием, предъявляемым к генеральному плану города, является учет новых форм управления и механизмов градостроительного регулирования. Стали непригодны многие положения градостроительной политики, которые сложились в совершенно иных условиях прошлого периода, рыночная стихия стала активно проявляться в дезорганизации планировки и застройки населенных мест. Сегодня на каждой стадии градостроительного проектирования любого территориального уровня возникает необходимость обработки и осмысления огромного массива информации по территории. Важно подчеркнуть характерную черту использования информации в процессе проектирования городов: широта контактов с другими отраслями знания и множественность объектов, с которыми имеет дело проектировщик; возрастающие объемы различных информационных характеристик объектов и связей между ними при выборе вариантов решения. В настоящее время разворачиваются масштабные работы по составлению земельного и городского кадастров, вся градостроительная, топографическая и техническая документация переводится в электронный формат и собирается в базы данных.

На сегодняшний день специалист-проектировщик часто не видит путей овладения всей существенной информацией и перестает стремиться к этому. В поле зрения попадает в значительной степени случайная информация, разбавленная ненужными сведениями. Создается опасная практика поверхностного ознакомления с легкодоступными материалами и конструирования прогнозов, и проектных решений на основе интуитивных представлений. Здесь важно предостеречь от представлений о возможностях упрощенного решения проблем городов.

Внедрение информационных технологий в градостроительстве чрезвычайно перспективно, и уже намечились первоочередные направления для решения задачи. Развитие этих технологий невозможно без оснащения современной компьютерной базой. Большинство из проблем информационного характера возникает на этапе планирования застройки территории. По мнению многих специалистов, занимающихся сегодня территориальным планированием, единственный приемлемый способ их решения это тотальная централизация и унификация разработки законодательной и технической документации градостроительного планирования, на основе автоматизированной информационной системы обеспечения градостроительной деятельности (ИСОГД). Наличие этой системы регламентируется законодательно, и ее использование является обязательным для всех, имеющих отношение к градостроительной деятельности и муниципальному управлению. В целом эта система существует и в настоящее время, однако она представляет собой разрозненную сеть архивов, обслуживаемую целой армией чиновников, так что получение интересующих сведений занимает месяцы и обходится в весьма круглые суммы.

Работа с ИСОГД связана в первую очередь с глубоким анализом градостроительных перспектив. Должны быть учтены все факторы, чтобы свести к минимуму риск принятия

ошибочных решений. Это и факторы местности, включающие в себя информацию о топографии и геодезии, наличии объектов капитального строительства, границах муниципальных образований с указанием категорий земель, данных о земельных участках и владельцах объектов, наличии существенных объектов инженерной инфраструктуры различных типов коммуникаций (газоснабжения, теплоснабжения, канализации, водоснабжения, связи). Важную роль при планировании играет наличие объектов транспортной инфраструктуры для всех видов транспорта, информация о которых должна быть также исчерпывающей. Необходим учет градостроительных решений, принятых для тех или иных земельных участков, а также тщательный контроль зон с особыми условиями эксплуатации от заповедников до зон чрезвычайных ситуаций и экологических бедствий.

Но и это не все, что должно учитываться при планировании застройки территорий. Социальные факторы не менее важны. Информация о росте населения, обоснованные прогнозы на этот счет необходимы для внесения предложений по строительству сооружений самого разного назначения. На это оказывают влияние уже существующие объекты социальной сферы от жилых домов до предприятий, развитие которых должно проходить, органично вписываясь в планы застройки территории. Обязателен анализ экологической ситуации, чтобы влияние планируемых объектов на окружающую среду было минимальным и не наносило вреда.

На основании принятого федерального закона «Об организации общих принципов местного самоуправления» (№131-ФЗ) сегодня в России осуществлено новое административно-территориальное деление, в соответствии с которым сформировано более 24000 муниципальных образований – муниципальных районов, городских округов и поселений, но была абсолютно проигнорирована складывающаяся в урбанизированных районах страны агломеративная система расселения.

По предварительным данным, из 24000 муниципальных образований находится в разработке, завершении или планируется к разработке около 30%, т.е. 7200 муниципальных образований может быть обеспечено документами территориального планирования.

По оставшимся 17000 не предусматривается органами местного самоуправления разработка соответствующих документов, однако срок завершения разработки документов территориального планирования, установленный Градостроительным кодексом – 2008 год, что позволяет сделать вывод о том, что исполнение будет сорвано. Для выполнения работ в течение одного года потребуется около 67000 специалистов разного профиля. Даже если считать, что одна группа специалистов численностью 20 человек может разработать 3-5 генеральных планов малых городов, то становится очевидным, что к концу года данную программу имеющимся количеством специалистов данного профиля выполнить просто невозможно. Разработка документов территориального планирования по историческим городам и поселениям, равно как и по остальным поселениям и иным муниципальным образованиям затруднена отсутствием необходимого числа специалистов.

Так, по данным управления Краевой архитектуры, потребность в архитекторах составляет сегодня более 400 человек!

Возникает вопрос: каким же должно быть оптимальное количество специалистов в сфере градостроительного проектирования?

На фоне общего неудовлетворительного состояния с обеспечением архитектурными кадрами особое место занимает градостроительство. По числу архитекторов на 1000 жителей Россия занимает 63 место среди 120 стран мира, а в Европе последнее место.

«Градостроительство» в настоящее время – одна из восьми наиболее престижных и высокооплачиваемых в странах мира специализаций. Во всех развитых странах это отдельная специальность.

В России ведут подготовку по специализации «Введение в градостроительство» в 15 вузах из 52, готовящих архитекторов общего профиля. Необходимо развитие факультетов, готовящих специалистов-градостроителей самых различных

специальностей. Для этого нужны кадры педагогов-специалистов высокой квалификации, которые сегодня также в дефиците.

Несмотря на современный социально-экономический кризис, в стране с 1991 года более чем вдвое увеличилось количество архитектурных вузов и факультетов, существенно возросло в них число студентов. Расширился круг специальностей и специализаций за счет родственных архитектурных профессий.

В 1991 году 21 вуз России готовил архитекторов. Для сравнения: Великобритания, Франция, Колумбия имели на тот период более 30 школ каждая. Мексика и Филиппины – 40, а в США их было более 130. В 1999 году архитектурных школ в России уже было 38, среди которых несколько весьма крупных. Сегодня вузов, готовящих архитекторов, 52.

В 90-х годах на базе специальности «Архитектура» были открыты специальности «Дизайн архитектурной среды» и «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия». Кроме того, сегодня на архитектурных факультетах мирно и взаимоплодотворно сосуществуют такие специальности, как «Монументально-декоративное искусство», «Декоративно-прикладное искусство», «Художественная обработка материалов», «Художественное проектирование интерьеров», дизайнерская группа специальностей: «Графический дизайн», «Дизайн одежды», «Дизайн рекламы». На некоторых факультетах выпускаются преподаватели рисунка.

В советский период градостроители разрабатывали проект «идеального» поселения, мало заботясь о том, какими способами он будет реализован. В условиях централизованной плановой экономики этого и не требовалось: финансовые и материальные ресурсы выделялись «сверху», и по мере их поступления велись строительные работы. По этой же схеме шло и идет обучение студентов-архитекторов. На бумаге продолжается проектирование красиво нарисованных генпланов городов и поселков. С большим сожалением можно отметить и тот факт, что на десятилетие из тематики как курсового, так и дипломного проектирования в высшей школе практически исчезли проекты с градостроительной тематикой. Это подтверждает собранная автором статистика по результатам конкурсов дипломных проектов архитектурных вузов и факультетов специальности «Архитектура».

Из таблицы видно, что градостроительная тематика дипломных проектов практически во всех архитектурных школах страны не пользуется популярностью. И это связано, по большому счету, с многолетним отсутствием спроса государства на градостроительные разработки.

Одна из задач градостроительной подготовки студента-архитектора заключается в расширении и углублении знаний студента о роли градостроительства и архитектуры в орга-

низации окружающей среды. Задача архитектора не ограничивается проектированием самостоятельного объекта с его функциональной и типологической структурой, а состоит в проектировании объекта в системе более высокого ранга как части комплекса или ансамбля. Комплекс, в свою очередь, входит в более сложную градостроительную систему – жилое образование или район и далее – в пространственную организацию социальной жизни города и межселенных систем расселения. Как заметил Ж. Кандилис, «градостроительство есть не что иное, как более широкое и всеобъемлющее проявление социального значения архитектуры». Новый подход в градостроительстве основан на идее сбалансированного управления социальными и природными процессами. Обучение градостроительству в высшей архитектурной школе должно рассматриваться как важнейший компонент подготовки архитектора-градостроителя и осуществляться одновременно с освоением архитектурного проектирования. Понимание градостроительных основ комплексной застройки формируется у студентов путем разработки проектов отдельных зданий и комплексов в конкретных условиях природного или городского окружения. Решение градостроительных проблем проводится при разработке каждого большого или малого проектного задания. Но этого мало для требований сегодняшнего дня. Необходимы специалисты, владеющие специальными знаниями по широкому спектру вопросов.

По мнению ведущих ученых и специалистов в области градостроительства, необходимо срочно введение этого направления в перечень специальностей и определение госзаказа на подготовку специалистов. Необходимо развитие факультетов, готовящих специалистов-градостроителей самых различных специальностей в городах страны, имеющих специализированные академии, университеты, институты. Старания РААСН (Российской академии архитектуры и строительных наук) вывести градостроительство из статуса специализации в отдельную специальность оказались безуспешными.

Мощным импульсом для возрождения градостроительного направления в архитектуре Красноярского края является создание современного научно-образовательного центра, миссия которого состоит в производстве глобально значимых знаний и технологий, подготовке современных кадров, способных влиять на подъем региона – Сибирского федерального университета. СФУ – один из приоритетных национальных проектов России. Это – признание огромных потенциальных возможностей Красноярского края в качестве центра освоения Сибири. Архитектурному факультету СФУ предстоит большая и трудная работа над формированием всего комплекса учебных и научных программ новой специальности. Должна быть выстроена система подготовки, переподготовки и непрерывного образования кадров градостроителей.

В статье использованы материалы члена-корреспондента РААСН, доктора экономических наук В.Я. Любовного, кандидата архитектуры, советника РААСН Э.А. Шевченко, президента РААСН А.П. Кудрявцева, вице-президента САР Ю.А. Сдобнова, данные Ассоциации строителей России, генерального директора Ассоциации компаний «ГРАД» А. Береговских

Год и место проведения смотра	Общее кол-во проектов на смотре	Тематика дипломных проектов									
		пром.	градо	жилье	общество	ландш.	село	реконструкция и реставрац.	теория и магистр	дас	диз
1994 Москва	180	12	40	19	67	15	6	5	11	5	
1995 Новосибирск	130	12	27	15	50	4	5	19	12	7	
1996 Екатеринбург	160	20	33	17	53	6	3	21	8	17	35
1997 Саратов	223	16	36	17	76	11		18	8	17	
1998 С-Петербург			Нет данных								
1999 Казань	184	6	32	30	62		2	4		49	
2000 Нижний Новгород			Нет данных								
2001 Ростов-на-Дону	294	11	37	40	84		2	7	11	41	100
2002 Минск		8	42	15	62	10	1		13	23	
2003 Пенза	301	20	17	21		10	1	10	25	82	
2004 Волгоград			Нет данных								
2005 Томск			Нет данных								
2006 Казань	421	21	36	19	84	13	4	13	27	119	111
2007 Вологда	424	15	40	22	88	12	3	20	16	83	

Рейтинги высших школ

текст
Константин Лидин

Мы живем в век глобализации. Экономически развитые страны, а также те, кто хотел бы получить этот статус в ближайшем будущем, активно работают над организацией единого интеллектуального пространства. В этом пространстве квалифицированные специалисты будут свободно перетекать в тот регион или тематическую область, где они сейчас нужнее всего. Такая система, по идее, должна заметно повысить эффективность использования интеллектуального потенциала, которого, как и большинства других ресурсов Земли, уже перестает хватать для решения глобальных задач. Трудно поверить, но действительно квалифицированные, умеющие самостоятельно думать работники составляют остро дефицитную позицию даже для таких авторитетных компаний, как, скажем, «Майкрософт». В этом гиганте интеллектуального бизнеса даже создано специальное подразделение, цель которого – перекачивание кадров (молодых, образованных и умных) из Африки, Европы и Азии.

На фоне глобального кадрового дефицита на умников естественно возникает потребность в единой системе оценки (рейтингования) высших учебных заведений. Организационной стороной внедрения единых критериев занимается так называемое Болонское движение (Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 года на берлинской встрече министров образования европейских стран). Стандартизация высшего образования вызывает немало критики, но ее, как и многие другие аспекты глобализации, вряд ли теперь уже можно остановить.

В международной практике в основном применяется две системы рейтингования вузов. Одну использует авторитетная лондонская газета «Times». Львиную долю исследования по заказу газеты проводила консалтинговая компания QS, нарабатывавшая богатый опыт в проведении опросов и известная прежде всего как организатор выставок школ MBA. Первый и главный критерий в рейтинге составило мнение экспертов. QS опросила 1300 преподавателей вузов в 88 странах мира, и те обозначили самые престижные, по их мнению, высшие школы. Эти оценки составили половину суммарного балла каждого вуза.

Второй критерий – оценка работодателей. В качестве таковых выступили представители кадровых служб крупнейших компаний – потребителей интеллектуальных кадров.

Третьим параметром оценки послужило соотношение числа преподавателей и студентов. Чем больше студентов прикреплено к одному преподавателю, тем ниже оценка. Недостижимым идеалом, таким образом, служит индивидуальная работа с каждым студентом.

Следующий параметр по системе «Times» – это индекс цитирования. Международный институт научной информации (Institute of Scientific Information) регулярно подсчитывает количество ссылок на каждую научную статью в области естественных и гуманитарных знаний (индексы SCIE и SSCI). Средние для преподавательского состава вуза индексы цитирования служат критерием рейтинга.

Пятый и шестой параметр рейтинга – количество иностранных преподавателей и студентов. Чем больше иностранцев преподает и учится в данном вузе, тем, значит, выше его престиж и привлекательность на международном рынке образовательных услуг.

В международной практике используется еще одна система рейтингования вузов – так называемая академическая система (ARWU, academic rating of world universities). В ней вместо личных мнений экспертов и работодателей используются более объективные параметры – количество престижных научных премий, полученных преподавателями и выпускниками вуза. Учитываются Нобелевские премии и высшая награда в области математики – медаль Филдса. Кроме того, подсчитывается количество статей в научно-популярных (но очень авторитетных) журналах «Nature» и «Science».

После подсчета значений показателей по всем вузам по каждому параметру определяется вуз, получивший самый высокий балл. Это значение приравнивается к 100 баллам, а оценки остальных вузов рассчитываются как процент от максимальной оценки. Первые сто вузов получают индивидуальные места, а все последующие разбиваются на однородные группы по пятьдесят – сто вузов.

В таблице 2 приведены первые сто вузов мира по двум рейтинговым системам.

Как легко увидеть из данных таблицы, в обеих системах рейтинга безоговорочно лидируют США. Вообще первая десятка стран выглядит так: США, Великобритания, Япония, Германия, Канада, Швеция, Франция, Австралия, Швейцария, Нидерланды. Россия в этом списке находится на 15-м месте, между Финляндией и Италией. Только один российский вуз (МГУ) попал в сотню лучших по версии ARWU, а по версии «Times» – ни одного.

Столь скромный результат по международным рейтинговым системам стимулирует собственные, внутренние оценки российских вузов. И такие системы действительно появляются.

Благотворительный фонд В. Потанина, ежегодно распределяющий в виде стипендий и грантов примерно полторы тысячи студенческих и полторы сотни научных дотаций, проводит собственный рейтинг высших школ России. Рейтинг считали по итогам конкурса на гранты и стипендии. Из числа студентов (только отличников) применялось тестирование на общую эрудицию, интеллект и логику (первый этап отбора). Второй тур – ролевые игры – выявлял лидерские и организаторские способности. Третий тур включал деловую игру с участием потенциальных работодателей для проверки навыков командной работы и проектного мышления.

Среди молодых преподавателей (до 35 лет, остепененных, преподавательский стаж не менее 3 лет) проводился конкурс научных работ. Работы рецензировали независимые эксперты. Параллельно проводилось анкетирование студентов, у которых молодые педагоги вели занятия.

Общие итоги рейтинга показаны в таблице 3.

Таблица 1.
Параметры рейтинговой системы ARWU

Критерий	Показатель	Код	Вес (%)
Качество образования	Общее число выпускников вуза, получивших Нобелевскую премию или медаль Филдса	Alumni	10
Уровень преподавателей	Общее число работников вуза, получивших Нобелевскую премию или медаль Филдса	Award	20
	Число часто цитируемых исследователей, работающих в 21-й предметной области	HiCi	20
Результаты исследований	Количество статей, опубликованных в журналах «Nature» и «Science»	N&S	20
	Общее число статей, вошедших в SCIE и/или SSCI	SCI	20
Размер института	Результат деления суммы баллов по предыдущим пяти показателям на число эквивалентов полной ставки (FTE) академического персонала	Size	10

Рейтинг «Times» ¹				Рейтинг ARWU ²			
Место	Название вуза	Страна	Баллы	Место	Название вуза	Страна	Баллы
1	Harvard University	USA	100	1	Harvard University	USA	100
2	Yale University	USA	99.8	2	Stanford University	USA	73,7
3	University of Cambridge	UK	99.5	3	University California – Berkeley	USA	71,4
4	University of Oxford	UK	98.9	4	University Cambridge	UK	70,4
5	California Institute of Technology	USA	98.6	5	Massachusetts Inst Tech (MIT)	USA	69,6
6	Imperial College London	UK	98.4	6	California Inst Tech	USA	65,4
7	University College London	UK	98.1	7	Columbia University	USA	62,5
8	University of Chicago	USA	98.0	8	Princeton University	USA	58,9
9	Massachusetts Institute of Technology	USA	96.7	9	University Chicago	USA	57,1
10	Columbia University	USA	96.3	10	University Oxford	UK	56,8
11	University of Pennsylvania	USA	96.1	11	Yale University	USA	54,9
12	Princeton University	USA	95.7	12	Cornell University	USA	54,1
13=	Duke University	USA	94.4	13	University California – Los Angeles	USA	52,4
13=	Johns Hopkins University	USA	94.4	14	University California – San Diego	USA	50,3
15	Cornell University	USA	94.3	15	University Pennsylvania	USA	49,0
16	Australian National University	Australia	92.0	16	University Washington – Seattle	USA	48,3
17	Stanford University	USA	91.2	17	University Wisconsin – Madison	USA	47,4
18	University of Michigan	USA	91.0	18	University California – San Francisco	USA	46,6
19	University of Tokyo	Japan	90.0	19	Tokyo University	Japan	46,4
20	McGill University	Canada	89.7	20	Johns Hopkins University	USA	45,5
21	Carnegie Mellon University	USA	89.6	21	University Michigan – Ann Arbor	USA	44,2
22	King’s College London	UK	89.5	22	University Coll London	UK	44,0
23	University of Edinburgh	UK	89.3	23	Kyoto University	Japan	43,5
24	ETH Zurich (Swiss Federal Institute of Technology)	Switzerland	89.1	24	Swiss Fed Inst Tech – Zurich	Switzerland	43,1
25	Kyoto University	Japan	87.4	24	University Toronto	Canada	43,1
26	University of Hong Kong	Hong Kong	87.1	26	University Illinois – Urbana Champaign	USA	42,9
27	Brown University	USA	85.2	27	Imperial Coll London	UK	42,4
28	Ecole Normale Supérieure, Paris	France	84.8	28	University Minnesota – Twin Cities	USA	40,4
29	University of Manchester	UK	84.4	29	Washington University – St. Louis	USA	40,1
30=	University of California, Los Angeles	USA	84.3	30	Northwestern University	USA	38,1
30=	National University of Singapore	Singapore	84.3	31	New York University	USA	37,4
32	University of Bristol	UK	84.1	32	Duke University	USA	37,2
33	Northwestern University	USA	83.3	32	Rockefeller University	USA	37,2
34=	University of British Columbia	Canada	83.0	34	University Colorado – Boulder	USA	36,4
34=	Ecole Polytechnique	France	83.0	35	University British Columbia	Canada	36,3
36	University of California, Berkeley	USA	82.9	36	University California – Santa Barbara	USA	35,5
37	University of Sydney	Australia	82.4	37	University Maryland – Coll Park	USA	34,6
38	University of Melbourne	Australia	82.3	38	University North Carolina – Chapel Hill	USA	33,9
39	Hong Kong University of Science and Technology	Hong Kong	81.4	39	University Texas – Austin	USA	33,7
40	New York University	USA	81.3	40	University Manchester	UK	33,6
41	University of Toronto	Canada	81.1	41	University Texas Southwestern Med Center	USA	33,3
42	Chinese University of Hong Kong	Hong Kong	81.0	42	Pennsylvania State University – University Park	USA	33,1
43	University of Queensland	Australia	80.7	42	University Paris 06	France	33,1

Таблица 2. Рейтинги ста ведущих высших школ мира

1. По данным сайта <http://www.timeshighereducation.co.uk/>
2. По данным сайта <http://www.arwu.org/>

44	Osaka University	Japan	80.1	42	Vanderbilt University	USA	33,1
45	University of New South Wales	Australia	79.8	45	University Copenhagen	Denmark	33,0
46	Boston University	USA	79.1	46	University California – Irvine	USA	32,8
47	Monash University	Australia	78.7	47	University Utrecht	Netherlands	32,4
48	University of Copenhagen	Denmark	78.5	48	University California – Davis	USA	32,2
49	Trinity College Dublin	Ireland	78.2	49	University Paris 11	France	32,1
50=	Ecole Polytechnique Fédérale de Lausanne	Switzerland	78.1	50	University Southern California	USA	32,0
50=	Peking University	China	78.1	51	Karolinska Inst Stockholm	Sweden	31,6
50=	Seoul National University	South Korea	78.1	52	University Pittsburgh – Pittsburgh	USA	31,3
53	University of Amsterdam	Netherlands	78.0	53	University Zurich	Switzerland	31,0
54	Dartmouth College	USA	77.8	54	Rutgers State University – New Brunswick	USA	30,9
55	University of Wisconsin-Madison	USA	77.7	55	University Edinburgh	UK	30,8
56	Tsinghua University	China	77.0	55	University Munich	Germany	30,8
57	Heidelberg University	Germany	76.9	57	Tech University Munich	Germany	30,5
58	University of California, San Diego	USA	76.3	58	University Florida	USA	30,4
59	University of Washington	USA	75.8	59	Australian Natl University	Australia	30,0
60	Washington University in St Louis	USA	75.7	60	McGill University	Canada	29,9
61	Tokyo Institute of Technology	Japan	75.3	61	University Bristol	UK	29,5
62	Emory University	USA	75.0	62	Carnegie Mellon University	USA	29,3
63	Uppsala University	Sweden	74.9	62	Ohio State University – Columbus	USA	29,3
64	Leiden University	Netherlands	74.8	64	University Oslo	Norway	29,0
65	University of Auckland	New Zealand	74.5	65	Hebrew University Jerusalem	Israel	28,8
66	London School of Economics	UK	74.2	65	Purdue University – West Lafayette	USA	28,8
67	Utrecht University	Netherlands	74.0	67	University Heidelberg	Germany	28,4
68	University of Geneva	Switzerland	73.9	68	Osaka University	Japan	28,3
69	University of Warwick	UK	73.8	68	University Helsinki	Finland	28,3
70	University of Texas at Austin	USA	73.3	70	Moscow State University	Russia	28,1
71	University of Illinois	USA	73.2	71	Brown University	USA	27,9
72	Katholieke Universiteitsiteit Leuven	Belgium	73.1	71	Uppsala University	Sweden	27,9
73	University of Glasgow	UK	73.0	73	Ecole Normale Super Paris	France	27,7
74	University of Alberta	Canada	72.9	73	University Melbourne	Australia	27,7
75	University of Birmingham	UK	72.3	73	University Rochester	USA	27,7
76	University of Sheffield	UK	72.2	76	University Leiden	Netherlands	27,6
77	Nanyang Technological University	Singapore	72.1	77	University Arizona	USA	27,5
78=	Delft University of Technology	Netherlands	71.8	77	University Sheffield	UK	27,5
78=	Technical University of Munich	Germany	71.8	79	Tohoku University	Japan	27,1
78=	Rice University	USA	71.8	79	University Utah	USA	27,1
81=	University of Aarhus	Denmark	71.5	81	King's Coll London	UK	26,8
81=	University of York	UK	71.5	82	University Nottingham	UK	26,5
83=	Georgia Institute of Technology	USA	71.3	83	Boston University	USA	25,6
83=	University of St Andrews	UK	71.3	83	Case Western Reserve University	USA	25,6
83=	University of Western Australia	Australia	71.3	83	Michigan State University	USA	25,6
86	University of Nottingham	UK	71.0	86	Stockholm University	Sweden	25,5
87	University of Minnesota	USA	70.2	87	University Basel	Switzerland	25,4
88	Lund University	Sweden	70.0	88	Texas A&M University – Coll Station	USA	25,2

89	University of California, Davis	USA	69.9	89	McMaster University	Canada	25,1
90	Case Western Reserve University	USA	69.8	90	University Goettingen	Germany	24,9
91=	University of Helsinki	Finland	69.6	91	University Birmingham	UK	24,8
91=	Universit�ersit� de Montr�al	Canada	69.6	92	Indiana University – Bloomington	USA	24,6
93=	Hebrew University of Jerusalem	Israel	69.5	93	Aarhus University	Denmark	24,5
93=	Ludwig-Maximilians University, Munchen (Munich)	Germany	69.5	93	Arizona State University – Tempe	USA	24,5
95	Korea Advanced Inst of Science & Technology	South Korea	69.3	95	University Virginia	USA	24,4
96	University of Virginia	USA	69.2	96	University Freiburg	Germany	24,2
97	University of Pittsburgh	USA	69.1	97	Lund University	Sweden	24,1
98	University of California, Santa Barbara	USA	68.8	97	Rice University	USA	24,1
99=	Purdue University	USA	68.6	97	University Bonn	Germany	24,1
99=	University of Southampton	UK	68.6	97	University Sydney	Australia	24,1

Место	Высшее учебное заведение	Балл 1-го дня (тест)	Балл 2-го дня (ролевая игра)	Балл деловой игры	Преподаватели (экспертная и студенческая оценка)	Общий балл
1	Воронежский государственный университет	5,93	3,12	0,97	6,49	16,51
2	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	6,19	2,85	0,92	6,50	16,46
3	Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва	6,16	2,75	0,85	6,43	16,19
4	Санкт-Петербургский государственный политехнический университет	5,98	2,69	1,00	6,29	15,96
5	Новосибирский государственный университет	5,94	2,75	0,89	6,15	15,73
6	Санкт-Петербургский государственный университет	5,87	2,51	0,89	6,34	15,61
7	Уральский государственный университет имени А.М. Горького, Екатеринбург	6,00	2,58	0,87	6,12	15,57
8	Томский государственный университет	5,56	2,65	0,85	6,49	15,55
9	Томский политехнический университет	5,40	2,86	0,91	6,37	15,54
10-11	Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова, Барнаул	5,56	2,64	1,04	6,23	15,47
	Пермский государственный университет	5,70	2,82	0,85	6,10	15,47
12	Петрозаводский государственный университет	5,41	2,84	0,85	6,35	15,45
13	Омский государственный университет	5,62	2,48	0,98	6,36	15,44
14	Кубанский государственный университет, Краснодар	5,42	2,79	0,85	6,37	15,43
15	Пермский государственный технический университет	5,52	2,97	0,84	6,08	15,41
16	Кубанский государственный технологический университет, Краснодар	5,20	3,00	0,99	6,21	15,40
17	Тверской государственный университет	5,61	2,67	1,02	6,08	15,38
18-19	Московский физико-технический институт (государственный университет)	5,58	2,48	0,88	6,43	15,37
	Финансовая академия при Правительстве РФ, Москва	5,84	2,73	0,83	5,97	15,37
20	Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ	5,82	2,90	0,92	5,72	15,36
21-22	Московский инженерно-физический институт (государственный университет)	5,76	2,66	0,90	6,03	15,35
	Пятигорский государственный лингвистический университет	5,71	2,74	0,91	5,99	15,35
23	Сибирская академия государственной службы, Новосибирск	5,47	2,75	0,85	6,27	15,34
24	Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина	5,67	2,51	0,93	6,22	15,33
25-26	Тулский государственный университет	5,49	2,89	0,91	6,01	15,30
	Ростовский государственный медицинский университет	5,41	2,80	0,87	6,22	15,30
27	Южно-Уральский государственный университет, Челябинск	5,62	2,60	0,85	6,20	15,27
28	Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского	5,95	2,28	0,83	6,19	15,25

Таблица 3.
Рейтинг российских вузов по версии фонда В. Потанина³

3. По данным сайта <http://www.fond.potinin.ru/docs/Rate2007-08.doc>

29	Московская медицинская академия имени И.М. Сеченова	5,61	2,61	0,90	6,12	15,24
30	Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского	5,07	2,51	0,92	6,65	15,15
31	Тюменский государственный университет	5,43	2,70	0,87	6,10	15,10
32	Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова	5,61	2,86	0,89	5,73	15,09
33-34	Уральский государственный технический университет, Екатеринбург	5,60	2,57	0,85	6,06	15,08
	Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону	5,34	2,82	0,84	6,08	15,08
35	Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина	5,54	2,83	0,87	5,77	15,01
36	Сибирский федеральный университет, Красноярск	5,29	2,70	0,83	6,18	15,00
37	Хабаровская государственная академия экономики и права	5,33	3,03	0,83	5,79	14,98
38-39	Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск	5,12	2,82	1,04	5,98	14,96
	Амурский государственный университет, Благовещенск	5,19	2,96	0,95	5,86	14,96
40	Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина	5,02	2,58	0,85	6,49	14,94
41	Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева	5,26	2,84	0,86	5,95	14,91
42	Российская экономическая академия имени Г.В. Плеханова	5,60	2,65	0,92	5,73	14,90
43	Тюменский государственный нефтегазовый университет	5,19	2,69	1,04	5,96	14,88
44	Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева	5,20	2,42	0,92	6,32	14,86
45	Дальневосточный государственный университет, Владивосток	5,47	2,64	0,87	5,81	14,79
46-47	Орловский государственный аграрный университет	4,67	2,69	0,94	6,48	14,78
	Новосибирский государственный технический университет	5,13	2,66	0,86	6,13	14,78
48	Волгоградский государственный педагогический университет	5,21	2,69	0,88	5,97	14,75
49	Башкирский государственный университет, Уфа	5,30	2,45	0,87	6,10	14,72
50	Владивостокский государственный университет экономики и сервиса	5,36	2,65	0,90	5,80	14,71
51	Курский государственный медицинский университет	5,30	2,64	0,89	5,84	14,67
52	Магнитогорский государственный университет	4,68	3,40	0,85	5,71	14,64
53	Мурманский государственный технический университет	5,04	2,65	1,00	5,90	14,59
54	Казанский государственный технический университет имени А.Н. Туполева	5,18	2,58	1,00	5,74	14,50
55	Российский государственный университет имени Иммануила Канта, Калининград	5,39	2,68	0,87	5,55	14,49
56	Ставропольский государственный аграрный университет	4,77	2,54	1,04	6,12	14,47
57	Южно-Российский государственный технический университет, Новочеркасск	5,00	2,68	0,82	5,95	14,45
58	Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого	5,27	2,56	0,90	5,68	14,41
59	Московский государственный строительный университет	4,82	2,55	0,83	6,20	14,40
60	Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск	5,28	2,88	0,95	5,25	14,36
61	Международный университет природы общества и человека «Дубна»	5,50	2,69	0,83	5,23	14,25
62-63	Дальневосточный государственный технический университет, Владивосток	5,11	2,61	0,90	5,34	13,96
	Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск	5,28	2,59	0,95	5,14	13,96
64	Якутский государственный университет имени М.К. Амосова	4,84	2,54	0,88	5,66	13,92
65	Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена	4,66	2,53	0,89	5,75	13,83
66	Иркутский государственный технический университет	4,84	2,44	0,93	5,59	13,80
67	Северный государственный медицинский университет, Архангельск	4,93	2,67	0,84	4,10	12,54

Группа «Деловая Россия» в содружестве с Союзом ректоров РФ и Министерством образования РФ второй год проводит собственное рейтинговое высших школ с точки зрения востребованности их выпускников крупными работодателями в сфере бизнеса (наука, государственная служба, международный рынок труда не учитывались). При формировании рейтинга учитываются следующие показатели востребованности выпускников:

- 1) Взаимодействие работодателей с вузами, в том числе:
 - проведение целевых кампаний по набору выпускников вуза;
 - проведение целевых кампаний по набору стажеров из числа студентов вуза;
 - наличие предпочтений в отношении вузов при отборе специалистов для работы в компании;

- наличие договорных связей между вузом и работодателями;
 - обращение сотрудников компании в вузы, которые они окончили, для привлечения молодых специалистов.
- 2) Уровень заработной платы выпускников вуза (с учетом региональных различий).

Все вузы, попавшие в рейтинг, подразделяются на три «лиги» и шесть «подлиг». Внутри подразделений места не выставляются (в таблице вузы расположены по алфавиту). Отдельно оцениваются московские и региональные высшие школы.

Разумеется, объективность рейтинга вызывает некоторые сомнения, так как исследование проводит сам же заказчик (а не независимое агентство, как принято во всем мире) и только среди крупных компаний-работодателей. Тем не менее, данные рейтинга приведены в таблице 4.

Подлига Альфа-1	Подлига Бета-1	Подлига Гамма-1
Москва: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	Москва: Московский государственный институт стали и сплавов; Московский государственный университет прикладной биотехнологии; Московский государственный университет путей сообщения; Московский энергетический институт; Российский государственный социальный университет	Регионы: Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет; Воронежский государственный архитектурно-строительный университет; Вятский государственный университет; Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет; Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П. Королева; Самарский государственный технический университет; Тюменский государственный архитектурно-строительный университет
Регионы: Иркутский государственный технический университет; Калининградский государственный технический университет; Пермский государственный политехнический университет; Пермский государственный университет имени А.М. Горького; Саратовский государственный технический университет; Томский политехнический университет; Тюменский государственный нефтегазовый университет; Уральский государственный технический университет; Южно-Уральский государственный университет; Ярославский государственный технический университет	Регионы: Волгоградский государственный технический университет; Воронежская государственная технологическая академия; Ивановский государственный энергетический университет; Кемеровский технологический институт пищевой промышленности; Тюменский государственный университет	
Подлига Альфа-2	Подлига Бета-2	Подлига Гамма-2
Москва: Государственный университет – Высшая школа экономики; Московский государственный строительный университет; Московский государственный университет пищевых производств; Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина; Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева; Финансовая академия при Правительстве РФ;	Москва: Московский автомобильно-дорожный институт (государственный технический университет); Московский государственный университет печати; Российская экономическая академия имени В.Г. Плеханова	Москва: Всероссийский заочный финансово-экономический институт; Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
Регионы: Воронежский государственный технический университет; Нижегородский государственный технический университет; Оренбургский государственный университет; Санкт-Петербургский государственный университет; Сибирский федеральный университет; Тульский государственный университет; Череповецкий государственный университет	Регионы: Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова; Кубанский государственный технологический университет; Новосибирский государственный технический университет; Северо-Кавказский государственный технический университет; Уральский государственный университет имени А.М. Горького; Уральский государственный университет путей сообщения; Уральский государственный экономический университет	Регионы: Алтайский государственный аграрный университет; Волгоградская государственная сельскохозяйственная академия; Вологодский государственный технический университет; Воронежский государственный университет; Сибирский государственный университет путей сообщения; Уральская государственная горно-геологическая академия

Таблица 4.
Рейтинги российских вузов по версии группы «Деловая Россия»⁴

4. По данным сайта <http://www.deloros.ru/>

Сравнивая международные и отечественные рейтинговые системы, легко заметить принципиальные различия в ориентации всего высшего образования. Если вузы США, Европы и «больших драконов» Азии выпускают исследователей, ученых, то российские высшие школы ориентированы на выпуск менеджеров нижнего и среднего звена. Их-то как раз и не хватает в сегодняшней России. А вот выпускники и преподаватели, которые способны к самостоятельным исследованиям и внятно изложению их результатов (в том числе – на английском языке), в сегодняшней России как бы и не нужны. Вполне достаточно,

если таковые сохранятся (в количестве нескольких десятков человек) в двух-трех столичных вузах.

Впрочем, какие-то окончательные выводы делать рано. Сама идея рейтингования вузов для нашей страны нова и непривычна. Работодатель почти никогда не учитывает, откуда взялся диплом работника. Личные качества, опыт, даже внешность молодого специалиста пока что важнее, чем репутация заведения, где он получил высшее образование. Так что, возможно, времена, когда российские вузы будут всерьез бороться за высокие рейтинги, в том числе – международные, у нас еще впереди.

Смотр-конкурс дипломных проектов по архитектуре и дизайну

текст
Марк Меерович

С 12 по 18 сентября в Самаре прошел XVII Международный смотр-конкурс лучших дипломных проектов по архитектуре и дизайну.

«Команда» организаторов конкурса была более чем представительная:

Самарский государственный архитектурно-строительный университет (СГАСУ); правительство Самарской области; Межрегиональная общественная организация содействия архитектурному образованию (МООСАО); Международная ассоциация Союзов архитекторов (МАСА); Международная ассоциация Союзов дизайнеров (МАСД); Российская академия архитектуры и строительных наук (РААСН); Союз архитекторов России (СА РФ); Союз дизайнеров России (СД РФ); Архитектурный благотворительный фонд им. Я. Чернихова; Самарское региональное отделение союза архитекторов; Самарское региональное отделение союза дизайнеров.

В настоящее время международное сотрудничество является не только необходимым условием поддержки высокого уровня российского образования, но и помогает более эффективно использовать научно-педагогический потенциал вузов. Эту неоспоримую истину давно принял и активно практикует Самарский государственный архитектурно-строительный университет. Подробнее о международной деятельности вуза рассказывают его ведущие специалисты.

Елена АХМЕДОВА, директор Института архитектуры и дизайна СГАСУ, руководитель оргкомитета XVII Международного смотрконкурса лучших дипломных проектов по архитектуре и дизайну, профессор:

– Международный смотр-конкурс дипломных работ – хорошая традиция педагогов архитектурного и дизайнерского профиля, которая существует с 60-х годов прошлого века. С тех пор эти смотры проводились каждый год, здесь выставляются лучшие работы, которые выполняют выпускники профильных вузов. И когда распался Советский Союз, педагоги ведущих архитектурных школ объединились в общественную организацию, которая сначала называлась Межрегиональная ассоциация педагогов архитектурных школ, а потом была переименована в Межрегиональную общественную организацию содействия архитектурному образованию (МООСАО). Сегодня в МООСАО входят коллективы преподавателей всех архитектурных школ России, и каждый год проводятся такого рода мероприятия. Ежегодно определяется место проведения конкурса, как правило, выбирается одна из архитектурных школ, и на ее базе проводятся смотры. Наши конкурсы начали посещать гости из дальнего зарубежья и потом стали с нами сотрудничать.

Стоит отметить, что в Самаре смотр-конкурс проводится не впервые, в 1993 году такой конкурс уже был. Через 15 лет мы снова рады принимать гостей на самарской земле.

В России существует 52 вуза, в которых открыты архитектурные и дизайнерские специальности. Также с нами сотрудничают вузы СНГ и стран дальнего зарубежья. Каждое высшее учебное заведение после защиты дипломных проектов проводит внутренний конкурс, на котором из 10-15 защитившихся дипломных работ выбирается одна лучшая и по квоте выставляется на смотр. Архитектурной школе, выступившей в роли организатора очередного смотрконкурса, разрешается более полно показать дипломные работы своих выпускников. Так, в этом году было представлено 38 работ студентов СГАСУ, из них часть работ были показаны вне конкурса. Всего приняло участие в международном смотре-конкурсе лучших дипломных работ около 500 сту-

дентов. Представлены работы из Казахстана, Киргизии, Азербайджана, Армении, Украины, Молдовы и Китая. Наша школа выглядит на фоне других весьма достойно, и, судя по рейтингам, которые составляются Союзом архитекторов РФ, СГАСУ входит в первую пятерку из 52 вузов. За достойные места конкурирует бесспорный лидер МАРХИ, а также сильные школы в Екатеринбурге (УралГАХА), Санкт-Петербургский архитектурно-строительный университет, Южный Национальный федеральный университет (Ростов-на-Дону).

В рамках смотра-конкурса был проведен дополнительный конкурс по темам:

«Концепция поселения в условиях динамической демографии»;

«Интегральное жилье».

Жюри составляли преподаватели вузов, которые на это представительное мероприятие съехались не только со всей страны, но и из-за рубежа (Китай, Беларусь, Германия, Италия и др.), общим числом более ста человек. Они были организованы в тематические комиссии по широкому составу номинаций, по которым, собственно, представлялись и рассматривались конкурсные работы: жилые здания, общественные здания, промышленная архитектура, градостроительство, ландшафтная архитектура, реставрация, сельская архитектура, теория и история архитектуры, дизайн городской среды, дизайн интерьера, предметный дизайн, дизайн костюма.

Впервые за все время существования смотра-конкурса финансовую поддержку оказал межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества стран-участников СНГ.

У смотра-конкурса есть свои особенности. Оценку проектов, наряду с общественным жюри конкурса и референтурой, проводит альтернативное жюри, состоящее из самых авторитетных представителей-практиков – архитекторов и дизайнеров Самары.

Организуется жюри на демократической основе, вывешиваются листки по 11 номинациям (жилые и общественные здания, градостроительство, теория и история архитектуры, дизайн архитектурной среды, дизайн интерьера, реставрация и реконструкция и пр.), можно записываться в любую комиссию. Выбирают председателя и просматривают по своей номинации работы, выделяя лучшие, после чего проходит жюри, которое состоит из председателей этих 11 комиссий, во главе с председателем МООСАО Бровченко Сергеем Владимировичем. Это жюри оценивает работы I категории, которые уже были выделены на смотре. Отдельно оценку проектам дает иностранное жюри, куда входили приглашенные архитекторы Джеймс Мак Адаме (Великобритания), Питер Эгнер (Австрия), российские архитекторы, работающие за рубежом, – Александр Мосин, Нарине Тютчева. Они тоже отмечают лучшие работы своими премиями. Не всегда мнение российских и зарубежных специалистов совпадает. Кроме того, в этом году в качестве новации заявлен дополнительный конкурс по следующим темам: «Интегральное жилище» и «Жилище в условиях изменяющейся демографии». По этим конкурсам

работало жюри под председательством Татьяны Вавиловой и лучших практикующих архитекторов города Самары. Это Леонид Кудеров, Алексей Герасимов, Дмитрий Моргун и другие, они также выделили лучшие работы.

В этом году наш университет посетил Симоне Джометти, представитель Фонда Ромуальдо дель Бьянко (Италия), который отвечает за проведение второго тура этого смотра-конкурса. Он будет проводиться поздней осенью во Флоренции.

Лариса МОКРОУСОВА, проректор по воспитательной работе СГАСУ:

– Начало этого года в нашем вузе ознаменовано сразу тремя масштабными проектами. В начале сентября в стенах университета прошли такие мероприятия, как Международная конференция «Архитектура и туризм» и XVII Международный смотр-конкурс лучших дипломных проектов архитекторов и дизайнеров ведущих архитектурных школ России, ближнего и дальнего зарубежья. Все эти мероприятия проходили в рамках международной научной деятельности Самарского архитектурно-строительного университета.

Главным учредителем смотра-конкурса является Межрегиональная общественная организация содействия архитектурному образованию (МООСАО).

Наряду с МООСАО организаторами мероприятий выступают: Международная ассоциация Союзов архитекторов, Международная ассоциация Союзов дизайнеров, Российская академия архитектуры и строительных наук, Союз архитекторов России, Союз дизайнеров России, Министерство строительства и ЖКХ Самарской области, Союз архитекторов Самарской области, Самарский государственный архитектурно-строительный университет.

Стоит отметить, что программа мероприятий была довольно обширной: круглые столы, встречи с руководителями губернии и города Самары, с представителями СМИ. Также наш вуз принял активное участие в XIII Международной конференции по проблемам экологии и природопользования. Совместно с Самарским государственным техническим университетом наш вуз являлся организатором этого мероприятия. Мы проводили выездной III международный круглый стол по проблемам гидроэнергетики.

Сергей БРОВЧЕНКО, председатель МООСАО:

– В Самаре мы проводим смотр дипломных работ во второй раз. И я хотел бы отметить высокий уровень организации конкурса, за что выражаю большую благодарность представителям Самарского архитектурно-строительного университета. В этом году в международном смотре-конкурсе приняло участие 58 архитектурных школ, из которых 46 – российские и 12 – стран СНГ и дальнего зарубежья. В жюри конкурса вошло 213 человек – представители ведущих архитектурных школ, общественных и профильных организаций. После тщательного осмотра были отмечены

самые интересные работы этого смотра. Высшая награда – медаль А.Г. Рочегова и диплом РААСН. Эта награда досталась МАРХИ – за проект Научно-исследовательского центра нанотехнологий на Воробьевых горах. Также участники получили дипломы I и II степени МООСАО. По итогам конкурса, I степени были удостоены 294 проекта. Отдаю, что первая премия нашей МООСАО была присуждена выпускнице СГАСУ А. Гниломедовой за «Концепцию развития и реорганизации жилой застройки Самары на основе многофункциональных комплексов» (руководители: доцент Р.М. Вяльшин и Э.В. Данилова). Кроме того, дипломы и премии вручали такие организации, как Союз архитекторов РФ, Международное сообщество архитекторов, ведущие творческие мастерские Самарской губернии: АСД (руководитель А.Г. Головин), архитектурная мастерская А.Н. Герасимова, ООО «Ахмедова-проект» и дипломы Министерства строительства и ЖКХ Самарской области.

Цель наших смотров – оценить работу ведущих архитектурных школ, скоординировать образовательную и учебно-методическую деятельность вузов. Особо отметить я хотел бы Самарский архитектурно-строительный университет. Мы высоко ценим эту школу. Они сделали очень большой рывок в дипломном проектировании, выставка дипломных работ самарских студентов с каждым годом становится все лучше и лучше.

Татьяна ЛУКЪЯНОВА, ученый секретарь совета МООСАО:

– Смотры-конкурсы, коконкурсы, которые мы проводим, очень важны и значимы для развития архитектурного образования. Эти мероприятия показывают уровень подготовки архитекторов, выявляют новые тенденции в архитектурном образовании и невероятно точно позволяют оценить состояние архитектурного образования в России. Мы были практически во всех крупных городах нашей страны: Екатеринбург, Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Вологде, Томске, Казани и Самаре.

Наши смотры для преподавателей являются своего рода повышением квалификации, потому что, оценивая свои работы наряду с другими, они имеют возможность наглядно увидеть достоинства и недостатки выставленных проектов. А будущим специалистам такого рода конкурсы помогают показать себя и дают колоссальный толчок в дальнейшей профессиональной деятельности.

За это время многие архитекторы, которые представляли свои дипломные проекты на смотрах, выросли и стали ведущими архитекторами во всех городах нашей страны и стран ближнего и дальнего зарубежья. Так, в 1981 году проходил смотр в Баку, на котором были представлены дипломные работы Валентина Пастушенко и Виталия Самогорова, они получили там высшие награды. И сегодня Валентин Леонидович и Виталий Александрович – ведущие архитекторы, получившие множество наград, среди которых высшая награда на Международном конкурсе «Зодчество-2007» – «Хрустальный Дедал».

Высшая архитектурная школа

Город, в котором мы живем, должен быть удобным для жизни и при этом сохранять свою индивидуальность, свой неповторимый облик, сложившийся за многие годы, а иногда и столетия. Творцы городского стиля – архитекторы. Именно от них зависит то, как будет выглядеть мегаполис будущего.

МАРХИ – старейший архитектурный вуз страны, настоящая легенда и гордость России. Это учебное заведение, поступить в которое мечтают тысячи абитуриентов, а выпускники по праву гордятся своей альма-матер. О сегодняшнем дне и планах развития Московского архитектурного института (Государственной академии) нашему журналу рассказал первый проректор МАРХИ ШУБЕНКОВ Михаил Валерьевич.

– Истоком сегодняшнего МАРХИ считается архитектурная школа, основанная князем Д. Ухтомским в 1749 году. Именно тогда в мире появилась новая архитектурная школа – московская. В чем особенности московской архитектуры тогда и сегодня?

– Московской архитектурной школе действительно более 250 лет. Еще в те далекие времена был подписан указ о создании первого учебного заведения, призванного готовить будущих зодчих. Это были еще не архитекторы (они появились позже, уже в XIX веке), а именно зодчие – специалисты, способные и придумать, и воплотить своими руками в реальность идею будущего здания.

Конечно, за такой продолжительный период изменилось многое. Это связано с новыми техническими возможностями общества, другими экономическими условиями, бытом, потребностями обывателя – всем тем, что и определяет архитектуру как таковую. Меняются времена – меняется архитектура.

– Как влияет «строительный бум» в России и в Москве на МАРХИ? Появилась ли необходимость в создании новых факультетов?

– «Строительный бум», по-моему, пока только в Москве. В других городах ситуация намного спокойнее. Конечно, профессия архитектора стала очень востребованной и на сегодняшний день очень высоко оплачиваемой. К сожалению, это касается только архитекторов, а не профессоров архитектуры. Мы реагируем на изменения рынка и на его требования внедрением новых специальностей в рамках архитектурного направления: дизайна архитектурной среды, реставрации и реконструкции памятников архитектуры, ландшафтной архитектуры, градостроительства и других. Возникают соответствующие кафедры, учебные центры, факультеты.

– Что ожидает студентов МАРХИ в новом учебном году?

– Каждый новый учебный год приносит в жизнь нашей академии определенные изменения, связанные с изменением

самой жизни. Но мы очень осторожно вводим новшества, предлагаемые сегодня наукой и технологиями, модой и глобалистскими влияниями.

Главную задачу руководство МАРХИ видит в сохранении десятилетиями наработанных методик обучения. Утратить эти традиции достаточно просто, а вот восстановить однажды утраченное бывает крайне сложно. Мы все-таки придерживаемся классической формы образовательного процесса, и с этим у нас и связаны основные проблемы внедрения инновационных форм обучения: дистанционного, траекторного и других. За годы своего существования в МАРХИ неплохо научились готовить профессиональных архитекторов за шесть лет. Сегодня нас хотят перевести на двухступенчатую форму обучения и обязать давать базовое архитектурное образование за четыре года. Мы категорически не согласны с этой новацией. По нашему мнению, обучение на магистра должно быть эксклюзивно, только для ограниченного круга студентов, планирующих стать педагогами, учеными, критиками и т.д. С другой стороны, для подготовки бакалавра-архитектора, способного решать архитектурные проектные задачи, четырех лет явно недостаточно. Наше мнение по этому вопросу разделяют медики, военные, музыканты, художники и представители некоторых других специальностей. Шестилетний план архитектурного образования оттачивался десятилетиями.

Возвращаясь к Вашему вопросу о новом, конечно, студенты ждут новшества. Несмотря на консервативный характер обучения, мы обязаны реагировать на изменения, происходящие в современной строительной сфере. Отрасль быстро преобразуется, меняется, появляются новые строительные технологии, исчезают привычные. Меняется и проектирование. Меняются ролевые позиции его участников. Мы внимательно следим за этими изменениями и стараемся своевременно реагировать на текущие процессы. Появляются новые дисциплины, для преподавания которых приглашаются квалифицированные специалисты. Обновление образовательного процесса происходит постоянно, но и здесь очень важно, вводя новое, не растерять тот багаж методических наработок, которым по праву гордится наш вуз.

– По последним данным, в МАРХИ обучается около 1400 студентов и аспирантов. Почему, несмотря на большое количество профессиональных кадров в области архитектуры, девелоперы приглашают иностранных специалистов?

– В целом в МАРХИ учатся более 2000 студентов. Каждый год мы выпускаем около 400 архитекторов разных специальностей и специализаций, и их все равно не хватает для заполнения рабочих мест Москвы и Подмосковья. Поэтому сегодня приезжают архитекторы из Белоруссии, Турции, Сербии, Германии, Голландии. Иностранцы приезжают, как правило, обслуживать строительство зарубежных заказчиков на территории России и за их средства. Это прежде всего удобно иностранным инвесторам. Все связано с финансированием – кто дает деньги, тот и планирует всю цепочку строительства, включая проектирование.

– МАРХИ аккредитован Королевским институтом британских архитекторов и традиционно поддерживает тесные связи со многими архитектурными и художественными вузами за рубежом. Что, по Вашему мнению, приобретает МАРХИ и город в целом от такого сотрудничества?

– МАРХИ аккредитован в RIBA (Королевский институт британских архитекторов). Первоначально считалось, что наши выпускники, получившие диплом МАРХИ, будут аккредитованы за рубежом как представители системы ШВА. К сожалению, это не подтвердилось на практике. Наши студенты, приехавшие в Англию на работу, ценятся как специалисты, но не признаются квалифицированными архитекторами. Работать – работайте, но статус – только для своих.

– Многие Ваши студенты еще на стадии обучения начинают трудовую деятельность. Как Вы относитесь к практике совмещения учебы и работы?

– Студент должен либо учиться, либо работать. Сегодня у нас работают практически все студенты, начиная с 3-го курса, и это сказывается на качестве их обучения в худшую сторону: проекты сдаются не в срок, многие прогуливают лекции и занятия из-за занятости на работе. В результате – трагедии из-за отчисления, низкая успеваемость, неудовлетворенность преподавателей вниманием студентов к их предметам. Архитекторов нижнего звена сегодня не хватает, и работодатели привлекают студентов-архитекторов на проектирование всех крупных и мелких объектов города. Таковы реалии сегодняшнего дня, и нам, к сожалению, приходится с этим считаться.

– Михаил Валерьевич, какие новые методы обучения архитектурному мастерству нужно вводить уже сегодня, чтобы через 10 лет выпускники были по-прежнему востребованы городским комплексом?

– Время неумолимо, и необходимо постоянно следить за теми изменениями, которые происходят в профессии. Сегодня архитектура в своем классическом понимании «искусства строить» начинает терять свои былые позиции.

Возникло множество специальностей, обеспечивающих строительную сферу деятельности: дизайнеры-архитекторы, конструкторы-архитекторы, инженеры-архитекторы, инфограматики-архитекторы, архитектурные менеджеры и многие другие – те, у кого иное базовое образование, но они вовлечены в архитектурную деятельность.

Архитектура становится иной, она все чаще обходится без традиционных архитекторов. Архитекторы недовольны, но виноваты мы сами, поскольку возникшие новые области проектирования, связанные с современными информационными, техническими, технологическими, компьютерными новациями не осваивались в должной мере в современном архитектурном образовании. Классическое архитектурное образование построено на композиционном методе, на обучении специальным приемам достижения художественной выразительности пространственных форм, ее пластики. А привлечение лишь этих методов сегодня сужает сферу проектных возможностей, обеспеченных современными информационно-компьютерными технологиями виртуального формообразования. Этому надо учить по-другому, и мы, в МАРХИ, разрабатываем и внедряем соответствующие образовательные методики.

– Как Вы относитесь к программе высотного строительства в столице?

– В своем развитии любой крупный мегаполис достигает фазы высотной застройки. Происходит это, когда появляется экономическая необходимость создания большого количества эксплуатируемой площади на единице городской земли. Когда начинают действовать законы экономики, любые другие аргументы отступают на второй план.

Небоскребы есть во всех крупных городах мира. В Америке «бум» высотного строительства начался на сто лет раньше, особенно в центрах деловой активности, таких, как Чикаго, Нью-Йорк. В Европе эта тенденция получила развитие в послевоенное время с подъемом экономики. Это нормальный процесс, сопровождающий строительную активность. Другой вопрос, как этот процесс высотного строительства контролируется, особенно применим к городам с историей.

Если рассматривать Москву, то строительство сегодня высотных зданий в центральной, исторической части города просто недопустимо. Только так мы можем сохранить историческое лицо столицы. Важно понимать, что до начала XX века Москва развивалась по пешеходно-гузовому принципу. Если

сегодня развернуть современное строительство в центральной части города, то надо честно признать, что исторический центр должен быть полностью снесен в угоду концепции полноценного современного мегаполиса.

Приспособить центр города под высотную застройку невозможно. В Москве в срединной и окраинной частях еще достаточно территорий, на которых можно проводить строительство, необходимое городу. Существуют огромные промышленные зоны, например, территории района Капотня, АЗЛК, ЗИЛ, завода «Серп и молот» и т.д.

– Как можно решить проблему пробок в Москве? Какие существуют пути решения и принимают ли участие в разработке проектов Ваши студенты?

– Необходимо учитывать, что мы говорим о комплексе мероприятий, имеющих конечную задачу – решение проблемы транспортной доступности. Я не думаю, что, решая этот важнейший вопрос, необходимо изобретать что-то принципиально новое. Надо воспользоваться опытом крупных мировых исторических центров, которые сумели оптимизировать транспортные потоки на своих улицах. В Риме, построенном более 2000 лет назад, нет пробок в центральной части города. Там очень четко работают разные режимы эксплуатации городского дорожного фонда. Например, историческая, центральная часть города полностью закрыта для свободного проезда частного автотранспорта. В центр имеют право проезда либо машины со спецпропусками (для проживающих в этом районе), либо общественный транспорт и такси. Причем нет никаких пропускных пунктов или кордонов полиции. Все фиксируется на камеры наблюдения, и нарушителям выносятся штрафы по почте. Для Москвы, я считаю, этот пример показателен. Нужно разработать сложную схему режимов движения транспорта для различных зон, но не просто заявленную, а обязательную для исполнения.

Еще один аспект транспортной проблемы заключается в нерациональном использовании имеющейся дорожной инфраструктуры. Дошло уже до того, что некоторые организации позволяют себе не просто ограничивать движение, устраивая частные парковки на проезжей части, а полностью перекрывают движение на всей улице. К счастью, такие примеры немногочисленны. Удручает и то, как регулируется парковка в центре: парковочной разметки нет, иногда паркуются в три ряда (у Детского мира, например).

Использование железнодорожных землеотводов под организацию дополнительных транспортных путей – одно из перспективных направлений на пути решения этой сложной задачи. До последнего времени земли, на которых расположены железнодорожные пути, не задействовались в городских программах. Дело в том, что большая часть этих территорий – федеральная собственность, принадлежащая различным федеральным министерствам и ведомствам.

Эти площади являются одним из немногих оставшихся резервов модернизации транспортной системы города. Для современного мегаполиса сеть железнодорожных путей, расположенных практически в центре города, – непозволительная роскошь.

С другой стороны, не надо забывать, что эти пути являются частью общей железнодорожной транспортной инфраструктуры, пропускающей через себя огромное количество грузовых и людских потоков. В связи с этим уже сегодня существует целый ряд проектов по обустройству этих территорий. Это и надстройка над железнодорожными ветками эксплуатируемых платформ, где будут проложены маршруты новых видов городского транспорта, и проекты по опусканию железнодорожных путей в специальные траншеи, и строительство бизнес-центров над территориями сегодняшних вокзалов.

Наши студенты и преподаватели принимают участие в проектировании самых разнообразных объектов, но эти разработки носят скорее поисковый характер. Их цель – показать городским властям и инвесторам альтернативные пути развития нашего города, апеллируя не столько к финансовым возможностям, сколько к функциональным потребностям Москвы. С июня по октябрь на территории МАРХИ организуется ежегодная выставка дипломных проектов, посмотреть

которую приезжают и наш Мэр Ю.М. Лужков, и руководитель Строительного комплекса В.И. Ресин., и другие архитекторы.

– Считаете ли Вы перспективным освоение подземного пространства столицы?

– Вопрос очень непростой. Дело в том, что, с одной стороны, земли, на которых исторически строилась

Москва, очень благоприятны для развития городской инфраструктуры. У нас очень низкая сейсмика, то есть территории не подвержены землетрясениям. Удачное географическое расположение. Однако наши грунты очень водонасыщены и подвижны. В связи с этим любое подземное строительство приводит к необратимому нарушению грунтовой структуры: меняются уровни грунтовых вод, происходят сдвиги пластов и т.д. Все специалисты, занимающиеся изучением грунтов Москвы, отмечают крайне сложные геологические и гидрологические условия нашего города.

Логика развития мегаполиса диктует неизбежность развития подземной урбанизации. Освоение подземного уровня города неизбежно, но это строительство будет сопровождаться серьезными капиталовложениями и постоянной опасностью необратимого изменения геологической структуры в случае ошибок, что чревато последствиями. К сожалению, в последнее время достаточно наглядных примеров, подтверждающих эти опасения. Различные провалы на дорогах, образование трещин на зданиях, особенно старой постройки, – все это звенья одной цепи. Поэтому любой проект подземного строительства должен отличаться очень серьезной инженерией и глубокой проработкой геологической составляющей проекта.

– Готовит ли МАРХИ специалистов по освоению подземного пространства?

– Такой специализации у нас нет. Это скорее инженерная область, чем архитектурная.

Архитектор проявляет себя в первую очередь там, где требуется организация гармоничного жизненного пространства. Под землей люди никогда не будут жить постоянно. Там все искусственное: освещение, воздух, тепло и т.д. Даже при строительстве метрополитена архитекторы принимают участие только в создании облика станций. Все остальное – это инженерные решения, не требующие архитектурного участия.

– Как Вы можете охарактеризовать современного столичного архитектора?

– Архитектор должен обеспечивать формирование комфортной среды обитания, сохранение историко-культурного архитектурного наследия, уметь создавать современные высокотехнологические объекты. Другое дело, что это разные архитекторы, которых и учат по-разному. Обычно одни уже никогда не становятся другими – разные философии, разные профессиональные задачи. А современный столичный архитектор должен быть прежде всего хорошо образован: обладать знаниями по философии, истории вообще и истории архитектуры и градостроительства, в частности. Необходимы инженерные и математические знания, нужно разбираться в живописи, рисунке, скульптуре и т.д. Главное – он должен хорошо представлять себе, что такое архитектура как социальное явление и зачем она нужна людям, что такое проектирование архитектуры и в чем особенности архитектурной профессии.

– Какими выпускниками Вы гордитесь особенно?

– Гордостью МАРХИ являются те выпускники, которые осознают свою роль в обществе и ставят перед собой задачи развития своеобразия русской национальной архитектуры, не поддаются влиянию глобализма и не размениваются на должности и возможный достаток в угоду чьей-то хорошо оплаченной прихоти.

Сессия Летнего градостроительного университета в Сержи-Понтуаз

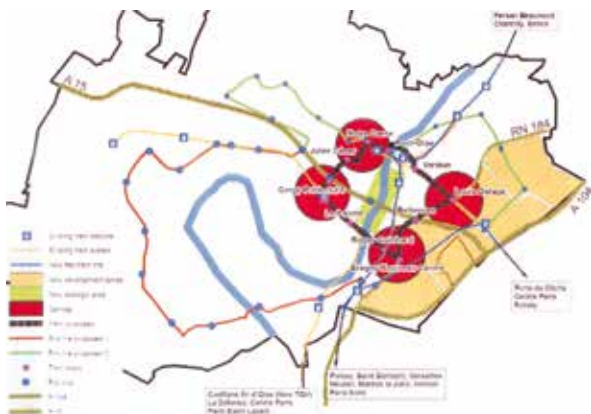
текст
Николай Смирнов

По сложившейся традиции в конце лета под Парижем проводится сессия Международных градостроительных мастерских, собирающая молодых профессионалов со всего мира. Конечно, само выражение «молодой профессионал» может вызвать снисходительную улыбку, но, смею вас заверить, та работа, которую эти ребята делают за неполный месяц, заслуживает уважения.

Рабочая область

В этом году 26-я летняя сессия, состоявшаяся 23 августа – 19 сентября в городке Сержи – административном центре агломерации Сержи-Понтуаз, была посвящена решению проблем, связанных с воздействием автомобильной магистрали, рассекающей агломерацию, на развитие городского сообщества. В агломерацию входит 12 муниципалитетов, в том числе интенсивно развивающиеся Сержи-Префектор, Сержи-Сен-Кристоф и ряд других, а также давно сложившийся, стабильный старинный Понтуаз. И то, что их разделяет мощная шестиполосная магистраль, в одном коридоре с которой проходит ЛЭП 225 кВ, по мнению местных властей, мешает жителям чувствовать себя членами единого городского сообщества. В общем, нам бы их проблемы... Автомагистраль по индексу А 15 обслуживает Сержи-Понтуаз и практически не имеет транзитного значения, по выходе за пределы агломерации она превращается в местную дорогу, тем не менее, в «час пик» на ней случаются «пробки». Участникам сессии была поставлена задача – предложить градостроительные (включая экономические, социальные и другие) решения, позволяющие снять «барьерную» функцию магистрали А 15. Решение должно учитывать комплексное развитие агломерации на фоне перспективных проектов национального масштаба: завершения большого автомагистрального кольца вокруг Парижа (дорога А 104 намечена вдоль восточной границы проектной территории), усиления роли р. Уазы в системе внутренних водных путей, строительства скоростной железнодорожной линии (TGV) Париж-Руан. Формирование единого урбанизированного пространства в границах агломерации имело и политический подтекст: сейчас мэры муниципалитетов Сержи и Понтуаз принадлежат к разным партиям.

Состав участников был весьма представительным – четыре континента, 14 стран (Алжир, Бразилия, Германия, Италия, Китай, Колумбия, Ливан, Мексика, Польша, Россия, США, Таиланд, Франция, Япония). В составе жюри и ассистентов работали также представители Вьетнама, Сенегала и Турции. Большинство составляли архитекторы, были также экономисты, социологи, урбанисты, дизайнеры и даже художники. Удивило отсутствие транспортных инженеров. Россиян в Сержи было пятеро: участницы Наталия Зайченко (Москва) и Анастасия Потапова (выпускница ИрГТУ), ассистент Туяна Басанова (ИрГТУ), члены жюри Борис Трофимович Литвинов (ИрГТУ) и ваш покорный слуга.

Подробно останавливаться на методике и технологии организации проектной работы в рамках международных градостроительных мастерских вряд ли имеет смысл: они полностью заимствованы Международным Байкальским Зимним градостроительным университетом, 9-я зимняя сессия которого прошла в феврале в Иркутске, и, думаю, известны всем заинтересованным лицам. Участники разбились на пять команд, ознакомились с местностью, получили всю необходимую информацию и приступили к работе. Члены жюри включаются в процесс на последнем этапе, поэтому ничего не могу сказать о предварительных стадиях подготовки проектов (прошло два просмотра, 5 и 12 сентября). Итоговые же решения были весьма разнообразными и интересными.

Команда А сделала акцент на социально-экономическом развитии восточной части агломерации. Со строительством магистрали А 104, замыкающей транспортное кольцо вокруг Парижа, и интенсификацией использования р. Уазы, создаются условия для формирования экономического кластера на базе высоких технологий и появления новых центров – Эраньи и Сен-Уэна (см. схему). Новый импульс развития получает Понтуаэ, Сержи сохраняет современные высокие темпы. Появляется кольцо рельсового общественного транспорта, соединяющее все четыре центра. Между ними, по берегам Уазы, размещается рекреационная зона. В качестве лозунга эта концепция была сформулирована как «опора на четыре ноги». На магистрали А 15 предлагалось изолировать возможный транзитный поток от движения в границах агломерации. Этот проект был признан лучшим, однако было отмечено, что он все внимание концентрирует на восточной части проектной территории и ничего не предлагает для западной.

В отличие от рассмотренной концепции, проектное решение команды В предусматривало формирование разветвленной многофункциональной транспортной сети по всей территории агломерации Сержи-Понтуаэ. Предлагалось разбить поток, движущийся по А 15, на четыре направления, снизив его интенсивность и регламентировав скоростной режим. В итоге получалась система бульваров, сочетающая озеленение, полосы для движения автомобильного (как частного, так и общественного) и рельсового транспорта. Четыре основных бульвара связывались второстепенными улицами и дорогами и не становились, по мысли авторов, препятствием для сообщения между различными районами агломерации. Проект команды В занял второе место, было отмечено, что он удачно дополняет предло-

жения команды А, и в сочетании они могут стать основой для практического градостроительного планирования.

Проект команды С можно назвать экологическим, его лозунгом было: «Назад, к природе», а в качестве концепции было заявлено строительство города «в человеческом масштабе». Дорогу А 15 предлагалось постепенно трансформировать в бульвар, развивать преимущественно общественный транспорт, в частности «электрические такси», и этим ограничить рост транспортных потоков. Проект был, пожалуй, наиболее комплексным и проработанным, однако не имел выраженной планировочной идеи и не произвел впечатления на жюри.

Наверное, самый амбициозный проект был выдвинут Командой D. Она попыталась заглянуть дальше всех – сроком реализации был назван 2060 год. Проектное решение предлагало максимально экологизировать энергетику и транспорт («вывести бензин из города», внедрять ветрогенераторы и солнечные батареи, электромобили), развивать сельское хозяйство. Проектные прорисовки выглядели весьма футуристично. По идеологии команда D была ближе к команде С, однако решение выглядело более смелым и ярким. Однако команда допустила просчет «политического» порядка: было заявлено, что дорога А 104 (напомню, завершение транспортного кольца вокруг Парижа) никогда не будет построена. Половину жюри составляли представители муниципалитетов, местных плановых и проектных организаций и учреждений, т.е. люди, непосредственно заинтересованные в развитии региона. В процессе обсуждения прозвучало примерно следующее: «Мы тут бьемся за строительство А 104, а участники команды предлагают заранее поставить на ней крест». И в итоге, несмотря на общую симпатию, команда D осталась, как говорят, «без места».

Команда Е попыталась построить свою концепцию на идее формирования вдоль А 15 системы «пульсирующих» центров разной функциональной ориентации, чтобы магистраль (с предлагавшейся практически всеми командами дифференциацией скоростного режима) из барьера превратилась в центрирующий элемент планировочной структуры агломерации. К сожалению, презентация в общем-то неплохой идеи была весьма невнятной, и жюри не поняло, что в конце концов команда хотела сказать.

Подводя итоги, можно сказать, что сессия свою задачу выполнила. Заказчик – администрация агломерации Сержи-Понтуаэ – получила устраивающие ее градостроительные идеи проектные проработки, которые могут быть использованы в практической деятельности, а участники приобрели, прямо скажем, бесценный опыт командного «штурмового» решения весьма неоднозначной проблемы, общения и совместной работы представителей очень разных архитектурных школ и систем образования. Я думаю, весьма пригодятся и установленные личные контакты.

Что касается критериев успеха, то признание получили те проектные предложения, где планировочные идеи опираются на экономическую базу, учитывают перспективы развития территории в контексте национальных проектов и каким-то образом угадывают политическую конъюнктуру.

Проект команды А

Проект команды Е

Зимник X

10-я юбилейная сессия Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета «Культура уличного пространства города», февраль 2009 года

текст
Борис Литвинов

В современном градостроительстве произошли революционные изменения взглядов на проектирование городских улиц.

Еще три десятилетия тому назад основное внимание уделялось улучшению условий движения автомобильного транспорта (увеличение пропускной способности УДС, повышение скорости сообщения) и чисто техническим аспектам решения этой задачи. Но уже в 1974 году Конференция породившихся городов констатировала в «Болонской декларации», что только техническими мерами транспортные проблемы городов решать уже нельзя и необходимы комплексные градостроительные мероприятия.

Изменения взглядов на цели проектирования городских улиц учтены и систематизированы в предложениях Мировой дорожной ассоциации (PIARC). Специалисты профильного Комитета по городским территориям PIARC значительно расширили понимание функций городских улиц и дорог, к числу которых отнесли:

- транспортные функции:
- функции транзита – пропуск потоков между разными районами города (внутригородской транзит) и внешних транзитных потоков;
- функции обеспечения доступности – транспортное обслуживание городских районов (движение в районы и из них);
- функции формирования городской среды – формирование городского ландшафта, условия размещения застройки, ориентация;
- социальные функции – условия проживания и работы, совершения покупок, отдыха, передвижений пешеходов и велосипедистов и т.д.;
- экологические функции – городской микроклимат, воздушная циркуляция и качество воздуха, состояние фауны и флоры, рекреация;

– экономические функции – влияние на экономическую ситуацию в городе.

Современное градостроительство рассматривает улицу как полифункциональное пространство, в котором транспортные функции не доминируют над остальными.

Улицы города – его лицо. Именно на улице происходит знакомство с его обликом, атмосферой. Именно улицы формируют имидж и ауру города. В этой связи в современной градостроительной и дизайнерской практике появились термины streetscape – ландшафт улиц, sustainable streets – устойчивые улицы, livable streets – комфортные, приятные для жизни улицы.

Для Иркутска ландшафтные улицы приобретают особое значение. Город претендует на звание исторического города и центра туризма. Один из путей повышения статуса города, его привлекательности и обретения своего неповторимого облика требует начать ландшафтное проектирование улиц. К сожалению, сегодня облик улиц в Иркутске оставляет желать лучшего. Они не отвечают как современным техническим требованиям, так и современному пониманию градостроительного дизайна улиц.

Приближающийся 350-летний юбилей нашего города – хороший повод преобразить наши улицы, сформировать привлекательный облик города. Все это послужило причиной выбора темы 10-й юбилейной сессии Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета.

Цель сессии – разработка концепции и предпроектных разработок по формированию комфортного уличного пространства.

Перед участниками могут быть поставлены следующие задачи:

- Проведение градостроительного анализа сложившегося уличного пространства центральной части Иркутска: улица, бульвар, площадь, набережная, внутриквартальные проезды, парковки.
- Разработка концепции развития транспорта и улично-дорожной сети Иркутска.
- Разработка концепции реконструкции улично-дорожной сети центра.
- Подготовка предпроектных предложений по формированию уличного пространства:
 - городского бульвара (Лермонтова, Байкальская);
 - улицы в историческом центре (Дзержинского);
 - улицы в новом жилом районе (м/н Первомайский).

Наука и образование в городе

В феврале 2003 года в стенах Иркутского государственного технического университета проходила 4-я зимняя сессия Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета, которая была посвящена теме «Наука и университет в городе».

Тема сессии была выбрана не случайно, так как Иркутск по праву относится к городам науки и университетов. В работе сессии приняли участие молодые архитекторы, градостроители, ландшафтные архитекторы, дизайнеры, транспортные инженеры и экономисты-градостроители из 5 стран: России, Германии, Франции, США, Грузии.

Были сформированы четыре международных проектных команды, которые искали свои пути решения поставленных задач, и сегодня можно констатировать, что предложен широкий спектр решений: от традиционных архитектурно-градостроительных до образно-символических, которые способны обогатить и гармонизировать городскую среду в целом и конкурсную площадку в частности. Члены международного жюри единодушно отмечали высокий профессиональный уровень работ, выполненных в столь короткие сроки.

В 1949 году распоряжением Совета Министров СССР и постановлением Президиума АН СССР в Иркутске был организован Восточно-Сибирский филиал АН СССР – Иркутский научный центр СО РАН. В связи с этим на левом берегу Ангары был построен Академгородок – место размещения 13 академических институтов и многочисленных научных лабораторий и учреждений. Имеется развитая жилищная и социальная инфраструктура. Эта территория (около 500 га) имеет особый статус управления, осуществляемого РАН, а не муниципальными органами.

Практически одновременно со строительством Академгородка на сопредельной территории были возведены новые корпуса Иркутского государственного университета (ИГУ), а чуть севернее – Студгородок (около 400 га), в котором насчитывают около 50 000 студентов вузов и средних специальных заведений. Здесь расположены учебные корпуса, научно-исследовательские лаборатории, библиотеки, спортивные

площадки, студенческие клубы, торговля, точки питания, общежития и жилье преподавателей.

Предполагалось, что Академгородок, корпуса ИГУ и Студгородок будут составлять единую, функционально и территориально взаимосвязанную градостроительную систему. К сожалению, этот проект не удалось реализовать.

Эти учреждения являются крупными землепользователями и территориально тяготеют друг к другу, образуя на стыке крупный планировочно-транспортный узел общегородского значения. К этому узлу примыкает полоса отвода ВСЖД остановочным пунктом «Академическая».

Строящийся мост также находится на данной территории, который свяжет левобережную часть Иркутска с центром города и новым культурным центром правого берега Ангары. Новый мост – это 4-й мостовой переход, призванный разгрузить исторический центр, перегруженный различными функциями.

Все перечисленные учреждения обладают развитой планировочно-функциональной инфраструктурой и значительным территориальным резервом для дальнейшего развития (ИрГТУ – в пределах береговой полосы, Академгородок и госуниверситет – в примыканиях к рекреационной зоне юго-западного городского сектора).

Несмотря на общую неблагоприятную экологическую ситуацию (загрязненность почвы и воды, деградация растительности, режим аэрации), район находится в относительно лучших условиях по сравнению с другими районами центральной части города. С запада примыкает лесной массив. Интерес представляет редкий пример ландшафтного проектирования, где озеленение составляет большую часть территории (40 видов деревьев и кустарников).

Цель 4-й сессии «Наука и университет в городе» – разработка концепции и предложений, направленных на формирование идеологии устойчивого развития территории левого берега в границах Академгородка и Студгородка.

Перед участниками сессии были поставлены следующие задачи:

– Оценка общего состояния городской среды в Левобережном округе и его влияния на функционирование науки и высшего образования.

текст
Борис Литвинов

– Анализ характера пространственного размещения учебных и научных комплексов в городской черте, состояния коммуникационных связей между ними.

– Оценка перспектив развития учебных, жилых, общественных, научно-производственных зон Академгородка, ИГУ, ИргТУ.

– Предложения по оптимизации функционально-планировочной, транспортной, инженерной инфраструктуры района сосредоточения учреждений науки и высшей школы.

– Улучшение качества архитектурной среды, жилья, общественных пространств и ландшафтно-природных зон (включая береговую полосу Ангары).

– Оценка влияния строительства нового мостового перехода через Ангару на жизнь данной городской территории.

– Предложения по тому, каким образом сегодня и завтра могут проявиться индивидуальность, имидж Академгородка и Студгородка в масштабе города, агломерации, региона.

В конкурсе победила комплексная, междисциплинарная, международная команда «Мелодия города»:

Елена Бондарь, СФУ, Красноярск, Россия, архитектор
Фредерик Андре, Высшая школа архитектуры, Париж, Франция, градостроитель

Ольга Медведева, ИргТУ, Иркутск, Россия, архитектор
Йоганнес Шлейш, Штутгартский технический университет, Штутгарт, Германия, транспортный инженер

Анна Шипицина, ИргТУ, Иркутск, Россия, дизайнер городской среды

Терри-Анна Миллер, университет Беркли, Сан-Франциско, США, ландшафтный архитектор

Основа концепции – мелодия. Мелодия (от греч. melodia – пение, напев, песня) – ряд ритмически организованных звуков, соразмерность частей, слияние различных компонентов объекта в единое органическое целое.

Мелодия как концепция выбрана не случайно, потому что она:

- имеет части, но в то же время может быть продолжена,
 - имеет структуру, но позволяет импровизировать,
 - создаёт комфортное состояние для ума, тела и души.
- Критерии для создания мелодии (гармонии):
- обеспечение взаимодействия,
 - чувство места,
 - создание иерархии.

Концепция предложенного проекта выражает интересы жителей Иркутска социально, экономически, экологически и духовно.

Социально – создаёт хорошую среду для общения людей между собой, не замыкаясь в своём собственном мире.

Экономически – создаёт благоприятные условия для капиталовложений и стабильного экономического развития.

Создание общей мелодии конкурсной площадки следует рассматривать в контексте всего города. В настоящее время гармония отсутствует, слышен только шум. Это происходит из-за того, что каждая зона имеет свое собственное звучание, а вместе они создают диссонанс.

Причины:

- недостаток функциональных и социальных связей (так как разделяющие силы сильнее соединяющих),
- отсутствует чувство места (близость реки, леса и т.д.),
- разобщенность школ, университетов и научных институтов.

Участники команды предлагают сформировать мелодию за счёт усиления связей между существующими зонами.

Методы соединения:

- визуальные связи,
- приближение масштаба к человеку,
- многофункциональные здания,
- пешеходная сеть,
- развитие транспортных путей,
- знаковая система.

Проектные предложения направлены на воплощение этих методов соединения на реальной территории (конкурсной площадке). На основе выявленных молодыми специалистами важных недостатков территории, предлагаются следующие изменения:

– Инфильтрация существующих зон – ослабление категоричного зонирования с помощью интеграции нескольких функций в одну.

– Создание звукового акцента в нашей мелодии-территории вдоль западного берега реки, которые продолжают на неблагоустроенную территорию.

1. Север – визуальные связи между правым и левым берегом реки, интеграция общественной зоны, рекреации и образовательной функции.

2. Запад – визуально и физически соединяет неразвитые территории одновременно с рекой и лесом. Содержит в себе жилую, общественную и учебные функции. Здесь располагаются новые многофункциональные здания.

3. Юг – соединяет закрытую территорию с городской тканью. Объединяет учебную и общественную функции. Атмосфера притягательна для жителей и гостей города – привлекает инвестиции.

– Создание системы безопасных пешеходных коммуникаций на разных уровнях с транспортом.

Проект решает следующие задачи:

- создание благоприятной среды для проживания человека,
- развитие науки, создание условий для привлечения денег,
- создание развлекательной, образовательной и жилой осей,
- создание территории со смешанными функциями, нехватка функций восполняется,
- развитие пространства на прибрежной территории, создание визуальных точек.

Основные концептуальные выводы:

Выявляется основополагающая роль планировочно-транспортного узла на участке между жилыми зонами Академгородка, Студгородка и ИГУ, формированию которого дает сильный импульс строительство нового моста. Этой территории отводится роль главного центра левобережья, места концентрации наиболее крупных объектов торговли, деловой сферы, культуры и обслуживания.

Границы функционального ядра района могут расширяться к северу, югу и западу.

– Формирование нового центра не ограничится строительством на пустующих территориях, но спровоцирует значительные преобразования уже существующей застройки, в первую очередь по ул. Лермонтова.

– Необходимость создания оптимальной транспортной схемы, с приоритетами дальнейшего развития общественного транспорта.

– Подчеркивается необходимость создания системы обустроенных пешеходных направлений меридиональной и широтной ориентации, связывающие центральные зоны научных, учебных комплексов, жилья между собой и прибрежными территориями.

– Создание системы специализированных центров – информационных, деловых, учебно-образовательных, производственно-коммерческих, технопарков, биржи труда учащейся молодежи, которые дополняют уже сложившиеся места концентрации торговли и обслуживания и определяют специфику района, основу взаимодействия науки, высшей школы и производства.

– Потребность в более комфортной среде, которая должна способствовать как профессиональной деятельности, так и неофициальным контактам, культуре общения в условиях города.

– Высоко оценивается эколого-рекреационный потенциал района, его статусу должна способствовать пространственная взаимосвязь озелененных территорий, их ориентация на водное пространство.

Начальная школа La Corita в Вальдеморо

Место: Мадрид, Испания
Проектирование: М^а Auxiliadora Gálvez y Izabela Wieczorek
2005 г.
Сайт: architektonika.ru

Школа искусств, дизайна и средств массовой информации в Сингапуре

Сайт: architektonika.ru

Органическая форма, структура ландшафта и применение высоких технологий символизируют творческий характер здания Школы искусств, дизайна и средств массовой информации в Сингапуре.

Школа для школьников

Место: Торонто, США
Архитектурная фирма: Baird Sampson Neuert Architects
Сайт: architektonika.ru

Комиссия AIA (Американский архитектурный институт) ежегодно присуждает награды лучшим постройкам на территории США. В 2008 году AIA Honor Award за лучший проект досталась школе Thomas L. Wells Public School в Торонто.

Колледж Metzo Doetinchem

Место: Doetinchem, Нидерланды
Архитектор: Эрика ван Эгераата
Сайт: architektonika.ru

Erick van Egeraat: «Главная цель проекта состояла в том, чтобы сохранить существующую открытую среду в максимально возможной степени».

Градостроительные амбиции ректора Винокурова

В Иркутске немного найдется руководителей крупных учебных заведений, которые бы так заботились о системном развитии комплекса своего университета, о внешнем облике своих зданий, как ректор Байкальского госуниверситета экономики и права академик Михаил Алексеевич Винокуров. По признанию архитекторов, его действия по развитию застройки на территориях БГУЭП являются свидетельством не только стремления удовлетворить насущные потребности вуза в дополнительных площадях учебных и жилых помещений. Всякий раз новый проект оказывается заслуживающим самого пристального внимания архитектурного сообщества и горожан. Так, отреставрированный кинотеатр «Художественный» стал украшением улицы Карла Маркса, показывая хороший образец провинциального модерна; ярко выраженной индивидуальностью отличаются полукруглый аудиторный корпус во дворе университета и жилой дом на ул. Байкальской. Застройка в центре города представляет особую сложность еще и потому, что должна учитывать его уже сложившийся архитектурный облик. О градостроительной и архитектурной стратегии БГУЭП М.Ткачева беседовала с ректором М.А. Винокуровым.

ПБ
Я хочу затронуть несколько тем. Первая – это архитектурные проекты, начиная с проекта полукруглого аудиторного корпуса университета, о котором рассказывалось еще в первом номере «ПБ», и начавшееся совсем недавно строительство во дворе университета. Из каких соображений архитектурного порядка исходит ректор Михаил

Алексеевич Винокуров, когда затевает проект очередного строительства?

МВ

Многие отмечают, что в Иркутске оригинальная архитектура. И я, как иркутянин, с этим согласен. Но ее идентичность – не только в деревянном зодчестве. Каменная застройка тоже заслуживает внимания. Наш университет находится в центре города, поэтому хотелось бы, чтобы здесь были и остросовременные здания, настоящие представители нашего, XXI века. Начало этой задумки мы реализовали в полукруглом здании, но оно – только первое из серии, которую мы будем продолжать в этом же стиле. Мы намереваемся «закольцевать» университет, построить несколько зданий на основе единой идеологии. Хотелось бы, чтобы они стали украшением города. Над этим вопросом мы сейчас работаем. Конечно, нужно много денег. Будем искать и выделять деньги, чтобы все получилось хорошо.

ПБ

При таком масштабном строительстве, какое ведется Вами, обычно больше всего думают об экономии. Чтобы сэкономить, делают проект попроще, подешевле, поближе к типовому. А оригинальные проекты и сами стоят дороже, и воплощение их дороже стоит.

МВ

Да, эксклюзивные вещи стоят дороже. Но зато это – эксклюзивные вещи, у них совсем другая привлекательность. И это здание, к строительству которого мы только приступаем, будет жить многие, многие десятилетия. Хотелось бы, чтобы горожанам понравилось и запомнилось это здание, чтобы они имели основания гордиться им. А коробки, которые мы в 60-е годы построили, они никого не прельщают...

ПБ

Ну, тем не менее, десятиэтажка третьего корпуса – это тоже определенная примета времени, определенный стиль.

МВ

Наступил другой век, и мы сделаем оригинальное здание. Нашему коллективу приятно находится в хороших, привлекательных зданиях, гордиться ими. Студенты, которые будут учиться у нас, тоже будут гордиться этим. Я считаю, что эти затраты окупаемые. Здесь имеет значение перспектива, которая будет действовать много лет, а не только сию минуту, чтобы результат был виден тем, кто придет в университет и после нас.

ПБ

А как началась эта инновационная архитектурная деятельность? Нужны были какие-то внутренние причины, чтобы выбрать именно такой проект, а не какой-то попроще? Как сложилось это содружество архитекторов и руководителя?

МВ

Когда пришло время, мы первые десятилетия потратили на то, что выкупали старые здания, реставрировали их, восстанавливали. Так было со старыми корпусами, кинотеатром «Художественный». А потом захотелось построить, как я уже сказал, новое хорошее здание. Архитектора Е. Григорьеву и ее произведения я уже давно знаю. Но одно дело знать, а другое дело – вместе работать, осуществлять что-то общее. И я рад, что мы нашли с ней общий язык. Заказали сначала один проект, а теперь она – продолжательница того, что уже начала. И мы намерены сотрудничать с ней дальше. Квартал улиц Карла Маркса и Ленина – наша территория, мы поэтапно, шаг за шагом развиваем инфраструктуру Байкальского университета. И городу будет приятно получить хорошие объекты.

ПБ

А Вы можете сформулировать принципы, которые для вас обязательны в новом проекте?

МВ

Первое – функциональность. Мы – высшее учебное заведение, и, конечно, мы строим функциональные корпуса для занятий. Это непереносимое условие. В соответствии с этой функциональностью помещения должны быть достаточно большие, светлые, с большими окнами, высокими потолками, обязательно и рациональное использование площадей. А второе – это привлекательность с точки зрения восприятия, чтобы это было новым шагом в архитектуре Иркутска. Стиль полукруглым зданием аудиторного блока уже заложен, я думаю, что эта стилистика теперь должна продолжаться в нескольких новых корпусах, которые мы построим рядом. Они должны концептуально дополнять друг друга. Е. Григорьева уже предложила нам эту перспективу, показала несколько эскизов, и я согласился. Ей же мы предложили расширение двух уже существующих объектов, чтобы она их подвела под общую концепцию. Один из них – это старая столовая, которую мы решили надстроить. В будущем году мы добавим этаж, он впишет здание в тот новый стиль, который формируется.

ПБ

А как бы Вы определили этот новый стиль?

МВ

Мне трудно подобрать слово. Тут есть и оттенок классики в пространствах и пропорциях, но больше нового, модернистского.

На круглой площадке я планирую поставить скульптуру в центре, когда закончится строительство. Она станет и украшением, и символом для студентов. В дальней перспективе некоторые дворы могут стать атриумами. Поставим первый корпус, второй и третий, между корпусами сделаем крышу. Там будут стоять скамейки внутри, озеленение, будет красиво.

ПБ

Я вспоминаю один разговор с Еленой Ивановной; она говорила о том, что обычно такая инициатива исходит от архитектора, а тут, заказчик сам предлагает острые решения. Вы говорите архитектору о каких-то идеях, новых впечатлениях. Что это за идеи?

МВ

Да, это касается нового третьего корпуса. У нас нет настоящего вестибюльного пространства: в существующих корпусах маленькие вестибюли, низкие потолки. А хочется сделать так, чтобы студент заходил в главный вестибюль высшего учебного заведения, где было бы просторно: высокий потолок и все другие атрибуты. Студенты будут там назначать встречи, свидания, они будут считать это место своей территорией. В уровне второго этажа этот перспективный блок будет связан с остальными, чтобы

студенты по всему университету могли передвигаться, не выходя на улицу. Планируется также сделать большой зал заседаний Ученого совета с остекленным потолком, с хорошей мебелью. В Швеции делают очень хорошую деревянную мебель, не пластиковую, не металлическую, а именно деревянную. Мы же живем в деревянном крае, вот и поставим у нас хорошую мебель. Этот новый зал будет рассчитан на 110-120 человек, чтобы можно было проводить там самые разные мероприятия, примыкающее кафе повысит комфорт и расширит область применения зала. Новый зал должен быть еще и технически оснащенным, с оборудованными рабочими местами, с подвижной доской, – на самом современном уровне. Там можно будет проводить научные конференции, мероприятия международного уровня. Зал будет многофункциональным. Он расположится на верхнем этаже. Этот зал станет также диссертационным.

Такой корпус нужен: людей стало больше, университет разрастается. Сейчас мы готовим в Федеральное агентство по образованию указы, к нам присоединят еще два техникума, и общая численность достигнет 25 тысяч человек. Большой университет требует более крупных общественных пространств в своей структуре. Кроме того, будет надстроена существующая столовая, соединенная теплым переходом. Мы хотим сделать верхний этаж столовой дискотечным, чтобы студенты могли проводить там вечеринки. Днем они будут там обедать, а вечером он будет легко трансформироваться в места для проведения студенческих мероприятий.

ПБ

Можно ли из Ваших слов заключить, что Вы стремитесь сделать университет местом жизни студентов, организовать жизнь студентов в стенах университета более рационально и осмысленно?

МВ

Вы сами дали ответ. Надо, чтобы студента тянуло в университет, чтобы ему не захотелось отсюда уходить, чтобы весь свой день он мог проводить здесь: учиться, организовывать свободное время, питаться.

ПБ

Вы говорите: надо сделать город красивым. Все здания, которые принадлежат университету, чистые и ухоженные. Но, кроме того, что это красивые объекты, как

Жилой дом на ул. Байкальской
Архитекторы:
А. Зибров,
Е. Третьяков,
А. Юшков.

Премия «Золотая капитель»
(г. Новосибирск, декабрь
2007 г.) в номинации
«Жилые многоэтажные
здания»

Кинотеатр
«Художественный»
(ул. Карла Маркса) после
реконструкции

Расширение учебного блока
БГУЭП
2008
Проектирование: ООО ПТАМ
«Студия-7»
Архитекторы:
Е. Григорьева,
С. Муллаяров,
Ю. Шевченко,
В. Яковлева
Конструктор:
Н. Лысева

Золотой диплом Между-
народного фестиваля
«Зодчество Восточной
Сибири-2008»

Вы видите значение архитектурных сооружений вуза для нашего города?

МВ

Мое мнение: власти должны осмыслить роль нашего города, региона во всероссийской ситуации. История нам подсказывает, что Иркутск всегда был местом интеллектуальным, местом интеллигенции. Первый университет организовали в Томске, хотя первый проект университета был в Иркутске. Этот дух вольного, культурного города надо таким и сохранить. Нужно развивать все культурные заведения, все вузы. Я и преждему, и нынешнему губернатору уже говорил, что надо открыть у нас институт культуры, академию искусств, – или, может, как-то по-другому ее назовем. Это обязательно. Чтобы наша талантливая молодежь не уезжала в Новосибирск или Москву учиться музыке и рисованию. В США есть небольшой город Бостон, там три крупнейших университета, известных во всем мире. Весь мир знает этот город по университетам. Почему бы не прославить так Иркутск? Эту систему надо поддерживать, вкладываться. Наш город в России может стать крупным вузовским центром. Еще одна притягательная сторона – близость Байкала. Мы – центр Сибири, молодежи здесь интересно. И мэру, и губернатору надо объединиться для того, чтобы сделать наш город мощным, удобным и архитектурно красивым.

ПБ

А как Вы видите место архитектуры в городской жизни?

МВ

В современной архитектуре нашего города я не прослеживаю стиля, пока он мне не видится.

ПБ

Каким Вы представляете новый масштаб города?

МВ

Во-первых, мне кажется, в городе не нужна большая высотность; не выше шести-семи этажей. Если убрать высотность, город будет гармоничнее. Во-вторых, надо убрать плоские крыши. Они с технологической точки зрения никуда не годятся. Сделать более крутые крыши, прямо насадить эту культуру. Я вспоминаю Прагу и другие европейские города. Там очень красивые крыши. И нам в Иркутске надо делать нечто подобное, а то здесь крыши просто безобразные. В-третьих, надо делать цветные фасады, отойти от этой серо-черной унылой гаммы. Не обязательно все должно быть разноцветным, можно просто использовать разные строительные материалы: мрамор, кирпич. Но чтобы цветность в городе была. И, в-четвертых, по моему мнению, улицы нужно закладывать пошире. Если есть возможность, то улицы надо расширять в этой новой концепции, чтобы не было заторов.

ПБ

А как быть со старыми улицами, которые уже исчерпали свой ресурс?

МВ

Надо просто учесть опыт Европы, она же вся с узкими улицами: они вывели все парковки на тупиковые улицы, запретили стоянки. У нас же бросают автомобили беспорядочно. Властям вместе с ГАИ проблему надо решать. Еще надо устраивать велодорожки и стояночные места для велосипедов. И это все не прихоть, а необходимость. И, конечно, я бы еще хотел, чтобы наш город был чистым. Город нужно убирать весь год. Надо вкладываться в инфраструктуру города, тогда он будет чистым. В Париже ливневка сделана так, что водой весь мусор сносит в колодцы. И у нас тоже необходимо что-то подобное. Нужна комплексность всех мер. Архитектор у нас должен быть достойным лицом, чтобы с его мнением считались.

ПБ

Сейчас слово «архитектор» все чаще заменяют словом «градостроитель»: новая ситуация требует более широко-

Аудиторный блок
Байкальского государственного университета экономики и права
2000/2003
А. Буйнов,
Е. Григорьева,
С. Муллаяров

Подрядчик: Ангарское управление строительства
Проектирование: ООО ПТАМ «Студия 7», ОАО «Иркутскгражданпроект»

Золотой диплом Международного фестиваля «Зодчество Восточной Сибири-2004»;
Серебряный диплом Международного фестиваля «Зодчество», Москва; Диплом РААСН

го, чем прежде, взгляда на деятельность проектировщика. Требуется учитывать и социологию, и демографию, в том числе вопросы собственности и юридические стороны дела. Очевидно, что Вы близки по мышлению к новым градостроительным концепциям.

МВ

Нам всем нужно проникнуться такими устремлениями. Всем тем, кто занимается управлением города, кто организует нашу жизнь и, самое главное, кто планирует и занимается строительством. В новых жилых комплексах, например, строят красивые удобные дома, но нет никакого пространства для детей. Ведь надо об этом думать. Город строится на столетия: каким мы его сейчас заложим, таким он и будет.

ПБ

Что бы Вы предложили городу в качестве успешного амбициозного проекта?

МВ

На перспективу я бы предложил хорошую комплексную застройку района, где сейчас находится старый телецентр. Хорошо продумать эту площадку и так отстроить, чтобы это был эталон для дальнейшей застройки. Сейчас там на глазах вылезают частные кирпичные дома, и каждый строит по своему вкусу. Надо вовремя взять под контроль этот процесс,

потому что скоро будет уже поздно. Условия должен диктовать город. Можно даже туда перенести деловой центр.

ПБ

Вы сказали, что город должен развиваться как культурный...

МВ

Научный...

ПБ

И образовательный центр. Это функция, которая вполне реальна для нашего города.

МВ

И она исторически обусловлена. Сейчас у нас увлекаются торговлей, но я считаю, что она не принесет славу городу. Она не сравнима с научным, вузовским потенциалом. Вот где возможность нашего влияния на регион.

ПБ

Какое бы предложение ректорам вузов Вы высказали, чтобы эта мечта осуществилась?

МВ

Видимо, нам надо объединиться и вместе продумать вузовскую концепцию. Здесь очень много вопросов, но их решение нам по силам.

Реконструкция столовой
БГУЭП
2008
Проектирование: ООО ПТАМ «Студия-7»
Архитекторы:
Е. Григорьева,
С. Муллаяров,
Ю. Шевченко,
В. Яковлева
Конструктор:
А. Этингов

Генеральный план Сибирского федерального университета

текст
Сергей Герашенко

Первый вариант генплана Сибирского федерального университета был сделан еще на преддипломном проекте студентами архитектурного факультета Е. Иноземцевой и М. Борисовой под руководством профессора С. Герашенко и доцента И. Кукиной. В этом проекте были заложены основные принципы формирования будущего кампуса СФУ. Эта тема была продолжена ими на дипломном проектировании.

Основной идеей проекта было объединение на одной площадке в пределах пешеходной доступности четырех красноярских вузов, вошедших в состав СФУ, и научного центра. Одной из проблем является перенос Института цветных металлов и золота, расположенного сегодня на правом берегу Енисея на значительном удалении от трех других, находящихся практически на одной площадке. По генеральному плану университетский городок должен вместить в себя учебные корпуса, научный центр, блок административных зданий с ректоратом и конференц-залами, технопарк с большими выставочными залами и основной лабораторной базой, позволяющей проводить серьезные научные испытания. В кампус включены гостиница для визит-профессоров, дома для профессорско-преподавательского состава с развитой сетью магазинов, кафе. Предусматривается строительство кинотеатра, детских садов и других элементов инфраструктуры, необходимых для полноценного функционирования нового образования – студенческого кампуса. Проектом предусматривалась довольно развитая транспортная и пешеходная сеть, сопровождаемая велосипедными трассами и зелеными бульварами. В

проекте решается вопрос с автомобильными парковками разных типов, включая и многоуровневые гаражи-стоянки, расположенные на въездах в кампус. Проектом предусматривается перенос четвертого университета (КИЦМиЗ) на эту же площадку. В университетском городке предусмотрена и насыщенная спортивная зона: ледовая арена, Дворец водного спорта, центральный стадион СФУ. В спортивный комплекс войдут и ныне существующие объекты: база лыжного стадиона в Березовой роще, трамплины и горнолыжные трассы на Николаевской сопке.

Уникальность и одновременно сложность отведенной для строительства комплекса СФУ площадки заключается в том, что некоторые существующие институты – бывшие КГУ и КрасГАСА – находятся (буквально – убрать это слово) в зеленой зоне города в очень живописном месте. Кроме того, на территории отвода под проектирование расположены участки первого в Красноярске садоводческого товарищества. В дипломном проекте была сделана попытка минимизировать потери и максимально сохранить зеленые массивы, дополнив их новыми бульварами, скверами и студенческим парком. Вся застройка запланирована на свободных на сегодняшний день территориях.

Важным предложением является заглупление основной транспортной артерии, связывающей кампус с городом на территории городка. Это позволит избежать многих проблем и даст возможность визуально и планировочно объединить институты СФУ, решив вопросы транспортного обслуживания. Кроме генплана

Вариантные предложения по развитию СФУ, выполненные под руководством профессора кафедры Лашук Г.П.

кампуса, студентами были выполнены проекты отдельных корпусов университета, несколько вариантов общежитий для студентов СФУ и иностранных специалистов, студенческий центр-клуб. Конечно, в дипломном проекте остались нерешенными многие вопросы. Только намечены объемные решения отдельных блоков и комплексов, в «массах» решены технопарк, общежития и дома преподавателей, хозяйственные объекты. Но сделано главное – найден образ сибирского кампуса, его планировочная структура. В дипломном проекте закладывалась идея создания индивидуального архитектурного образа для каждого факультета СФУ. Учебные корпуса для биологов или физиков должны отличаться от учебных корпусов архитекторов и дизайнеров. Также есть значительные индивидуальные особенности и в решении общежитий для архитекторов и студентов других специальностей. В одном из интервью директор Института градостроительства, управления и региональной экономики СФУ В.Д. Надеяев высказал пожелание, чтобы наш университетский городок ни в чем не уступал своим зарубежным собратьям. Более того, он просто обязан их превзойти: все они

построены в прошлом веке, а наш будет возводиться в только что наступившем.

На архитектурном факультете в рамках курсового проекта были сделаны еще три вариантных предложения по развитию СФУ под руководством профессора кафедры Г.П. Лашук. Эти варианты несколько отличаются от предыдущей работы. В них предлагается более плотная застройка, активное ее внедрение в город вдоль Свободного проспекта.

Прошел год. Е. Иноземцева и М. Борисова, дипломированные архитекторы, защитившие свой дипломный проект на «отлично», оказались в планировочной мастерской института «Красноярскгражданпроект», где продолжили работу над генпланом СФУ. Конечно, со многими студенческими мечтами пришлось распрощаться: суровая проектная, нормативная действительность «подрезала» крылья. И тем не менее, в последнем варианте генплана, в разработке которого они принимали самое активное участие, удалось сохранить многие позиции дипломного проекта.

Сохранено компактное расположение всех входящих в состав СФУ институтов, сохранена идея заглубления Свободного проспекта в районе кампуса, основные функциональные зоны. Предусмотрены парковки и гаражи. Скучно и без затей решена жилая зона в духе 60-х годов прошлого века, нет «изюминки» в формировании основных функциональных зон кампуса. Нет четкой и ясной системы пешеходных связей – удобных и привлекательных. Нет взгляда в будущее... Это мое личное мнение, которое может не совпадать с мнением заказчика.

Сейчас идет очень активное строительство по достройке корпусов, которые были заложены еще в 1982 году! Достраивается корпус ИГУиРЭ и здание библиотеки бывшего КГУ с ректоратом. Возводится комплекс студенческих общежитий. И здесь хотелось бы сказать следующее. Наше желание увидеть кампус XXI века с его индивидуальными, уникальными во всех отношениях объектами, скорее всего, останется мечтой. Сегодняшняя практика всевозможных тендеров и конкурсов, где выявляется не лучшее, а дешевое, уже дает о себе знать. Не предвидится ни Массачусетского общежития Стивена Холла, ни интереснейших университетских комплексов со своей индивидуальностью, таких, как университет Вашингтона в Сизтле, Иллинойский технологический институт Мисс ван дер Роз, университет в Портленде, комплексы университетов Алвара Аалто и т.д.

Тендер на общежития выиграл Кульбытстрой со своими традиционными панельными домами. Дешево, быстро и сердито!

Дипломный проект генплана СФУ

Неизбежные вздохи

текст
Константин Лидин

Специалисты в различных областях интеллектуальной жизни обычно с трудом договариваются между собой. Существует только одна тема, по которой интеллектуалы демонстрируют редкостное единодушие. Я имею в виду систему высшего профессионального образования: нет, пожалуй, ни одного «высокособого», который не выразил бы разочарования, раздражения и уныния, вспоминая сегодняшнее состояние дел в высших школах России. Разумеется, не составляет исключение и архитектура. Например, Юрий Игоревич Аввакумов в подробном интервью «Независимой газете»¹ высказывается о современном архитектурном образовании в совершенно безнадежных тонах: оно прямо-таки не выживает в продажной атмосфере сегодняшнего дня.

Основания для таких суждений есть. Совсем недавно приложение к авторитетной британской газете «Таймс» The Times Higher Education Supplement (THES) совместно с QS (Quacquarelli Symonds – компания, занимающаяся международными проблемами образования) опубликовали очередной рейтинг ста лучших вузов мира. Ни одной российской высшей школы в списке нет.

Альтернативный список по версии шанхайского университета Цзяо Тун содержит один российский университет – МГУ, который занял 76 место в мире и 23 место среди европейских конкурентов (по данным сайта <http://rating.rbc.ru/>). Что и говорить, результаты не блестящие.

На таком вот проблемном фоне я и решил очень поверхностно и безответственно пробежаться по сайтам ведущих вузов мира, где концентрируется сегодня все передовое и новаторское в области архитектурного образования.

Сразу отметим: архитектуру и дизайн на Западе и на Востоке по большей части преподают именно в университетах. Специализированные высшие школы, не включенные в состав того или иного университета, – большая редкость, а среди самых авторитетных заведений явно преобладают факультеты, департаменты и институты, ассоциированные в университетские структуры.

Первое место в мире по обеим версиям рейтинга занимает университет Гарвард, США. Архитектурно-дизайнерское подразделение в нем имеется, имеется и соответствующий сайт <http://www.gsd.harvard.edu>. Структура сайта вполне обычная, удобная, но без каких-либо оригинальных излишеств. Оформление очень уравновешенное – прохладная цветовая гамма, четкая прямоугольная решетка, стандартные, как будто из клипартов взятые, персонажи на фотографиях. Преобладание серого и белого читается как скромность, сдержанность и самоуважение. Все в целом так ловко взаимно уравновешивается, что итог получается в области полного безразличия. Никаких эмоций, этакая англо-саксонская бесстрастность.

Среди европейских вузов по обеим версиям лидирует университет Кэмбридж, Великобритания. Университет знаменитый, один из старейших в Европе, мощная научная школа (из числа выпускников Кэмбриджа вышел восемьдесят один нобелевский лауреат). И департамент архитектуры достаточно авторитетный. Но вот оформление сайта www.arct.cam.ac.uk еще более серенькое, однотонное, песимистичное, чем у американских коллег. Программа-анализатор показывает эмоцию «уныние». Да и фасад здания архитектурного департамента, вынесенный в шапку титульной страницы, такой же серый, монотонный и печальный, как весь дизайн сайта.

Знаменитый Массачусетский технологический институт МТИ, кстати, тоже считается университетом. И архитектурный департамент в нем имеется, старейший в Соединенных Штатах, и очень неплохо выглядит. Сайт <http://architecture.mit.edu> оформлен с некоторой претензией на выдумку. На титульную страницу вынесен текст главы департамента профессора Йонг Хо Чанга. Архитектура, как профессор понял к третьему году своего деканства, – это MIT (Materiality, Intelligence and Information, Technology). Материальность, Интеллигентность и Информация, Технологичность – что-то вроде витрувиевских Прочности, Красоты, Удобства. Выглядит вполне почтенно. Однако эмоциональный ключ сайта и тут довольно безрадостный. Анализатор показывает состояние между досадой и сожалением.

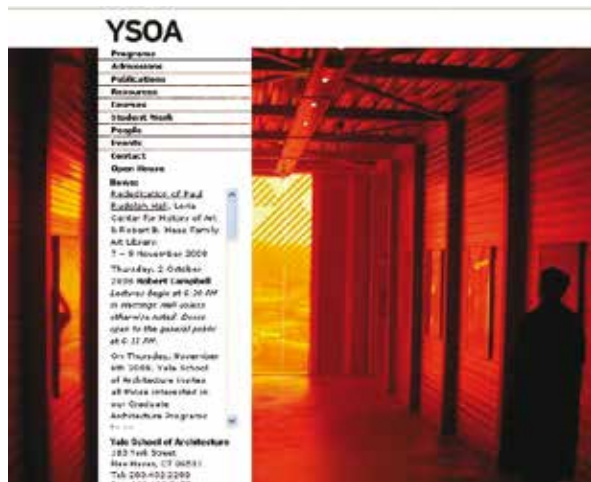
Архитектурная школа Принстонского университета, также входящего в десятку передовиков, презентует себя в более многоцветном ключе (сайт <http://soa.princeton.edu>). Сплошной текст без пробелов, в средневековом стиле и без привычных иконок навигации, – казалось бы, вот он, оригинальный и эмоционально окрашенный дизайн. Но нет, преобладают все-таки ахроматический белый, холодные сине-зеленые и все та же прямоугольная

композиционная решетка. Общий эмоциональный ключ – в области слабых состояний стыда (смущение, стеснение).

В ряду сайтов англо-американского происхождения выделяется оформление сайта YSOA – архитектурной школы университета Йель www.architecture.yale.edu. Горячий, контрастный и яркий цветовой аккорд, несимметричная, но четкая и уравновешенная композиция – в целом дизайн сайта попадает в область эмоций «гордость – восхищение», приближаясь к состояниям высокомерия и гордыни.

Кроме американских и британских университетов, среди лидеров находятся нидерландские, немецкие и японские вузы. Мюнхенский технический университет (сайт www.ar.tum.de) – вполне авторитетная архитектурная школа. Но сайт ее почему-то оформлен в таком холодном и монотонном стиле, что эмоциональное содержание попадает между скромностью и робостью.

Несколько менее стыдливо оформлен сайт департамента архитектуры и архитектурного инжиниринга Киотского университета. Более яркая и теплая цветовая гамма, более живая композиционная структура – и вот, в целом эмоциональный ключ получается в области состояний «достоинство – уважение». Эмоции слабовыраженные, нюансные, что, впрочем, совершенно типично для всего японского дизайна.

В сотню лучших университетов мира по обеим версиям попали и несколько китайских заведений, причем отнюдь не на последние места. Например, университет Гонконга, судя по отзывам экспертов, не только уже занимает позиции в первой полусотне лидеров, но еще и стремительно движется вверх по рейтинговой таблице (по сравнению с прошлым годом он перешел с 33-го на 18-е место). Однако архитектурный департамент, судя по сайту, смотрится довольно скудно и небогато. И содержание не очень обширное, и дизайн унылый.

Среди университетов «первой сотни» в плане архитектурного образования выделяется Римский университет Сапиенца (Sapienza Universita di Roma, сайт www.uniroma1.it). В этом вузе не просто имеется архитектурное направление. Университет включает пять департаментов данного направления: истории и защиты архитектурного наследия, архитектурно-строительной индустрии, архитектурно-градостроительного планирования, архитектурного управления развитием окружающей среды и просто архитектуры. Кроме того, в состав университета входят еще два факультета – Architecture Valle Giulia и Architecture Ludovico Quaroni.

У каждого из этих семи архитектурных подразделений имеется свой сайт, причем если сайты факультетов оформлены стандартным образом, то ресурсы департаментов выделяются разнообразным и привлекательным дизайном. Скажем, титульная страница сайта департамента, специализирующегося на управлении качеством окружающей среды, замечательным образом сбалансирована по основным параметрам и несет довольно интенсивную эмоцию «радость – интерес». Навигация сайтов, правда, довольно

1. http://www.ng.ru/scenario/2008-04-22/23_future.html

- 2. <http://www.fond.potinin.ru/docs/Rate2007-08.doc>
- 3. <http://www.deloross.ru/press/news/5564>

бестолковая, и грузятся они подолгу благодаря громоздким картинкам. Так что образная сторона в данном случае заметно опережает техническую.

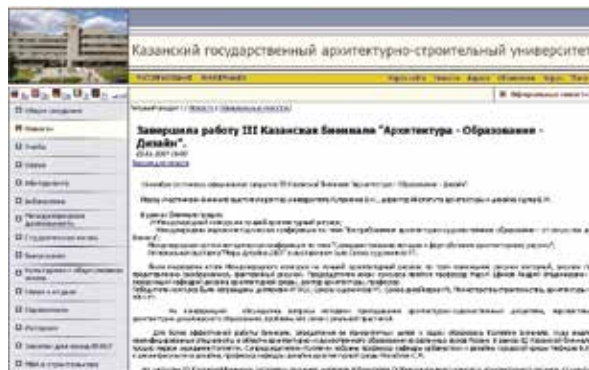
А что же наши отечественные архитектурно-дизайнерские университеты? Как они выглядят в ряду своих иностранных коллег?

В отличие от Запада и Востока, в России имеется заметное число специализированных архитектурно-дизайнерских заведений, в том числе – весьма авторитетных и прославленных. Правда, официального рейтинга именно этих вузов найти не удалось. Есть «Рейтинг российских вузов по версии благотворительного фонда им. В. Потанина»² и рейтинг вузов с точки зрения работодателя по версии группы «Деловая Россия»³. Методики рейтингования в этих двух случаях совершенно различны, так что сравнивать два списка вряд ли есть смысл. Однако заметим, что в «Рейтинге Потанина» специализированные архитектурно-дизайнерские вузы вообще отсутствуют. В версии «Делороссов» список содержит два таких вуза – Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (входит в 16 самых лучших, в так называемую а-лигу) и Казанский государственный архитектурно-строительный университет (входит в б-лигу, места с 17 по 34).

Сайт СПбГАСУ www.spbgasu.ru оформлен весьма величественным образом. Холодная сине-белая цветовая гамма, симметричная и центрированная композиция, цитаты из классических ордеров – впечатление совершенно мраморно-гранитное. Воплощенное достоинство, правильность и закономерность. Навигация четкая, но, как и в большинстве российских сайтов, непонятно для кого предназначенная.

А вот сайт Казанского ГАСУ www.ksaba.ru решен в самом традиционном духе. Серенько, скромненько, много ахроматических, чуть-чуть желтоватых и синеватых тонов, жесткая прямоугольная сетка композиции. Удивление вызывает количество языков, на которых продублированы материалы сайта, но уже навигация и рубрикация – опять-таки совершенно стандартные. Эмоциональное наполнение нейтральное, безразличное и бесстрастное. Полная апатия.

Московский архитектурный институт, несмотря на всемирную славу лидера, ни в одном рейтинге не отмечен. Что-то не срослось у МАРХИ по критериям – что по английским, что по китайским, по версиям фонда Потанина и «Деловой России» в лидеры тоже попасть не удалось. А вот сайт www.marhi.ru оформлен очень даже по-лидерски.

Теплые тона, изящная графика с четким отсылком к славной истории вуза. Эмоциональный ключ – в области состояний «уважение, почтение, достоинство».

Похожее впечатление производит дизайн сайта Екатеринбургской архитектурно-художественной академии УралГАХА www.usaaa.ru. Живописи побольше, величавости поменьше, но в целом образ вполне привлекательный.

Однако большинство российских архитектурно-дизайнерских школ, включая самые авторитетные – как старые (www.stroganovka.ru, <http://artacademy.spb.ru>, www.calligraphy.mvk.ru), так и новые (www.glazunov-academy.ru) демонстрируют такой же горестный дизайн, как и их зарубежные коллеги.

Что за причина заставляет профессионалов в области зрительных и пластических искусств презентовать в стыдливом и унылом ключе? Отчего так редки позитивные эмоции в оформлении сайтов? Ведь по тому, как выглядит титульная страница сайта, зачастую складывается первое, самое сильное впечатление о вузе. Зачем нужно при первом же контакте заявлять: «У нас тут все скромно, серенько и прохладненько, никаких ярких эмоций»? Ведь для молодежи, особенно творческой, яркие эмоции не только естественны, но и необходимы.

Или эта самая яркая эмоциональность просто пугает тех, кто управляет имиджем архитектурных вузов? Люди там по большей части пожилые, усталые. Апатичная молодежь таким людям нравится: от нее меньше сюрпризов и хлопот. А то еще начнет журналы издавать, стихи писать, играть рок-музыку. Вон, в МАРХИ вырастили «Машину времени», а в УралГАХА – «Наутилус» с «Чайфом». Нехорошо это, не дело.

Яркие, самостоятельные, новаторские личности встречаются среди выпускников архитектурных вузов не так уж часто. Процент их – как золота в руде, десяток граммов на тонну. Причем, если судить по дизайну соответствующих сайтов, такая «процентовка» всех устраивает. Так что вздох и жалобы на низкий уровень образования не только оправданы. Они еще и неизбежны.

Институт еврейских исследований Спертеса

Место: США, Чикаго
Архитекторы:
Krueck & Sexton Architects

Застекленная десятиэтажная постройка культурного центра появится рядом с его старым помещением. Фасад, напоминающий формой бриллиант, будет выходить на Грант Парк. В здании разместится музей с собранием из 500 000 экспонатов, колледж, семейный центр, библиотека, аудитория на 400 мест и единственная кошерная кулинария в центральном Чикаго. Более половины площади крыши займет сад.

Власти Чикаго разрешили строительство нового здания Института еврейских исследований Спертуса – http://archi.ru/foreign/news/news_current.html?nid=7&fl=1

Официальный сайт мастерской – <http://www.ksarch.com>

Калифорнийский институт НаноСистем

Место: США, Лос-Анджелес
Архитектор: Rafael Vinoly

Его архитектурный ансамбль, объединяющий факультеты и научные центры, библиотеки и центры искусств, спортивные площадки, зоны отдыха, музеи, рестораны, отели и много чего еще, сложился давно и прекрасно вписан в ландшафт. Гулять по аллеям кампуса под вековыми деревьями, вдоль лужаек со скульптурами Родена, Мура, Миро и Кальдера – одно удовольствие.

Нано по американски – <http://www.sibai.ru/content/view/1518/1674>

Официальный сайт мастерской – <http://www.rvapc.com>

Институт дизайна / Hong Kong Design Institute

Место: Гонконг, Ванчай
Архитекторы: Leeser
Architecture

Институт дизайна в Гонконге – http://archi.ru/foreign/guide/object_current.html?oid=4839&fl=2&sl=3

Официальный сайт мастерской – <http://www.leeser.com/>

Академгородок

текст
Николай Жуковский

Территория Академгородка – это бывшая свободная загородная территория.

Академгородок стал замыкающим звеном в застройке левого берега города. Лишь позднее появились комплексные жилые микрорайоны.

Однако, сам принцип застройки Академгородка представляет собой принцип четкого функционального зонирования. Магистралью четко разделены производственная зона научных институтов и жилая с полным комплексом объектов социального обслуживания. В свое время между жилой застройкой и берегом реки располагалась производственная территория предприятий деревообработки, коммунальная зона самого научного комплекса, сформировав своеобразные «задворки» Академгородка. Объекты обслуживания и сам центр сосредотачивались вдоль главной городской магистрали – улицы Лермонтова.

Оставалась еще свободная территория между Академгородком и Студгородком.

Последующие проектные разработки центральных проектных институтов предусматривали здесь размещение всех факультетов Госуниверситета, комплекса научной библиотеки, жилой зоны и комплекса объектов обслуживания университетского городка. Формировался межвузовский центр, который так и не обрел внятных содержательных контуров и до сих пор является объектом размышлений и темой дипломных разработок.

Строительство моста и спровоцировало (подтолкнуло? Ускорило? Определило необходимость?) разработки гра-

достроительной документации уровня проекта планировки для Академгородка и прилегающих к нему районов.

Примечательно, что строительство моста и подъездных путей к нему предопределили направление дальнейшей застройки Академгородка: переориентацию общественных пространств и приближение их к Ангаре. Появилась возможность формирования новых современных комплексов, определяющих фасад левобережной застройки. Наступила, наконец, время для развития рекреации городского значения и размещения в ней объектов спортивного и развлекательного характера.

Развитие рекреаций вдоль берега и по «языкам» распадов ручьев были предусмотрены ранее разработанной градостроительной документацией. Свободные территории, самой природой предназначенные для рекреации, были недалеко застроены гаражами. Ничего нового: не в первый раз градостроительные перспективы искажаются торжеством сиюминутных меркантильных интересов. Остается ждать и надеяться на появление застройщиков, мыслящих более масштабно и рационально.

Министры, архитекторы и школьный травматизм

текст
Константин Лидин
Елена Григорьева

Современный ребенок (подросток) проводит в школе больше времени, чем где-либо еще, и все это время ответственность за его здоровье несет именно школа. Закон РФ «Об образовании» прямо так и указывает: «Образовательное учреждение несет в установленном законодательством Российской Федерации порядке ответственность за... жизнь и здоровье обучающихся, воспитанников и работников образовательного учреждения во время образовательного процесса» (статья 32, пункт 3, подпункт 3).¹ Любые травмы, падения, сотрясения и ушибы, полученные школьником во время уроков или на переменах, могут стать законным поводом для иска со стороны родителей и всех последующих неприятностей – судебного разбирательства, штрафов, компенсаций ущерба, дисквалификации...

С другой стороны, как это часто случается с российскими законами, закон «Об образовании» вышел довольно-таки давно (в 1993 году) и подвергался многократным изменениям (последние из них – в апреле 2008 года). В результате закон, мягко говоря, не блещет однозначностью и во многих случаях не исполняется.

Вопрос о школьном травматизме и в целом выглядит смутно и таинственно. Очень мало исходных данных: сколько школьников получают травмы, какой тяжести и какого характера? Какова динамика этих показателей? Какая часть заболеваний детей и подростков связана со школьными травмами и как именно связана? Вместо конкретных ответов по большей части приходится довольствоваться недостоверными либо устаревшими фактами. Скажем, имеется такое специальное подразделение Мнздравсоцобеспечения – Центральный НИИ организации и информатизации здравоохранения, который поддерживает в открытом доступе целую систему медицинской статистики Медстат. Однако самые свежие данные в ней относятся к 2002 году.² Примерно тогда же, в начале текущего тысячелетия, почти одновременно прошло несколько крупных встреч, конференций и круглых столов на тему здоровья подрастающего поколения.

В своем докладе на круглом столе «Современная школа и здоровье детей» министр образования Российской Федерации В. Филиппов сообщил: «По данным медицины, за время обучения в школе 70% функциональных расстройств, сформировавшихся в начальных классах, к моменту окончания школы перерастают в стойкую хроничку: в 4-5 раз возрастает заболеваемость органов зрения, в 3 раза – органов пищеварения и опорно-двигательного аппарата. Серьезное беспокойство вызывает увеличение нервно-психических расстройств (в 2 раза), а также заболеваний сердечно-сосудистой системы (более чем в 2 раза), что прямо связывается с отсутствием здоровьесберегающей школьной среды. Только 10% школьников старшей школы относятся к числу здоровых, а 50% имеют хронические заболевания и 40% относятся к группе риска.

Беспокойство вызывает учебная ситуация в новых типах школ. Так, 50% гимназистов заканчивают учебный день с признаками сильного и выраженного переутомления, тогда как в общеобразовательной школе эти цифры составляют 20-30%.

Таким образом, удельный вес негативных факторов внутришкольной среды составляет в начальной школе 12,5%, а к окончанию школы их доля возрастает до 21%».³

Почувствовав внимание «сверху», многие школы и региональные управления образования провели обследования и поделились своими тревогами. Однако прошел год, другой, и о здоровье школьников перестали говорить и писать. Модная тема сменилась другими, но ситуация вовсе не стала благополучнее. В 2004 году, во время обсуждения очередных поправок к закону «Об образовании», прозвучали зловещие цифры: «...за последние десять лет значительно ухудшилось здоровье школьников. Старшеклассников, страдающих хроническими заболеваниями, стало в два раза больше. Только 5% из них признаются практически здоровыми, при этом за последние пять лет в списке заболеваний, полученных во время

обучения в школе, появилась гипертония, которая всегда считалась болезнью пожилых людей. У нынешних школьников высока вероятность возникновения инфарктов и других серьезных «сердечных проблем» уже к 30 годам.

Медиков также серьезно беспокоит увеличение количества случаев психосоматических заболеваний у учащихся. Ту же гипертонию у школьников вызывают психосоматические причины (тяжелые умственные нагрузки, переутомления и стрессы). Врачи отмечают все больше психических расстройств среди детей 15-17-летнего возраста. В этой возрастной группе врачи фиксируют уже свыше 70% школьников с такими заболеваниями.

Вызывает опасения и школьный травматизм: ежегодно медики регистрируют более 70 тысяч травм, из них 43% – травмы тяжелые и средней тяжести»⁴.

Министр образования и науки А. Фурсенко, однако, не поверил врачам и заявил, что для исправления ситуации вполне достаточно вести пропаганду здорового образа жизни. Министр выдвинул пламенный слоган: «Жизнь без наркотиков – это круто!», который, по его мысли, должен был произвести на школьников мощное оздоравливающее действие.

Прошло еще четыре года, и тема здоровья детей и подростков окончательно вышла из моды. Централизованные исследования то ли прекратились, то ли оказались засекречены: во всяком случае, публикации на данную тему иссякли. Результаты изучения проблемы здоровья школьников, которые изредка появляются в широком доступе, носят локальный характер – проводятся в отдельных городах или даже в отдельных школах.

Однако проблема школьного травматизма, очевидно, никуда не делась. Отсаеется лишь надеяться, что количество школьных травм за эти «молчаливые годы» не увеличилось. В отсутствие должного внимания и контроля ситуация вполне могла и ухудшиться.

Тем большая ответственность ложится сегодня на архитектора, проектирующего школьные здания. Никакие факторы, кроме его собственного профессионального долга и совести, не способны уменьшить число травмирующих ситуаций в современной российской школе.

Травмы занимают шестое место среди причин нездоровья школьников и, казалось бы, не относятся к первостепенным факторам риска (7-10% от общего числа школьных травм). К наиболее типичным случаям относятся в основном несложные и достаточно очевидные нозологические единицы. Прищемленные дверью пальцы, падения на лестницах и на мокром полу, порезы разбившимся стеклом составляют основную массу «очевидного» школьного травматизма.⁵

Вполне очевидны и те меры, которые архитектор может ввести в проект с целью снижения школьного травматизма данного типа. Легкие классные двери или двери типа купе менее опасны для детских пальцев, чем тяжелые и величественные деревянные «ворота».

Покрытие пола с высоким коэффициентом сцепления (в том числе, во влажном состоянии) снижает вероятность падения. Особую опасность представляют лестницы, особенно в блоке младших классов: падение со ступенек может привести к тяжелым переломам и сотрясениям. Поэтому желательна размещенная младшего блока на первом этаже школьного здания или, в крайнем случае, использование пандусов и прочих приемов избегания лестниц.

Осторожное и продуманное использование остекления может снизить вероятность порезов и ушибов. Так, например, совершенно недопустимо использование стеклянных дверей или дверей с массивным остеклением. Нежелательно низкое расположение окон и светильников. Широкие подоконники, на которые может забраться школьник, провоцируют рискованные «эксперименты» с вероятностью выпадения наружу или травмы разбившимся оконным стеклом.

Осторожное и продуманное использование остекления может снизить вероятность порезов и ушибов. Так, например, совершенно недопустимо использование стеклянных дверей или дверей с массивным остеклением. Нежелательно низкое расположение окон и светильников. Широкие подоконники, на которые может забраться школьник, провоцируют рискованные «эксперименты» с вероятностью выпадения наружу или травмы разбившимся оконным стеклом.

1. Сайт Минобрнауки РФ <http://www.mon.gov.ru/dok/fz/obr/3989/>
2. <http://www.mednet.ru/statistics/>
3. Филиппов В. Здоровье школьников : актуальные проблемы и пути их решения // Материалы круглого стола «Современная школа и здоровье детей». М. : Центр развития русского языка, 2002.
4. В школах из детей делают гипертоников и психов // Социальные и экономические права в России. <http://www.seprava.ru/articles/article89.html>
5. Волков А.А. Профилактика школьного травматизма : материалы заочного научно-практического семинара «Организация профилактической работы в системе образования». Тамбов : ТОИПКРО, 2006.

OLD PHOTOS OF JAPAN

В целом можно сказать, что архитектор ни в коей мере не должен ожидать от школьников разумного и упорядоченного поведения. Нормальный ученик, особенно на перемене, представляет собой интенсивный источник хаоса, и конструкция школьного здания должна быть достаточно «хаосоупорной».

Связь школьного травматизма с архитектурой, впрочем, не ограничивается перечисленными очевидными моментами. Второй, более глубокий, «слой» проблемы заключается в непрямом травмирующем воздействии некоторых элементов школьного интерьера.

На втором месте (сразу после кариеса) в списке причин нездоровья школьников находятся нарушения развития опорно-двигательной системы. Данный вид нарушений развития носит сложный, неоднозначный характер. Кости, мышцы, связки и суставы у современного школьника не просто ослаблены. Они развиваются неравномерно, в болезненном беспорядке. Парадоксальность ситуации в том, что во многих случаях регистрируется не просто гиподинамия, а сочетание двигательной гиперактивности с недостатком мышечной нагрузки: «Общее время двигательной активности превышает установленные нормы, причём у 10-классников более чем в 2 раза. Высокие показатели складываются из пешей ходьбы, прогулок на велосипедах и т.д., работы по дому, сельскохозяйственных работ. Превышение неконтролируемой педагогами двигательной активности приводит к увеличению числа травм, что подтверждают показатели травматизма: в сельских школах – 7,28% в первых классах и 13,18% в десятых. При этом важные показатели двигательной активности (продолжительность утренней гимнастики, школьных уроков физкультуры) в большинстве школ ниже нормы».⁶

Проблема заключается не в том, что школьнику нигде подвигаться, побегать, размяться. Болезнетворным фактором является однообразие движений, чрезмерно узкие рамки, в которые заключена двигательная активность школьника. Закрепощённость телесной активности школьника тесно связана с формой и структурой пространства школьного здания.

Известный английский архитектор и философ Кристофер Дэй обосновывает, в частности, такое положение: прямой угол в пространстве здания бессознательно воспринимается как неразрешимый конфликт, как неподвижное напряжение.⁷ Насыщенное прямыми углами пространство школы приобретает напряжённую, давящую эмоциональную окраску. Окружённый прямоугольными конструкциями человек, особенно ребёнок, переживает окружающее пространство в виде комплекса мускульных блоков – «мышечного панциря». Вдобавок твердые покрытия пола (цемент, керамические плитки) повышают вибрационную нагрузку на суставы и позвоночник при каждом шаге. Отсюда и «зажатость», ограниченность в совершении сложных, разнообразных, гармоничных движений.

«Есть места, – пишет Кристофер Дэй, – вроде уширения коридора, где можно посидеть у окна, и там сами собой создаются условия, приглашающие к общению, и есть места, подобные кабине лифта, где такое едва ли возможно. Есть формы, вроде круглого стола, объединяющие людей, и есть иные, вроде прямых коридоров и длинных залов, которые этому препятствуют».

Разнообразные и плавные, перетекающие пространства благотворно сказываются на состоянии опорно-двигательной системы человека, стимулируют ее комплексное и гармоничное развитие – этот принцип интуитивно найден и использован, скажем, в жилых интерьерах «Дома Хундертвассера» в Вене. Жизнерадостная криволинейность поверхностей и пространство создаёт комфортную и расслабляющую обстановку, способствует переходам от мышечных блоков к гармоничной подвижности тела.

Не только заболевания опорно-двигательной системы связаны с архитектурой. Практически все нозологии, возглавляющие список причин нездоровья школьников, могут рассматриваться как психосоматические расстройства, то есть их происхождение связано с психологическими травмами.⁸ Так, большинство лор-заболеваний (болезни уха, горла и носа) и заболеваний дыхательных путей провоцируются неправильным дыханием. Поверхностное, неполное дыхание сопровождается застойными явлениями в нижних отделах легких, снижает тонус дыхательной системы и ее сопротивляемость инфекциям. В свою очередь «синдром поверхностного дыхания» часто является следствием привычки к неудобной, скорченной позе. Основную часть времени в школе ученик проводит сидя, и неудобная сидячая поза, наподобие тесного корсета, просто не даёт школьнику возможности дышать полной грудью.

Обратимся к нормативно-правовому документу под названием «Новые санитарные нормы для школ и дошкольных учреждений». Они были введены 1 января 2000 года, их соблюдение, как утверждает статья 39 федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», является обязательным для юридических лиц. В разделе 2.4. «Требования к помещению и оборудованию образовательных помещений» отмечено, что «каждый учащийся обеспечивается учебным рабочим местом за партой или столом в

Восточные традиции воспитания здоровой молодежи могут оказаться весьма актуальными сегодня. Японские старшкклассницы на школьном дворе выполняют упражнения нагината-джитсу – специфически женское искусство самозащиты и гармонизации тела. Япония, Окаяма, 1935 год

Классная комната в школе города Бетель, Огайо (начало XX века). Еще столетием назад было известно, что расположение классных досок не с одной, а с двух сторон заставляет школьников поворачиваться, менять позу во время урока. Так снижается риск мышечного блокирования

6. Аналитическая справка «Состояние здоровья, двигательная нагрузка, режим дня учащихся 1 и 10 классов школ Калининградской области, участвующих в эксперименте по совершенствованию структуры и содержания общего образования». Калининград, 2002.

7. Дэй Кристофер. Места, где обитает душа (архитектура и среда как лечебное средство) / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Ладья, 2000.

8. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика: справочник практического психолога. М.: Изд-во Эксмо, 2005.

Лестница и коридор католической школы в городе Ла Рошель, Франция. Средневековый романский стиль древнего замка плавно переходит в современный деконструктивизм – слегка перекошенный потолок, сочетание мощной конструкции колонны с ажурными металлическими перилами, бетон и дерево...

Флитвуд, США, школа старшей ступени
Свет, воздух и простор
хай-тека комфортны для дыхания и движения

Пример использования мягкой цветовой гаммы и плавных линий стиля био.
Школа-интернат в Малаге, Испания. Рецепция

9. Шишова М.
Образовательная среда школы : мифы и реальность // Материалы круглого стола «Современная школа и здоровье детей». М. : Центр развития русского языка, 2002.
10. Александр Ф.
Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. М. : Эксмо, 2002.
11. Исаев Д.Н.
Психосоматические расстройства у детей. СПб. : Питер, 2000.
12. Goethe, Johann Wolfgang Von. Theory Of Colours : NY, MIT Press, 1970.
13. Яньшин П.В. Введение в психосемантику цвета. Самара: СамГПУ, «Пиквик-Club», 2000.
14. Риттельмайер К.
Архитектура школы. Калуга : Изд-во КГУ, 1998.
15. Булкин А. П.
Культуросообразность образования. Педагогический опыт России XVIII–XX вв. Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Москва – 2003

Цветовая среда школы и способность школьников к восприятию цвета – ключ к развитию многих ценных свойств личности.
Школа Юго-Западного района Лондона. Урок рисования

соответствии с его ростом». Далее прилагается таблица с размерами мебели и ее маркировкой по ГОСТам. Казалось бы, все предусмотрено. Тем не менее, дискомфортность рабочего места большинства школьников постоянно подчеркивается на самых разных уровнях и обозначается в качестве важной причины развития множества болезней.⁹

Разумеется, конструирование и снабжение школ удобной мебелью – не та задача, которую должен решать архитектор. Однако архитектура стандартного класса также участвует в создании мешающего дышать «корсета». Привычная осевая симметрия классного пространства, его жесткая фокусировка на учительский стол и доску дополнительно закрепощает позу ученика. Объем классной комнаты сформирован так, что ученик все время смотрит в одном направлении – это удобно для учителя (пространство класса помогает удерживать концентрированное внимание учеников), но травматично для школьника. Многофокусное пространство класса, лишенное примитивной линейной симметричности, стимулирует более динамичную позу сидящего ученика, даже если его стол неудобен или неоптимален по размерам. Опыт использования непараллельных и криволинейных плоскостей, накопленный деконструктивизмом и органической архитектурой, показывает широкие возможности современной архитектура в данном направлении.

Высокий процент заболеваний школьников относится к нарушениям зрения. Исключая рассмотрение вопросов соблюдения санитарных норм освещения, сосредоточимся на том травмирующем воздействии, которое школьная среда зачастую наносит зрению школьника.

Функциональные (не связанные с механическими или инфекционными повреждениями) расстройства зрения, как правило, связаны с психосоматической сферой явлений.¹⁰ В предельно упрощенном виде данный принцип выглядит так: зрение ухудшается тогда, когда человек бессознательно отказывается видеть что-то неприятное. В детском и подростковом возрасте, когда психосоматические расстройства особенно сильно связаны с эмоциональной сферой личности,¹¹ негативные зрительные воздействия сосредоточены в области цветовой составляющей среды. Некрасивый, тусклый, нечистый цвет стен, пола, мебели способен спровоцировать нарушения зрения.

Основы психолого-педагогического исследования цвета были заложены в работах И.-В. Гете.¹² Уже в его наблю-

дениях отмечалось, что комфортную и здоровую цветовую среду ребенка образуют тона светлые, чистые и прозрачные, похожие по качеству на окраску неба в разное время суток и при разной погоде. В строительно-архитектурной практике подобные эффекты достигаются в технике витража, росписи по стеклу (сегодня могут употребляться небьющиеся оптические пластики) и лессировочной раскраской стен и плафонов. Современные акриловые водоземлюсионные краски позволяют достичь чрезвычайно ярких и разнообразных эффектов при скромной стоимости материалов и работы.

Реальное решение задачи выбора цветового ключа в зависимости от структуры школьного пространства, освещенности, национальных и региональных традиций и стилистики преподавания в данной конкретной школе – сложная, творческая задача.¹³ К сожалению, даже самые фундаментальные сведения о воздействии цветовой среды на человека все еще остаются малоизвестной и необязательной «экзотикой» для многих архитекторов школьных зданий.¹⁴

Общее количество травмирующих аспектов в современной школьной среде настолько велико, что не может быть случайным. Очевидно, существуют некие общие причины, формирующие неблагоприятную и провоцирующую стрессы обстановку в средней школе. На наш взгляд, такой причиной является глубокий кризис целей среднего образования как такового. Идеологическая катастрофа в нашей стране произошла стремительно, в историческом масштабе – почти мгновенно. Вместе с ней произошла отмена традиционных ценностных установок среднего образования, основанного на «пролетарском культурном типе».¹⁵ Ценности и идеалы советской школы базировались на необходимости формирования таких черт, как коллективизм, преданность и доверие к партийному руководству, эгалитаризм и аскетизм в повседневной жизни, трудолюбие (в первую очередь имелась в виду любовь к простому физическому труду). Советский школьник должен был полностью подчиниться принципам единомыслия – выражение оригинальной точки зрения в словах, в поведении или в одежде несло угрозу не только для него самого, но и для его родителей, и учителей. Советская школа готовила ученика к жизни в советском государстве и прививала ему навыки существования в единообразной, аскетичной, жестко регламентированной действительности. Подобная установка была не просто осмысленной, но единственно возможной для четырех поколений учителей, школьников и архитекторов школьных зданий. Поэтому и стандартное пространство типовой школы с его обилием прямых углов, примитивной осевой симметрией и тусклой цветовой гаммой воспринималось естественно и правомерно.

Сегодня традиции советского школостроительства выглядят бессмысленно и анахронично. Подавление индивидуальности самовыражения ученика воспринимается как ничем не оправданная жестокость, порождающая множество стрессов и психосоматических расстройств. При всем разногласии выдвигаемых парадигм образования все они сходятся в одном: школа должна стать комфортным, развивающим пространством. Приходит время разнообразия и оригинальности, время ярких и динамичных образов – и это время бросает вызов архитекторам сегодняшнего и завтрашнего дня.

FOR MORE INFO
CONTACT US AT
WWW.WWT.RU

WWT

СЕРВИС ДОКУМЕНТАЦИИ
СЕРВИС ДОКУМЕНТАЦИИ

Андрей Шолохов

Детские сады

текст и фото
Татьяна Чеботарева

Архитектура детских садов, пожалуй, самая сложная область проектирования. Потому что детский сад – это место, где малыши впервые максимально расширяют границы своих контактов с миром. Место, где они проводят значительную часть своего времени, а влияние среды на растущего человека трудно переоценить. К тому же самое интенсивное развитие личности происходит именно первые шесть лет, так же, как и познавательная активность, и работа мозга. Поэтому, каким будет место, где дети проводят свой день, имеет огромное значение не только для родителей, но и для всей страны, ведь здесь и сейчас закладываются черты характера ее граждан.

Каким должен быть детский сад? Вопрос, на который каждый архитектор ответит по-своему. Но детский сад точно не должен быть типовым, точнее, он просто не может быть типовым, если исходить из того, что каждое место на Земле уникально, а здания должны соответствовать месту, на котором они стоят.

Детей невозможно обмануть, – это знает каждый, кто общался с ребенком; и если в данном конкретном месте появляется абстрактное здание, то ребенок неизменно

чувствует фальшь, ненормальность и дискомфорт. Либо же здание детского сада может быть неким идеальным объектом, как некая формула, которая уместна везде, как вилла «Савой Ле Корбюзье», или его же «Марсельская единица», которая может быть расположена где угодно, потому что в ней заложены идеальные пропорции, ритм, членения, потому что они соприродны, человечески.

В Иркутске есть такой детский сад. Он расположен на углу улиц 5-й Армии и Горького, рассчитан на 280 мест, спроектирован замечательным архитектором В.А. Павловым больше тридцати лет назад. Этот детский садик представляет в плане сдвинутый по кругу крест. По словам автора, он использовал символ солнца, форма которого позволяла создать некий прием интимности, отдельности каждой группы. Но, прежде всего, это скульптурное здание, очень живое, при этом в нем нет никаких «детскостей», вычурностей и излишеств. Оно с каждого ракурса воспринимается по-разному, хотя все части креста одинаковы. Это очень удивляет: ходишь вокруг и не можешь понять загадку. Вроде бы действительно одинаковы, но воспринимаются различ-

но, – это словно игра на воображение и логику. Здание, которое можно назвать «развивающим», и, думаю, что дети нашли его разгадку.

Вообще, все объекты В.А. Павлова замечательны тем, что их форма выразительна, контекстуальна и не нуждается ни в каком декоре, потому что ценна сама по себе, глубоко осмысленна и интересна.

Никаких цветовых изысков, ярких пятен: красный кирпич, дерево в отделке фронтонов двускатных кровель и немногочисленные оштукатуренные белые поверхности, прежде всего белые конструктивные элементы открытых лестниц, расположенных в каждой части креста. Все очень просто: плита, вокруг которой спускаются марши лестницы и монолитные ограждения. И все. Но выглядят они как скульптуры, как захватывающие взгляд акценты всей композиции. На торцевых стенах внутренняя поперечная стена, также, как и ограждающие внешние, выведена наружу и задает четкий вертикальный ритм, окна занимают почти всю плоскость торцевых стен и образуют крестообразную композицию. На продольных же стенах простые прямоугольные окна, везде одинаковые, но расположены они в определенном ритме, который подчеркивает открытость торцевых стен, и в результате получается очень гармоничное сочетание застекленных и глухих поверхностей. Входы обозначены выступающими объемами второго этажа, опирающимися на колонны. Эти объемы тоже скульптурны, их торцы почти полностью остеклены, и стены выходят за крышу, что при скатной кровле делает их похожими на Они вызывают чувство защищенности и основательнос-

ти. Сочетание односкатных и двускатных кровель при довольно сложном плане дает поразительно живописный эффект: кажется, что они находятся в постоянном, еле уловимом глазу движении.

По словам автора, он старался попасть в масштаб рядовой застройки, что бесспорно удалось. Но примечательно другое: этот детский сад был дважды повторен в структуре города (на пересечении улиц Лермонтова и Гоголя и на ул. Ямской) и также прекрасно вписался в городскую ткань. Думаю, что у В.А. Павлова получилось создать ту идеальную форму, которая может быть где угодно, потому что живая и человеческая.

Нельзя забывать о том, что любой детский сад проектируется в жестких функциональных и экологических ограничениях. И если речь идет о муниципальном детском саду, то планировочное решение и внешний облик детского сада зависит, прежде всего, от заданной социальной программы, которая, как правило, предполагает минимальный бюджет. Такой подход можно условно назвать «рационалистическим». Детский сад, являющийся примером подобного подхода, скоро появится в Ново-Ленино. Спроектирован он архитекторами Гражданпроекта В.В.Распутиным и В.А. Бызовым. Представляет собой структуру из двух блоков: неизменяемая часть – блок групповых ячеек и изменяемая – административно-бытовые и хозяйственные помещения. Рассчитан на 110 и 220 мест. Планировка исключительно рационалистическая, как говорят авторы, ни одну стену нельзя сдвинуть ни на йоту, иначе площади уже не будут проходить по нормам, поэтому планировочная

Авторский коллектив:
 ГАП – В.В. Распутин
 ГАП – В.А. Бызов
 Архитекторы:
 Е.Д. Сушкова
 А.С. Сергеев

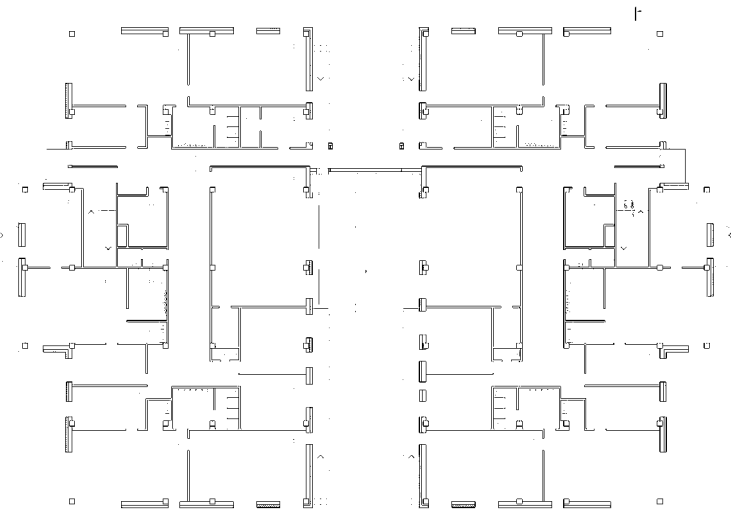
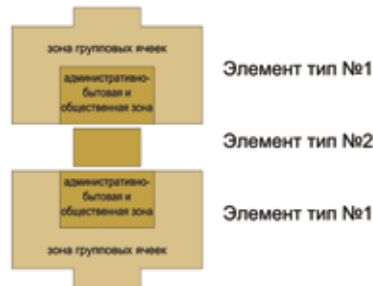
Детские сады на 110 и 220 мест разработаны по заданию МУП администрации города Иркутска. В планировочной структуре существует неизменяемая часть – блок групповых ячеек и изменяемая – административно-быто-

вые и хозяйственные помещения. В детском саду на 220 мест дополнительно предусмотрен бассейн и компьютерный класс. Здание детского сада имеет два этажа высотой по 3.600 м. На первом этаже расположены групповые ячейки, пищеблок на сырье, медицинский изолятор и административно-бытовые помещения. На втором этаже расположены групповые ячейки, залы для музыкальных и физкультурных занятий, и административные помещения. На территории детского сада предусматривается благоустройство с мощением бетонной тротуарной плиткой, устройство игровых и спортивных площадок, оборудованных малыми архитектурными формами.

ТЭП ДОУ на 220 мест
 Площадка застройки
 – 1606.0 м²
 Общая площадь здания
 – 4380.0 м²
 Полезная площадь здания
 – 4086.8 м²
 Строительный объем
 – 16220.6 м³

Детский сад на 220 мест

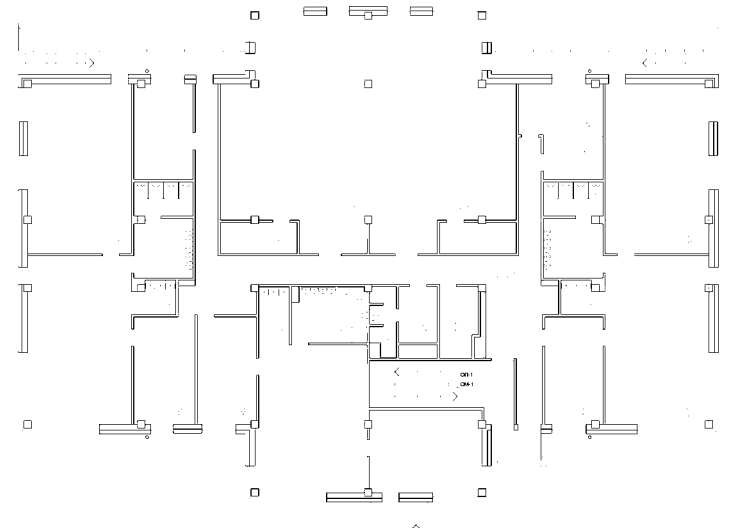
Компоновочная схема

ТЭП ДОУ на 110 мест
 Площадка застройки
 – 797.0 м²
 Общая площадь здания
 – 2186.9 м²
 Полезная площадь здания
 – 2036.3 м²
 Строительный объем
 – 8050.0 м³

Детский сад на 110 мест

Компоновочная схема

структура представляет собой четкое функциональное распределение площадей.

Здание спланировано таким образом, что зона групповых ячеек «обнимает» административно-хозяйственный блок и получает максимальный выход по освещенности. Это дает возможность очень гибко подходить к вопросам выбора площадки, ориентации по сторонам света и другим градостроительным условиям. В садике на 220 мест просто стыкуются два блока по 110 мест (примыкают друг к другу административно-хозяйственными блоками). Часть административно-хозяйственного блока образует ризалит, который симметрично отражается на противоположной стене и выделяет входную группу. На главном фасаде он воспринимается как отдельный объем, благодаря яркому контрастному выделению цветом и симметрично стоящим по краям декоративным элементами того же цвета, фиксирующим эвакуационные лестницы. Надо сказать, что эвакуационные выходы здесь решены очень остроумно. Главный фасад имеет даже «эвакуационную галерею». Лестницы расположены по краям, а по второму этажу к выступающему красному объему идут галереи.

Фасады этого детского сада аскетичны до предела. Почти в духе Адольфа Лооса. Никаких «красивостей» и декора, единственным изыском можно считать лестничные декоративные элементы. Еще в этом здании

вызывающие фронтоны двускатных крыш. Маленькие и непропорциональные, на первый взгляд они смущают и выглядят невыразительными, а потом вдруг начинают казаться забавными и смешными, будто серьезный взрослый человек надел детскую шляпку. Но, как ни странно, эти непропорциональные крыши придают зданию очарование и притягательность, и на него начинаешь смотреть совсем по-другому. Да, оно рационалистическое, компактное, строгое, но вместе с подобными крышами и игровыми элементами лестниц оно становится характерным и приобретает чувство юмора. Как веснушки, которые делают лицо симпатичным. Также нужно добавить, что здесь был применен особый подход к инженерным системам. Нестандартная схема вентиляции (на каждую группу своя приточно-вытяжная система) позволила полностью избежать сквозняков и постоянно поддерживать в помещениях комфортную температуру. Авторы говорят, что им не стыдно за этот детский садик, особенно если учитывать рекордные сроки проектирования и жестко ограниченный бюджет. Думаю, с ними можно согласиться. Объект получился действительно достойный. И, учитывая хорошо разработанную прилегающую территорию – с террасами, беседками, песочницами, игровыми формами, детям здесь будет хорошо, а это самое главное при проектировании детского сада.

Особенности развития архитектуры школьных зданий в исторической части Иркутска и его новых районах

текст
Елена Григорьева

Институтом «Иркутскгражданпроект» и его специалистами накоплен 40-летний опыт проектирования школ для Иркутска, включающий адаптацию типовых проектов, разработку индивидуальных, реконструкцию старых школ, в том числе дореволюционных. Привязка новосибирских и киевских типовых проектов в 60-70-х годах была началом этого пути. ИГП несколько опередил демонтаж «глобальной» системы типизации, по отношению к школам здесь это произошло в начале 80-х.

Для школы важнее всего – ее удобство, приспособленность к происходящему в ней процессу обучения, воспитания, общения. На достижение этого удобства прежде всего направлены энергия и изобретательность проектировщика и средства заказчика. При этом выразительность здания не менее важна: кроме всего прочего, она является фактором воспитания, ежедневным для большого количества детей. Школу, как и дом своего детства, помнит каждый из нас.

Вячеслав Глазычев в дискуссии в ЦДА об архитектуре, городе и общественном мнении говорил: «Надо наводить мостики между городской средой и населением... А начинать городское пространственное воспитание надо со средней школы, как это делается, например, в Великобритании».

Как же воспитывать чувство пространства? Наверное, не только чтением лекций и даже не только упражнениями по композиции. Известно, что лучший воспитатель – среда.

В 1986 году был разработан проект школы, многократно реализованный в новых микрорайонах – Университетский (1988), Первомайский (1989, 1991), Солнечный (1990), Университетский (1997), Авиазаовод (2000).

В этих школах появился прообраз атриума – полуторчатый вестибюль, перетекающий в открытые пространства рекреаций. Новшеством на фоне типовых проектов был и зимний сад с наклонной совмещенной кровлей – рекреация при кабинетах и лабораториях естественных наук. Насколько это было непросто отстоять в системе полносборного строительства (а здания именно полносборные, из типовых панелей и каркаса ИИС), могут понять только те, кто работал в проектировании в те времена.

Каждая следующая школа из этих шести школ несколько (насколько это было возможно для бюджетного объекта повторного применения) отличается от предыдущей – учитывает пожелания и замечания учителей и директоров.

Победа во Всесоюзном конкурсе 1988 года «Школа на 33 класса с выделенными блоками клубно-спортивных помещений» зафиксировала высокий уровень, которого достигли архитекторы института в этой области проектирования к концу 80-х. Мастерской типового и экспериментального проектирования ИГП была сделана и рабочая документация для нескольких площадок в городе, но наступил кризис 90-х, а затем и мода на большие школы прошла.

Школа на 33 класса с выделенными блоками клубно-спортивных помещений. Всесоюзный конкурс. I премия 1988
Е. Григорьева, Е. Третьяков, С. Демков, А. Колесников

Школы на 33 класса во 2-м Иркутске, в микрорайонах Университетский и Солнечный

Заказчик: УКС администрации г. Иркутска
 Подрядчики: Иркутспромстрой, Агродорспецстрой, Иркутскжилстрой
 Проектирование: ОАО «Иркутскгражданпроект»
 Архитекторы В. Павлов, Е. Григорьева, при участии А. Коноплевой (интерьеры)

В конце 80 – начале 90-х был разработан, согласован, привязан на двух площадках, но также не осуществлен экспериментальный проект кооперированного учебно-культурного центра (школа, клуб, спорткомплекс, детский сад).

К школам малой вместимости архитекторы ИГП обратились еще в начале 80-х. В 1984 году участвовали во Всесоюзном конкурсе и получили поощрительную премию.

Первоначальная область применения таких школ – малые города и поселки областного подчинения. В дальнейшем выявилась ее пригодность для затесненных участков в исторической среде. А уже в 90-х произошла переориентация политики образования на меньшую вместимость.

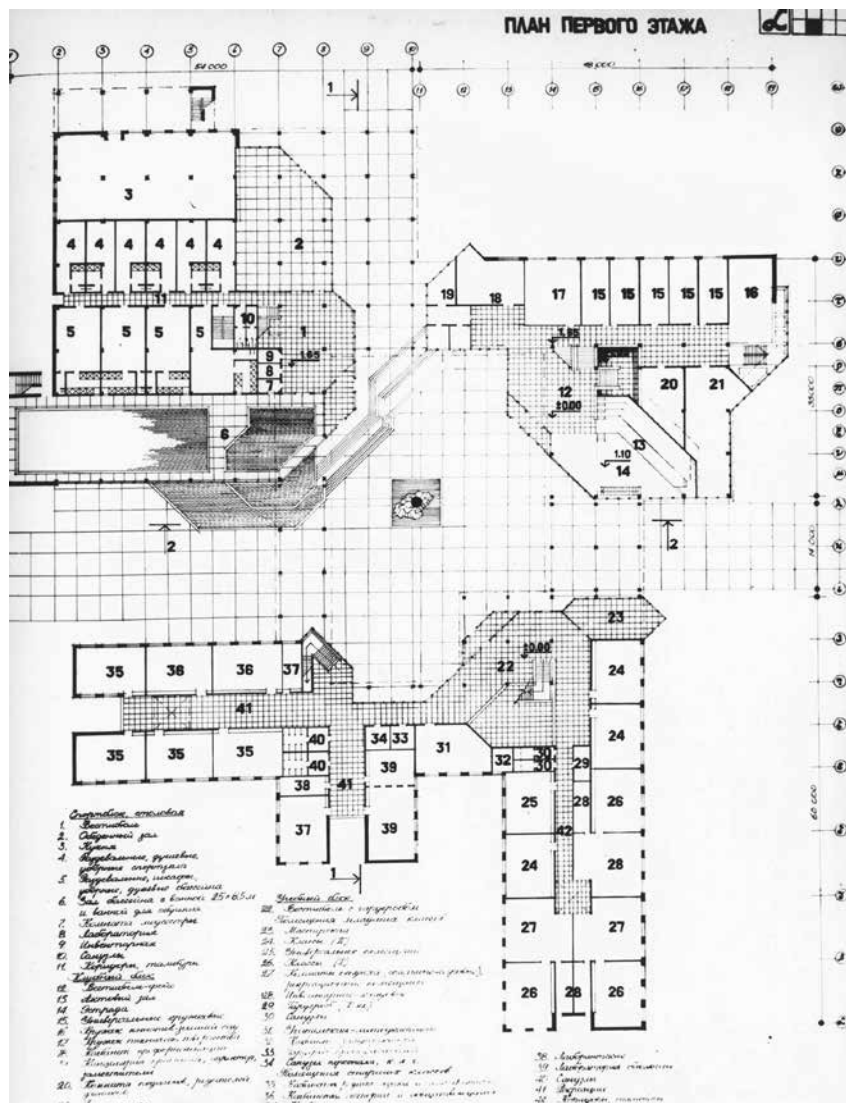
Как показали исследования в школах повышенной вместимости (40-60 классов), отмечаются недостатки в организации учебной и внеклассной деятельности, труднее соблюдать режим дня детей, прежде всего это касается начальной школы. Большие школы не обеспечивают должной возрастной изоляции и не создают условий для дифференцированного учебного режима. Увеличение числа детей в одном здании ухудшает его шумовой режим, создает предпосылки для распространения инфекционных заболеваний.

Первая школа малой (для крупного города – Иркутска) вместимости была построена в Ново-Ленино по улице Образцова, и в малоурожайном на новостройки 1996 году была удостоена премии областного фонда культуры.

Школа в Знаменском предместье (1999) ознаменовала новый этап в проектировании школьных зданий: помимо тепловой эффективности здесь нашли применение новые принципы пространственной организации, новые конструктивные и технологические приемы.

Место расположения школы № 3 – на горе над Знаменским монастырем, возле военного госпиталя с его замечательной рощей. Композицию крыш видно с некоторых отдаленных мест города, например с набережной за площадью Вечного огня.

В 30-е годы здесь была построена типовая 4-этажная школа, построена с характерным для того времени качеством: землетрясения 30 июля 1995 года здание не выдержало, треснуло по всей высоте. После того, как здание

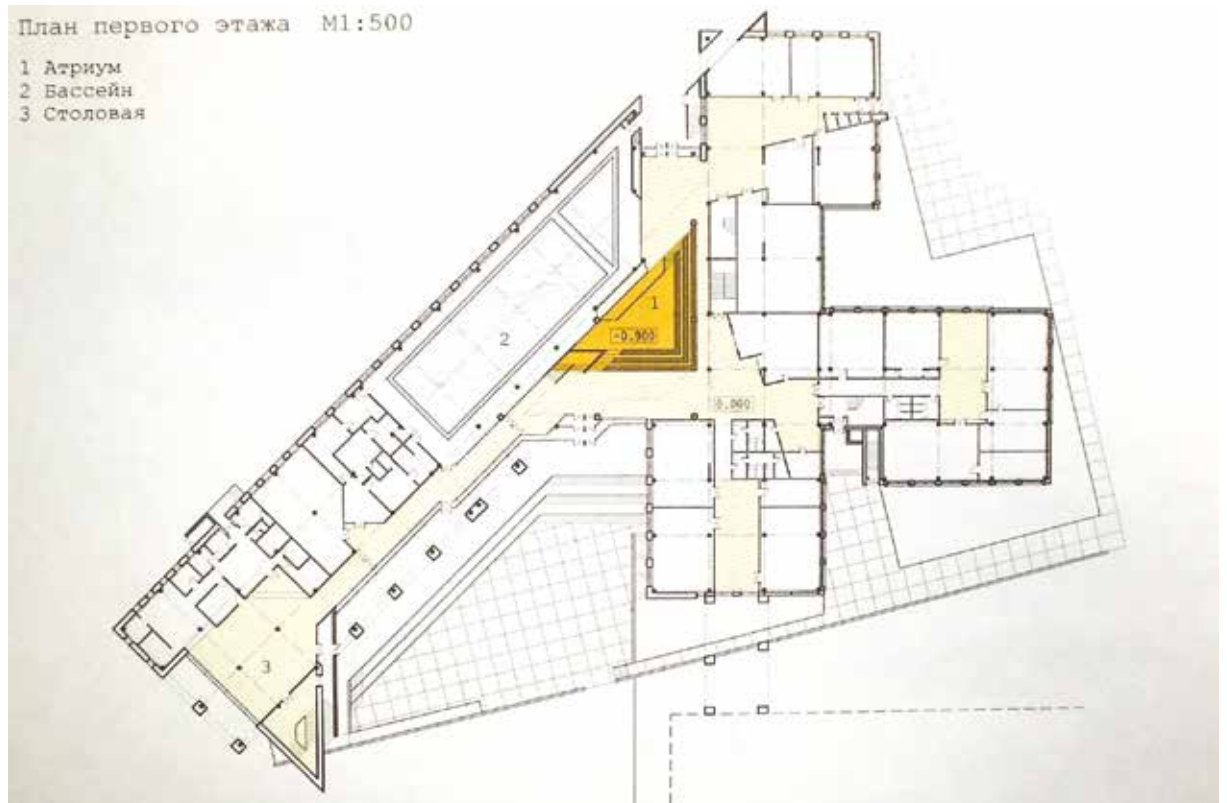

Школа в Знаменском
предместье г. Иркутска
1998 \ 1999

Заказчик: УКС
администрации г. Иркутска
Подрядчик:
Агродорспецстрой
Проектирование: ОАО
«Иркутскгражданпроект»
Архитекторы
Е. Григорьева,
при участии
И. Дружининой,
С. Муллаярова

План первого этажа М1:500

- 1 Атриум
- 2 Бассейн
- 3 Столовая

простояло две зимы без обитателей, речи о восстановлении уже можно было и не вести.

Со строительством новой школы преобразование среды произошло кардинальное: расположением блоков вокруг центра участка сформирована аванплощадь, образовавшееся трапециевидное втягивающее во внутрь пространство с главным входом в узком основании ориентировано на реку, на Знаменский монастырь.

В распоряжении проектировщиков имелась чрезвычайно тесная площадка, при этом – сложной конфигурации, практически треугольный участок. В неопределенной перспективе прилегающая часть малоэтажной застройки предполагалась к сносу для размещения на этой территории стадиона. Недостаток площади для спортплощадок был компенсирован интенсивным использованием подвала (тир с дистанцией стрельбы 25 м), бывших чердачных пространств, примыкающих к спортзалу (тренажерные и теннисные залы, места для зрителей). Дополнительно к 25-метровой чаше в габаритах трапециевидного зала бассейна предусмотрена треугольная чаша для маленьких.

Жизнь организована вокруг центрального пространства сооружения – атриума. Вправо от него направляются потоки младших и старших классов в учебные блоки, а влево – в общественный блок (столовая, бассейн, спортзалы, досуговый центр с небезытересной историей).

Впервые в нашей практике проектирования школ частично выполнено обязательное, но в то время редко исполнявшееся требование по доступности для маломобильных групп населения.

Лифт школе не был положен по тем временам. Но благодаря рельефу и с помощью пандусов была обеспечена возможность попадания колясочников на уровни первого и «нулевого» этажей – доступ в помещения столовой, досугового центра с кружковыми, бассейнов, часть учебных помещений, мастерских, тира и в атриум – центральное рекреационное пространство.

Пандусы даже обогатили пластическое решение аванплощади с геометрией лестницы главного входа, ступеней амфитеатра и нашли второе, спортивно-досуговое назначение – для скейтбордистов.

Элемент утичности, наверное, присутствует во многих архитектурных произведениях. Здесь, как ни странно, им

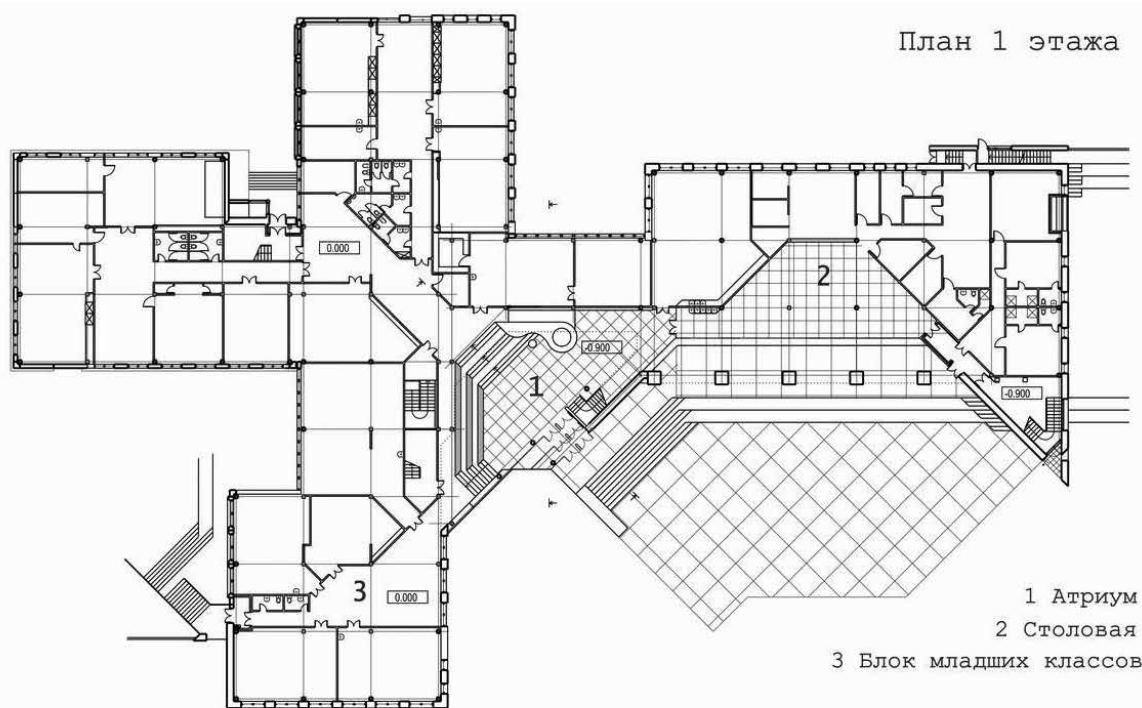
стала идея дать возможность детям соседнего интерната, практически не имеющего территории и крайне стесненно-го в площадях, пользоваться школьными залами, библиотекой, бассейнами (детям интерната с нарушениями опорно-двигательного аппарата это особенно необходимо). Здание новой школы и старого интерната связал переход – зимний сад. Но пока здесь проходит и граница, стереть которую может только разрушение ведомственных барьеров. Взрослым надо договориться.

Из расположенного на горе дома открываются прекрасные видовые точки – на Знаменский монастырь из библиотеки и из специально прорезанного горизонтального окна треугольной лестницы (картина в раме), на госпитальную лиственничную рощу из остекленного фронтона студии архитектуры и дизайна.

Недостаточная озелененность участка в виду его малой площади заставила продумать возможность использования общешкольных пространств для этих целей.

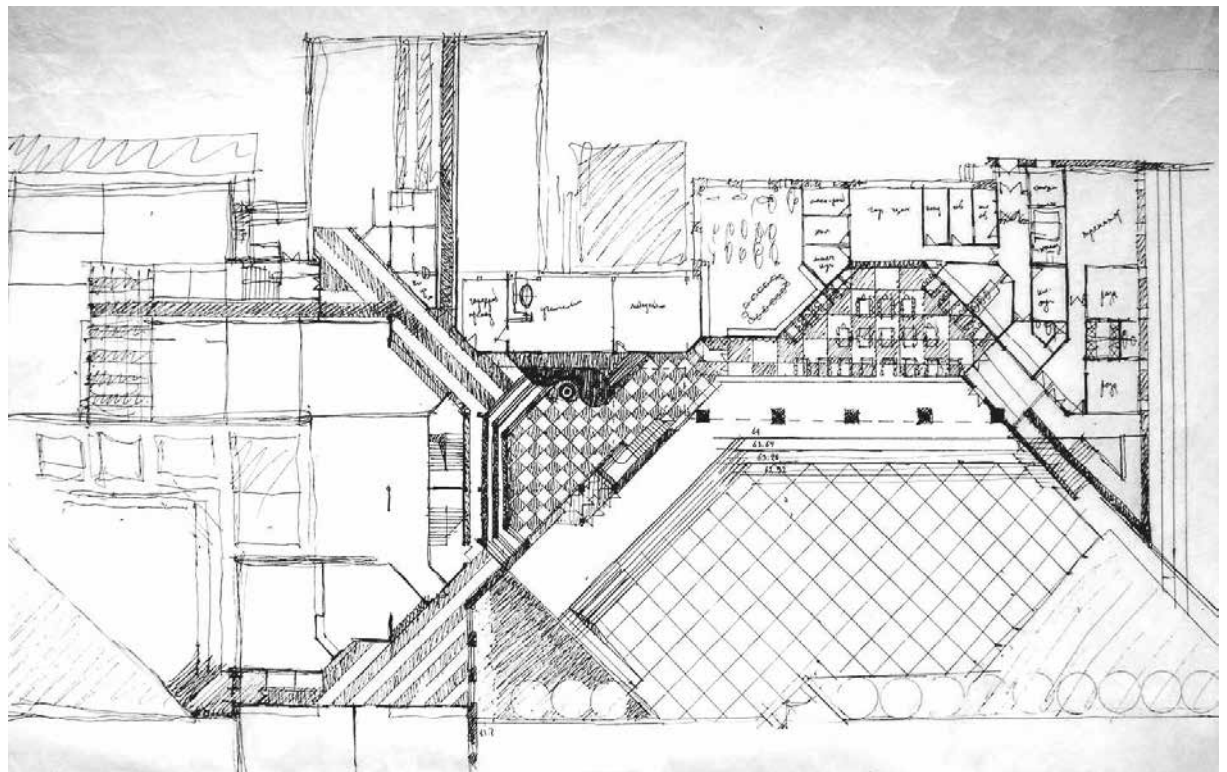
Зимний сад на стыке школы с интернатом обращает стекляннной стеной на юг и в какой-то мере компенсирует отсутствие теплицы. Зеленые галереи второго уровня открыты в атриум, северная зона атриума – площадь для зимнего сада. Важен системный подход к выбору растений. Этим удачно занимался директор гимназии в Университетском Николай Николаевич Абаринов. Его гимназия № 2 в Университетском успешно участвовала в программе ЮНЕСКО «Самая красивая школа».

Ну а в школе №3 в Знаменском предместье, в ее центральном атриуме, – безусловно, привлекательном, отличном от других школьных зданий, пространстве – появляются замечательные вещи: в первый же Новый год там воспарил великолепный огромный бумажный дракон – картонные крылья. Его сделали ребята в архитектурной студии, расположенной в мансарде. Авторы проекта школы не зря возлагали большие надежды на архитекторов Технического университета, которые преподают в этой студии. На их понимание возможностей нестандартных пространств и вкус в выборе цвета элементов дизайна, вводимых в интерьер в процессе эксплуатации здания.

Школа № 80 в Свердловском
районе Иркутска
1999-2000 \ 2001
Заказчик: УКС
администрации г. Иркутска
Подрядчик:
Агродорспецстрой
Проектирование: ОАО
«Иркутскгражданпроект»
Архитекторы
Е. Григорьева
С. Мулларов
Инженер
Т. Форостянова

Школа №80 по ул. Пушкина
Двухэтажное здание, как и в предыдущем случае, принадлежало к старой гвардии отслуживших свое сейсмичных типовых проектов 30-х годов. Приходится констатировать смерть в случае, если состояние здания заставило обитателей покинуть его по меньшей мере на одну зиму. Как и в случае со школой № 3, пустовавшее несколько лет здание школы № 80 было снесено.

Здесь абсолютно другая городская ситуация по сравнению с предыдущей школой – участок вытянут в длину, отягощен близостью улицы с трамвайным движением. Сходство только в заниженной по сравнению с нормативом площадью и неготовностью городской администрации к сносу прилегающего ветхого жилья.

Перед главным входом, ориентированным на восток на ул. Пушкина, расположена площадь для торжественных построений с небольшим амфитеатром по рельефу. Эта площадь одновременно выполняет функцию площадки для подвижных игр старшеклассников.

Предусмотрены площадки младших классов, спортивные – волейбольная, баскетбольная и гимнастическая, школьный сад, хозяйственная площадка, автостоянка около ворот главного входа.

Трехэтажное здание школы состоит из двух основных функциональных частей – учебные блоки (1 и 2) и общешкольно-спортивные блоки (3 и 4).

Учебные блоки максимально удалены от основного источника шума – ул. Шмидта с трамвайной линией. Линейное построение блоков вдоль ул. Пушкина обусловлено конфигурацией участка.

Планировочным ядром здания является трапециевидный в плане блок 3 с вестибюлем – центральным рекреационным пространством и помещениями администрации. Влево от него направляются потоки младших и старших классов в учебные блоки, а вправо – в общественный блок (столовая, спортзалы).

В учебных блоках размещаются классы, кабинеты, лаборатории и рекреации зального типа. Учебные помещения сгруппированы по возрастному и кафедральному принципу.

Помещения младших классов занимают 1-й и 2-й этажи восточного крыла 1-го блока, имеют отдельные рекреации, гардероб, санузел и обособленный выход на участок начальных классов. Предусмотрена большая универсальная мастерская младших классов.

Мастерские старших классов расположены во втором блоке на отм. –3.300, выходящей за счет перепада рельефа на уровень земли. На этом же этаже расположены тир с дистанцией стрельбы 25 метров, фотолаборатория, радиопузел, студия хореографии и технические помещения.

На 3-м этаже размещены актовый зал, фойе, библиотека, студия архитектуры и дизайна (1 блок), а также кабинет музыки и пения, кружковая технического творчества и кабинет профориентации (2 блок).

Остальные помещения общественного назначения находятся в 3-м и 4-м блоках: спортзал размером 12 x 24 с раздевалками, душевыми, снарядной и тренерской, тренажерный зал, класс военной подготовки, класс домоводства и столовая. Дополнительный выход из обеденного зала столовой на площадь предполагает размещение летнего кафе на верхней террасе амфитеатра под навесом.

Благодаря сформированному рельефу и с помощью пандусов, обеспечена возможность попадания инвалидов-колясочников на уровни первого и «нулевого» этажей – доступ в помещения столовой, часть учебных помещений, мастерские, тир, студию хореографии и в атриум – центральное рекреационное пространство.

Принципы, отработанные на предыдущем объекте, заложены в основу и здесь, претерпев незначительные трансформации, а вернее, уточнения.

1. Построение блоков вокруг центрального пространства – атриума.

2. Рациональное использование подвалов, создание цоколя формированием рельефа.

3. Использование приема мансарды. Активное применение двух последних приемов – использование подвалов формированием рельефа и устройством мансард в тех объемах, которые раньше проектировались как чердаки, дает большой экономический эффект: увеличивается выход площади практически в том же объеме, в тех же конструкциях, снижается стоимость квадратного метра.

4. Короткие и удобные связи между секциями учебных и общешкольных помещений, внутри секции.

Хронометраж перехода из кабинета в кабинет – 1-2 минуты. Это важно при кабинетной системе – не сокращать время, отпущенное на отдых на перемене.

В некоторых современных проектах сложная композиция ведет к удлинению связей, коридоры достигают 100, а то и 200 метров.

Проект школы № 80 по ул. Пушкина был высоко оценен на самых разных смотрах и конкурсах: золотые дипломы фестивалей «Зодчество ВС» в Иркутске и «Зодчество» в Москве, премия губернатора Иркутской области в 2002 году и, наконец, Государственная премия Российской Федерации.

С введением в эксплуатацию школы № 80 в 2002 году закончился период строительства новых школьных зданий в Иркутске, городской заказ на длительный период был обращен на реконструкцию старых школ в центре города. Специалисты ИГП к этим проектам не привлекались, однако оказались востребованы при разработке проектов восстановления столицы Чеченской республики – города Грозного, расположенного, как и Иркутск в 8-9 балльной сейсмической зоне.

В 2004-2005 годы Иркутскгражданпроектом были разработаны проекты школ на 600 мест для Грозного. Они вошли в состав инфраструктуры микрорайонов 1 и 2 по улице Жуковского. А в 2006 по новой программе в соответствии с МГСН архитекторами ПТАМ «Студия 7» и инженерами ИГП была запроектирована школа нового поколения для микрорайонов 4 и 5. Новизна последнего проекта заключалась не только в значительно модернизированном составе помещений, но и в более четком функциональном делении по блокам. Кардинально новым было «шарнирное» сопряжение учебных блоков с общешкольными, позволяющее в любой ситуации точно выполнить жесткие нормы СанПиН по ориентации классов. Успешно прошедшие все согласования, в том числе федеральную экспертизу, проекты школ на 600 и 984 учащихся, возможно, найдут применение и в Иркутской области, и ее столице, когда бюджетный заказчик вступит в период строительства образовательных объектов нового поколения.

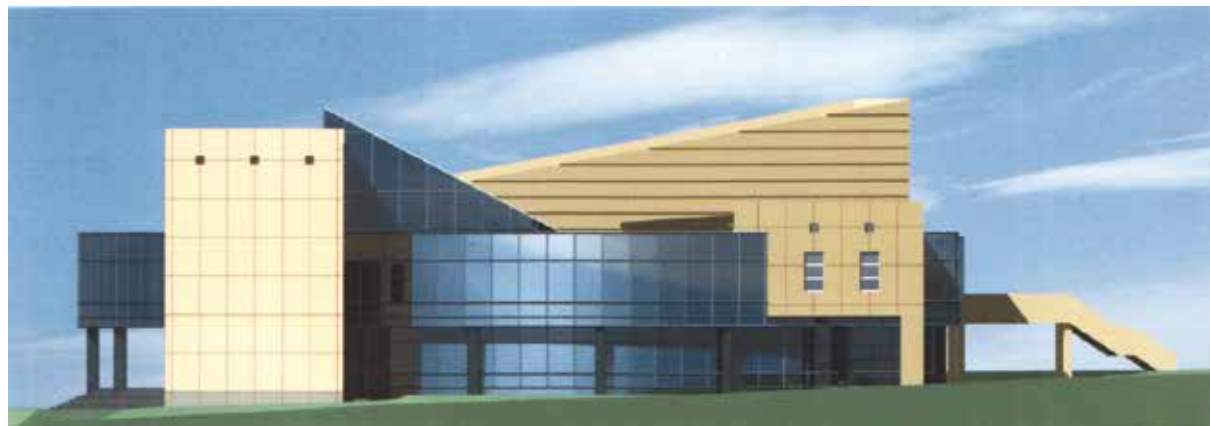
Школа на 984 учащихся в г. Грозном
2006 Стадия Проект
Проектирование
– ПТАМ «Студия-7», ОАО
«Иркутскгражданпроект»
Архитекторы Е. Григорьева,
С. Муллаяров, Ю. Шевченко,
Н. Константинова

Школа искусств в Академгородке Иркутска

текст
Ирина Теплякова

фото
Татьяна Ольховик

Проектирование:
Иркутскгражданпроект,
2003 г.
Генеральный подрядчик:
Иркутскпромстрой.
Ввод в эксплуатацию
ноябрь 2008 г.

Авторский коллектив: С. Гладков, В. Стегайло,
при участии С. Ананьева, И. Дружининой, С. Политова
Заказчик: Управление капитального строительства
Иркутской области
Проектирование 2003 г.

Объект начинался неоднозначно. В Академгородке остро стояла проблема – необходимость в строительстве музыкальной школы, при этом не было никакого плана развития. Депутат от микрорайона Алексей Васильевич Белов задался этим вопросом и активно развивал его в Городской думе. Благодаря его активной позиции и появилась сама возможность строительства школы. Также деятельное содействие проявляла директор школы Людмила Ивановна Павлова.

Во главу угла были поставлены проработки проекта планировки Академгородка. Объект рассматривался авторами в комплексе с общеобразовательной школой № 19 как одно из звеньев в формировании мощного градостроительного образования – общественного центра Академгородка, состоящего из комплекса зданий: конгресс-центра Академии наук, торгового центра районного значения, существующей школы № 19, культурно-развлекательного центра и фланкирующей жилой застройки, которые объединены единым композиционным решением с выявленной градостроительной осью – пешеходные бульвары, соединяющие берег Ангары и лесной массив с развитой структурой спортивных сооружений.

По словам авторов, место, выделенное под строительство, требовало от объекта более широкого функционального наполнения. Как и показало время, объект перерос свои функции и на данный момент трактуется как школа искусств с тремя основными направлениями – музыкальное (300 человек), хореографическое (100 человек) и художественное (100 человек), хотя финан-

сирование не позволило выйти за рамки и физически увеличить объемы. Определенное негативное влияние оказало на процесс проектирования то, что никто до конца не был уверен – быть этой школе или не быть. Эта мифичность наложила свой отпечаток и на тщательность проработки. Нереально низкая оценка стоимости строительства и погоня за сроками также сделали свое дело. Норм по проектированию художественных школ как таковых в Российском Госстандарте пока не существует, авторы по возможности опирались на европейский опыт проектирования.

У объекта нет главного фасада, все фасады одинаково значимы. Радиальная композиция образует каре с внутренним двором. Один из блоков стоит на «ногах» и раскрыт в сторону парка. Основные части объема школы – это концертный зал на 300 мест, учебные помещения и

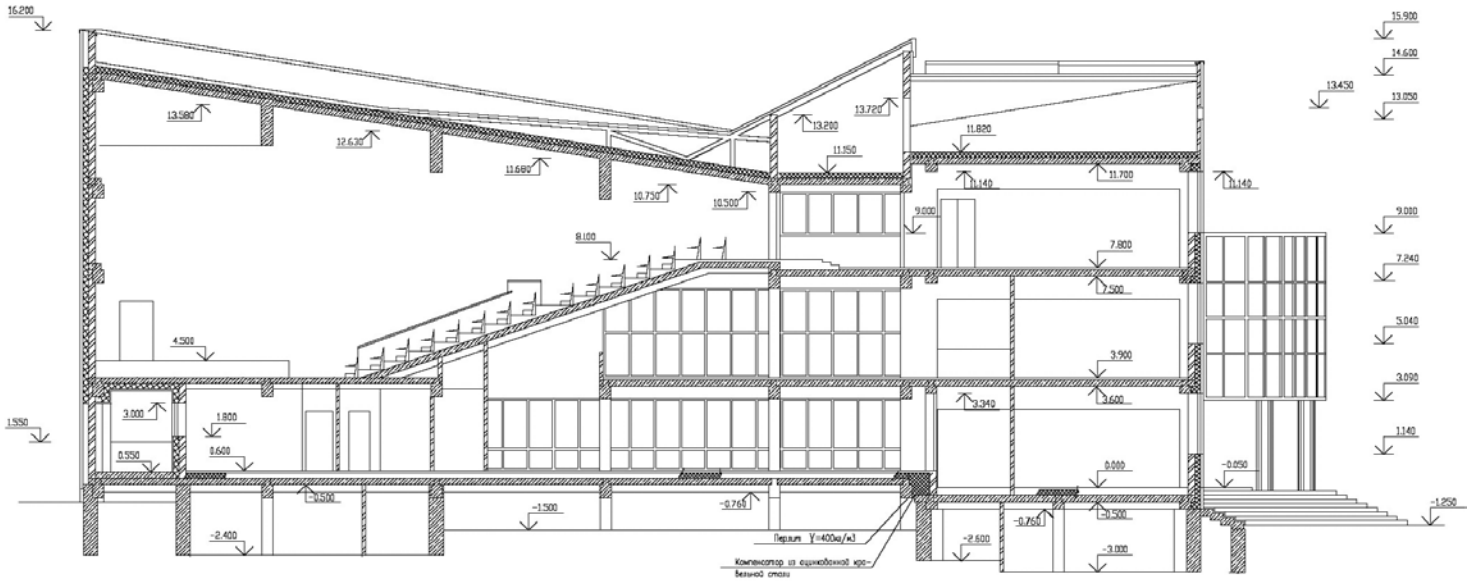
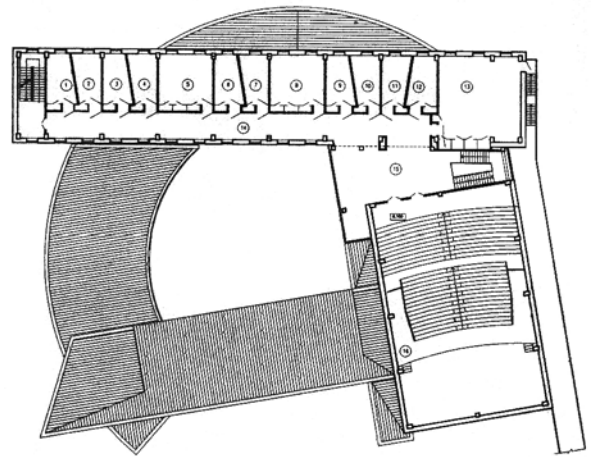
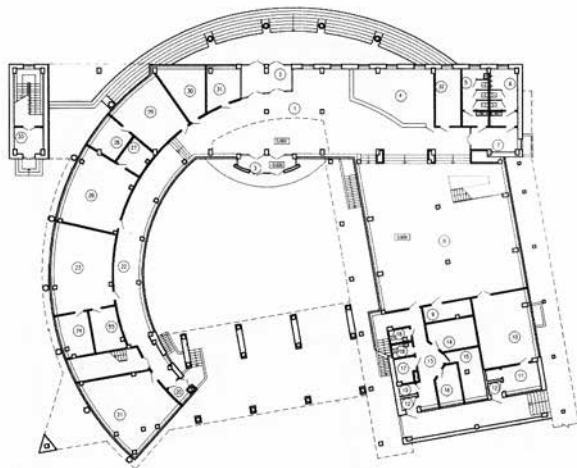
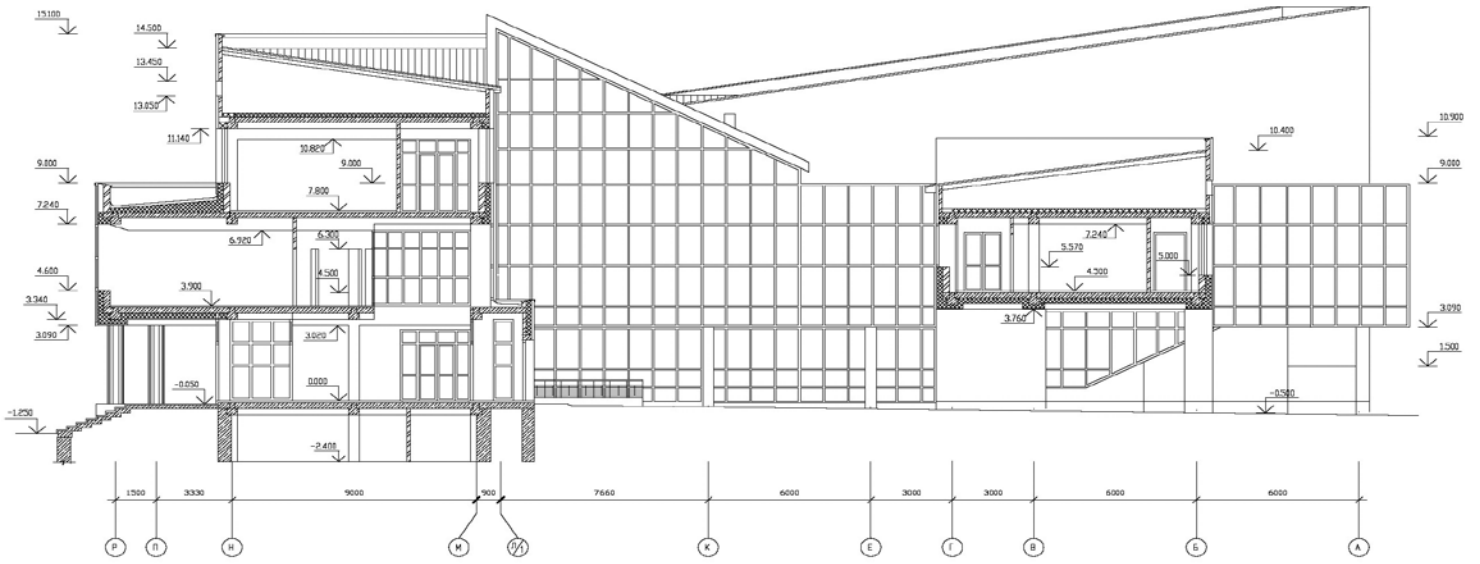
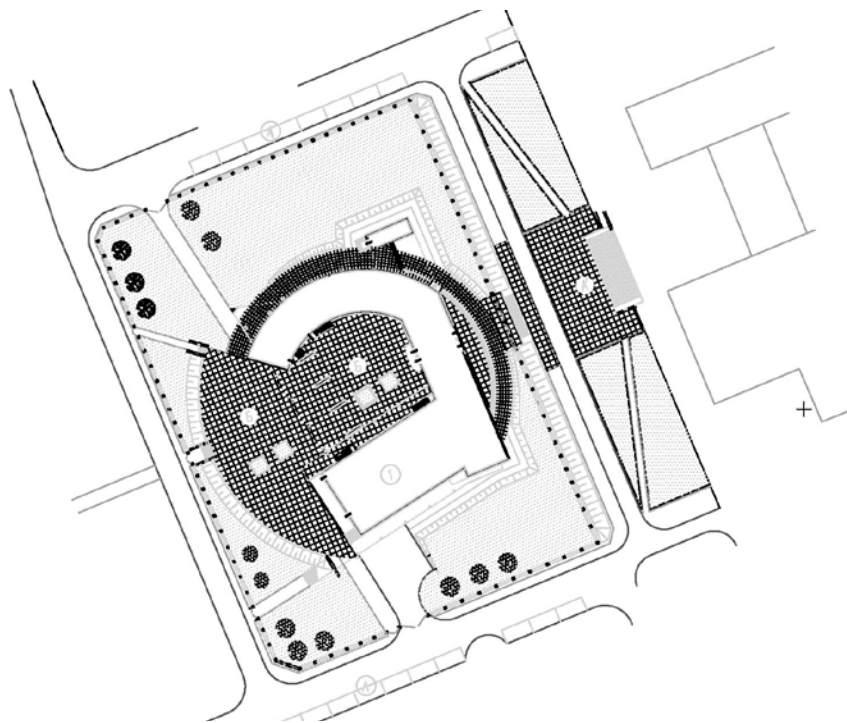

РИС. 1-1

соединительная галерея (административный блок). Все рекреации, холлы и коридоры школы ориентированы на внутренний двор, который предназначен для проведения общешкольных мероприятий, пленэрных занятий. Здание должно жить и иметь возможность развиваться. Такой подход дал авторам возможность предусмотреть два основных входа. Время показало, что этот универсальный прием себя оправдал. Проектом предусмотрена парковая зона, максимально сохранены существующие зеленые зоны, даже те, что образовались стихийно.

К сожалению, недавно выяснилось, что вокруг школы предусматривается строительство жилых домов, и авторы проекта столкнулись с проблемой захвата территории. Такая ситуация, когда за счет коммерческого жилья ущемляются территории общественного назначения, должна рассматриваться как недопустимая. Пока принято решение сохранить территорию школы в тех границах, которые ей были изначально отведены, но какой стороной повернется эта ситуация в дальнейшем, покажет время.

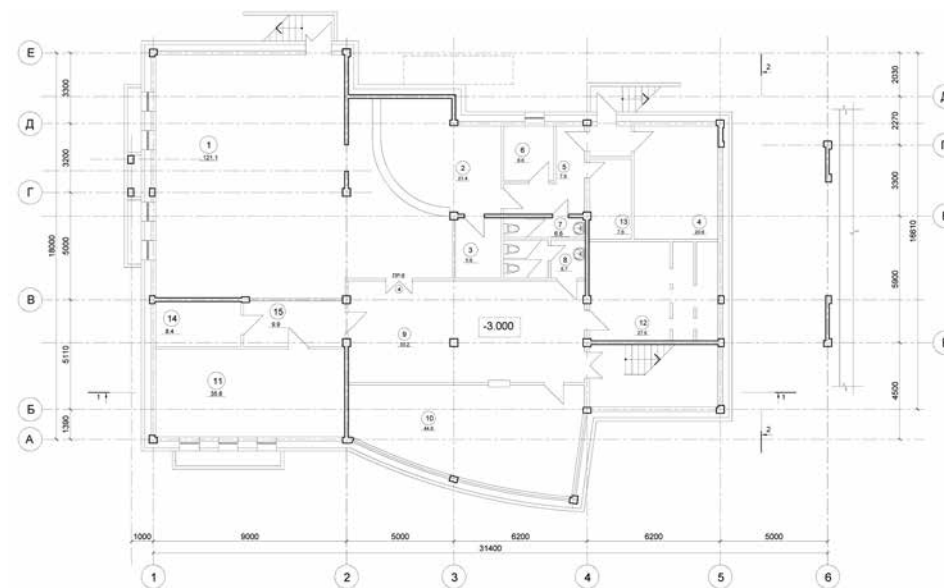
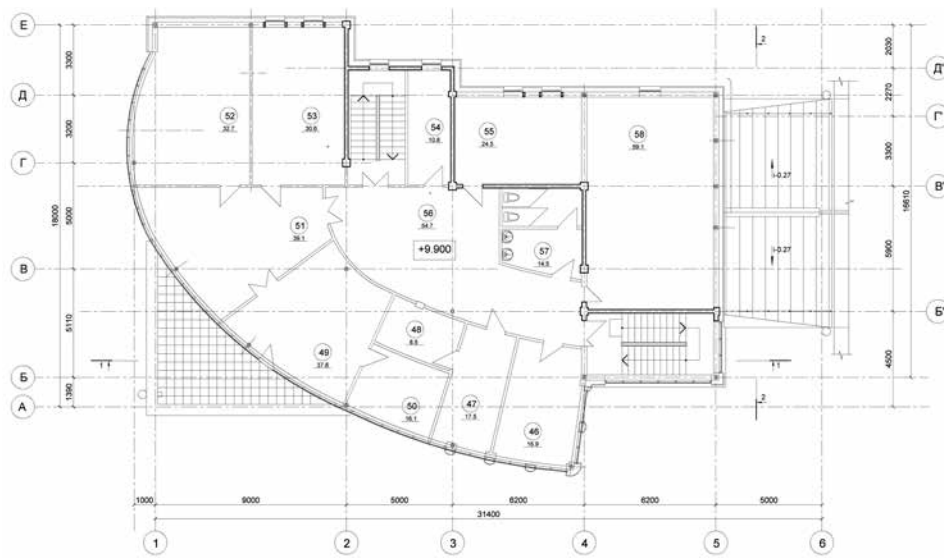

ПРАВОВАЯ АКАДЕМИЯ (Иркутск, ул. Некрасова, 4-6)

Проектирование, строительство, рефлексия...

Заказчик: филиал
Российской правовой
академии Министерства
юстиции РФ
Подрядчик: ООО «Фотон»
Проектирование:
ОАО «Иркутский
Промстройпроект»
Архитекторы:
Алексей Буйнов
Наталья Носова
Вячеслав Бызов

Об уже завершившемся строительстве интервью с главным архитектором Иркутской области, а в недавнем прошлом – практикующим архитектором и автором вышеупомянутого объекта Алексеем Николаевичем Буйновым ведет корреспондент журнала «Проект Байкал» Марина Ткачева.

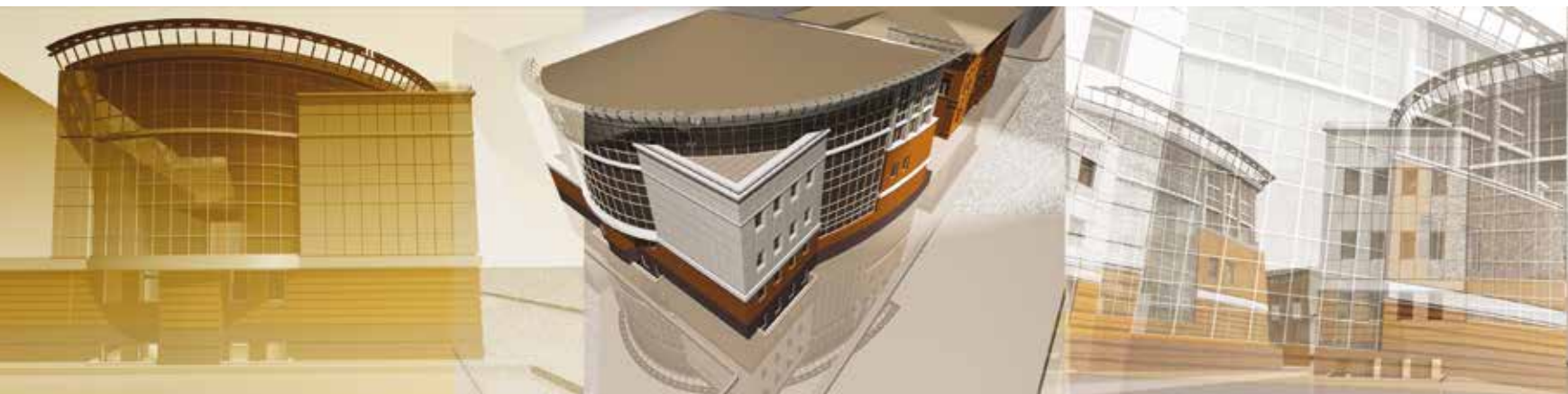
ПБ

Здание, о котором мы сегодня говорим, – «с историей»: оно довольно долго строилось. Какое время заняло

проектирование и строительство этого объекта, какие изменения он претерпел за время своего создания?

АБ

Архитектурная практика многообразна, многовариантна и в какой-то степени непредсказуема. Ничего удивительного нет в том, что однажды появляется объект, первые этапы создания которого проходят относительно быстро: в короткие сроки выполняется исходно-разрешительная документация; с завидной легкостью формируется объемно-планировочное

решение здания; работу рассматривает и одобряет реставрационный или градостроительный совет; спокойно, без каких-то особых нюансов создается проектно-сметная документация, которая вовремя попадает в агентство государственной экспертизы в строительстве. Разумеется, у экспертов имеются замечания, но даже они устраняются в спокойном рабочем режиме. Налицо практически идеальная штатная ситуация в проектировании и, что называется, «ничего такого» ничто не предвещает... А потом положение резко меняется. Откуда ни возьмись, появляются проблемы с финансированием, элементарное невыполнение подрядчиком своих обязательств, замена подрядчика, срыв сроков строительства... Квинтэссенцией всего становится фраза московского руководства заказчика, смысл которой сводится к следующему: «А почему это у вас в Иркутске будет такой дом, если ничего похожего нет даже у нас в Москве?». И это при том, что планы, фасады и даже картинку в своё время с этим руководством своевременно согласовывались.

ПБ

В чем вы видите причину столь резкой «смены курса»?

АБ

Стройка шла слишком долго, и причина этого нюанса очевидна: за семь лет просто поменялись люди в самом руководстве, а у новых людей, соответственно, новое видение старых решений. Это всё неприятные, хотя и объяснимые трудности. Тем не менее, ощущение очередной тупиковости ситуации положительных эмоций отнюдь не добавляет...

ПБ

В ваших словах ощущается недовольство не только, так сказать, объективными составляющими этой ситуации. Было и еще что-то?

АБ

Хочется сказать и о другом: мы все существуем в развитии. Меняются вкусовые и архитектурные пристрастия, меняется собственное видение совершенно определенных проблем и, соответственно, способов их решения. То, что в определенный момент казалось бесспорным, вдруг начинает переосмысливаться. По-новому видится соотношение старого и нового в архитектуре, остро начинает чувствоваться перебор в количестве и качестве деталей здания. Остро режут глаз недоделки и привнесенные изменения. А над всем этим главенствует мысль: эх, не так это всё должно было быть, наверное... И формы должны были быть почище, и элементов поменьше, и соотношение цветов не такое ярко-кирпично-белознаваемое, и размещение объекта на участке не такое всеобъемлюще-поглощающее, и многое другое...

Совершенно очевидно, что моё отношение к данному объекту не было бы столь критичным, если бы не семь лет строительства.

ПБ

Давайте поговорим об удачах. Какие проекторочные решения вам представляются наиболее выигрышными?

АБ

Далеко не всё в этом доме не получилось. На мой взгляд, удачно вписался объём мансардного этажа над существующим зданием, которое находится на углу улицы Некрасова и переулка Кооперативный. Само объёмное решение пристроя в определенной степени продиктовано именно этим старым зданием, в котором, кстати, некогда располагались пятая, а затем третья мастерские «Гражданпроекта». К плюсам планировочных решений пристроя можно отнести отсутствие коридоров, выверенное соотношение площадей учебных аудиторий, кабинетов и рекреаций, удобную конфигурацию учебных

помещений, да и, в принципе, запоминающийся, по словам коллег, своей необычностью облик здания. Можно добавить к этому применение современных высококачественных отделочных материалов и профессиональную работу фирмы «Драйв».

Но есть вещи, не сказать о которых просто нельзя. К ним относятся, очевидно, заниженный размер венчающей здание «короны» при совершенно недостаточном качестве исполнения этого элемента, отсутствие нескольких карнизов и высокохудожественная кованая ограда, окружающая дом (эта ограда отсутствует?? Или ее просто никогда не было? Или ее убрали? – надо уточнить). Есть недоделки и в надстроенном мансардном этаже, появившемся над существующим зданием.

ПБ

Как Вы сегодня относитесь к этому, уже реализованному, проекту?

АБ

На одном из фестивалей «Зодчество Восточной Сибири» проект здания в разделе «Реконструкция и реставрация» получил Серебряный диплом. Несмотря на это, почему-то не получается для себя само назвать проект творческой удачей. Досадно, но – правда. Поверьте, это не проявление снобизма и уж тем более не акт самобичевания. Просто таковы мои ощущения на сегодняшний день.

Технопарк Технического университета

текст
Татьяна Чеботарева

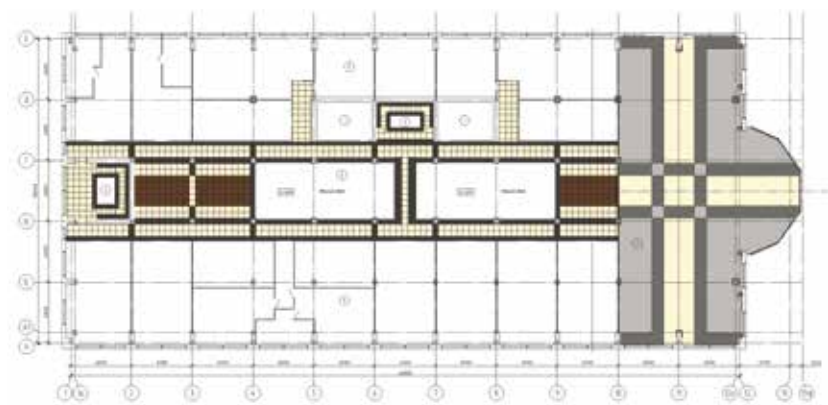
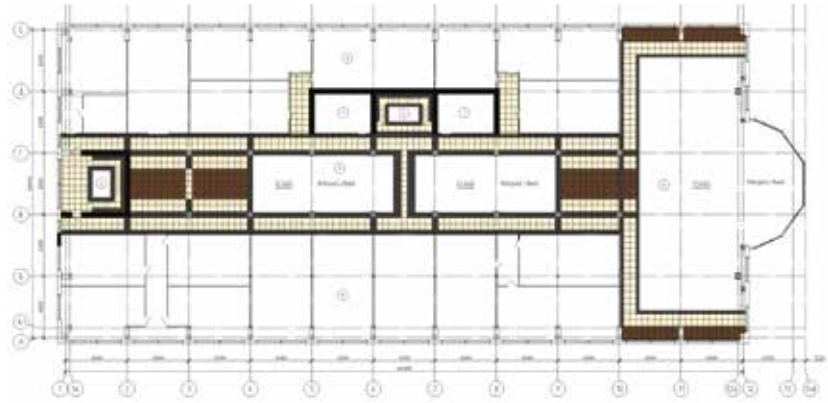
1. Технопарк – специальная территория, на которой объединены научно-исследовательские организации, объекты индустрии, деловые центры, выставочные площадки, учебные заведения, а также обслуживающие объекты: средства транспорта, подъездные пути, жилой поселок, охрана. Смысл создания технопарка в том, чтобы сконцентрировать на единой территории специалистов общего профиля деятельности. Ученые могут здесь проводить исследования в НИИ, преподавать в учебных заведениях и участвовать в процессе внедрения результатов своих исследований в жизнь.

На прошедшем региональном архитектурном фестивале «Зодчество Восточной Сибири-2008» проект Технопарка ИрГТУ получил золотой диплом, но не только этим он привлек наше внимание. Проект, выполненный выпускницей архитектурного факультета ИрГТУ Екатериной Паплаускене, совсем еще молодым архитектором, вызывает удивление и восхищение тем, насколько зрело и грамотно он сделан. Какое внимание уделено деталям и как умело вылеплено все пространство интерьера! Необходимо сразу сказать о сложной судьбе здания, для которого был создан этот проект интерьера. Оно много лет стояло неприкаянное и брошенное на заднем дворе Технического университета, своим сложным каркасом напоминающее выброшенный на берег остов корабля. Скорее всего, его помнят почти все студенты, учившиеся в университете. Мне всегда казалось, что здание в какой-то момент просто рассыплется, и никто этого уже не заметит, настолько оно было запущенным. Но жизнь оказалась к нему благосклоннее, и власти ИрГТУ решили его реконструировать. О новом внешнем облике здания говорить не стоит, настолько он сейчас не

соответствует ни функции этого сооружения, ни эстетическим требованиям. Остается только надеяться, что в будущем экстерьер будет соответствовать интерьеру. Также стоит упомянуть, что название для этого здания неточное и слишком громкое, поскольку технопарк имеет несколько другое определение.¹ Тем не менее, предполагается, что именно в этом здании ИрГТУ будет сконцентрирована научная жизнь молодых ученых и студентов, будут находиться лаборатории, кабинеты и выставочные залы, в которых разместятся экспозиции научных достижений университета.

Само пространство этого интерьера изначально имело фундаментальный характер: с двумя атриумами, освещенными проходящим через все здание фонарем; мощными фермами, несущими двускатную кровлю; колоннами, задающими четкий вертикальный ритм пространству. Но вид все это великолепие имело весьма плачевный: колонны сбивались со своих осей, выходили за стены, перекрытия, где были устроены атриумы, оказались на разных отметках; кровля изнутри была отделана профлистом, а технически довольно

сложно обшить огромные плоскости наклонной кровли, также после надстройки третьего этажа нижний пояс фермы оказался на отметке +1.850, что не только физически неудобно, но и психологически некомфортно.

Чтобы выровнять колонны и обеспечить возможность их защиты и обработки, автор решила обшить их гипсокартонном, значительно увеличив за счет этого их визуальные размеры. Вместо тоненьких круглых металлических колонн в интерьере появились мощные прямоугольные столбы, почти пилоны. Перекрытия атриумов также стали мощнее, потому что появилась закарнизная подсветка по периметру галереи третьего этажа. Прежде всего, эти конструктивные изменения придали интерьеру монументальность и основательность. Кровлю удалось закрыть натяжными потолками. Фермы облачаются в белый цвет и становятся почти невесомыми на вид. По словам автора, самое главное для нее было сохранить объем, воздух, свет и открытость пространства, а для заказчика – получить солидный и презентабельный интерьер. Также заказчику очень хотелось использовать сине-белую гамму, отражающую фирменный стиль ИРГТУ, но после рассмотрения вариантов решено было остановиться на более солидном коричнево-золотистом колорите.

Колонны, так же, как и верхние части стен, окрашены в светлый, очень тонкого оттенка цвет; на равных расстояниях расчленены тонкими полосками из светлого керамогранита,

там, где они пересекаются перекрытиями атриумов, колонны отделаны темно-серым керамогранитом, и здесь же расположены светильники-бра строгого технического дизайна. Эти светильники, помимо своей основной функции, выполняют роль декоративных акцентов, появляющихся на лестнице и оформляющих некоторые двери в кабинеты и лаборатории.

Очень хороши прозрачные бесстоечные ограждения атриумов, они придают интерьеру холлов легкость и стремительность. К сожалению, в жизнь их воплотить не удалось. На их месте будут обычные ограждения. Стены разделены панелью из алюкобонда цвета металлик, проходящей на высоте 80 см и обеспечивающей доступ к многочисленным проводам. Пол выложен темно-серым и светлым серо-бежевым керамогранитом. Его раскладка реагирует на все конструктивные элементы: на колонны, фонарь, переход в холле на втором этаже. А вместе все элементы отделки и конструктивные элементы создают систему вертикальных и горизонтальных ритмов, придающих собранность и емкость интерьеру.

Одно из несомненных достоинств этого интерьера – отсутствие лишних деталей, наполненность воздухом и светом. Он получился в некотором роде удивительным – легким, невесомым и монументальным одновременно. Это сочетание несочетаемого делает его исключительно интересным и притягательным.

Shanghai Science and Technology Museum

Музей науки и технологии Шанхая – одно из основных общественных зданий города, это культурный проект, который инвестировался муниципалитетом Шанхая. С момента своего открытия 18 декабря 2001 года музей стал одним из объектов внимания в Шанхае, а также в стране и мире. Количество посетителей уже свыше 10 миллионов, среди которых 50% – молодые люди и дети.

Основные темы этого музея – Природа, Человек, Наука и Технология. Основу экспозиции составляют 12 тематических выставочных залов, которые отличаются по стилю и представляют собой прекрасную комбинацию высоких технологий и научного образования.

6 залов отданы под экспозиции, которые называются «Небо», «Земля», «Жизнь», «Мудрость»,

фото
Елена Григорьева
Николай Прокудин

«Действие», «Будущее», и один зал – под временные экспозиции.

В зале «Действие» посетители смогут управлять виртуальным катером или самолетом. В остальных залах располагаются экспозиции разного характера: Spectrum of Life, Earth Exploration, AV Paradise, Children's Science Land, Light of Wisdom, Cradle of Design, Home on Earth, Information Era, World of Robots, Light of Exploration, Human and Health, Space Navigation. Выставки посвящены пяти темам – «Пространство и Земля», «Жизнь», «Мудрость», «Творческая сила» и «Будущее», охватывающим мир во всем его многообразии, знакомящим с основными научными принципами, а также с важными достижениями науки и технологии.

Расположение залов можно посмотреть на плане музея.

Кроме 12 залов, в музее есть 4 научных театра: космический театр (Space Theatre), два 3D-кинотеатра IMAX (IMAX Dome Theatre, IMAX 3D Theatre) и 4D-кинотеатр IWERKS 4D Theatre, который сочетает в себе обычную 3D-технологии и разнообразные эффекты – движущиеся кресла, имитацию дождя, сквозной ветер и т.д.

Музей оснащен современным интерактивным оборудованием, позволяющим рассмотреть многие вопросы природы, здоровья, науки и технологии.

В музее можно проследить историю развития науки и техники, начиная с изобретений древнего Китая.

На создание музея затрачено 800 миллионов юаней (96,3 миллиона долларов), площадь застройки 98 000 кв. метров.

Storey Hall, кампус Королевского Австралийского Технологического Института

Об авторах

В течение почти 20 лет архитектурное бюро Ashton Raggatt McDougall – ARM специализировалось на проектах, которые требуют самого высокого уровня мастерства проектирования, разумного, современного и квалифицированного подхода. ARM – ведущее бюро с блестящей репутацией, отличающееся инновационным подходом, профессионализмом и высоким творческим потенциалом. Свидетельством этому являются многочисленные награды этого авторского коллектива. Кредо: «Мы стремимся сделать реальный вклад в деловую жизнь наших клиентов, понимая их культуру и включая в их новое окружение идеи».

Цитата из статьи Хайга Бека и Джеки Купер¹:

Архитекторы Аштон, Раггатт и МакДугалл настойчиво игнорируют все правила, по которым принято приступать к проектированию – не потому, что они отвергают программу, или технологическую выразительность, или даже общепринятую семантику. Тем не менее, по своей сути они формалисты, вдохновленные способностью архитектурной формы воздействовать на общественное сознание. Они создают здания, которые должны шокировать, причем шокировать так, чтобы потрясение переходило в восторг. Архитекторы работают в определенной мельбурнской среде, которая создала особую архитектурную эстетику, основанную на идеологически-социальном сознании. Самый известный представитель этой среды – Питер Корриган, который уже тридцать лет занимается исследованием загородного социального реализма. Корриган использует почти фантастический метод соединения популярных народных элементов в архитектурную форму: рельефная кирпичная кладка, очень яркие цвета, «неразрешенная» детализация. ARM применяют более дадаистский подход. Это уже нельзя назвать фантазией, поскольку изначально они использовали копировальный аппарат, чтобы физическим способом получить искаженные архитектурные символы (от Буля до особняка для матери Вентури), от которых потом отталкивались при создании собственных проектов.

При помощи цифровых технологий архитекторы смогли свободно экспериментировать с фрактальной геометри-

ей, бугристыми поверхностями и трансформирующимися формами. Им свойственно прорабатывать детали производства после придумывания образа проекта, раздвигать технические границы, нежели полагаться на набор испытанных средств. При разработке архитектурной формы они увлеченно используют литературу, искусство, скульптуру, математику и подсознание: они не боятся ни каламбура, ни буквальной метафоры. Когда в разгаре было движение панков, они создавали панк-архитектуру. Сейчас архитекторы стали очень утонченными как в выборе метода, так и в выборе основополагающей философской концепции. Однако их главной идеей остается крушение и то, что в итоге, через некое открытие или прямой контакт с архитектурой, оно должно вести к удовольствию.

Об объекте

Холл расположен на главной улице Мельбурна Великолепного – Свенстон-стрит. Это новое общественное пространство технологического университета. Смелое вкрапление в исторический контекст уличного пейзажа XIX века

Этот объект вошел в историю архитектуры XX века, внес свой вклад в архитектурную теорию и практику. При решении, в общем-то, рядовой задачи создания общественного входа ведущего в выставочное и учебное пространство автрам удалось подчеркнуть уникальность, важность и потенциал Королевского Австралийского технологического института как лидирующего в Австралии и Тихоокеанском регионе. В итоге университет получил две «мультиаудитории»: «театр» в подвальном этаже (750 мест) и аудитория – амфитеатр на главном этаже (обе спроектированы для различных функций – лекций, конференций, празднований событий и даже танцев). Кроме того, выставочную площадь, картинную галерею, фойе, комнаты семинарских занятий и кафе. И еще незабываемый образ, ставший неотъемлемой частью Мельбурна.

Награды

- National Interior Architecture Award 1996
- Victorian Architecture Medal 1996
- William Wardell Award for Institutional Architecture 1996

фото Елена Григорьева

Место: Австралия, Мельбурн
Год проектирования: 1993
Строительство: 1995
Авторский коллектив: Stephen Ashton, Howard Raggatt, Ian McDougall
Учредитель: Королевский Австралийский институт архитектуры (Royal Australian Institute of Architects)

Архитекторы отвергают общепринятую идею большого холла учебного заведения с портиком на фасаде, равно как и его любое современное прочтение. Новый фасад напоминает вход в ночной клуб, и это нельзя назвать неуместным, учитывая современный рынок высшего образования*

1. 10x10/ выпускающий редактор – Вивиан Константинопулос. Файдон Пресс Лтд., 2000

Школа «Баухауз» (Bauhaus)

фото
Анастасия Потапова

Подготовлено по
материалам интернет-сайтов
bibliotekar.ru
dizajneru.com
www.archvestnik.ru
www.sak.ru

Немецкая архитектурная школа берет свое начало в 1919 году в небольшом германском городе Веймаре. «Баухауз» – первое учебное заведение, призванное готовить художников для работы в промышленности, – был основан Вальтером Гропиусом (1883-1969), немецким архитектором и теоретиком архитектуры, учеником Петера Беренса. Школа сочетала функции учебного заведения и производственных мастерских. По мнению ее организаторов, школа должна была выпускать всесторонне развитых людей, которые сочетали бы в себе художественные, духовные и творческие возможности. Прежние художественные школы не выходили за пределы ремесленного производства.

Деятельность «Баухауза» была сосредоточена на разработке целесообразных и красивых форм, процессы изготовления которых строго увязывались с технологией индустриального производства, с новейшими конструкциями и материалами. Как результат этой работы возник стиль «Баухауз». Для промышленных образцов различных предметов в этом стиле характерны сухость линий, увлечение конструкцией как таковой, массивность.

В числе профессоров «Баухауза» были крупнейшие деятели культуры начала XX столетия архитекторы Мис ван дер Роэ, Ганнес Майер, Марсель Брейер, художники Василий Кандинский, Пауль Клее, Лионель Фенингер, Пит Мондриан.

Могла ли я представить себе хоть на мгновение, что в один прекрасный день увижу «Баухауз», смогу пройтись по тем самым местам, где учились мастера мировой архитектуры... Это было просто несбыточной мечтой, но... чудеса случаются – надо только верить. И вот во время моего дипломного проекта в Дрездене мы отправились в небольшое

путешествие по городам Веймару и Дессау. Когда я впервые увидела школу «Баухауз» – меня охватило внутреннее ликование... Во всем царила немецкая точность и простота.

Вальтер Гропиус стремился осуществить в «Баухаузе» слияние дизайнерских и технических дисциплин в рамках нового строительного искусства. Поэтому мастерские участвовали в решении интерьеров здания, которые являются одной из важных составных частей проекта. Здание «Баухауза» состоит из нескольких корпусов: крыла мастерских, «лаборатории идей» со знаменитым стеклянным фасадом, трёхэтажного северного крыла, пятиэтажного здания студий, в котором жили учащиеся и молодые мастера, а также связующих элементов – одноэтажного актового зала и мостика над улицей. Конструкция представляет собой несущий железобетонный скелет с заполнением кирпичной кладкой, однако в нескольких корпусах использованы несущие кирпичные стены. Крыши – плоские, с террасами, перекрытия армокаменные и покрыты террацо, ксилолитовым бесшовным покрытием или линолеумом поверх цемента.

Важные элементы – это навесной стеклянный фасад (витраж) и стальные окна различной формы. При движении по зданию, когда открываются внутренние и наружные перспективы, становится понятным значение открытости и прозрачности. Восприятие, жизнь и коммуникация могут одновременно разворачиваться в здании на многих уровнях.

80-летняя история здания – это история изменений. Здание использовалось для разных целей ещё до того, как школа «Баухауз» в Дессау была закрыта в 1932 году по требованию нацистов. Частично здание было разрушено

в 1945-м и восстановлено в 1976 году. Сегодня оно принадлежит фонду «Баухауз Дессау» и представляет собой площадку экспериментального творчества, исследований и обучения. Важными направлениями работы фонда являются, с одной стороны, сохранение, изучение и пропаганда культурного наследия, а с другой – исследование актуальных проблем урбанистики, включая поиск проектных решений городского пространства, архитектуры и дизайна. Для многочисленных посетителей со всего света в здании предусмотрена туристическая инфраструктура. Здание «Баухауза» в Дессау находится под охраной государства с 1964 года. В 1976-м оно впервые подверглось реставрации, а в 1996-м вместе с домами мастеров в Дессау и постройками в Веймаре было включено в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

А теперь немного о самой учебе в архитектурной школе, ведь школа – это, прежде всего, учеба...

Студенты с первого курса занимались по определенной специализации (керамика, мебель, текстиль и т. п.). Обучение разделялось на техническую подготовку (*Werkleehre*) и художественную подготовку (*Kunstleehre*). Занятие ремеслом в мастерской института считалось необходимым для будущего дизайнера, потому что только изготовляя образец, или эталон, студент мог ощутить предмет как некоторую целостность и, выполняя эту работу, контролировать себя. Минутное непосредственное общение с предметом, будущий художник-конструктор мог стать жертвой одностороннего ограниченного «машинизма», поскольку современное производство делит процесс создания вещи на разобщенные операции. Но, в отличие от традиционного ремесленного училища, студент «Баухауза» работал не над единичным предметом, а над эталоном для промышленного производства.

Техническая подготовка студентов подкреплялась изучением станков, технологии обработки металла и других материалов. Вообще изучению материалов придавалось исключительно большое значение, так как правдивость

использования того или другого материала была одной из основ эстетической программы «Баухауза».

Новаторским был и сам принцип художественной подготовки. В прежних школах обучение живописи, рисунку, скульптуре по давней традиции носило пассивный характер, и освоение мастерства происходило в процессе, почти исключавшем анализ природы.

«Баухауз» считал, что одного только усвоения мастерства недостаточно для того, чтобы привлечь пластические искусства на службу промышленности. Поэтому, кроме обычных натуральных зарисовок, технического рисования, на всех курсах шло непрерывное экспериментирование, в процессе которого студенты изучали закономерности ритма, гармонии, пропорции (как в музыке изучаются контрапункт, гармония, инструментовка). Студенты овладевали всеми тонкостями восприятия, формообразования и цветовосочетания. «Баухауз» стал подлинной лабораторией архитектуры и проектирования промышленных изделий.

Вальтер Гропиус говорил: «Моё намерение состоит в том, чтобы не обучать так называемому лаконичному геометрическому «современному стилю Европы», а скорее, ввести в существо самого метода мышления, который позволит рассматривать проблему в соответствии с конкретными обстоятельствами ее возникновения. Я хочу, чтобы молодой архитектор мог ориентироваться в любой обстановке; я хочу, чтоб он мог независимо создавать настоящие, оригинальные формы в тех технических, экономических и социальных условиях, в которых он окажется, вместо того чтобы навязывать заученные формулы окружающему, нуждающемуся в совершенно ином решении. Я хочу учить не готовым догмам, но подходу к проблемам нашего поколения, который должен быть непредрешенным, эластичным, оригинальным. Для меня было бы совершенно ужасно, если бы моё намерение вылилось лишь в умножение числа приверженцев «архитектуры Гропиуса». Чего я действительно хочу, так это заставить

молодежь осознать, как неистощимы средства творчества, если использовать современную разнообразнейшую продукцию нашего века, и вдохновить эту молодежь на поиски собственных решений.

Я всегда ощущал известное разочарование, когда меня спрашивали о средствах и тайнах моей работы, в то время как интерес представляет передача моих основных переживаний и использованный при этом метод. Лозунг «Красиво всё то, что полезно» правилен лишь наполовину. Когда мы можем назвать человеческое лицо красивым?

Части любого лица соответствуют своему назначению, но только абсолютные пропорции и гармоничные краски по справедливости могут называться красивыми. То же и в архитектуре. Только абсолютная гармония технической функциональности и пропорций формы создаёт красоту. Именно эти критерии делают нашу задачу столь многогранной и сложной.

Совершенная архитектура должна быть воплощением самой жизни, что подразумевает проникновенное знание биологических, социальных, технических и художественных проблем».

Свет в окнах старой школы

Когда вас вдруг настигнет щемящее чувство ностальгии по годам ученичества, вы можете посетить свою школу, встретиться с учителями, посидеть за своей партой. Но если ваша старая, столетняя школа снесена, а на ее месте построено современное школьное здание?..

Предпринимая в конце XIX века сооружение Великого Сибирского пути, министерство путей сообщения царской России было озабочено не только возведением железнодорожного полотна, станций, разъездов, производственных и жилых зданий, для закрепления кадров необходимыми являлись и обеспечение врачебной помощи, и обучение детей. Ведь дорога проходила по местам, где порой на сотни верст не было жилья. И вслед за уложенными рельсами возникали поселки, а вместе с ними фельдшерские пункты, больницы, школы, училища...

Так, в семи верстах от Иркутска в 1894 году началось строительство крупной товарной станции. Иркутский летописец Нит Степанович Романов в записи от 10 августа 1896 года эту станцию называет Скитом. Название связано с отчуждением для ее сооружения из владений Вознесенско-Иннокентьевского мужского монастыря более 53 десятин земли в непосредственной близости от скита, который относился к монастырю и был устроен в 1876 году для монахов-отшельников. Позже станцию именовали Иннокентьевской в честь святителя Иннокентия, бывшего в начале XVIII века настоятелем Вознесенской обители, первого епископа Иркутского, почитаемого сибирским чудотворцем.

Границей между станцией Иннокентьевской и поселком Иннокентьевским являлась железнодорожная линия Транссиба, все дальше и дальше уходящая на восток. По правую сторону от пути располагались постройки, необходимые для обслуживания и обеспечения функционирования магистрали, – здание вокзала, конторы, ремонтные мастерские, паровозное депо, водокачка, пакгаузы, ведомственные (так называемые «казенные») жилые дома, большой больничный комплекс, жандармерия и многое другое. Здесь же, рядом с вокзалом, находилась небольшая Иннокентьевская деревянная часовня. За полосой отчуждения дороги простиралась нетронутая тайга.

По левую сторону от железнодорожного полотна официально отводились участки для строительства жилья обывателей, где появились поселковая управа, базарная площадь, продуктовые лабазы, различные кухмистерские, торговые и питейные заведения, пожарный обоз и так далее. Улицы поселка, приближаясь к Ангаре и оживленному старинному Московскому тракту, тянулись параллельно рельсовому пути и вели собою счет: Первая, Вторая, Третья...

Чтобы поселиться в поселке Иннокентьевском, надо было иметь соответствующие документы, определенный гражданский статус. Но строительство железной дороги притягивало самый разный люд, который подальше от грозного ока жандармов и поселкового старосты начал без разрешения обосновываться на станционной стороне, ближе к монашескому скиту. Землянки, временяки, лачуги, отчаянный пришлый народ... Борьба властей с этим велась постоянно и безуспешно. Наконец, в 1905 году было принято решение об образовании Ново-Иннокентьевского выселка с подчинением Иннокентьевской поселковой управе. О количестве населения говорят цифры: в 1909 году здесь насчитывалось 10 тысяч 380 человек, из них в Иннокентьевском поселке – 8 700, в Ново-Иннокентьевском выселке – 1 680.

В те первые годы линия железной дороги и все станционные поселки при ней, вплоть до реки Иркут (включая ст. Иннокентьевскую), административно относились к Средне-Сибирской железной дороге, управление которой находилось в Томске. Все больше и больше требовалось людей, обеспечивающих жизнедеятельность не только самой станции, но и всего железнодорожного хозяйства на протяжении сотен верст. Рождались и подрастали дети. Именно для них, детей

железнодорожных рабочих и служащих, 15 августа 1900 года на станции Иннокентьевская на средства МПС было открыто смешанное (для мальчиков и девочек) училище. По инструкции министерства просвещения от 1875 года оно относилось к сельским училищам. В нем начали обучаться 40 ребятшек. С 1900-го по 1903-й год училище было одноклассным, занятия проходили в одном из казенных домов при станции.

В связи с быстрым развитием железнодорожного хозяйства бурно росло население, увеличивалась численность детей школьного возраста. Возможностей училища стало не хватать, поэтому школьно-библиотечный комитет Сибирской железной дороги обратился к директору народных училищ Иркутской губернии с прошением о преобразовании одноклассного училища в двухклассное. В течение 1903 года просьба была удовлетворена, и к 1 января 1904 года в нем числилось уже 106 учеников. В 1905-м для этого учебного заведения на «станционной» стороне было возведено специальное двухэтажное деревянное здание, в следующем году в нем занимались уже 250 детей железнодорожников.

Для строительства училища за основу был принят типовой проект учебных заведений Средне-Сибирской железной дороги. Учитывая высокие темпы сооружения Великого пути инженерами МПС разрабатывались типовые чертежи. Благодаря этой проектной документации, выполненной профессионалами, наряду с внешним видом и внутренним устройством разнообразных сооружений, были определены потребности в стройматериалах и трудовых ресурсах по их возведению. А единый подход в проектировании деревянных построек сформировал лаконичный ведомственный архитектурный стиль, так называемый «стиль МПС».

Более нарядными являлись фасады пассажирских зданий, например на станциях Обь, Канск, Тулун, Зима, Половина, Иннокентьевская. Эти здания до наших дней не сохранились. Кстати сказать, эта однотипность построек позволила в 1983 году известному поэту Евгению Евтушенко, автору фильма «Детский сад», вместо вокзала станции Зима снимать некоторые эпизоды на станции Иркутск-Сортировочный (Иннокентьевская), где тогда еще существовало старое пассажирское здание.

На той же станции Зима в 1906-м было возведено здание двухклассного училища, также принадлежащего железнодорожному ведомству. Почтовая открытка начала XX века из

текст
Наталья Пономарева

фото
Наталья Пономарева,
Дмитрий Болотин

Общий вид восьмилетней школы № 67 г. Иркутска, бывшего Иннокентьевского училища. Фото середины 1960-х гг.

Ученическая линейка перед главным фасадом школы № 67. Фото середины 1960-х гг.

Дворовый фасад школы № 67. Фото 1963 г.

собрания иркутского коллекционера С.И. Медведева позволила сделать вывод о беспорной схожести Зиминского и Иннокентьевского училищ, а архивные сведения из «Отчетов о деятельности образовательных учебных заведений Сибирской железной дороги» за 1909-й и 1911-й годы этот вывод подтвердили. Интересные данные были обнаружены на архивном плане станции Иннокентьевская, составленном в 1908 году.

Прямоугольное в плане здание Иннокентьевской школы имело с северного торца одноэтажный, перпендикулярно расположенный пристрой. Высота потолка в нем была гораздо больше, чем в классных комнатах, – 5,4 м, тогда как в классах – 3,5 м. Это был «рекреационный» зал со сценой, он также служил и для занятий гимнастикой. Иногда за небольшую арендную плату, поступающую в бюджет школы, его сдавали для проведения спектаклей, концертов, других общественных (в том числе политических) мероприятий. В то время в поселке только училище имело такое вместительное залное помещение. Вход через сени и прихожую располагался с южного фасада. На первом этаже размещались учительская, раздевальная и две классные комнаты, а во втором – четыре классные комнаты.

Бревенчатый сруб снаружи был обшит калеванной доской, фасады решены лаконично, без особых архитектурных излишеств. Высокие окна первого и второго этажей различались верхней частью скромных наличников – у нижних они были прямолинейные, верхние имели фронтончики. На железной крыше высились печные трубы с затейливыми шпилеобразными дымоходами.

Территория школы была довольно обширна, кроме основного здания здесь находились также два небольших дома, в которых располагались квартиры для учителей и школьным служащим. Учителя жили просторнее, а многодетным семьям сторожей приходилось тесниться. Здесь же – все необходимые хозяйственные постройки. Вокруг стоял вековой смешанный лес – сосны и березы (часть его сохранилась, сегодня – реликтовая роща железнодорожной больницы).

Итак, училище стало двухклассным. В первом классе – трехлетнее начальное обучение, во втором – двухлетнее, где занятия вели учителя-предметники, их штат вместе с заве-

Макет старой восьмилетней школы, ранее двухклассного железнодорожного училища на ст. Иннокентьевская. Автор – ученик школы № 67 г. Иркутска Дмитрий Болотин, руководитель – учитель технологии Н.А. Судаков

дующим составлял 7 человек. Преподавались закон Божий, русский язык, арифметика, русская история, география, естествознание, чистописание и сокращенный курс геометрии. На 1 января 1912 года уже числилось 260 учеников.

В предреволюционные годы на Иннокентьевской, вблизи купеческого и мещанского Иркутска, активно шло формирование организованного железнодорожного пролетариата, способного защищать свои жизненные интересы не только с помощью забастовок, но и с оружием в руках. Особенно жестокой и кровавой стала борьба за становление советской власти с 1918-го по 1920-й год. Революционные солдаты и большевики-подпольщики, белочехи и колчаковцы, мародеры и беженцы, партизаны и черемховские шахтеры, каппелевцы и рабочие железнодорожные отряды – кого только не повидала Иннокентьевка. Наконец, 10 февраля 1920 года регулярные красноармейские части выбили остатки белых из пролетарского предместья. И уже 27 февраля Иннокентьевский ревком, распустивший поселковую управу, начал принимать решительные меры по обустройству новой, советской жизни. В ряду первоочередных задач встали и вопросы школьного образования.

Училище было переименовано в Ленинскую железнодорожную школу № 8, к учебным занятиям 20 октября того года приступили 540 детей и 20 учителей. Несмотря на то что школьное здание являлось достаточно большим, классных площадей катастрофически не хватало. Руководство школы и профсоюз железнодорожников пытались как-то решить проблему путем внутренних перепланировок и пристроек. Так появилась небольшой одноэтажный объем с южного фасада и новый вход в школу через актовый зал. Изменившаяся конфигурация здания зафиксирована на плане станции 1934 года, переименованной к тому времени в Иркутск-II.

Более 50 учеников приезжали «с линии», то есть с тех небольших останочных пунктов, отдельно стоящих домов обходчиков и рабочих, вблизи которых не было школ. Специальный поезд «Ученик» ежедневно собирал и привозил ребятшек со всей линии с запада, от станции Половина. В связи с этим остро встал вопрос о строительстве интерната. В 1934 году, с организацией Восточно-Сибирской железной дороги, была упорядочена сеть железнодорожных школ, им были присвоены новые номера (наша «неполная средняя школа» стала носить номер 38). Контроль и постоянное внимание, усиление трудовой и ученической дисциплины, методическая и финансовая поддержка сыграли в жизни школы в эти предвоенные годы свою положительную роль. К 1936 году в выстроенном на территории школы новом деревянном здании был открыт интернат. Работали слесарная и столоярная учебные мастерские, были разбиты плодово-ягодный сад и опытный огород. Для нужд школы содержались три лошади, жеребята и корова, имелись необходимый сельскохозяйственный инвентарь, сани, телеги, ходок (легкая повозка). Учебный процесс был оснащен книгами, приборами, оборудованием. В школе занималось 770 детей, которых обучали 24 учителя.

К этому же времени относятся существенные перестройки старого здания: с западного торца актового зала примкнул физический кабинет площадью 72 кв. м, к одноэтажному пристрою южного фасада добавили более 110 кв. м полезной площади. Соразмерность новых объемов, внешняя отделка, величина и обрамление окон – всё это сформировало окончательный облик школы, который остался в памяти многих поколений ее учеников.

В 1948 году закрылся интернат при школе, в освобожденных помещениях разместились начальные классы и некоторые профильные кабинеты. Численность учащихся была доведена до 800 человек. В 1960-1961 годах Восточно-Сибирская железная дорога начала передачу школ, находящихся в ее ведении, в систему общего народного образования. В их число вошла и наша школа, получив городской номер 67, статус ее остался прежним – неполная средняя школа (восьмилетнее обучение).

Со временем старое здание школы все больше и больше не соответствовало новым требованиям школьного процесса, его физический износ приближался к критическому. В надежде на скорое строительство в 1989 году оно было

снесено. Классы временно перевели в расположенное неподалеку здание расформированной школы рабочей молодежи, выстроенное при станции для железнодорожной жандармерии в начале XX века. Школьное руководство начало борьбу, в буквальном смысле этого слова, за новую школу. Но прошло не год и не два, а более десяти лет. После встречи выпускников, посвященной 95-летию открытия школы, и их обращения в органы власти, в 1995-м мэром Иркутска Б.А. Говориным и начальником ВСЖД Г.П. Комаровым было принято решение о долевым финансировании строительства нового школьного здания.

Индивидуальный проект нового здания был разработан под руководством известного иркутского архитектора Елены Григорьевой в институте Иркутскгражданпроект. Были учтены ограничения, связанные с размещением школы в зоне реликтовой рожи и сохранением топиной аллеи, высаженной учениками в начале 1930-х годов. Компактное, сложной объемно-планировочной структуры здание было построено всего за год. Первого сентября 1996 года торжественно открылась заново школа № 67, получившая статус средней, она приняла 960 учеников, 60 учителей приступили к своим обязанностям.

...И вот уже закончился 2006-2007-й учебный год, состоялся первый выпуск 11-го класса, покинули зеленый двор те, кто малышами-первоклассниками пришли осенним солнечным днем 1996-го в новую школу – школу XXI века. По-прежнему живы традиции, по-прежнему тепло встречаются здесь и старых учителей, и бывших учеников. По-прежнему весело звучат детские голоса, и, кажется, реет над всеми образ старой, доброй школы! Ее фотографии – в стенгазетах и в компьютерных презентациях, в кабинетах общественности и в уголке краеведения, в исследовательских работах учеников. Ее история не забыта.

Давней и, казалось, неосуществимой мечтой было вновь заглянуть в высокие окна, хотя бы мысленно пробежать по коридору, открыть двери в большой зал, где гимнастические кольца притянуты к стене, а посередине сверкает огнями и шарами новогодняя елка! Вот здесь, на втором этаже, – кабинет биологии, на стенах – чучела ворон и сов. А рядом – кабинеты географии, математики. Под крутой лестницей – пионерская комната, там горны и барабаны, плакаты, идет репетиция...

Года три назад у школьного учителя технологии Н.А. Судакова возникла идея создания макета деревянного здания снесенной школы, но фактических материалов для начала работы не хватало, не было качественных фотографий. Вместо них – лишь фрагменты видов в разные периоды. Учителя, бывшие ученики, помнившие здание в прошлые годы, подключились к разработке эскизов, использовали поэтажные планы технической инвентаризации.

Вместе с учителем над пробным вариантом макета с увлечением трудился ученик 8-го класса Дмитрий Болотин. Отработав технологические вопросы сборки каркаса из деревянных брусков, сооружения крыши, Дмитрий с особой тщательностью выполнил не только внешнюю отделку, но и воссоздал интерьеры классов с партами, столами и школьными досками. А чтобы зритель через «стеклянные» окна мог это увидеть, каждый класс оснастил освещением, смонтировав 20 маломощных автомобильных лампочек.

На кропотливую, порой филигранную работу Дмитрий затратил около полутора лет. Творение своих умелых и неутомимых рук он представил на всеобщее обозрение в День открытых дверей школы в феврале 2007-го и сразу же по восторженным откликам понял, насколько технически добротна, важна, интересна, актуальна выполненная им работа. Затем макет школы демонстрировался на школьных олимпиадах по технологии Ленинского округа, города Иркутска и Иркутской области, участвовал в различных выставках – и везде ему сопутствовали успех, первые места, высшие оценки.

В декабре 2007 года Дмитрий, уже ученик 10-го класса, решил участвовать в научно-практической конференции «Мой город», которую по традиции ежегодно проводит Музей истории города Иркутска. На этот раз макет играл

роль демонстрационного материала к докладу, а вся работа называлась «Комплексные научные исследования для воссоздания облика утраченного здания». Пояснительная часть выполнена под руководством учителя истории А.В. Ткачевой, научный консультант – Н.С. Пономарева.

Дмитрий выступал последним, ему немало пришлось поволноваться. Но как только зажглись окна макета, освещающая теплым светом память и историю станции Иннокентьевской, и столетнюю историю школы, как только речь зашла о любимой работе, давшей столько открытий, удовлетворения и уверенности в своих силах, – атмосфера интереса и доброжелательности объединила и участников, и членов жюри. Когда доклад был закончен, все поспешили к макету, чтобы увидеть, удивиться, задать массу вопросов, поздравить, сфотографироваться вместе с автором и его произведением. Безусловно, работа была высоко оценена, а первое место вместе с грамотой и великолепной книгой «Земля Иркутская, деревянная» авторов А.В. и Е.А. Ополовниковых стало заслуженной наградой.

В заключение Дмитрий сказал: «Заинтересованный идеей изготовить эту оригинальную конструкцию, я не подозревал, что результат превзойдет все мои ожидания. Макет в полной мере дает представление о старом здании школы, сохраняет память о ней, укрепляет связь поколений. Кроме того – воссоздает одну из интересных, ныне утраченных построек рубежа XIX и XX веков, связанных со строительством Транссибирской железной дороги». А мы, учителя и ученики прошлых лет, искренне благодарны талантливому юноше, одному из лучших учеников, лауреату премии мэра города Иркутска Дмитрию Болотину за доброе дело, за свет в окнах старой школы.

Использованы исторические исследования автора статьи. С настоящей работой Дмитрий Болотин занял третье место в конкурсе «Лучший ученик Иркутска–2008». На фестивале «Зодчество Восточной Сибири–2008» работа удостоена специальной грамоты в номинации «Архитектурное наследие» секции «Детское творчество».

Объекты образования на Дальнем Востоке

Историко-архитектурный очерк дальневосточных учебных заведений

текст
Алина Иванова
Николай Крадин

Учебные заведения Дальнего Востока – их структура, типология и количество – отражали в той или иной степени уровень просветительства российских окраин. Анализ архитектуры дальневосточных учебных заведений дает репрезентативный срез основных стилевых направлений в развитии данного типа сооружений, преобладавших в регионе с момента зарождения городов.

Первые на Дальнем Востоке учебные заведения, а это были школы с небольшим количеством классов, располагались или в храмах (церкви-школы), или в специально построенных зданиях небольшого размера. Первые гимназия и реальное училище были открыты, как известно, в Николаевске-на-Амуре в 1870-х годах, однако после переноса военного порта из замерзающего на полгода устья Амура в теплый и глубоководный Амурский залив, город впал в стагнацию, поэтому вслед за тихоокеанской эскадрой в Приморье перебазировались и учебные заведения. Поначалу эти перемещенные заведения располагались в деревянных строениях, украшенных фольклорной резьбой¹, а десятилетием позже переселились в специально построенные кирпичные здания, декорированные кладкой псевдорусских мотивов (сдвоенные архивольты окна, карнизы с сухариками, колонки с баясинками и проч.).

До настоящего времени в Уссурийске достаточно неплохо сохранились здания старейшей в городе школы (1896 г.) с необычным для такого рода сооружений крестообразным планом и килевидными арками, а также женской гимназии (ул. Чичерина, 54, 1898 г.) с бочкообразным куполом, кокошниками, акцентирующими углы, с фризом, расшитым нишами-ширинками (ил. 1). Хабаровское реальное училище, построенное в 1903 году, располагалось в трехэтажном кирпичном здании, декорированном элементами русского стиля, но, как и большинство официальных объектов дореволюционной постройки, напоминающем казарму (ил. 2).

Наиболее внушительным представителем этой «гарнизонной» архитектуры является Кадетский корпус, построенный в Хабаровске в первые годы XX века. При высоте 18 аршин (12, 8 м) главный корпус имел в длину 50 сажень (106, 7 м)². Объять взглядом безграничный фасад, растянувшийся на несколько кварталов, просто невозможно.

Постепенно в архитектуру учебных заведений начинает проникать сдержанный классицизм, проявлявшийся не только в трактовке фасадов, но и в симметричной композиции планов. Во Владивостоке в 1903 году по проекту одного из лучших городских архитекторов – И.В. Мешкова – было построено 4-этажное здание женской гимназии, H-образное в плане. Ее рустованный фасад членился карнизами и поясками на цокольную, основную и аттиковую части; окна 2-го и 3-го этажей объединены нишами, лишь несимметричное расположение арки и балкона нарушает жестковатую схематичность композиционного замысла. Несмотря на полное отсутствие декора и ордерных элементов, здание однозначно воспринимается как классицистическое – столь благородны его пропорции, удачны членения и гармоничен общий облик. В 1910 году в Хабаровске открылась Алексеевская гимназия, которая дважды (в 1915 и 1917 гг.) достраивалась; пара каннелированных дорических колонн, фланкирующих вход, да скромные веночки-гирлянды в качестве декора придают зданию ложно-классический характер. Гораздо эклектичнее выглядит женская гимназия, построенная по проекту военного инженера В.Г. Моро; некогда здание имело венчание в виде четырехгранного шатра, позднее утраченного. Однако и сегодня, сохранившись фрагментарно, оно поражает воображение немислимым сочетанием готицизмов и килевидных сандриков, наложенных на схему фасада, типичную для модерна. Фонтанообразные кованые детали отсутствующего ограждения придают этой архитектурной руине дополнительную живописность (ил. 3).

Без сомнения, лучшей из всех школ, когда-либо построенных на Дальнем Востоке, является Владивостокская Первая женская гимназия имени цесаревича Алексея (1906-1908 гг., арх. Ф.Ф. Постников и С.А. Венсан), которая с 1937 года носит имя Пушкина и до сегодняшнего дня является самым престижным учебным заведением Приморья. Это прекрасный образец сдержанного интеллигентного модерна, ни до, ни после незамеченного в дальневосточной архитектуре.

4-этажное сооружение имеет сложную объемно-пространственную композицию: параллелепипед основного

1. Кстати сказать, первое (деревянное) здание Хабаровской женской гимназии, построенное по проекту архитектора С.А. Монковского в 1894 г., затейливой солярной символикой напоминало роскошный сказочный теремок. В 1899 г., когда гимназистки перешли в новое, теперь уже каменное здание, возведенное по проекту В.Г. Моро, деревянный корпус стали использовать под интернат на 50-60 учениц.
2. Крадин Н.П. Старый Хабаровск: портрет города в дереве и камне (1858-2008). Хабаровск: Ритоп, 2008. С. 229-252.

Ил. 1. Женская гимназия в Уссурийске

Ил. 2. Здание реального училища в Хабаровске

Ил. 3. Здание женской гимназии в Хабаровске

Ил. 3-а. Фрагмент сохранившегося фасада женской гимназии в Хабаровске

(учебного) корпуса соединен лестничной клеткой с Г-образным в плане зданием, вмещающим гимнастический и актовый залы, столовую и прочие помещения. Стены гимназии облицованы глазурованным кирпичом, первоначально желтым и красным, но принявшим со временем благородный кофейно-сливочный оттенок, чудесно гармонирующий с майоликовым фризом глубоководно-зеленого цвета. Лучковые окна сохранили текучие очертания переплетов, характерных для венского модерна. Благодаря своему высокому статусу, гимназия № 1 всегда содержалась в образцовом порядке и сохранилась практически аутентично первоначальному замыслу.

Недалеко от гимназии открылось очень похожее на нее по стилистике здание коммерческого училища (ныне – главный корпус ДВГТУ), что символически должно было указывать на связь этих заведений. Подразумевалось, что выпускники лучшей городской гимназии будут переходить для продолжения своего образования в Коммерческое училище, чтобы стать достойными негодьями. Отчасти

иноземный характер этой идеи подчеркивался готическими вимпергами, оштетнившимися по всему периметру здания и перекликающимися с пинаклями и шпилями готической кирхи, стоящей наискосок и построенной для немецкой диаспоры, контролирующей в те времена экономику и торговлю Приморья (ил. 4).

Следует сказать, что в провинции имела собственная версия модерна, правда, отличающаяся диковатой романтичностью. В 1910 году в Никольске-Уссурийском возведено здание шестиклассной мужской прогимназии, а в 1910–1912 годах – здание ремесленного училища (архитектор Д. Виноградов). Обе постройки имеют сложную объемно-пространственную композицию и удивляют избыточной для учебной функции театральностью. Так, например, входы в ремесленное училище решены в виде мощных порталов с лоджиями и монументальными пилонами, декорированными чуть ли не цепями для подъема крепостных мостов. Еще более экспрессивно выглядит мужская гимназия, построенная в Спасске-Дальнем в 1914–1916 годах. Квадратная башня лестничной клетки, возвышающаяся над двухэтажным объемом и зигзагообразно прорезанная полуциркульными проемами, резко выделяет здание из обывательской застройки. Потемневшая от времени и близости железнодорожного узла кирпичная кладка придает гимназии средневеково-крепостной характер. На влияние модерна в этом здании указывают сегментовидные и овальные очертания окон, а также необычное, экстравагантное очертание аттика (ил. 5).

В тяжелые для России годы школы часто использовались как лазареты и больницы, так происходило и на Дальнем Востоке. В настоящее время капитальные школьные здания дореволюционной постройки в большинстве случаев используются по своему прямому назначению.

Как было отмечено выше, сначала в молодых дальневосточных городах строились гимназии и училища, а

Ил. 4. Коммерческое училище во Владивостоке

Ил. 5. Мужская гимназия в Спасске-Дальнем

3. Наибольшее распространение получила школа на 400 мест по типовому проекту члена-корреспондента Академии архитектуры СССР А.П. Великанова и архитектора Н.М. Вавириковского (Советская архитектура. Выпуск I. М., 1951. С. 124-125).
4. Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 376 с.; Паперный В. Культура «Два». М., Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.

когда дети первых жителей Благовещенска и Хабаровска, Никольска-Уссурийского и Владивостока достаточно подросли, чтобы продолжать образование в высших учебных заведениях, грянула революция. Правда, на всем Дальнем Востоке в дореволюционный период имелось одно единственное заведение подобного ранга – Восточный институт. Дальневосточный политехнический институт был учрежден в 1918 году, но до 1935-го он ютился в случайных помещениях, пока не получил здание Восточного института, о котором следует сказать особо.

Указ об открытии во Владивостоке Восточного института был подписан императором Николаем II 26 июня 1899 года. В течение почти двух десятилетий Восточный институт считался не только первым, но и единственным высшим учебным заведением на всей территории Дальнего Востока (ближайший университет находился в Томске), выпускавшим всего по 20 человек в год. Восточный институт располагался в специальном здании из красного кирпича, которое в результате многочисленных поздних пристроек приобрело весьма романтический вид, усугубляемый каменными средневековыми львами смутно чжурчжэньского происхождения. Эти львы, больше похожие на драконов,

до сих пор фланкируют главный вход и являются своеобразным логотипом вуза, украшая его знамена и печати, что выглядит откровенной насмешкой над петербургской геральдической фауной. Впрочем, так же экзотично, на европейский взгляд, смотрится и местный краснокирпичный вариант классицизма, напоминающего баженовские флигели в Царицыно.

После Октябрьской революции и гражданской войны строительство учебных заведений на Дальнем Востоке осуществлялось исключительно по типовым проектам³. То же самое происходило и со строительством вузов практически во всех крупных дальневосточных городах.

Характерной чертой Владивостока является полное отсутствие провинциального комплекса. Этот город всегда жил в атмосфере не то чтобы фронды, но с памятью об эпохе порто-франко и ДВР. Такому состоянию собственной самодостаточности в немалой степени способствовала исключительно продвинутая студенческая молодежь. Невзирая на статус закрытого города, куда при советской власти можно было попасть только по специальному приглашению или пропуску, Владивосток воспринимался как студенческий город, чей культурный потенциал не уступает столичному. Его вузы высоко котировались. Считалось даже, что восточный факультет ДВГУ не хуже аналогичного ленинградского. Следует напомнить, что при советской власти вузов с университетским статусом было немного (ближайший от Владивостока находился в Новосибирском Академгородке).

С точки зрения В. Паперного и Д. Хмельницкого⁴, советская власть всегда проявляла склонность к повсеместному выстраиванию жестких иерархических пирамид. Этот тезис можно продолжить и на систему дальневосточного высшего образования, которая выглядела следующим образом: на вершине – Владивостокский университет (ДВГУ), на второй ступени – хабаровские вузы, еще ниже – политехнический в Комсомольске-на-Амуре и Амурский педагогический институт в Благовещенске. Ну и где-то внизу – политехникум Магадана и Уссурийский педагогический. Первенство Владивостока как культурного центра не подлежало сомнению. Однако с архитектурно-градостроительной точки зрения все обстояло далеко не так однозначно.

Во Владивостоке большинство вузов до сих пор расположено в случайных и малоподходящих зданиях, поэтому институты и факультеты постоянно переселяются в самые разнообразные строения – от крошечных особнячков до 12-этажных НИИ. Приезжая во Владивосток, никогда нельзя быть уверенным, что найдешь нужный факультет

Ил. 6. Здание Дальрыбвтуза во Владивостоке

на прежнем месте (это придает и без того нескучному городскому обиходу дополнительный драйв). Однако имеются в этом городе и приятные исключения. В частности, Дальрыбвтуз (позднее Дальневосточный институт советской торговли или ДВИСТ), занимает красивейшее здание города, построенное в 1937 году по проекту московского зодчего Юрия Шуко (будущего автора главного павильона ВДНХ, 1954 г.). Первоначально этот фееричный дворец предназначался для гостиницы, однако позже его передали под юрисдикцию Тихоокеанского флота, а с 1968 года и до настоящего времени он является главным учебным корпусом Торгового института (ил. 6).

В 1963 году училище искусства получило другой шедевр сталинского классицизма – чудесное здание, построенное в 1947 году (архитектор А.И. Порецков) для номенклатурной элиты. Объемно-пространственная композиция этой удивительно романтической постройки основывается на контрасте трехэтажного кубического объема, трехгранного эркера и полукруглой башни, выходящей всеми своими балкончиками и балюстрадами на акваторию бухты Золотой Рог. Увенчанная ротондой-бельведером, башня этого здания служит важнейшим градостроительным акцентом.

Легендарные мореходные учебные заведения Владивостока, училища им. адмирала Макарова и Невельского, расположены в непритязательных с архитектурной точки зрения сооружениях, зато курсанты проходят длительную практику на трехмачтовых шхунах, являющихся главным украшением города. Когда фрегат «Паллада», вернувшись из кругосветки, снова появляется на рейде, Владивосток приобретает решительное сходство с Зурбаганом.

Не лишним будет напомнить, что Владивосток в целом напоминает крымское Ласточкино гнездо, – он так же нависает над морем всеми своими башенками, эркерами и смотровыми палубами. А на самой верхней палубе Владивостока, почти что под облаками и у подножия телебашни, располагаются корпуса архитектурного института Дальневосточного государственного технического университета (позднесоветский модернизм со стеклянными галереями и глухой коробкой актового зала), а также прятный домик из сайдинга и черепицы – совсем новое здание для факультета дизайна.

Неизбежно возникает тема студенческих общежитий – их архитектура в большинстве случаев демонстративно подчеркивается непритязательностью обихода. Общежития совершенно необязательно локализованы рядом с учебными корпусами, скорее вовсе наоборот. Например, в общежития Восточного факультета и ДВГТУ, расположенные на самой высокой точке города, в течение многих лет студенты карабкаются по знаменитой «тропе Хо-Ши-Мина».

К сожалению, во Владивостоке нет четкой локализации (резервации) студенчества в отдельном городке. Вузы и общежития хаотично интегрированы в городскую структуру, пронизывая ее насквозь. При этом повсеместная диффузия студенческой субкультуры играет немаловажную роль в жизни городов. В частности, в Комсомольске-на-Амуре, Магадане, да и в Хабаровске до сих пор превалирует голкультура, задавая общие социокультурные параметры духовного измерения этих городов, а во Владивостоке интеллигентная молодежь чувствует себя хозяевами улиц. Здесь живописные компании студенческой молодежи часто сидят прямо на газонах и лужайках (зрелище, немислимое для чопорного Хабаровска), щебечут в кафе, бренчат на гитарах, просто бродят по улицам, украшая собой городской пейзаж.

В отличие от Владивостока, в Хабаровске практически все крупные вузы (ТОГУ, медицинский, педагогический, народного хозяйства, железнодорожного транспорта, институт культуры и проч.) расположены в специально возведенных зданиях. Здесь вузы и прилегающие к ним общежития образуют компактные студенческие городки, самый большой из которых – Северный, включает, помимо ТОГУ и Нархоза, еще два техникума, десяток общежитий, столовую, студенческую поликлинику и прочие здания, образуя самостоятельную и крупную градостроительную структуру.

Здание Хабаровского политеха, к сожалению, плохо запоминается и не получается на фотографиях. Нынешний ТОГУ столь огромен, что дать цельное представление об этой исполинской постройке, где в настоящее время обучаются более 20 тысяч студентов, могут только панорамные снимки, сделанные с вертолета. Эта гигантская постройка с периметром наружных стен более полукилометра, с несколькими внутренними дворами и огромным циклопическим порталом, не помещается даже в самый широкоугольный объектив. Несмотря на почти 20-метровую высоту, здание воспринимается как нижний цокольный ярус недостроенного сооружения. И действительно, первоначальный проект подразумевал башенное завершение, напоминающее силуэт МГУ. Любопытно, но фантомный призрак нереализованного великолепия до сих пор тревожит воображение местных студентов-архитекторов – регулярно, с интервалом в два-три года, появляются ностальгические дипломные проекты реконструкции ТОГУ, выполненные в лучших традициях Льва Руднева.

Среди других высших учебных заведений Хабаровска следует назвать маловразумительное с архитектурной точки зрения здание бывшего педагогического института, построенное на излете конструктивизма, но не дотянувшее до местной версии ар-деко, а также здание мединститута с циклопическим ордерным портиком, несущим сакраментальный треугольный фронтон. Первое здание было построено слишком рано, а второе слишком поздно, чтобы стать воплощением Большого стиля.

Безупречным образцом сталинского классицизма является, пожалуй, самый красивый вуз Хабаровска – Железнодорожная академия, блестящий пример дальневосточной дворцовой архитектуры. Колоссальный 6-колонный коринфский портик поддерживает мощный антаблемент, до сих пор сохранивший лепной герб Советского Союза; трехчастная структура главного фасада идеально соответствует канонической схеме, а уцелевшие фрагменты интерьеров (кессонированные потолки, многомаршевые лестницы, бронзовые светильники и люстры) подчеркивают ампирное великолепие этого здания (ил. 7, 8, 9). Боковые фасады, не уступающие главному, по периметру обрамляют квартал, создавая систему внутренних дворов.

Краткий экскурс в историю строительства учебных заведений Дальнего Востока наглядно демонстрирует, что учебная архитектура на всех этапах своего развития отражала сдержанный вариант официальных стилей: «русско-кирпичный» в Хабаровске, модерн – во Владивостоке, «рациональное» ар-деко в 1930-е годы, ампиризм в 1950-е, пилонный модернизм – на излете советской власти и т.д., вплоть до сайдинго-металлочерепичного корпуса факультета дизайна ДВГТУ во Владивостоке.

Ил. 7. Входной портик здания института инженеров железнодорожного транспорта в Хабаровске (ХабИИЖТ)

Из истории Читинской мужской гимназии

текст
В. Бардакова
Галина Мартынюк

Предложение предоставить материал по учебным зданиям вызвало смятение и некоторую растерянность. После подготовки Большой и Малой энциклопедий Забайкалья вновь оказалось, что и сейчас что-то осталось неосмысленным.

При простом арифметическом подсчете выяснилось, что на территории Читы 20 зданий, являющихся объектами культурного наследия, строились как учебные, еще 8 объектов культурного наследия, бывшие доходные дома, приспособлены под учебные цели, по 4 объектам такие работы проводятся в настоящее время. В этот перечень вошли здания дореволюционной постройки и сталинского периода. Достаточно широк типологический состав: школы, училища, гимназии, семинария, колледжи, техникумы, университеты. При этом училища реальное, ремесленное, епархиальное, приходское и духовное; церковь-школа и школа советского периода. Сегодня это учебные корпуса историко-филологического факультета, лицея ЗаБГПУ и Медакадемии, медицинского и лесотехнического колледжей, железнодорожного техникума, общеобразовательных школ. Многие здания связаны с историческими событиями. Бывшее здание духовного училища сегодня используется под лечебные цели военного госпиталя, а в годы Гражданской войны там размещался штаб красной армии. В годы Великой Отечественной войны во многих зданиях располагались эвакуационные госпитали.

Период возведения учебных зданий, являющихся объектами культурного наследия, включает более полувека: с конца XIX (1891 г.) и до второй половины XX в. (30-50-е гг. XX в.). Но самым старинным сохранившимся учебным зданием в Чите является объект культурного наследия «Мужская гимназия» 1891 года постройки, который входит в комплекс учебных зданий Медицинской академии. Все военные годы в помещениях гимназии был эвакуационный госпиталь. Говоря современным языком, история согласования, проектирования и строительства здания многолетняя и некоторые ее страницы можно проследить по архивным документам – пояснительным запискам, чертежам и планам.

Так, в 1871 году военный министр внес в Государственный Совет предложение о преобразовании Забайкальского казачьего войска и об учреждении в Чите гимназии. В 1874 году военный губернатор Педашенко в своем докладе генерал-губернатору Восточной Сибири об учреждении гимназии и необходимости ее постройки, говорил, что «гимназия удовлетворила бы потребности населения и способствовала бы устройству военной и

гражданской частей управления и сократила расходы казны на вызов и проезд чиновников из Европейской России». Комиссия, назначенная генерал-губернатором, пришла к заключению, что среднее учебное заведение должно быть устроено безотлагательно. «Таким заведением будет гимназия с двумя древними языками и пансионом. Расходы на содержание, а также на строительство должны быть отнесены за счет казны». Но в 1877 году из-за войны с Турцией и отсутствия средств вопрос об открытии гимназии был снят на три года. Новый военный губернатор Забайкальской области Ильяшевич довел вопрос об открытии гимназии до конца. Он обратился ко всем обществам Забайкалья пожертвовать на образование особого гимназического капитала. Первыми откликнулись агинские и хоринские буряты, а всего на постройку здания было собрано от частных пожертвований 90 000 руб., ассигновано 75 000 руб.

Место под строительство гимназии отводилось три раза. Первоначально здание планировалось возвести по ул. Чайковского (бывшая ул. Зейская), где позднее был выстроен комплекс зданий Архиерейского дома, а сейчас размещается правительство Забайкальского края и школа № 4.

Затем здание предполагалось построить напротив Архиерейского дома по ул. Ленина (Корейская – Аргунская – Софийская) с выходом на Новособорную площадь (сейчас это южная часть территории центральной площади Ленина). Архивные документы по проектированию здания относятся к 1876 году. «Проект каменного трехэтажного здания классической гимназии на 200 пансионеров и 150 принадлежащих учеников» включает фасады, разрезы, планы главного здания и дополнительных подсобных помещений. Основное здание предполагалось разместить в центре отведенного участка с отступом от линии застройки, главный фасад был обращен на площадь, подсобные здания (амбар, баня, дома директора и инспектора гимназии) располагались по ул. Лермонтова (Аргунская). Главное здание имело П-образный план с развитыми боковыми крыльями и тремя ризалитами на главном фасаде. На первом этаже размещались квартиры для холостых наставников и эконома, буфет. На втором этаже квартиры семейных наставников, физический кабинет, кабинет естественных наук, классы, в том числе приготовительный. На третьем этаже в центре располагалась большая зала, комнаты для вечерних занятий, квартиры и лазарет.

Оба участка не были утверждены к застройке, и позднее там были выстроены здания Архиерейского дома и главного храма Забайкалья – собор Александра Невского. Все эти строения утрачены в первой половине XX века.

И вот 14 мая 1885 года для гимназии было отведено третье и окончательное место, а в декабре того же года император утвердил мнение Государственного Совета о постройке здания. Новый участок располагался по ул. Бабушкина (Бульварная), имел длину 115 сажен, ширину 92 сажени, всего 10 580 кв. сажен, что по площади значительно больше предыдущих. На нем было увеличено место для гимназического двора, домов директора и инспектора, парка.

Сегодня здание мужской гимназии находится в средней части квартала между улицами Горького (Николаевская) и Ленинградской (Корейская) по ул. Бабушкина (Бульварная), 46, в окружении многоэтажных зданий. Но если мы посмотрим на старые архивные дореволюционные планы города, то градостроительное положение на время его строительства окажется несколько иным и более значимым.

Первый проектный план Читы 1862 года, северной границей которого являлась ул. Бабушкина, определил направление ул. Пушкина (первой именной улицы города,

сохранившей свое историческое наименование), а на месте нашего участка показан лес. При этом кварталы, ориентированные на ул. Пушкина, значительно меньше обычных читинских, что обусловлено руслом р. Кайдаловки.

Исследуемый квартал № 109 впервые показан на плане 1885 года как запланированный к застройке. Так вот, найдя на нем улицу Пушкина и мысленно поднявшись по ней, обнаруживаешь, что здание мужской гимназии было поставлено как раз в створе бывшей тогда улицы, что подтверждает более поздний план 1911 года. Здание гимназии размещалось в средней части квартала с отступом от линии застройки. Такое местоположение расширяло его обзор, позволяло формировать общественное пространство на фоне главного, самого значимого фасада и создавало глубокую визуальную перспективу. А крупное капитальное двухэтажное здание среди небольших одноэтажных деревянных жилых домов доминировало в окружающей застройке.

На первый взгляд, все изложенное кажется простым традиционным примером, имеющим множественные аналогии. Можно его считать классическим и относиться к нему именно таким образом. Но только до того момента, когда нужно будет анализировать по сегодняшней ситуации.

Сначала, во второй половине XX века, строительство здания госпиталя по ул. Чкалова перекрыло улицу Пушкина, а затем по флангам появились многоэтажные здания. Все это негативно сказалось на восприятии не только бывшего здания гимназии, но и Читинского областного краеведческого музея. Сегодня мы воспринимаем

его через окружающие четырехэтажные здания общежитий, возведенных во второй половине XX века, и только с ул. Бабушкина. Поэтому градообразующее значение, заложенное нашими предшественниками при проектировании, сегодня мы можем иллюстрировать только мысленно и представлять, как спешат вверх по ул. Пушкина гимназисты, еще издали видя главное учебное здание города. Такие градостроительные и планировочные утраты встречаются в городе нечасто, но они не менее важны, чем утраты самих объектов.

И вновь вернемся к архивным документам. Проект и смета под постройку гимназии был составлен в 1882 году иркутским губернским архитектором Штерн-Гвядовским, знакомым с местными условиями по прежней службе в Чите. Смета на постройку зданий мужской гимназии была утверждена генерал-губернатором Анучинским. Общая сумма составляла 165 814 руб., на главное здание 129 135 руб. 29 коп. В 1884 году смета была пересмотрена и по новым ценам составила 176 537 руб. 36 коп., в том числе главный корпус – 142 349 руб. 47 коп.

«Пояснительная записка к проекту на постройку здания для классической гимназии на 280 учеников и 40 пансионеров» 1888 года содержит описание построек. Так, «в спальнях пансионеров на каждого приходится по 2 куб. саж. воздуха, в классе на каждого ученика по 0,4 кв. саж. пола и 0,75 куб. саж. воздуха. В случае необходимости число учеников может быть увеличено до 380. Для проветривания в капитальных стенах необходимо оставить возле дымовых труб вентиляционные каналы». По проекту помещения располагались с одной стороны от

протяженного коридора. На первом этаже размещались классы, совет, канцелярия, приемная, швейцарская, библиотека, химическая лаборатория, физический кабинет, а на втором этаже в центре располагалась большая зала, классы, учительская и карцер.

Эти материалы говорят о том, что уже более века назад была необходимость в формировании не только содержания учебного курса, но и состава школьных помещений, расчете их гигиенических параметров, нормирования ориентации и пропорции классов, расположения окон и их площадей.

Ш-образный план имел более развитые боковые крылья, образующие внутренний двор. Фасад был весьма скромный. Прямоугольные оконные проемы обрамлялись наличниками, а в уровне второго этажа венчались профилированной полочкой. Над парадным входом был устроен балкон, ступени лестницы дополнялись пандусами. Ризалиты были отмечены профилированными лопатками и парапетными столбиками. Стены членились подоконными, межэтажными поясами. Высокая прямоугольная парапетная стенка с надписью «Читинская гимназия» завершала композицию здания.

Кроме главного здания, необходимо было построить и два отдельных дома для квартиры директора и инспектора, представляющие собой 6 комнат с кухней и передней по 50 кв. сажен. При квартирах имелись амбар с ледником, конюшня, сарай с сеновалом и отдельные огород и двор. На территории также были запланированы дом для служителей из комнаты с кладовой и сенями, баня и колодец, всего требовалось огородить забором площадь 4 500 кв. сажен. Общая стоимость работ составляла 165 814 руб. 20 коп., смета на которые была одобрена военным губернатором генерал-майором Хорошихиным 12 сентября 1888 года. Все, определенное проектом, было осуществлено, что хорошо иллюстрирует план краеведа В.Г. Лобанова, составленный по материалам ГАЧО по состоянию на 1922 год.

18 июня 1891 года состоялось освящение здания, которое произошло в присутствии цесаревича, будущего императора Николая II. Случай в городе единственный.

Окончательно прием гимназических зданий был произведен 27 июня 1891 года областным архитектором Дзехцевичем, городским головой Колешем в присутствии членов хозяйственного комитета гимназии. Архитектор Рузовский представил опись произведенных работ и удостоверил, что все работы произведены правильно, прочно и хорошо, но уже с 1 июля началось исправление недостатков.

Проектное объемно-планировочное решение практически полностью совпадает с современным планом, за исключением небольшого дворового пристроя, выполнен-

ного позднее. Дворовые фасада здания просты и функциональны. Боковые фасады, участвующие в восприятии главного, представляют ритмичный ряд прямоугольных и арочных оконных проемов, обрамленных в уровне первого этажа профилированными наличниками, в уровне второго этажа они оформлены архивольтом и завершены замковым элементом. Простенки заполнены рустованными лопатками. Широкая фризная полоса завершена профилированным карнизом.

На главном же фасаде использованы не только уже имеющиеся элементы, но введено множество других, позволяющих раскрыть архитектурный замысел здания. Плоскости многоплановые, элементы наслаиваются, переходят от одного к другому, постепенно выступая все более рельефно. Так, в оформлении боковых ризалитов участвуют мощные профилированные кронштейны, поддерживающие балкон с металлической решеткой. Трехчетвертные колонны с дорической капителью, в нижней части гладкие, а в верхней части каннелированные, размещены на рустованных лопатках. Широкая профилированная фризная полоса завершена треугольным фронтоном. Весь объем ризалита обозначен парапетной стенкой.

Но главным акцентом всей композиции является центральный ризалит, в котором, как и полагается, размещается парадный вход с вестибюлем. На флангах мы видим знакомый уже треугольный фронтон, но он здесь не такой рельефный и объемный, имеет подчиненное значение, и поддерживают его не колонны, а пилястры. Хотя они также в верхней части каннелированные, а в нижней гладкие. Средняя часть ризалита максимально выступает из плоскости фасада не только за счет рельефа стены, но и благодаря самым объемным элементам фасада – колоннам. Более высокие арочные оконные проемы объединены балконом с ажурной металлической решеткой. Может быть, именно здесь и стоял цесаревич в 1891 году, глядя на строящуюся Читку и неизменную Титовскую сопку, «край будущего». Так он назвал Забайкалье в своей телеграмме после возвращения в Санкт-Петербург.

Трехчетвертные колонны, в простенках в нижней части гладкие и каннелированные в верхней части, рельефно выступают из плоскости стены. Они поддерживают широкий фриз. И только здесь в оформлении используются триглифы и метопы. Завершает ризалит высокая парапетная стенка.

Таким образом, основной идеей композиции планов и объемных построений здания является осевая симметрия и приоритет главного фасада. Такое средство гармонизации обеспечивает ясность восприятия архитектурных объемов, а центральная часть, подчеркнутая ризалитом, становится его планировочным и смысловым ядром. Он обогащен пластически, здесь сгруппированы колонны и пилястры, сложнее форма окон и оформление фриза. Дополнительный эффект дает и цветное содержание фасадов с выделением главных декоративных элементов.

Богатый насыщенный архитектурный облик фасадов, профессиональное градостроительное решение, разновременные и даже уникальные страницы, связанные с историей здания, – все это ставит объект в ряд ценных зданий города.

Но, мысленно возвращаясь к проекту, понимаешь, насколько богаче, интереснее и эффектнее выглядят сохранившиеся фасады здания. Проектное предложение намечало основные принципиальные позиции, а дальше происходило практическое осуществление в сторону усложнения. Сейчас в проектировании и строительстве несколько иная практика: зачастую запроектированный фасад затем упрощается и все дальше отходит от индивидуального. И после размышлений о негативных моментах в градостроительном отношении, это воспринимаешь как некий подарок. Подарок, который сделали нам наши предки, причем совсем совсем бескорыстно. Может быть, они все-таки знали, что архитектура это не только польза и прочность, но еще и КРАСОТА...

Summary

Page 42
Zurbagan

Asadov's Studio and the Union of Moscow Architects built a new Town for the seventh time. The Town Festival was born in 2005 as a small open-air action for Moscow studios, now it has turned into a big international professional festival. Water Town, Snow Town, Child Town, Yar Town, Shaman-Town, Town-Fortress... have already been built. This time they planned to build a legendary Zurbagan – a town of happiness, a town of dreams, dreams about the sea, the wind and the sails...

The Festival took place on September 6-14, 2008, in Crimea, on Kiik-Atlama Cape, near Koktebel. Probably it is one of the most mysterious and romantic places on the coast of Crimea Peninsula.

The primary goal of the Festival was creation of the future town's image and atmosphere. Its possible functions were:

- contact with the sea,
- oasis of culture,
- sport oasis,
- place for relaxation...

More than 60 teams, 600 people in total, participated in the Festival, which could be called a record for such kind of festivals. The majority came from Moscow and St. Petersburg. There were also teams from Crimea, Krasnoyarsk, Irkutsk and even Vladivostok.

The primary concept idea of the Town was to connect the XXI century innovations and Crimea thousand-year traditions.

The team from Irkutsk created their concept idea by connecting two images, a lighthouse and a temple, united by common conception – the Light differently comprehended in view of different functions.

Aleksey Sergeev

Page 42

Vyacheslav Glazychev about education

This winter I am opening a magistracy. It will be based on on-site and off-site training, so that people could keep on working. My dream is simple – within several years to attract about twenty people from the regions, where municipal government or private developers would be able to pay for them.

I propose to organize a system with a permanent team, which moves from one school to another and gives intensive master classes. It should be a system of short-term on-the-job training on the sites, where candidates for a master's degree and trainees come to practice. Certainly it requires independent money. Our educational program will focus on practical problems, starting from valid criticism of particular design decisions.

Page 42
The Third Force

Let's mark out three principal forces existing in the society: money, power and knowledge. Each of them is capable of obtaining resources to exist. Money manages it at the expense of exchange and transition of resources. Power – at the expense of violence inevitable in any society (the level of violence in a kind and humane society does not exceed the necessary level). Knowledge increases resources while obtaining them from the environment, studying and using the laws of nature and the society. Each force has its own specific character, its own scope of development, and none of the forces can function successfully without the other two.

How is knowledge converted into money and power (and vice versa, money and power are converted into knowledge)? Any operation in a normal society has its own structures. The educational system converts knowledge into money and money into knowledge: a student pays money and gets knowledge (a professor gives knowledge and gets some money for it). A less widespread, but deeper system of scientific institutions is supposed to convert money into knowledge by creating technological innovation, which also means new knowledge.

Converting of knowledge into power may have a straight, harsh and visible course, like invention of new types of weapon. More sophisticated and latent forms of turning knowledge into an instrument of violence lie in development of public opinion processing techniques or in economic methods for extracting different taxes.

Thousands of centuries ago architecture generated basic types of buildings for converting social forces. Definitely, the house for power is a palace. It is the palace where business

and science try to barter for a bit of power. The house for money is a market, a stock, a shop. It is a place for selling (exchanging for money) both knowledge and power.

The house for knowledge is not defined so sharply. For almost the whole history of mankind knowledge was under control of the church. Sacred texts, rites and things were considered as bearers and sources of knowledge about the world, the human being and everything in general. Accordingly, the temple architecture was to make every building a bunch of knowledge. The most obvious way to reach it was rich decorations, paintings, sculptures and reliefs depicting contents of sacred texts.

In the middle of the second millennium A.D. in the Western Europe the church as a bearer of knowledge takes upon itself more and more functions, presumptuously getting into other's areas. The supreme authorities of Catholic religion acquire more money and power, the church becomes a banker, a trader and a prince. Temples bear a close similarity to palaces and markets.

Having captured other's social functions, the church inevitably fails to manage all the three. Knowledge as a social force fully breaks away from the church and passes into the hands of a new public group – professional scientists.

Science appeared in the church's interior in the X-XV centuries. At first it took over the attributes of its procreator. Gradually abbeys lost temple characteristics and got more in common with today's research institutes. However, the first independent institution of not abbey but scientific type was university.

University's self-sufficiency is expressed in architecture and even in town planning: the oldest university is usually an independent structure in the extent of a small town or a settlement. It includes educational and administrative buildings, a campus and service infrastructure. For eight centuries the oldest English universities have been successfully acting as "factories" producing knowledge.

Russian science and education experienced high rises and great achievements too. They also enjoyed democratic independence.

In 1930-60s the Soviet system of academic and branch research institutes together with state institutions of higher education (there were no other) effectively produced new knowledge both of theoretical and technological type, and successfully converted it into money and power.

Today the image of Russian society in respect to the "three forces" model looks rather chaotic. Politicians are engaged in business, business is occupied with politics. Academic degrees are on sale at a moderate price. Academic institutions struggle so hard to preserve their premises that practically have no time to think about science. In fact, the absurd system of state standards of higher education forbids lecturing everything except fifteen or twenty-year "news" (such period is needed to make and approve new standards).

However, there is something attractive in scientific work. Some sacred thrill or opportunity to touch mysteries of being make one practice science, not for show or sale, but rather pri-

vately, on one's own initiative. And still there are some temple- and palacelike buildings remained in the possession of Russian universities. The holy place will never be empty, will it?

Konstantin Lidin

Page 42

Development of School Architecture in the Historical Part and New Districts of Irkutsk

Irkutskgrazhdanproject design institute and its specialists have accumulated a 40-year experience in designing schools for Irkutsk, which embraces adoption of standard projects, working out of individual projects, reconstruction of old schools including pre-revolutionary ones.

In 1986 specialists of Irkutskgrazhdanproject produced a school design that was reused in new microdistricts. Those schools had a prototype of atrium: a one-and-a-half-light lobby flowing into open recreation spaces. A winter garden with an oblique combined roof, acting as a recreation near rooms and laboratories of natural sciences, was a novelty against the background of standard projects.

In the beginning of 1980s the architects of Irkutskgrazhdanproject initiated designing of small-capacity schools. Primarily such schools were used in small towns and settlements of the region. Later they proved to be suitable for narrow sites in the historical environment. Besides, in 1990s the educational policy was switched to small capacity.

The school in Znamensky suburb built in 1999 marked a new stage of school design. The architects used new principles of spatial organization, thermal effectiveness and new techniques.

The standard design of the old two-storey school on Pushkin Street built in 1930-s as well as the school in Znamensky suburb lacked seismic structure and had already served its time.

The two schools had to be demolished and were built anew, having some common basic principles:

1. The blocks are built around the central atrium space.
2. The basements are rationally utilized, the socle is made at the expense of relief formation.
3. The mansards are arranged in the volumes formerly planned as simple attics.

Active utilization of the last two techniques produces a great economical effect.

The area output grows in the same capacity and in the same constructions – the value of the square meter falls down.

4. There are short and convenient connections between sections with educational rooms and sections with rooms of general purpose, and inside a section.

In 2004-2005 Irkutskgrazhdanproject designed schools for 600 pupils in Grozny. Architects not only modernized the room combination, but also made the functional division into blocks more efficient. Such an advanced project could be used in the Irkutsk region as well, if the budget customer initiated the period of building educational objects of new generations.

Elena Grigoryeva

Бочаров Юрий Петрович – действительный член Российской академии архитектуры и строительных наук, доктор архитектуры, профессор

Волчок Юрий Павлович – профессор Московского архитектурного института

Герашенко Сергей Михайлович – кандидат архитектуры, профессор (Красноярск)

Горбунова Ирина Анатольевна – заведующая научно-исследовательским отделом архитектурно-этнографического музея «Тальцы»

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, член президиума Союза архитекторов России, директор ВостокСибАкадемЦентра РААСН, лауреат Государственной премии РФ

Жуковский Николай Леонидович – архитектор, лауреат Губернаторской премии (Иркутск)

Зыков Евгений Аркадьевич – архитектор (Красноярск)

Иванов Андрей Владимирович – градостроитель, магистр городского менеджмента и развития (Университет Эразма Роттердамского, Роттердам, Нидерланды), Москва

Иванова Алина Павловна – кандидат архитектуры, доцент кафедры дизайна Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск)

Коган Леонид Борисович – доктор архитектуры, сотрудник Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, советник Российской академии архитектуры и строительных наук (Москва)

Козак Александра Игоревна – архитектор, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России», сотрудник АПМ-5 ОАО «Иркутскгражданпроект»

Крадин Николай Петрович – доктор архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор Тихоокеанского государственного университета, дважды лауреат Губернаторской премии (Хабаровск)

Крылова Лариса Александровна – студентка архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета, сотрудник АПМ-5 ОАО «Иркутскгражданпроект»

Левинтов Александр Евгеньевич – кандидат географических наук, эксперт Академии народного хозяйства (АНХ) при Правительстве РФ

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного института путей сообщения

Литвинов Борис Трофимович – заместитель декана архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета, директор Международного Байкальского Зимнего градостроительного университета

Ляпин Андрей Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета, научный сотрудник Музея архитектуры при Иркутской региональной организации Союза архитекторов России

Мамонтова Маргарита Владимировна – ведущий инженер отдела генерального плана и территориальной деятельности ОАО «Иркутскгражданпроект»

Мартынюк Галина Петровна – сотрудник Комитета по культуре администрации Читинской области

Меерович Марк Григорьевич – кандидат архитектуры, доктор исторических наук, советник Российской академии архитектуры и строительных наук, профессор кафедры архитектурного проектирования Иркутского государственного технического университета

Ольшевич Артем Юрьевич – студент архитектурного факультета Иркутского государственного технического университета, член Клуба молодых архитекторов при Иркутской региональной организации «Союз архитекторов России»

Пономарева Наталия Сергеевна – заведующая архивом Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области

Потапова Анастасия Васильевна – магистрант факультета архитектуры и дизайна Иркутского государственного технического университета

Сергеев Алексей Сергеевич – архитектор, сотрудник АПМ-4 ОАО «Иркутскгражданпроект»

Смирнов Николай Владимирович – главный специалист отдела генерального плана и территориальной деятельности ОАО «Иркутскгражданпроект»

Снежко-Блоцкий Вадим Ярославович – главный архитектор проектов отдела генерального плана и территориальной деятельности ОАО «Иркутскгражданпроект»

Соколова Александра Викторовна – архитектор, ведущий инженер группы «Оранжевая» СИФиБР СО РАН, ассистент кафедры «Архитектура и градостроительство» Иркутского государственного технического университета

Теплякова Ирина Анатольевна – архитектор (Иркутск)

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск), член Союза журналистов России

Товмасьян Эдуард Ованесович – сотрудник Государственного центрального научно-исследовательского и проектного института по градостроительству России, заслуженный архитектор РФ, советник РААСН

Федчин Владимир Сергеевич – доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета

Финогенов Антон Владимирович – руководитель структурного подразделения МЦ-3 ФГУП Российского государственного научно-исследовательского проектного института урбанистики (Санкт-Петербург)

Чеботарева Татьяна Юрьевна – архитектор (Иркутск – Москва)

Чертилов Алексей Константинович – доцент кафедры истории архитектуры и основ проектирования Иркутского государственного технического университета, эксперт Федеральной службы Росохранкультуры

Шалахина Джамия Халиловна – главный инженер Российского государственного научно-исследовательского проектного института урбанистики (Санкт-Петербург)

Шкедова Наталья Леонидовна – архитектор (Москва)

Шолохов Андрей Викторович – архитектор, дизайнер (Иркутск)

Шумилов М.С. – советник Российской академии архитектуры и строительных наук, кандидат технических наук, профессор

Элоян Сергей Норикович – член Союза художников России (Иркутск)

ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ИРКУТСКГРАЖДАНПРОЕКТ

664025, г. Иркутск, ул. Степана Разина, 27, т.: (3952) 34-23-06, ф.: 20-23-15, e-mail: igr@irgp.ru

4 0 л е т с в а м и

Институт свою цель определяет в решении ряда задач:

- продвижении новых конструктивных и инженерных систем и решений
- оптимизации архитектурно-планировочных решений
- улучшении потребительских свойств проектной продукции
- принятии правил на конкурсное проведение проектирования для градостроительно значимых объектов
- культивировании понимания необходимости и первоочередности градостроительных решений

Основной стратегией института является рост и развитие:

- сферы и объема проектных услуг
- качества принимаемых проектных решений
- уровня автоматизации системы управления и создания проектной продукции
- информационной базы

Мы по-прежнему главной задачей ставим создание полноценной среды